НЁМАН

8/2014
АВГУСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звязда»

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

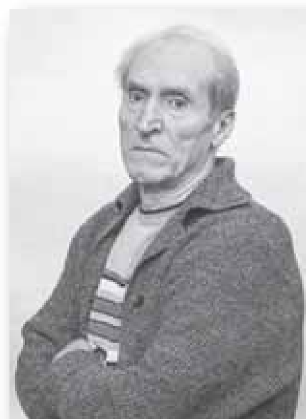
Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Таргонская*
Стильредактор *С. В. Казак*
Набор *Е. Г. Кахновская*

Подписано к печати 11.08.2014 г. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,84. Тираж 2721. Заказ 2299.
Цена номера в розницу 21 400 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/106 от 30.04.2004 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

ОЛЕГ ЖДАН

*Не погибнет со мной**

Роман

Глава десятая

Думаю, каждому человеку полезно пожить в провинции — такой, как наш Олонец. На капитанском мостике качка чувствуется не так сильно, как на носу и корме. Работать, действовать, понятно, лучше в столице, а вот оценивать достигнутое — здесь.

Очень много я размышлял о том, что произошло в России за последние десять лет.

Конечно, реформы закончились не только потому, что иссякла энергия государя. Мир не может меняться бесконечно, люди не в состоянии постоянно приспосабливаться к новым условиям. Они хотят посеянное вырастить и пожать плоды, а уж там, если потребуется, идти дальше. Государь тоже был несвободен. Чтобы продолжить реформы, нужно было согласие огромного механизма российской государственности. Но у любого отлаженного механизма сущность едина — хранить и охранять достигнутое, а, значит, самое себя, — желать новых перемен он не может, механизм зависим, но и влиятелен. Он бурно приветствует те перемены, что уже произошли, и глухо безмолвствует до поры в ответ на требования новых.

Какая все же неукоснительность таится в каждом царствовании. Молодой император, окруженный пугливой и ожидающей толпой в первые годы, среди нее же окажется много лет спустя. Те лица, что, наверно, казались ему невыносимыми, от которых решительно избавлялся, призывал иные, новые, — снова плотно и преданно окружили его.

Вначале царствования не было человека у власти более решительного, чем молодой император. Но и у царей молодость проходит быстро... Уже через десять лет возникла в лице печать того тайного страдания, что запечатлел дагерротип на вечные времена. Впрочем, не только обиду и разочарование обнаружила знаменитая фотография, но и волю, готовность на достигнутом твердо стоять. Русское общество еще любило его за прошлое, за реформы, которых ждали по меньшей мере пятьдесят лет, еще многие боготворили и преклонялись, однако уже выросло новое поколение, которому не было дела до его прошлых заслуг. И этому поколению император был враг.

Когда они едва не взорвали государев поезд, наша олонецкая публика пришла в особенное состояние. Сказать, что негодовали, мало — клокотали негодованием равным и по отношению к социалистам и к жалкому правительству, неспособному обеспечить государю покой, а России мирное развитие.

---

* Окончание. Начало №№ 3, 4, 7, 2014 г.

Уж так ясно прослеживалась та линия от странствий молодежи по деревням до нынешнего взрыва.

Как в базарный день весь город собрался там, где сливаются Олонка с Мегреги, намереваясь писать государю адрес, а правительству — протест. Казалось даже, рады, что случилось это покушение. Теперь всем понятно: время размышлений миновало, России требуется твердая и последовательная власть. Было единодушное желание действовать, споспешествовать, была вера, что самое страшное позади.

То — в ноябре. А в феврале, когда произошел этот ужасный взрыв в Зимнем Дворце, наступило всеобщее уныние. Уж не последние ли дни доживает наша великая держава? «Этот день навсегда останется памятным русскому народу по новому и ужаснейшему из покушений, которого он был свидетелем. На этот раз злоумышление выбрало для себя ареною собственное жилище Государя Императора, и по размерам и замыслу своему представляло нечто неслыханное...» — сообщали «Отечественные Записки» во второй книжке. «Уверовали в злодейство и искренно поклонились ему», — писал господин Достоевский.

Было ощущение, что огромный корабль наш потерял управление, потерянно болтается посреди бушующего океана, и публика бросается с борта на борт.

А что ж любимый наш капитан? Оказалось, вовсе не всемогущ и не столь уж самодержавен... Одни полюбили его за это больше прежнего, другие... Да, можно было услышать и такое: пора капитана менять.

Не стану говорить, что я не разделял общего настроения, еще как разделял. Хотелось уже покоя в России. Да и срок моей ссылки близился к концу, а тут добрейший исправник вдруг произвел у меня обыск и обязал ежедневно отмечаться в полицейском управлении... И потому так же, как большинство, я был вдохновлен, когда пришло известие о Верховной распорядительной с графом Лорис-Меликовым во главе. Все помнили штурм Карса под его командованием, борьбу с чумой в Поволжье, знали даже то, что не присвоил недорасходованные средства, а вернул в казну. Много ли у нас подобных людей?

И когда через восемь дней после назначения графа произошло покушение Млодецкого на его жизнь, никак не скажу, что был на стороне социалистов. Надо же дать и правительству передышку! Надо осмотреться, поразмышлять!.. Увидеть, что получилось из реформ последнего десятилетия и какие нужны еще. Конечно, правительство не должно опаздывать, но и торопиться нельзя!.. Ощущение было таково, что *они* закусили удила и не в состоянии остановиться. Душа моя не требовала милосердия, когда Млодецкого повесили на прославленном Семеновском плацу.

Скоро стало известно, что уволены от должностей шеф жандармов Дрентельн, министр народного образования Толстой, что отныне жандармы обязаны иметь среднее образование, что граф выступает против обысков и ссылок без достаточных оснований... А оказание помощи студентам в приискании квартир и заработков? А его, графа, личная благотворительность? 2 500 рублей пожертвовал для студентов Петербургского университета... Ну и самое главное: ликвидация III отделения, действительно ненавистного и презренного. Кроме того, шли слухи о пересмотре дел ссыльных...

Мало? А новые газеты — «Молва», «Страна», «Порядок»? А публикации известий из ссылок в «Русском курьере»?.. У нас, на Руси, и за меньшие послабления принято кланяться всем миром. Да и откуда, как не от просвещенного человека, ждать нам благотворных перемен? Не от дикого же народа? Не от социалистов?

Вот надежный и правильный путь. Долгий? Не более, чем революция. Революция много перевернет, но не много сделает. Перевернутый мир — тот же мир, только с изнанки. Нужно помогать прогрессивным деятелям, а они идут ему наперерез. Что, если столкнутся? Куда накренится и поплывет Россия?

Доходила к нам и некая неясная общественная ирония к Лорис-Меликову: «ближний боярин», «суб-император», «Михаил Первый»... Что ж, ирония есть и будет всегда.

Между прочим, не столь уж нелепая идея пришла мне — и, думаю, не только мне — в голову: если бы соединить две такие силы, энергии, как граф и *они*... Сесть за круглый согласительный стол, выяснить притязания и... Я в этом союзе тоже оказался бы кстати, как третья точка зрения, представитель большинства. Сколько людей можно вернуть России, сколько идей родилось бы в тройственном союзе, с какой завистью глядел бы на нас цивилизованный мир!

А в конце мая того года меня пригласил исправник и сообщил, что я свободен. Свободен!

Разве не естественно, что отныне и до смерти графа в далекой Венеции в 1888 году, отставленного и забытого, я был его малым и молчаливым, но верным союзником?

Покидая Олонец, я мечтал внести свою ничтожную лепту в дело, которому отдает силы граф.

И еще думал о том, что смогу спасти старого друга.

Разыскать Кибальчича в Петербурге оказалось не сложно. Я пришел в «Слово» и тотчас выяснил, что молодой человек, имеющий слабость к шелковым цилиндрам и трости, известен здесь под фамилией Самойлов. Несколько дней спустя, как в былые времена, мы сидели у Болдырева и весело глядели друг на друга.

Оба пришли к мнению, что выглядим неважно. Он — как уездный франт в окончательной отставке, я — как волостной писарь, сильно склонный к «очищенной». Не требовалось особой проницательности, чтобы понять: он причастен и к тому взрыву под Москвой, и к взрыву в Зимнем. Иное непонятно: как ему, сыну священника, эти две цифры — десять и тридцать три?.. Десять разорванных динамитом невинных солдат и тридцать три покалеченных.

Чего вообще хотят эти люди? Есть особенности в жизни всякой страны. У нас, в России, только государственная власть способна продвинуть общество. Мы — православные, и недооценивать этого нельзя. Вот если рухнет оно, православие, тогда иное дело, а пока лишь только добрая воля может принести успех и результат.

Зачем они гоняются за государем? Есть пределы у всякой власти и у каждого времени. Неужели не видят, что этот старый, задыхающийся от астмы человек уже все сделал, что мог? Не лучше ли подождать другого — не долго осталось?.. Смешно, наверно, малым сочувствовать великим. Но власть его, такая необъятная, вдруг оказалась неполной, а жизнь — такая значительная — рядовой жизнью, которой его могли лишить так же просто, как любого из нас.

Понятно, какие метаморфозы происходили с ними. Трудно только решиться, страшен лишь первый выстрел, а после покушения Каракозова и особенно Соловьева не страшно. И чем больше гонялись за ним, тем меньше значила его жизнь, тем меньше он человек и больше — предмет охоты. А поскольку такая охота сопряжена с тяжелым трудом и вечной опасностью, явилась и личная ненависть.

Мне было двенадцать, когда стрелял Каракозов. Отец мой, едва весть о покушении достигла Новгород-Северска, тотчас надел мундир и отправился

на Губернскую, будто могла быть объявлена мобилизационная готовность, мать плакала — с того дня и зародился в моей душе страх за жизнь государя. Известно: тиран переставший тиранить, неминуемо погибнет, но может погибнуть и либеральный государь, если запнется или свернет.

Позже все искали причины: в личностях, возбуждающем влиянии женщин, методах воспитания, общественном неустройстве, влиянии Европы. На мой взгляд, главная причина иная: пришло новое поколение и почувствовало, что их силы не будут востребованы. Что в сущем мире все предопределено — так и придется жить. Но то было первое поколение, возросшее в свободе, а первое всегда решительнее грядущих.

Была и мистическая: жажда абсолютного. Абсолютной свободы, равноправия, справедливости. На дрожжах идей и личной неудовлетворенности забродила реальность. Поскольку их, идей, было мало, а неудовлетворенности много, выбрали самую решительную. При помощи любой, даже одной-единственной идеи можно объяснить и построить мир. Годится для такой цели и Бог, и безбожие, и царь, и народ. Главное — вера.

Какое, однако, убедительное прикрытие — Россия, любая идея вписывается в эту страну. Именем ее все можно освятить.

— Однако, что будет, если девяносто миллионов российских подданных в самом деле придут в движение? — спросил я Кибальчича. — Кто остановит, если возлюбленный народ охватит жажда мщения?.. Серьезно ли это — стрелять генералов, охотиться на государя и таким образом рассчитывать на перемены? Что хотят посеять взрывами — страх? Но страх сеется среди обывателей, а не среди генералов. Ненависть растет к вам, социалистам, а не к правительству. Одного бессмысленного взрыва в Зимнем достаточно, чтобы народ проклял вас. Вы рубите сук, на котором сидите, — говорил я. — Россия еще никогда не была так свободна и нормоправна. Ваше движение стало возможным только благодаря реформам государя, вы его духовные дети.

— Н-незаконнорожденные, — вставил Кибальчич.

— Вы хотите перепрыгнуть эпоху, но можете разрушить и то, что достигнуто. Новое еще не укрепилось, не пустило корни. Еще слишком много людей, если и не желающих возврата, то и не желающих движения. Не государь, а они самая опасная для России сила.

— Разумеется, — согласился он. — Они тоже должны уйти со сцены.

А я — признаюсь, как на исповеди — подумал иное: для России благо, если уйдут со сцены *они*, и чем скорее, тем лучше. Хотят Россию подвинуть, а могут повернуть назад или, по меньшей мере, остановить.

— Вы уже несколько лет воюете с правительством. Если народ не поддержал вас до сих пор, значит, вы не нужны народу. Россия переживает иной, мирный период. Ваше движение — воронка в океане: в центре буря, а вокруг — штиль. Совсем не так начинаются великие движения... Вспомни историю: как ничтожно число удавшихся покушений и что принесли удавшиеся?

Я видел, что он давно принял решение, а такие люди не способны пересмотреть его, но и молчать не мог.

— Разве ничтожно? — тотчас возразил он. — А Гиппарх, Юлий Цезарь, Юлиан Медичи?.. Генрихи III и IV, Вильгельм Оранский... Герцоги Беррийский и Пармский... Продолжить?

Ирония в его голосе была незлая и необидная, но в том-то, быть может, и беда: не принимал мои слова к сердцу. Было у него — у всех них — скрытое, спрятанное от самих себя высокомерие: только они знают верный путь.

— А неудавшиеся? — сказал я. — На жизнь Гиппия, Лоренцо Медичи, Елисаветы английской, Людовика XV, Наполеона I и III, Франца-Иосифа,

Вильгельма I, Бисмарка, королевы Виктории, Гумберта, Альфонса... Впрочем, оставим Европу, вспомним Россию...

— Сдаюсь, — он рассмеялся.

— А результаты в случае удачи? Сколько лет управлял Гиппий Афинами после смерти Гиппарха? Кто пришел вместо Цезаря и что стало с республикой? Что принесла гибель Марата? Что изменила смерть Линкольна?

— Марат и Линкольн — неудачный пример. Еще дожить надо до их проблем. С Афинами и Римом — тоже неудачный.

Однако нахмурился, это меня и обрадовало.

— Вы преувеличиваете значение одного поступка, одного лица, одной минуты. Государственное здание возводилось — камень за камнем — веками и миллионами. Только время и миллионы могут изменить его... Ваши идеалы — придуманные, реальная жизнь отомстит вам, вы заплатите за иллюзии самую высокую цену. Но и не в этом дело... Революционеры, даже потерпев поражение, реализуют себя в истории, их идеи, хотя бы как отрицательный опыт, живут в мире, а ты не революционер. Ты ученый, ты можешь реализоваться только в науке, но имя твое погибнет вместе с тобой, никто не будет знать о тебе, будто и не жил на земле!

— Какой я ученый? — он усмехнулся. — Недоучившийся студент...

Мы замолчали. Посетителей у Болдырева было еще мало, лишь в другом конце зальчика некая мирная компания позванивала бокалами, постукивала ножами и вилками — как могли, наслаждались жизнью.

— Послушай, — вдруг вспомнил я, — как продвинулась та странная твоя идея? Ну — помнишь? Вроде «великого Лебедя...»

Он улыбнулся.

— Помню... — сказал с неохотой. — Вроде как стыдно сейчас заниматься ею, т-такое вот ощущение.

— Не понимаю. Стыдно заниматься наукой? Кто больше ученого может сделать для своего народа? Кому, в конце концов, люди благодарны больше — ученым или бунтовщикам?

— Ну... недостойно. Как недостойно желать женщину, если ее м-мучает голод и страх.

Тут я и понял, что свидание наше заканчивается. И что он не чувствует больше интереса ко мне. Это, понятно, трудно простить, душевная черствость всегда была присуща ему.

Адрес его я не спрашивал, знал, что не получу, и совсем не был уверен, что встретимся когда-либо еще. Таким людям не нужны ни старые, ни новые друзья. Идеи им довольно для счастья вполне.

Я убеждался в этом не раз. И через месяц — когда разыскал Марфу, чтобы тут же потерять ее, и через полгода, когда последний раз повидался с Кибальчичем, и через три года, когда провожал Марфу в Сибирь. Оба они кидались ко мне, будто только и ждали встречи, а уже через минуту отвратительное лягушачье разочарование выскакивало на лицо. Думаю, ни я, ни они в том не были повинны. Не в нашей человеческой ущербности причина. А в том, что поселяются порой среди людей идеи, которые обесчеловечивают их.

Логика любого движения проста: идею надобно употребить в дело. Молодежь жаждет результатов и не понимает, что нормальная жизнь идей иная: во взаимодействии. Нет настоящей правды ни в одной из них. Но нет правды и в натуральной жизни. Жизнь идей и жизнь натуральная должны развиваться рядом и бесконечно поправлять одна другую. Нет ничего страшнее оптимизма, что внушает мысль, а не натуральная жизнь.

Они призывали бунт. Но если бунт — ему, возлюбленному народу, достанется прежде всего. Их, носителей, погибнут тысячи, возлюбленного народа — миллионы. Сравнимо? Они видят день сегодняшний и — цель, а то, что в середине? Не там ли проявится истинная цена?

Вы скажете, не мне, малому, судить о великом. Но так ли ничтожны мы, не разумеющие их?

Ныне покушения на императоров и королей не редкость. Уже в последние годы Гедель, а затем Нобилинг покушались на Вильгельма I, Монкасси — на Альфонса XII, Пассананте — на короля Италии. Но то иное, нервное и всегда возбужденное сословие: жестянщик, повар, фабричный рабочий. Один Нобилинг — доктор. У нас все, как всегда, наоборот. У нас образованные, интеллигентные люди гоняются за государем...

* * *

Очных ставок было много, около двадцати. Несколько лиц оказались хорошо знакомы: Дарья Кононова, содержательница меблированных комнат по Невскому проспекту, в доме 124, коридорный слуга Егор Филипов и швейцар Василий Девятков; дворник дома II по Подольской Андрей Якимов, ну и, разумеется, Александра Иванова, последняя его квартирная хозяйка, с Федором Козловым.

Интересно было увидеть и перепуганного Алексея Петровича Доброславина, профессора, читавшего курс лекций по гигиене и издателя «Здоровья» — тотчас узнал Кибальчича и тут же патриотично заявил, что давно не имеет с ним никаких отношений.

И много, много иных лиц, хозяева, дворники, коридорные домов, где жили Перовская, Желябов, Рысаков, Тимофей Михайлов.

Неожиданно Дарья Кононова и Василий Девятков не захотели признать Кибальчича. Дарья была старая и одинокая, чрезвычайно набожная женщина. Она возлюбила его, когда Кибальчич неосторожно поддержал ее песнопение «Состарюсь я, покаюсь я», и с того дня терпеливо ждала, рвалась в комнату, чтобы снова попеть вдвоем.

«Нет, не знаю этого господина», — сказала она и рукой сотворила движение, понятное только Кибальчичу — перекрестила его. «К твоей иконе припадаю, тебе, угодниче, пою», — так же неясно для окружающих пробормотал Кибальчич.

Ну, а с Василием Девятковым Кибальчич иной раз говорил о его прошлой жизни — был швейцар когда-то сигналистом Санкт-Петербургского полицейского телеграфа.

По тому, как торопливо проводил Никольский очные ставки, чувствовалось, что не слишком большое значение придает им, что они — необходимая формальность в дознании и никак не могут повлиять на общий ход дела.

Но была одна ставка, которой Кибальчич не ожидал.

— Нет, не знаю и никогда не видел этого господина.

И так же уверенно ответил тот, что стоял перед ним с обычной своей печальной улыбкой, с выражением постоянного сожаления на простецком лице.

Никольский и Добржинский не поверили ни одному, ни другому, лишь усмехнулись, но, видно, имелось нечто более важное, если больше никаких вопросов не задали.

А человек этот был известный и близкий Кибальчичу, самый близкий из всех людей за последние два года, — Михаил Фроленко. Кибальчич догадывался, что он арестован: в семь пополудни условились встретиться и, конечно

же, полиция дождалась семи. Кибальчич должен был дать знать о своем аресте хотя бы одним из трех способов: открыть штору и форточку, поставить на подоконник графин. И все это он сделал, но внимательно следили за его непринужденными движениями полицейские и, наверно, все вернули на свое место, когда Кибальчича увели.

Он должен был сделать это, как только услышал топот сапог.

Еще одна вина добавилась ко многим иным.

Ну, а Таня Лебедева? Знает ли уже об аресте Фроленко?

Был ли еще у кого на земле медовый месяц такой, как у них? Они провели его в Кишиневе, в подкопе под казначейство. Любовь их началась в Одессе, когда она приехала к Фроленко на роль жены. В будке путевого сторожа было две каморки — спали в разных. Но однажды попросилась ночевать жена гниляковского плотника — возвращалась из Одессы, была на сносях, боялась, что не дойдет до Гнилякова. Во избежание разговоров о странном супружестве набросали на полати курай-колючку, легли рядом, друг к другу спиной. Чесалось тело от курая — боялись пошевелиться и он, и она.

Но только через год стали мужем и женой.

Ходить в гости друг к другу без дела не полагалось, однако и Фроленко, и Тане хотелось, чтоб все знали про их вдруг вспыхнувшую любовь, в свободные дни не могли усидеть дома. Так же вели себя и Колодкевич с Гесей, и Ширяев с Аней. Каждый понимал, что счастье — коротенькое, разом, со всех сторон души занимался огонь. Кибальчич и завидовал им и радовался, что его миновала эта чаша, переполненная тревогой.

Михайлов тотчас определял, у кого и с кем случилась такая беда. Терпеть не мог нарушений конспирации, а любовь, понятно, самое вызывающее и опасное нарушение, состояние, в котором человек не слишком отчетливо сознает мир и себя. Как только замечал, что двое предпочитают друг друга всем иным, тотчас назначал встречу в укромном месте и настырно читал долгую лекцию о поведении в столь характерных условиях. Как правило, лекция вызывала восторг и смех. Иной раз даже высылал из Петербурга — так было с Колодкевичем, с Ширяевым, так и с Фроленко и Таней. Но поскольку разъединить их казалось жестоким, обоих на медовый месяц сослал на подкоп казначейства в Кишинев.

Уберечь удавалось далеко не всех. Сразу после возвращения из Одессы был арестован Ширяев, обстоятельства выяснить не удалось, но Михайлов считал, что причиной тому — любовь.

Ныне, без Михайлова, некому было следить и увещевать, и Фроленко вполне мог прийти к Кибальчичу с Таней.

Нет, ничего не смог прочитать в его лице.

В двери Фроленко оглянулся. «Прощай», — сказали его глаза.

Не менее внимательно следили за Фроленко и Никольский с Добржинским.

— Итак, вы не знаете этого господина, арестованного на вашей квартире в тот же день, что и вы?

Значит, Фроленко приходил один, и Таня на свободе. Половина вины свалилась с души.

— Никак нет, — торжествуя, ответил он.

О себе Кибальчич не намерен был что-либо скрывать. Главное дело, задача, что навязчиво тлела в душе последние полтора года, правое или нет покажет будущее, выполнено, жизнь заканчивалась и, какой бы ни была, нужно попытаться достойно ее завершить. Их поведение теперь и здесь — тоже продолжение дела. Придут другие люди и отсчет начнут именно с этих часов и дней.

Из пяти или шести фамилий, под которыми жил Кибальчич, Никольскому твердо известны были две: Агатескулов и Ланской. Подсказывать иные Кибальчич, разумеется, не стал.

— Известен ли вам штабс-капитан Залипаев?

— Нет, не известен.

Под этим именем он жил осенью минувшего года с Христиной. Был болен: и два, и три раза на день трясла лихорадка, Христина — с виду салонная барышня, тонкая, ломкая, голубоглазая, с птичьим носиком — раз за разом носила дрова, топила печь так, что дышать нечем, укладывала в постель и поминутно подходила, касалась губами лба. Помощницей, однако, была неважной, только и могла что следить за спиртовкой. Тотчас после приступа вставал на ватных ногах.

Болезнь сблизила их, как сестру и брата, — потом, когда выкарабкался, по-прежнему поминутно поднималась на цыпочки, целовала в лоб.

Паспорт на имя кавказского штабс-капитана в отставке Залипаева считался надежным, Михайлов намеревался устроить здесь главную динамитную мастерскую, как вдруг явился казак с повесткой срочно явиться в штаб.

Новость была ошеломляющей. Идти или не идти? Жаль было удобную, теплую и надежную квартиру. Пошел.

«Николай, — сказала в дорогу Христина, — ты мало похож на кавказского штабс-капитана. Не открывай без крайней надобности уста». Теперь уже ее била лихорадка — от страха.

Кибальчич, подходя к штабу, тоже вооружился всей своей храбростью и независимостью.

— Здравствуйте! — сказал торжественно, будто не штабс-капитан в отставке, а боевой генерал. — Я — Залипаев!

— Здоров, ...й! — ответили ему.

Оказалось, штабс-капитан переехал на жительство в Петербург, а кроме того, состоял под судом, и должен был незамедлительно сообщить новый адрес.

Спасло то, что устроил из своего заикания представление. Штабной офицер, взяв адрес, рад был выпроводить его вон, подтвердив на прощание все, что он думает о нем.

Очень понравился рассказ Кибальчича и Михайлову, и Желябову. Но квартиру пришлось оставить и с Христиной проститься...

История эта не могла ныне усугубить его вину, но могла навести на след Христины.

— Я признаю себя принадлежащим к русской социально-революционной партии и в частности к обществу «Народной Воли», — сказал он. — Общество «Народной Воли» поставило себе целью достижение политического и экономического переворота, в результате которого в политическом отношении должно быть народоправство, а в экономическом — принадлежность земли и вообще главных орудий производства народу...

Решение Кибальчича говорить о главном застало Никольского и Добржинского врасплох. Одинаково опасливые выражения стыли в лицах: как бы не спугнуть, не потерять достигнутое, как бы даже укрепить Кибальчича в том, что откровенность — единственный путь. Однако чрезмерное внимание тоже опасно, и Добржинский нахмурился, принял вид вникающий и размышляющий, что так помог ему расположить несчастного, жаждавшего и спастись, и прославиться, Григория Гольденберга, а Никольский подвинул к себе лист бумаги, начертил квадрат, треугольник. Из квадрата продолжил куб, из треугольника — призму. Черчение простых геометрических фигур всегда успокаивало и сосредоточивало его.

Голос Кибальчича звучал спокойно, негромко.

— ...Я признаю, что сделал все части, как тех двух метательных снарядов, которые брошены под карету императора, так и тех, что впоследствии захвачены на Тележной улице. Изобретение устройства этих снарядов принадлежит мне, точно так же, как все части их: ударное приспособление для передачи огня запалу и взрывчатое вещество — гремучий студень — сделаны мной одним без участия каких-либо помощников...

Кибальчич замолчал, и Никольский тотчас прекратил чертить фигуры, лишь помахивал карандашом над листом в ожидании, а Добржинский напрягся, словно усилием воли хотел помочь Кибальчичу преодолеть мертвую паузу, укрепиться духом, найти потерянную мысль. Будь у него, Добржинского, время, иначе вел бы дознание. Он остался бы с Кибальчичем наедине и сказал ему о своем уважении, даже восхищении, о том, что понимает — без таких людей, как Кибальчич, «Народная Воля» осталась бы шайкой с кастетами и ножами, и лишь благодаря Кибальчичу, а не Желябову или Перовской, тем паче малограмотному Тимофею Михайлову или несчастному, никак не образумящемуся от ужаса содеянного, Рысакову, «Народная Воля» останется в памяти поколений, что рассказать достоверно, подробно — его человеческий и гражданский долг. И в самом деле, история жизни и смерти Кибальчича действительно может стать поучительной для новых поколений — та ее простая мораль, что ложная идея даже при выдающихся способностях ум превращает в безумие, доброту во зло.

Будь время у подполковника Никольского, он устроил бы очные ставки Кибальчича с Ширяевым, Александром Михайловым, Колодкевичем, Морозовым, Баранниковым — со всеми арестованными за последний год. Неправда, человек не камень, где-то круговая порука молчания лопнула бы, многое удалось бы узнать. Но времени на столь обстоятельное дознание не было, и потому единственное, что сейчас хотелось сделать Никольскому — крикнуть в лицо Кибальчичу: «Замолчи! Ты убийца, а не гений! Преступник, а никакой не гражданин!.. Таких, как ты, следует не казнить, а всю жизнь возить на эшафотных дрогах по городам и весям или содержать в зоологическом саду». Не было сил слушать его негромкий голос.

Времени у Никольского и Добржинского не было потому, что предполагалось предать Кибальчича суду Особого присутствия правительствующего Сената вместе с другими лицами, арестованными по делу 1 марта, а для того требовалось срочно закончить дознание и — главное — убедить Кибальчича отказаться от того семидневного срока, что положен ему для ознакомления с делом и для выбора защитника. И без того начало суда перенесено с 16 на 26 марта.

— Суть устройства состоит в том, что оловянный груз, надетый на стеклянную трубку, наполненную серной кислотой, в момент удара метательного снаряда о какую-либо поверхность, разбивает трубку вследствие силы инерции, серная кислота зажигает стопин особого приготовления — нитки, покрытые смесью бертолетовой соли, сахара и сернистой сурьмы...

Никольский перестал понимать, о чем говорит Кибальчич, перестал и следить — все это будет записано в протоколе, военные эксперты разберутся в том, как устроен снаряд и откуда Кибальчич почерпнул сведения.

За последние месяцы Никольский познакомился с разными типами социалистов. Можно было уже и сгруппировать их, разделить на три-четыре категории. Как в любом движении, был среди них тип руководителей идейных и практических, например, Желябов и Александр Михайлов, были исполнители — те же Рысаков и Тимофей Михайлов, были бунтовщики по мировоз-

зрению и бунтовщики по темпераменту, имелись и случайно примкнувшие к модному движению, Кибальчич оказался незнакомым типом. Он вовсе не был похож на заговорщика, скорее, на молодого гимназического учителя — так покойно, в ладу с душой казалось его правильное лицо, доброжелателен и внятен голос.

Заговорил о снарядах — и улыбнулся. Что это? Гордость изобретателя? Удовольствие мастерового славно сработанной вещью? Воспоминание о счастливом мгновении, когда идея снарядов пришла в ученую голову?

— ...Огонь по стопину передается к запалу с гремучей ртутью, гремучая ртуть взрывается, сообщает взрыв патрону, состоящему из смеси мучнистого пироксилина и нитроглицерина, а от патрона взрыв передается уже гремучему студню. Огонь по стопину передается моментально, и следовательно взрыв должен произойти в то мгновение, как только снаряд ударится о препятствие...

А улыбнулся Кибальчич той растерянности, что охватила всех: Желябова, Меркулова, Гриневицкого, Рысакова, Тимофея Михайлова, а больше всех его самого, когда на испытаниях в Парголово первый снаряд не взорвался. Он и тогда улыбался, стоя с растопыренными руками, — и от растерянности, и от того, что все лежали на земле, опасаясь ударной волны, когда давно пора было подниматься — жестяная банка жалко прозвякала по камням и затихла, и от того, что уже знал причину: слабо бросил снаряд, свинцовый груз не разбил трубку. Знал и выход: нужна вторая, поперечная трубка. Но в те минуты все глядели на него, как на шарлатана, мастера-пепку, и у побледневшего Желябова презрительно и не слышно шевелились жесткие губы.

— Что? — спросил Кибальчич. Вид у него, конечно, был жалкий.

— Поздравляю, — сказал Желябов. — Очень внушительно.

Все были обескуражены, и только Меркулов хохотал, катаясь по снегу на спине.

Снарядов привезли два, и второй бросал Тимофей Михайлов. Широкоплечий, огромного роста, он поплевал в ладони, крякнул и так швырнул снаряд, что, казалось, взорвалась бы и пустая керосиновая банка, служившая оболочкой. Взрыв получился жалкий. Кибальчич объяснил, что показывает и проверяет запалы, а не снаряды: вместо гремучего студня в жестянку во избежание ненужного грохота насыпан песок... Объяснение это никого не устроило. Очень мрачно возвращались домой. Особенно замкнувшимся казался Желябов.

Было еще одно испытание, накануне. Снаряды взорвались моментально, сильно, но Желябов об этом уже не узнал: 27 февраля был арестован.

* * *

Меркулов появился в Петербурге вместе с Верой Фигнер летом, когда Кибальчич занимался типографией на Подольской.

Они встретились у Желябова, и Меркулов, увидев Кибальчича, вскричал: «Тилихен!» Расхохотался, будто появление Кибальчича было невообразимо нелепым. «А я-то думал, хде храмотей? Убех или заарестовали?..»

Как и прежде, изображал темного мужичка, хотя таковым не был. Гукал, похмыкивал, шумно сморкался в угол.

— Што, наложил тохда, в Одессе, в штаны?.. Ладно, прощаем, поповская твоя душа.

Кибальчич опять почувствовал, что ему нечего противопоставить Меркулову.

— Т-ты, Василий, — начал он, — странный человек...

— Васька, — поправил Меркулов.

— Хорошо, — согласился Кибальчич. — Т-ты, Васька, странный человек. Ч-чем д-деликатнее с тобой, тем б-бесцеремоннее ты...

— А как же? Знаем вас, дармоедов.

Кибальчич беспомощно улыбнулся, развел руки.

— Вы что? — спросил Желябов.

Кибальчич начал бурно краснеть, а Меркулов ухмыльнулся:

— Эйшь, барин. В краску кинуло...

— Хватит, — оборвал Андрей.

Типография в Саперном переулке, где вышли первые три номера «Народной Воли», в январе была раскрыта и разгромлена. Только теперь, к лету, удалось привезти из Швейцарии новый печатный станок. О том, как устроить типографию, и шла речь у Желябова. Меркулов участия в обсуждении не принимал и лишь только кисло поглядывал на Кибальчича, дескать, что можно организовать и устроить с такими работниками?

«Ты привезла его?» — спросил Кибальчич Веру.

«Желябов востребовал».

Это было знакомо. Андрей питал слабость к рабочим и крестьянам, считал, что они решительнее и тверже духом.

Когда расходились, Меркулов увязался провожать Кибальчича. И опять же, странный вел разговор.

— Щас узнаем, хде живешь, тилихен. Боязно?

— Нисколько, — отвечал мирно, надеясь, все же выправить отношения.

— Брешешь, боязно, думаешь, что если — ахент?

— С агентами у нас разговор к-короткий.

Меркулов захохотал на весь ночной Петербург.

— Хотел бы я похлядеть на тебя с ножиком. Это не динамит под рельсы закладывать...

Между прочим, поинтересовался, сколько денег выдается ему на месяц. «До тридцати рублей, если требуется, — ответил Кибальчич. — Но желательно на пропитание добывать самим». Меркулов заметил, что в Одессе зарабатывал в день до полутора рублей.

Странно, что Желябов благоволил к нему.

После несостоявшегося покушения в Гнилякове они решили оправдать свое трехмесячное сидение. Например, избавить Одессу от Тотлебена и правителя его канцелярии Панютина. В конце концов кровь Чубарова, Давиденко, Виттенберга, Майданского, Логовенко, Дробязгина, Малинки, Лизогуба взывала к отмщению. Решили устроить подкоп по Итальянской улице — там, где Тотлебен проезжал утром и вечером, взорвать его динамитом, и все были согласны, кроме Кибальчича. Он заявил, что подкоп — слишком роскошно для генерал-губернатора, такой шанс следует сохранить до весны, когда император снова поедет в Ливадию.

Меркулов предложил стрелять в Тотлебена, выследив время его прогулок и служебных выездов, и опять возразил Кибальчич: надо повременить. Что даст для дела, для России, эта казнь? Вот тогда, на квартире Колодкевича, где обсуждали покушение, Меркулов и понюхал, скривившись, воздух: «Хто тут наложил в штаны?»

Никак не ожидал увидеть его в Петербурге.

Встречаться приходилось довольно часто. Был незаменим там, где требовалась физическая сила: два пуда шрифтов или ведерную бутыль кислоты проносил мимо дворников, как узелок с бельем или флакон с духами. Кроме

того, особенное выражение имелось в лице: какая, к черту, революция, и без нее хватает забот.

На сходках Меркулов вел себя тихо, понимая свою скромную роль, но если появлялся Кибальчич, тут же у него пробуждалось и чувство юмора, и страсть к общению. «А-а, тилихен! — радовался, потирал руки и даже садился, если была возможность, рядом. — Ну? — интересовался. — Как сегодня? Хотов?»

Полное недоумение вызывал у Кибальчича этот человек.

Веру Фигнер он, кажется, оставил в покое, чувства его так и остались неудовлетворенными, зато после того, как побывал в типографии на Подольской и увидел Лилочку...

Там, на Подольской, все было нехорошо.

* * *

О том, что хозяином типографии будет Агатескулов-Кибальчич, «Параска» — Прасковья Ивановская и «Лилочка» — Людмила Терентьева узнала от Михайлова, когда квартира была уже оборудована. Параска определялась женой Агатескулову, а Лилочка прислугой, бедной родственницей, приехавшей в Петербург в надежде хорошо выйти замуж.

Лилочке было девятнадцать. Глядя на нее, никому не могло прийти в голову, что эта розоволикая девочка с огромной косой прошлым летом принимала участие в подкопе под херсонское казначейство вместе с Россиковой и Юрковским, и она же, «горничная Сонька», увезла 10 000 рублей.

Параска была постарше, но тоже недалеко перешагнула за двадцать. Уверенная, спокойная женщина, удовлетворенная тем, как складывается жизнь, она вполне подходила на роль супруга аккерманского мещанина Агатескулова — Михайлов, как всегда, тщательно подбирал пары.

Однако знакомство получилось неудачное.

Они шли к Кибальчичу, как на смотрины, взволнованные, воодушевленные и по пути гадали, какой он, Агатескулов? Облик, что представлялся Лилочке, очень напоминал Желябова, с которым она была знакома еще в Одессе, в которого была безнадежна влюблена. В свободные часы Лилочка ходила по комнате, закинув руки за голову, рассказывала, как впервые увидела его и — слишком часто — повторяла одну и ту же фразу: «Я хотела бы умереть вместе с ним».

Кибальчич ей представлялся таким же решительным, волевым, сильным.

Собственная легенда имелась о Кибальчиче и у Ивановской. Михайлов предупредил, что Агатескулов иной, нежели многие, книжник, а не практик, и может показаться странным. Но может таковым и не показаться, если допустить, что не все люди похожи друг на друга, что его надо понять, а еще лучше поверить, и тогда он тоже поверит вам. Что хотя он и книжник и в тюрьме провел три года, многого не знает в этой жизни и, пожалуй, отчасти наивен, а минутами дурак дураком. Сдержан, но может взорваться, как гремучая ртуть при неосторожном обращении, умен, но не следует ждать от него умствования, смел, но не из тех, кто бравирует револьвером. И чем больше говорил Михайлов, тем туманее рисовался его портрет.

Естественно, после таких предуведомлений они шли к нему на первую встречу, высоко поднимая ноги. Помалкивали, нервно посмеивались, а на площадке перед дверью квартиры придирчиво оглядели друг друга.

Застали его за чаем. Позже не раз вспоминали ему тот чай.

Как должен вести себя молодой мужчина, наконец, какой-никакой, а супруг — брачное свидетельство было уже выписано в «небесной канце-

лярии» — при появлении женщины, можно сказать, супруги? Во-первых, встать, во-вторых, предложить чаю. Поделиться единственным бутербродом. Улыбнуться. Выдать завалящую шутку или, если чувства юмора не хватает, произнести несколько ободряющих слов. Все же женщины пришли к нему. Женщины!

Ничего этого Кибальчич не сделал — спасибо, не стал объясняться с хлебом во рту. Дожевал, проглотил и только тогда спросил:

— К-кто из вас Агатескулова?

— Я, — назвалась Параска.

— Ага. Значит, вы — Лилочка.

Очень удачное получилось умозаключение. Действительно, умник, мыслитель по преимуществу.

— П-паспорта и б-брачное свидетельство есть?

— Есть, — с готовностью ответила Параска.

— Покажите.

Принимал, как чиновник в городской управе. Внимательно разглядывал документы.

— Ну что ж, — произнес глубокомысленно. — Д-достойно. Печатанием когда-либо занимались?

— Нет... — топтались у порога, переминаясь с ноги на ногу.

— П-понятно, — посмотрел строго, как учитель законоведения на легкомысленных гимназисток. — Ч-чувствую, наработаем.

Еще несколько слов относительно переезда, устройства и говорить стало не о чем. Налил себе еще стакан чаю и залпом выпил.

— Так мы пойдем, господин Агатескулов? — Параска вооружилась всей оставшейся у нее иронией.

— Идите, — великодушно отпустил.

Потопали вниз по лестнице с горящими от стыда лицами, не глядя одна на другую.

И вдруг там, наверху, хлопнула дверь.

— П-послушайте! — раздался голос Кибальчича. — А чаю вы не желаете?

Эта фраза стала присловьем. Когда что-либо было поздно делать, спрашивали: «а чаю вы не желаете?»

Переехали на Подольскую на той же неделе. Квартира была из трех комнат, две просторные, но проходные, третья маленькая, но со своим входом — ее-то и забрал Кибальчич, чем вызвал новое возмущение, хотя — как же иначе?

Дело поначалу шло плохо. Первые уроки печатания дала Аня Якимова — занималась этим в типографии на Саперной. Но Аня, так же, как и Кибальчич, была занята в динамитной мастерской, — Параске и Лилочке пришлось разбираться самим.

Станок был прост — стальная рама с цинковым дном, на которой укреплялись рамки с набором, и не в том беда, что много времени уходило на набор верстатки, что трудно было разбирать почерки, особенно ужасный у главного писателя «Народной Воли» Тихомирова, даже не в том, что невыносимо медленно двигалось дело — 50—60 листов за час, а в том, что шли затеки краски, пустоты, слепые столбцы. И в том, что не к кому было обратиться за помощью: Кибальчич уходил рано и возвращался поздно, порой и вовсе не приходил ночевать. Кроме того, возвращался, как и все, кто занимался нитроглицерином, с головной болью, и женщины не решались обращаться к нему.

Но однажды утром он задержался, взглянул на готовые листы.

— Ч-что это за п-печать?

— Какой хозяин, такая и типография! — ответила Лилочка. К этому времени она уже терпеть не могла Кибальчича. «Кухонный гений» называла его. Параске тоже доставалось: «Агатескулиха», «соломенная вдова».

Кибальчич поглядел на нее с любопытством, будто только теперь и увидел.

— Что ж вы молчите?

— Это я молчу? Я вас кляну с утра до вечера! — Лилочка вспыхивала и бледнела, бросала толстую косу с плеча на плечо, что говорило о ее крайней решимости.

— Как вас просить прикажете? Вы же у нас барин! Боярин!..

Пришлось Кибальчичу задержаться. Через четверть часа получил чистый и ровный оттиск.

— Несчастная русская революция!.. — вполне добродушно проворчал знаменитую фразу Михайлова.

— Вот именно, — воскликнула Лилочка, — несчастная! Если вы, мужчины... если мы...

Слезы зазвенели в ее чистом голосе.

— Лилочка, — испуганно сказал Кибальчич.— Ради бога... Я в-вовсе... Простите.

Но Лилочка уже разрыдалась и кинулась в другую комнату. Пойди Кибальчич за ней, проведи ладонью по узким плечикам — все изменилось бы, устроилось, поняли бы и простили друг друга. Однако он слишком серьезно отнесся к ее девичьим слезам, почувствовал себя непоправимо виноватым и поплелся в свою комнатку. Снова стал замкнут и молчалив.

Впрочем, не без пользы для дела: отныне ежедневно проверял оттиски, вовремя поправлял станок.

1 июня весь тираж был отпечатан, и «Листок «Народной Воли» вышел в свет. Лилочка и Параска решили примириться с Кибальчичем — приготовили ужин, купили бутылку вина, пирожных, ждали его до двенадцати, но Кибальчич вовсе не пришел ночевать. «Эх ты, Агатескулиха, — вздыхала Лилочка. — Не любит тебя супруг». Кибальчич явился утром — желтый от бессонницы, красноглазый, с тем безумным выражением лица, которое у него бывало от головной боли, и сразу завалился спать.

Ужин состоялся, но — обычный, не праздничный.

— Вы любили женщин, Агатескулов? — спросила Лилочка за столом.

— Нет, конечно, — ответил он. — Любить женщин чрезвычайно хлопотно. Все женщины желают, чтобы за ними п-приударили, п-пыль пустили. А я этого не умею.

— Значит, вы не были счастливы.

— Разве любовь приносит счастье? Т-только разочарования.

— Что же тогда приносит?

— Не знаю... Разве — надежда? Во всяком случае не любовь. — И вдруг увидел, что Лилочка загрустила, опомнился. — Не печальтесь. Вы т-такая красивая. Вас будут любить. Все мы обречены на такие чувства.

С этим еще кое-как было можно смириться. И Лилочка взяла себя в руки.

— Агатескулов, вы старый, а ничего не понимаете. Счастье приносит только любовь! — воскликнула она.

Ночью в комнате Кибальчича раздался взрыв. Когда испуганные Параска и Лилочка зажгли свечу и в ночных рубашках вошли к нему, увидели ничуть не меньше испуганного Кибальчича — совершал руками странные движения, будто пробираясь сквозь заросли, — раздвигал дым.

Позже объяснил, что делал снаряд с замедленным действием, любопытства ради подключил к часовому механизму и... Слава богу, запал — не динамит.

До утра тряслись в ожидании полиции или дворника с квартирной хозяйкой.

С этой ночи с постоянной уже иронией относились к нему. «Агатескулов, — интересовались перед тем, как ложиться спать, — какие у вас планы на сегодняшнюю ночь?»

Кибальчич виновато улыбался — соглашался, что иронию заслужил. В эти дни и появился впервые в типографии Меркулов — за тиражом «Листка». А увидев Лилочку, повадился ходить едва ли не каждый день. Лилочка посмеивалась, но ухаживания принимала: понуждала его бегать в магазин, чистить картошку. Вел он себя послушно, скромно, но когда появлялся Кибальчич, приходил в непонятное возбуждение: «Хений! Хений пришел!»

В конце концов его посещения стали опасны. «Прошу тебя не ходить к нам без дела», — сказал Кибальчич. «Опять наложил?» — ответил Меркулов. «Т-твои п-посещения опасны для типографии». Меркулов показал огромный кукиш. «А этого не хотел?»

И Кибальчич потерял над собой власть: схватил его за ворот рубахи, попытался тащить к двери. Но что он мог сделать против Меркулова? Одним движением тот высвободился, прижал Кибальчича к стене. «Я тебя, тилихен...»

Что было делать? Жаловаться Михайлову? Смешно.

Впервые чувствовал, что яростно ненавидит человека.

Второй номер «Листка» был отпечатан к 20 августа. На этот раз праздничный ужин состоялся и удался. Пришли Михайлов, Желябов, Вера Фигнер. Вера и раньше появлялась здесь — приносила бумагу, краску, статьи в набор. И Кибальчич, если чувствовал, что придет, оживлялся, подстригал у зеркала бороду и усы, чистил свои позорно заношенные брюки.

Вернувшись в Петербург после одесских неудач, она казалась посуровевшей, замкнувшейся, будто все еще обдумывала и переживала происходившее там. Именно она предложила устроить новое покушение на императора на Итальянской улице, добыла тысячу рублей, сняла бакалейную лавку. На подмогу приехали Саблин и Перовская, начали подкоп. Златопольский, обычно подленивающийся, склонный к «рассеянному», развил кипучую деятельность: купил хороший земляной бур, трубу для удлинения. Саблин привез динамит, а батареи, спираль, цилиндры имелись свои, те, что готовил для Гнилякова Кибальчич.

Почва под Итальянской оказалась глинистая, с камнями, работать приходилось ночью, дело подвигалось с трудом. Некуда было ссыпать землю, пришлось в пакетах и сумках под видом покупок выносить из лавки.

Наконец, закончили подкоп, вызвали из Петербурга техника сделать запалы. Приехал Исаев с Якимовой — тут и случилось несчастье: один из запалов взорвался, Исаев лишился трех пальцев на левой руке.

Ко всему этому стало известно, что император выехал и через три дня будет в Одессе. Пришлось подкоп засыпать, полы закрыть, лавку продать.

Снова вернулись к мысли исполнить приговор хотя бы над Тотлебеном, но тут пришла весть, что его переводят из Одессы в Вильно...

Девять месяцев пропали, можно сказать, зря.

Только теперь, к августу, Вера ожила.

Пили чаи в комнатке Кибальчича, читали вслух из «Листка» статью Михайловского о Лорис-Меликове, а потом Вера сказала:

— Господа, не пора ли Агатескулова одеть приличнее?

Кибальчич пристыженно заулыбался, прикрывая дырявые колени драными рукавами, а вечный скупердяй Михайлов проворчал:

— Денег нет.

— Главный техник партии, а ходит, как российский бродяга. Позор.

— Да, — улыбнулся Желябов. — История нам этого не простит.

— На личные расходы деньги надо добывать самим, — опять проворчал Михайлов.

— Внешность члена партии — дело не личное.

В конце концов сломили Михайлова, достал кошелек, отслюнил тридцать рублей, пометил расход в записной книжке.

— Отдам в тройном размере, — пообещал Кибальчич. Если откровенно, давно мечтал о новых штанах.

— Как же, отдашь... добытчик.

Ирония относилась к недавнему предприятию Кибальчича по добыче денег. Узнав, что в Петербурге проездом в Европу остановился богатейший Черниговский помещик Ряхненко, он вызвался облегчить его кошелек тысяч на пять-шесть. Еще в те времена, когда Кибальчич учился в Чернигове, о Ряхненко шла молва, как о человеке широком, но с неожиданными поступками. То он учреждал стипендию для крестьянской молодежи, то отказывал в ней, то жертвовал на богадельню пять-десять тысяч, то судился с соседом из-за куска земли в пятьсот рублей. Ныне он объявил в газетах, что заплатит десять тысяч рублей тому, кто предложит правильное ведение фермерского хозяйства в России, и к одному из откликнувшихся авторов направлялся в Европу.

Наиболее удачливой добытчицей денег была Вера Фигнер — умна, красноречива, красива; хорош и Баранников — этому давали деньги из страха: мог ненароком показать кистень, вовремя скрипнуть зубами. Однако Кибальчич в жажде славы добытчика отправился в одиночку.

Ряхненко оказался крупным пятидесятилетним мужчиной, рыхлым, громогласным. По моде тридцатилетней давности из-под брюк его торчали кальсоны, обшитые розовым фуляром, да и вообще барин был «на всю губу». Нисколько не удивился явлению Кибальчича и просьбе конфиденциального разговора, а тотчас заказал в номер роскошный обед с вином и закусками, приказав лакею стоять за дверью и ждать новых распоряжений. Посмеиваясь чему-то неясному, подмигивая, он привычно запихнул салфетку за ворот расшитой малороссийской рубахи, плеснул в рюмки вина: «Воздадим должное желудку за долготерпение». Через минуту: «Возблагодарим за хорошее пищеварение». Позже благодарил глаза, что видят пищу, зубы, что жуют-пережевывают, нос — что не равнодушен к запахам и, наконец, разум, который повелевает.

Кибальчич впервые видел зрелище столь яростного насыщения и глядел на него, раскрыв рот. Казалось, желудок Ряхненко не насыщается, напротив, аппетит разыгрывается все сильнее, — вдруг вспоминал какое-то блюдо, которое едал здесь в прошлый или позапрошлый приезд, и тотчас гнал гонца в ресторан.

Однако, наконец, сдался.

— Выкладывайте, — приказал Кибальчичу.

Нелегко было перейти к тому, что привело сюда, пришлось мобилизовать все свои небогатые возможности по части общения и дипломатии.

Поначалу сообщил, что тоже родился на Черниговщине и потому давно знает о его богатстве, свободомыслии и благотворительной деятельности — можно сказать, о его заботах касательно будущего России. А, увидев удовольствие в лице Ряхненко, тут же и заявил, что молодежная организация, которая тоже озабочена будущим и, как всякая новая организация, не пользуется под-

държкой у правительства и находится в трудном материальном положении, просит его, Ряхненко, сочувствия.

Кибальчичу казалось, что говорит он убедительно, стройно, даже красиво, что Ряхненко кивает союзнически, согласительно, и уже предвкушал ту радость, с которой выложит завтра Михайлову десять, а то и двадцать тысяч, как вдруг увидел вполне презрительное выражение лица собеседника.

— Что ж это за организация, которая не может добыть денег? Какое будущее она готовит России, если сама голодная?

Собственно, можно было уже и прощаться. Но не так легко расстаться со сладкой надеждой. Кибальчич стал сбивчиво, заикаясь больше обычного, говорить о положении народа в России, о том, что никакие фермерские идеи не изменят его положения, приводить исторические примеры, намекать, что многие состоятельные лица тоже сознают необходимость иных перемен. Ряхненко слушал насмешливо и мрачно.

— Сколько ж вы хотите от меня?

Кибальчич от такого вопроса впал в панику: как бы не продешевить, но и не испугать.

— Десять тысяч, — испуганно сказал он.

— Только и всего? — удивился Ряхненко. — Ради этого рискуете? А что если я сейчас кликну городового? Не боитесь?

— Опасаюсь, — согласился Кибальчич. — Только ведь и вам жизнь так же дорога, как и мне.

Ряхненко захохотал.

— Десять тысяч!.. А десятку — на штаны — не хотите? Кто поверит вам, социалисту в драных штанах?

Впервые Кибальчич пожалел, что не носит с собой оружие. Нет, не стрелять, но хотя бы показать один из шести стволов.

Так что вопрос о новых штанах в самом деле стоял ребром.

Возвращаясь, плевался от ненависти к Ряхненко и презрения к самому себе. Заслуженно получил от Михайлова жестокий нагоняй.

Выбрали время, отправились с Параской и Лилочкой в гостиный двор. Купили брюки, ботинки, новенькое пальто. Тогда Параска и произнесла запомнившиеся слова: «Очень неплохо выглядит этот аккерманский мещанин!» Она и Лилочка глядели на него, вспотевшего от примерок, довольного, с интересом: не знали такой простецкой слабости за ним.

— Агатескулов, — спросила Параска, когда возвращались, и франтоватый Кибальчич далеко вперед себя бросал трость. — Почему вы так сурово встретили нас тогда, полгода назад?

— Так ведь это вы явились сурово.

— Я волновалась. Все же — первый брак.

— Мое положение еще серьезнее — в-второй.

Посмеялись. А в общем, настроение было прощальное. Михайлов сообщил, что типография ликвидируется: во-первых, слишком близко находилась полицейская часть, во-вторых, интерес Меркулова к Лилочке бросился в глаза всем...

Что касается пальто, все были в восхищении, кроме Михайлова. «Посмотрим, сколько будет его носить», — сказал он. Дело в том, что однажды Кибальчичу покупали пальто. Через неделю оказался в такой задрипанной чуйке — российский бродяга на последней версте из Петербурга в Астрахань. Выяснилось, что обменялся. Пристал как банный лист, некий человек с серьгой в ухе, обсмеял пальто, предложил за него чуйку, новенькую уздечку, компас и три рубля. Блестящая получилась сделка. У Михайлова всю зиму

портилось настроение, когда видел Кибальчича. «Лошадь купил? — спрашивал. — Мануфактур-советник. Коммерсант».

В октябре он получил две недели полной свободы. Или — относительной. Еще точнее, две недели для написания статьи в «Народную Волю». В последние месяцы снова усилились возражения к политической программе их общества. Ткачевцы в «Набате» по-прежнему мечтали о захвате власти, чтобы сверху провести в жизнь народа социалистические принципы, настаивали, что политические формы произведут какие угодно экономические перемены; «чернопередельцы» — напротив, считали бесполезным и даже вредным тратить силы на политическую борьбу. Нужно было ответить им, доказать ту простую мысль, что ни экономический переворот невозможен без политических изменений, ни свободные политические учреждения не установятся без подготовки в экономической сфере.

Разногласия имелись не только с чернопередельцами, ткачевцами и лавристами — были и среди своих. К примеру, Тихомиров и Морозов особую нежность питали к Дюрингу с его теорией насилия. Впрочем, такие идеи можно почерпнуть и у старика Бланки, у Луи Блана. Но Бланки провел тридцать лет в тюрьме, его душит ненависть, а Тихомиров с Морозовым? Они должны понимать, что ошибается не только тот, кто отводит политическому фактору ничтожную роль, но и тот, кто — слишком большую.

Многие считают, что изменение экономических отношений может произойти лишь в результате борьбы в экономической сфере, и это, разумеется, заблуждение. Тот же Маркс, именем которого клянутся любые «экономисты», писал о Парижской Коммуне как о рычаге, который должен послужить разрушению экономических основ.

Об исторических комбинациях, когда овладев течением событий, можно совершить экономический переворот, писал и Петр Лавров. Легко назвать и иные авторитеты, которые считали, что именно в политическом праве прорастает зерно экономических изменений, — и Лассаль не отвергал таких воззрений, и Прудон, и покойный Джон Стюарт Милль при всей эклектике его построений.

В том-то и сложность момента, что обе задачи должны быть решены одновременно. И партия, возглавив движение, должна тут же преградить путь к голому разрушению.

В статье следовало сказать и о юной российской буржуазии, о том, как миллионы рублей изымаются правительством у народа в пользу будущей своей возлюбленной; и о молодом, но уже никому не нужном и презираемом пролетариате, — явлении «постыдном для такой земли, как Россия», по выражению Успенского.

«У русского гербового орла две головы, два жадных клюва, связанных единством ненасытного желудка, — писал месье Гроньяр, то-есть Михайловский. — Бейте же по обеим головам хищной птицы!»

Но желудок и есть «сфера экономики».

Российское государство — пример громадного *отрицательного* значения системы. С этим согласны все, даже далекие от борьбы люди. Оно подавляет *все* сословия, проводит над подданными любые эксперименты, жестоко расправляется со всяким сопротивлением. Неимоверная эта централизация и погубит его. Когда гигантская пирамида станет рушиться, осыпаться, ее не поддержит никто.

Однако, если вспомнить историю, видно, что российский народ ни разу не взбунтовался просто от того, что ему плохо, голодно и бесправно. Ему

нужен почин, подходящий *миф*, нужна надежная и явная *сила*. Во времена Пугачева, например, такою силой явилась община раскола, миф был самый традиционный — о Третьем Петре, а почин дало вооруженное казачество. Нынешний голод в Поволжье вполне может вызвать взрыв, если будет вовремя брошена искра. Недаром Желябов, обуянный необходимостью мести, сам предлагал отказаться от покушения на Александра и попытаться разжечь огонь.

Мифы рождаются не на пустом месте, в них — символ веры. Есть миф и ныне — слухи о переделе земли. Партия даст почин и лозунг.

Удары должны быть нанесены прежде всего в столице и больших городах.

Удача станет сигналом к восстанию миллионов.

Такую статью и писал Кибальчич в третий номер «Народной Воли».

А еще нужно было за отпущенные ему две недели подкрепить свое материальное благополучие, зашибить рублей тридцать-сорок — писал рецензии для «Слова» одну за другой, отвлекаясь лишь когда входила хозяйка с чаем и тарелочкой крендельков в надежде спеть на два голоса какую-либо божественную песню, поговорить о душевном и святом.

Интересные слухи меж тем гуляли по городу, например, что силы правительства иссякли, Лорис-Меликов готовит конституцию — нечто вроде собрания нотаблей Людовика XVI или даже Генеральных штатов, — и не так уж много в правительстве возражающих против нее... Иной раз — особенно за чаем с Дарьей — приходило ощущение благополучия и покоя. Являлась сладкая мысль, что все уже позади.

Впрочем, о том, каковы намерения правительства, скажет процесс, что готовился в Петербурге. Шестнадцать товарищей, арестованные за последний год, должны были предстать перед военно-окружным судом.

Суд начался в конце октября, а 31-го объявил приговор: Квятковскому, Преснякову, Ширяеву, Тихонову и Окладскому — смертная казнь.

Даже Лорис-Меликов и командующий войсками округа генерал-адъютант Константа считали, что приговор должен быть смягчен.

Утром, 4 ноября, на Иоановском равелине Петропавловской крепости были повешены Квятковский и Пресняков. Ширяеву, Тихонову и Окладскому император из Ливадии телеграфировал помилование, то-есть, вечную каторгу.

«Честь партии требует, чтобы *он* был убит», — сказал в тот день Желябов. И все согласились — да, должен, немедленно или как можно скорее. «Смерть тиранам» — такую прокламацию Лилочка и Параска отпечатали за один день.

Тогда же, как только император вернулся из Ливадии, начали следить за его выездами, и Михайлов отыскал дом на Малой Садовой, откуда удобно произвести подкоп — по воскресеньям император ездил по Малой Садовой на смотры гвардии в Михайловский манеж. Чувство было единодушное: теперь или никогда и — любой ценой.

И еще был удар в том году, и пришелся он если не в сердце, то в солнечное сплетение, в нервный, охраняющий и организующий центр: в конце ноября был арестован Александр Михайлов.

Не только в том дело, что учились вместе в гимназии, что отрадно было вспомнить вместе прежних друзей — Сергея Томашевского, Сашу Альбрехта, Говоруна, Драгневича, Неймандта, или учителей — Фрезе, Хандожинского, Францена, вспомнить, как выглядит Десна весной и Заручей осенью, как разно звонят колокола в Никольской и Спасо-Преображенском. Но и не в том, что ругмя ругал, пилил и немолчно лаял каждого за неосторожность, лихость;

не в том и, что скупой к партийным деньгам, почти скаредный, угадывал, когда у тебя нет пятака в кармане на борщ и кашу; что смел, строен, крепок и не придавал этому никакого значения... А в том, что было в его душе такое, чего не было у других, что вообще редко случается так щедро и проникающе — в молчаливом сочувствии ко всем своим изруганным, всенародно проклятым и отлученным товарищам, в любви и благодарности к ним за то, что ничем не обладают, кроме жизней, и это единственное обладание, богатство равное богатству всего человечества, так просто готовы пожертвовать ради России.

Непостижима была глупость ареста. Он, требовавший осмотрительности, наблюдательности, знавший все дворы и вонючие подворья, узнававший филеров по ушам, попался как студент-первокурсник. Идея-фикс была тому причиной: сохранить для потомков историю партии, биографию и портрет каждого, кто отдал жизнь — понес фотокарточки Квятковского и Преснякова к Таубе, чтобы размножить. В первую же минуту почувствовал особенное внимание знаменитого фотографа, хорошо понял, что оно означает, но — изменил собственному, внушаемому всем правилу: не рисковать без крайней надобности, пошел за заказом несколько дней спустя. Вопреки здравому смыслу, запрету товарищей, преподав своим арестом последний урок. «Надо совершать и рискованные поступки, чтоб побеждать робость в душе».

Накануне ареста пришел к Кибальчичу в неурочное время, поздно вечером, принес бутылку вина. «Ого, — удивился Кибальчич, — что это означает?» — «Давай выпьем, — ответил. — Что-то меня припекло». Однако, пригубив, тут же забыл про стакан с вином, тяжко завис над столом. «Давно не был на родине?» — «Давно, — ответил Кибальчич, приглядываясь к его состоянию. — С семьдесят восьмого». — «А я летом. Лучше не ездить».

Его родители, братья и сестры жили теперь в Путивле, и летом, будучи в Киеве по делам партам, он дал о себе знать. Встретились в условленном месте, укатили на семейном экипаже в степь. Несколько часов провели вместе. Братья глядели на него с восторгом, но ничего, кроме печали, не было в глазах матери и отца. Простились, как навсегда.

Так же неожиданно поднялся, не допив вино, как пришел, и уже в двери, надев пальто и картуз, вдруг спросил: «Можно я останусь у тебя? Что-то мне совсем нехорошо». Впрочем, утром снова оказался привычно озабочен и даже весел. «Мысль сотворить Землю пришла Богу утром, — пояснил. — Терпеть не могу вечер и ночь».

Примириться с его арестом, казалось, нельзя.

И кто теперь произнесет в трудный момент его вторую знаменитую фразу: «Господа, вы что? Победа неотвратима!»

Глава одиннадцатая

Конечно, снаряды можно было сделать раньше, но, во-первых, в собранном виде их нельзя хранить — гремучая ртуть и студень не стойкие вещества, во-вторых, главная идея покушения — взрыв из подкопа, и нужно было заниматься динамитом. В то время исчезла из продажи азотная кислота, а на заводе Варгунина мужичок с черными корешками зубов, что выносил кислоту до сих пор, попросил ждать и исчез. Через минуту он запыханно пронесся совсем в другой стороне. Проверять подозрение не было надобности, Кибальчич задворками покинул завод.

Пришлось кислоту добывать самим. Процесс не сложный, но занимал много времени. В стеклянную реторту насыпали измельченную калиевую селитру и заливали равным количеством серной кислоты. Горлышко реторты вставлялось в колбу, колба — в таз со снегом и водой. Подогревали реторту спиртовой лампой — тоскливо, по каплям собиралась азотная кислота.

Для подкопа сняли помещение в доме графа Менгдена, устроили в нем лавку сыров с Богдановичем и Якимовой — «супругами Кобозевыми» — в качестве хозяев-купцов. Оба они — и бородатый, краснорожий Богданович с обручальным перстнем, надетым по старинке на указательный палец, и Аня с вятским говорком вполне подходили на такие роли.

Постановили без дела в лавку не шляться, но Кибальчич все же побывал там дважды. Первый — когда начались работы, поглядеть на Богдановича и Якимову, второй — когда подкоп был закончен и решалось, какой силы должен быть взрыв, чтобы не пострадали дома и люди на тротуарах.

Не только он ослушался приказа. Когда заглянул впервые, увидел Веру Фигнер — решала, какого сыра купить. В коротком пальто из двойного кашемира, фетровой шляпке не по поре.

— Мадам, — обратился Кибальчич, поскольку в лавке, кроме них, никого не оказалось, — я вам не советую п-пользоваться этой лавкой. Здесь обычный п-провонявший сыр выдают за рокфор.

— Не суйтесь в чужие дела, месье, — получил ответ.

Богданович с восхищением ударил ладонью по своей удивительной медной бороде.

— Ах, сударыня, как я завидую умным и образованным людям. Умный человек всегда знает, что кому сказать.

От двойной атаки Кибальчич смутился, наступил на хвост коту Ваське, и «Кобозев» тотчас с укоризной обратился в пространство:

— Образованный человек никогда не обидит божью тварь.

Работа в подкопе шла днем и ночью и продвигалась довольно быстро, хотя условия были трудные: фундамент оказался глубоким, пришлось не подкапывать, как рассчитывали, а пробиваться через него, размягчая кирпич серной кислотой. Землю девать было некуда — складывали в пустые бадьи из-под сыров, в ящик дивана, в угол задней комнаты, забрасывая углем.

В конце января уперлись в водосточную трубу. Пришлось подкапываться, и в результате галерея оказалась глубже, чем ожидали. Тогда и пригласили Кибальчича: какой должна быть мина в этих условиях? Примерно, два с половиной пуда, — ответил. Воронка, учитывая глубину и землю, образуется в две с половиной сажени диаметром, и люди на тротуарах не должны пострадать.

Встал и новый вопрос: как застраховаться от неудачи? Что, если император изменит маршрут? Что, если подкоп будет раскрыт? Если не сработает заряд?

Это покушение должно быть последним. Силы таяли: в январе были арестованы Баранников, Фриденсон, Колодкевич, Клеточников, Златопольский, Тетерка...

Сама собой возникла идея метательных снарядов. Она давно витала в воздухе, и дело было не в трудностях исполнения, а в том, что кто-то будет послан на верную смерть. Но, видимо, и это время пришло.

Желябов заявил — если не сработает ни то, ни другое, он сам, кинжалом довершит дело. Успеха нужно добиться любой ценой. И когда этот тройной план был принят, вздохнул с облегчением. «Теперь мы, кажется, с ним покончим», — сказал он.

Как делать снаряды Кибальчичу было ясно. Оболочкой могут послужить банки из-под керосина, система — сообщающиеся сосуды. Серная кислота,

бертолетова соль, сахар, сернистая сурьма, гремучекислая ртуть. Пироксилин, пропитанный нитроглицерином, гремучий студень с камфарой. Такой состав даст взрыв в шесть раз сильнее пороха. Задача лишь в том, чтобы обеспечить мгновенное воспламенение.

Исаев и Суханов помогали ему. Исаев — торопливый, нервный, оттого, видно, и потерял пальцы, прочищая трубку с гремучей ртутью. Суханов — напротив, сдержанный, молчаливый. Высокий, светловолосый, голубоглазый, он оставлял впечатление ясности и душевной простоты. Раз мир несправедлив, надо изменить его. Раз есть партия, готовая на борьбу, надо вступить в нее. Если необходимы жертвы на этом пути — вот вам моя жизнь. Даже в непомерно длинном своем цивильном пальто и поярковой шляпе выглядел вышколенным кадровым офицером.

Он закончил Морское училище и уже поработал во флоте, в Сибирской флотилии, нес хозяйственную часть на паровой шхуне, курсировавшей в Японском море. Очень скоро понял, что командиры судов, пользуясь разницей между справочными и действительными ценами на уголь, солидный куш кладут в свой карман. Офицеры — воры? Разве можно такое понять и смириться?

Имел свой интерес и консул, подписывавший фальшивые счета.

Поймал однажды своего командира с поличным. И что же? Акт консул составил такой, что нельзя узнать, кто же крал уголь — Суханов или командир. Вернулся в Петербург, поступил в минные классы. А в минувшем году был назначен заведовать электрической выставкой в Петербурге — тут и познакомился с Андреем Желябовым. Целую группу офицеров увлек с собой. Полезен оказался и Кибальчичу: хорошо разбирался во взрывчатых веществах, а главное, раздобыл брошюру о выделке игольчатых запалов, изъятую позже при аресте.

«Откуда у вас эта брошюра?» — будто мимоходом поинтересовался Никольский. Дескать, не столь уж важно, можете не говорить, но лучше сказать. Кибальчич такой вопрос ожидал и покачал головой. «Сказать не желаю». И Никольский кивнул, как если бы получил исчерпывающий ответ.

У Желябова в последние месяцы выработался некий черный юмор. То он подробно рассказывал о способах и разрядах бальзамирования, вычитанные когда-то у Геродота, то о методах казни в Испании, Китае, Америке. «Какая славная шея, — сказал однажды, глядя на Суханова. — Находка для палача». И даже потрогал холодными с мороза пальцами, словно проверяя податливость и упругость.

Суханов побледнел, не нашелся и серьезно ответил: «Я офицер, мне повешенье не грозит». — «Напрасно радуешься. Самая легкая смерть».

Когда стало известно, что Желябов арестован, Суханов пришел в сильное волнение, сосредоточенно мерил комнату длинными шагами, будто пришел тоже и его час. Геся Гельфман, на квартире которой собрались, приготовила к обеду щуку по-мозырски — странно выглядела она на огромном блюде, никто не прикоснулся к еде. «Попейте чаю», — сказала Геся, и голос ее прозвучал неуместно, никчемно. Крошечного роста, хорошенькая, веселая, родившаяся с серебряной ложкой во рту, она разом потухла после ареста Колодкевича. Никогда не скрывала своей любви, а теперь не скрывала горя.

Геся родилась в Белоруссии, в Мозыре, но ничего не унаследовала от духа своей старозаветной еврейской семьи. Шестнадцати лет, когда ее пытались выдать замуж за ученого талмудиста, бежала из дому сперва в Минск, потом в Киев. В Киеве устроилась в швейную артель, поступила на акушерские курсы, познакомилась с социалистами, была арестована. Два года провела

в тюрьмах в ожидании суда, и два в работном доме. Женские отделения тюрем были забиты бродяжками, нищенками, а в особенности «парашками» — проститутками. То было особое время для свободной любви — 336 домов терпимости и свиданий зарегистрированы в России, около десяти тысяч женщин, включая одиночек, обслуживали клиентов. Одиночки и заполонили тюрьмы. Трудно пришлось ей в этой компании. Проституток смешило все: и национальность, и девственность, о чем проговорилась ненароком, и артель по методу некого Чернышевского, и социалисты, и... Порой смешило, а порой вызывало лютую злобу. После тюрьмы ее сослали в Старую Руссу на шесть казенных рублей в месяц, и она бежала оттуда в Петербург с чужим паспортом — тут и встретилась с Колодкевичем...

«Рыбу есть будете?» Никого не слышала после его ареста, забывала о чем говорила сама. «Чай пить будете?»

Судя по цвету лица, Геся была беременна. Что ей теперь и император и русская революция?

Арест Желябова — на чужой квартире, случайно — сразил всех. Со времени ареста Александра Михайлова не было таких потерь. Соня Перовская принесла эту весть: открыла дверь и замерла у порога. Одного взгляда было достаточно, чтоб догадаться, что произошло.

И что теперь, накануне? Как без него?

И еще одно потрясение было в тот день. Полиция под видом санитарной комиссии при участии генерал-майора Мравинского произвела обыск в сырной лавке. Все оглядели, прощупали, подергали доски, которыми на день зашивали подкоп, остановились у бочек с землей: «Что за сырость?» Возможно, только извечный российский страх перед полицией, ужас, написанный на желтом лице Богдановича, спас от разгрома. «Ви-ви-виноват, ваше благородие...»

В задней комнате, где хранилась земля, прикрытая углем и рогожею, поленились копнуть.

С самого начала сырная лавка попала под подозрение. То появлялся за прилавком молодец огромного роста, Василий Меркулов, не умеющий резать сыр, то вдруг оказывалось нечем торговать — не было денег для закупки товаров, то хозяин в разговорах с соседними торговцами выказывал наивность в коммерции. Лишь только тысяча двести рублей, уплаченные графу Менгдену за год вперед, борода лопатой, рожа самоваром да вятский говор супруги служили защитой.

Подкоп был закончен к середине февраля, а в воскресенье 15-го император проследовал по Малой Садовой к Михайловскому манежу.

Им, техникам, Кибальчичу, Суханову, Исаеву, здорово влетело тогда на собрании за то, что не приготовили снаряды и мину.

«Когда?» — среди общей недоброжелательной тишины спросил Желябов.

«К первому марта», — ответил Кибальчич,

1 марта — двадцатая годовщина публикации в газетах «Манифеста». «Осени себя крестным знаменем, русский народ». Все согласились, что дата хорошая.

И вот сегодня, 28-го, снаряды хотя и испытаны, но не готовы, мина готова, но не заряжена. Впрочем, было еще три часа пополудни, а значит, до утра примерно пятнадцать часов.

В последней конструкции снарядов он был уверен и мог бы уже приготовить их. Однако не верил, что они могут быть применены. Одно дело — соединить проводники, совсем иное — бросить снаряд в живого, глядящего на тебя человека. А если откровенно — и не хотел. Вдруг стало вполне ясно,

что гибель императора ничего не изменит. «Честь партии требует». Но что — честь, если речь о бессмысленной гибели многих людей?.. Потому, наверно, и увлекся новой конструкцией, дистанционными трубками типа терочных гранат, даже предложил образец. Однако такие гранаты требовали чрезвычайного самообладания — отвергли.

После собрания Исаев отправился заряжать мину, Кибальчич — в мастерскую у Вознесенского моста. К вечеру помогать Кибальчичу пришли Суханов, Грачевский, Лебедева, Перовская, Фигнер.

Женщины топили камин, отливали свинцовые грузы, обрезали жестянки из-под керосина, толкли бертолетову соль, разливали гремучий студень, которого Кибальчич наготовил двадцать-двадцать пять фунтов, — на пять снарядов.

Скоро стало ясно, что Перовская больна — пожар полыхал в лице. Напоили горячим чаем, уговорили прилечь. Она уснула тотчас, страдальчески вытянув детскую шею, и тотчас забормотала во сне, подхватываясь и снова проваливаясь в забытье. Что снилось ей? Родные и любящие или враги?.. Ничего не знал о ней Кибальчич, кроме того, что отец статский советник, что судилась по Большому процессу, бежала по дороге в ссылку и вот маленькая, беззащитная с виду оказалась после ареста Андрея во главе партии. Обрадовали когда-то при знакомстве капризные складочки в уголках детских губ. Ныне эти складочки стали скорбными. Что это, ответственность, которая ляжет на ее плечи завтрашним утром? Или любовь к Андрею, что стала слишком заметной всем? Или ощущение, что жизнь — вся?

Вера Фигнер выдержала до двух ночи. Собиралась прилечь на четверть часа, но, как и Соня, едва коснулась подушки, замерла до утра. Она тоже изменилась за последний год, посуровела, а во сне лицо разгладилось и стало таким, как тогда, на Малой Итальянской, в Одессе. Кибальчичу часто хотелось напомнить ей, как обедали в трактире у златокудрого грека, купались в потемках, каким иконописным под газовыми фонарями казалось ее лицо. Или как стояла у двери в ночной рубашке перепуганная, когда неожиданно постучал Ширяев. Или — какой роскошной дамой отправлялась к начальнику дистанции Щигельскому... Но случая вспомнить о том почти романтическом времени не выпадало. И вот уже только суровость в лице, какой у женщины быть не должно.

До утра не сдалась Таня Лебедева, лишь забывалась порой у камина: Михаилу Фроленко предстояло завтра сомкнуть провода. Его, Фроленко, и всех метальщиков отправили с вечера по домам, их час еще грядет.

Уже ясно, ни революции, ни народного бунта не будет, но отступить невозможно, правы они или виноваты перед Россией, покажет будущее, а ныне их надежда и труд должны получить свой венец.

Работали молча. Очень ловкими, сильными оказались руки у Суханова, но нет-нет да и замрут на весу, цепко перехватив стеклянные трубки. О чем он? О России или об отце-лекаре? О новой жизни или о сестре, что выслана из Петербурга и пишет из Вятки нежные письма? Или вспоминает, как новеньким гардемарином отправлялся на Дальний Восток?

Снова Кибальчич порадовался тому, что нет человека на земле, который бы думал сейчас о нем. Летом прошлого года он написал брату Степану и тотчас получил ответ: «Догадываюсь, чем ты занимаешься. Одно скажу: не хочу тебя знать».

А Грачевский? Два года работал сельским учителем, потом отправился по железным дорогам: и смазчиком работал, и кочегаром, и машинистом. Попал в ссылку в Пинегу, бежал, пешком прошел через глухие леса Архангельской

губернии. Что, кроме старенького компаса, подаренного пинежским учителем географии, вело его в Петербург? Этот ли день, что встает за окнами, видел впереди?

Каждый, как может, провидит будущее. Такое ли провидел сам он, Кибальчич? Нет, не такое. Но поздно думать об этом, вышел срок.

— Цилиндр, — вдруг обратился Грачевский, — скажите мне ваше имя.

— Николай, — ответил обрадованно.

— А я Михаил.

— Знаю.

Суханов, тоже улыбаясь, глядел на них.

— И я Николай, — произнес он.

Жаль, что так мало знают они друг о друге. Разве знание — имя, или то, где родился, учился, что делал последние годы? Знание — совсем иное, оно — понимание, почему так, а не иначе образовалась душа, оно — согласие: да, так и есть, само собой разумеется, ни у кого из нас не было выбора и другого пути.

Но такое знание и согласие есть.

Перовская и Фигнер поднялись в восемь. К этому времени два снаряда были готовы, и в два оставалось залить гремучий студень.

Соня оделась, подошла к снарядам.

— Как их нести?

— Осторожно, — сказал Кибальчич. Завернул в женский платок, связал концы.

Подняла узелок, взвесила в руке. Не тяжело, пять фунтов каждый снаряд. Обыкновенная женская робость в лице.

Выглянул в окно вслед ей. Ничего особенного. Рядовая петербургская дамочка, торопящаяся по своим нехитрым делам.

На Тележную Кибальчич пришел около десяти.

Когда выходил из мастерской с двумя оставшимися снарядами, появился Фроленко. Поставил на стол бутылку вина, достал из сумки кусок колбасы и хлеба. С недоумением глядели на него.

— Я должен быть в форме, — сказал он и начал нарезать колбасу. — Рекомендую и вам.

Выглядел отдохнувшим, спокойным. Кибальчич, однако, знал, что чрезвычайное его спокойствие и есть знак волнения. Это свойство всегда помогало ему — и когда выводил из Киевской тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановского, и когда пытались отбить у конвоя Войнаральского, и когда в Кишиневе полиция проверяла его липовые документы, и...

Говорить было некогда. Сжал за локоть, пошел к двери. Последнее, что увидел, — потерянное лицо Тани посреди комнаты — не решалась подойти к мужу.

Метальщики были в сборе. Бросилось в глаза оживление, непреходящий деревенский румянец на юном лице Рысакова, бледность Гриневицкого, крестьянская озабоченность Емельянова и Тимофея Михайлова.

Соня чертила на листе типографской бумаги улицы и переулки. По-прежнему болезненно пылало ее лицо.

Предполагалось, что император поедет по Невскому, Малой Садовой и Большой Итальянской. Соня остановится на углу Невского и Садовой, здесь вынет белый платочек в случае неудачи взрыва из лавки, Гриневицкий с Михайловым станут на углу Садовой и Итальянской, против дома министерства юстиции, Емельянов — напротив, Рысаков — у памятника Екатерине II. Первую бомбу бросит Михайлов, последнюю — Рысаков. То был наказ Желя-

бова: слишком молод этот деревенский парень, рано идти на столь важное дело, но понюхать пороха пора.

Если царь изберет другой путь, все перейдут на набережную Екатерининского канала. Соня остановится у Конюшенного госпиталя, Емельянов — на правом углу Инженерной улицы и канала, Тимофей Михайлов — на левом, далее — Гриневицкий и Рысаков. Это место даже предпочтительнее, поскольку менее людное, чем у дома юстиции. Рысаков окажется в пятнадцати саженях от Инженерной улицы, Гриневицкий в двадцати.

Они еще долго уточняли места и знаки, что должна подать Соня, но Кибальчич уже не слушал. Глядел в лица и думал о том, что Рысаков в самом деле слишком молод и, может быть, не вполне понимает, на что сегодня идет; что Гриневицкий недавно ездил на родину, в село Большие Гриневичи Гродненской губернии проститься с отцом и матерью — и это дурной знак. Так же, незадолго до ареста, ездили к родителям Александр Михайлов, Ширяев, Колодкевич, Квятковский.

Вдруг увидел, что все замолчали и тоже смотрят на него, словно вопрошают: что за человек изготовил снаряды, с которыми им идти на верную смерть?

Лучше других он знал Гриневицкого, а впервые увидел его на квартире в Басковом переулке. «Кто это?» — спросил Михайлова. «Славный парень», — ответил тот. Ну, то, что славный, было видно сразу: девичий румянец на щеках, готовность дружить в каждом движении, в доверчивом выражении глаз. «Откуда вы?» — спросил, когда познакомились. «Из Гродно». «Ага, понятно. Поляк или белорус». «Нет, — возразил с неким непонятным значением, — литвин». «Как это?» «Ну вот, и вы не знаете, — заметил с досадой. — Долго рассказывать. Как-нибудь потом». Но все же едва заметный польский акцент сквозил. Да и в том, что мгновенно вспыхнул от досады или разочарования, тоже было нечто польское. «Никогда не был в Гродно, — примирительно отозвался Кибальчич. — Красивый городок?» — «Почему «городок»? Древний город». Кибальчич улыбнулся: опять не попал. Но и Гриневицкий уже улыбался. «Придет время — приглашу вас, — сказал он. — Познакомлю с литвинами. О Великом княжестве Литовском что-нибудь знаете?» — «Нет». — «Ну вот», — удовлетворенно произнес он.

Был он моложе на два-три года, но Кибальчичу показался совсем юным. Как старшего понимал его и Гриневицкий. Он, конечно, тоже ходил в народ — на свою родину, в деревню Басин Бобруйского уезда, с тем же успехом, что все другие. Но в тюрьмах не сидел, потому и возникало впечатление — новичок. Когда расходились, Кибальчич заметил, что Гриневицкий идет следом. Приостановился.

— Вам куда?

— На Лиговку.

— Пойдемте ко мне, если есть время. Будем пить чай.

— Нет, вы ко мне. У меня есть ветчина и хлеб.

— Купили на Сытном рынке?

— Нет, взял у родителей. Я только что из Гродно. Хорошая ветчина, не пожалеете.

Вот так и сблизились. Ветчина и в самом деле оказалась хорошей. Было ее много, пожалуй, все полпуда, но не успели они поставить самовар, как в дверь постучали и вошли пятеро молодых людей — все заговорили по-польски. Грюневецкий — называли его.

Оказалось, землячество. Все были оповещены, что приехала ветчина, и уже добрый час в ожидании кружили вокруг дома.

Кибальчич просидел с ними около часа, а поняв, что ничем другим молодые люди, кроме учебы, в Петербурге не заняты, хотя и имеют давний, если не извечный, «польский» счет к России, а занятия «Грюневецкого» помимо учебы им мало известны, простился.

Учился он уже на четвертом курсе Технологического института, и после учебы собирался возвратиться на родину.

«Что вас привело к нам? — спросил Кибальчич, когда почувствовал, что Гриневицкий вполне доверяет ему. — Польша или Россия?» — «Желание свободы», — ответил. Быстро ответил, как если бы ответ был давно готов. Так же мог бы ответить на этот вопрос и польский шляхтич Антон Березовский, стрелявший в императора в Париже, и Кастусь Калиновский, пытавшийся поднять Белую Русь. И ведь знает, как и где оба закончили свои дни: первый на каторге в Новой Каледонии, второй на виселице в Вильне. «Как вы ее, свободу, представляете?» — «Как роскошное древо, на котором все ветви переплелись и всем хорошо». Гриневицкий глядел на него и улыбался. Прав был Александр Михайлов: славный человек.

Кибальчич вышел в другую комнату. Там Геся Гельфман, хозяйка квартиры, одиноко сидела у стола.

— Кибальчич, вы тоже уходите?.. Боюсь оставаться одна.

Жалобно улыбнулась ему. Все, кто посвящен в сегодняшние события, выйдут на улицу, но Гесе нельзя: те, кто останется на свободе, возвратятся сюда.

— Вы зеленый и желтый.

— От бессонницы, — сказал он.

Не только сегодняшнюю ночь не пришлось спать, но и вчерашнюю — перед испытанием в Парголово. Однако усталости не чувствовал, напротив, прилив сил, душевный подъем. Лишь только хотелось остаться одному, проверить некую неясную мысль, что брезжила давно, а теперь звенела в ушах.

До выезда императора оставалось два часа.

Он отправился на Малую Садовую, уверен был, что главное произойдет здесь. Зашел в первую попавшуюся кондитерскую, выпил стакан кофе, не почувствовав ни вкуса, ни запаха. Еще пять-шесть человек прихлебывали за столиками, и все — равнодушно, кроме некой курсистки в глухом платье, с гладкими волосами, что, простуженно шмыгая носом, кусала пирожное и, скрывая наслаждение, отворачивалась к стене.

Вот он, дом Менгдена, что сегодня войдет в историю. Фроленко, конечно, уже там. Подавил желание заглянуть, порадовался, что мало покупателей — лавка не пользовалась успехом. Почувствовал, что все-все будет хорошо, двухлетний труд получит завершение и все они — без потерь — соберутся вместе и поздравят друг друга. Больше некому, кроме самих себя, поздравлять. Люди не сразу поймут, что произошло.

Много прольется искренних слез — по слухам, император не злой и чувствительный человек. И, конечно же, он хочет блага России. Печальная логика революций такова, что не принимает в расчет ни намерений, ни личных качеств. Блага России хотят все: великие князья и княгини, министры, сенаторы, судьи. Даже тираны могут быть патриотами, поскольку им есть чем дорожить.

Надежды на революцию нет, но есть на Учредительное собрание. Что же оно, Учредительное, призовет *их*? Нет, новая начнется борьба, в которой *им*, скорее всего, уже не победить. История не бывает милосердной к тем, кто однажды потряс ее. Сейчас или позже придут другие, тоже разные — добрые,

злые, сребролюбивые, бескорыстные — и тоже погибнут, как погибает поколение за поколением, пока страна не устанет от крови и выберет — нет, не лучших, а — подходящих на тот момент.

Но и не соступить с глубокой колеи. Не ими она начата, не здесь ей конец. Надо двигаться, выдирая ноги из грязи. Остановиться тоже нельзя: задние напирают, передние зовут.

Ну, а если ничего не изменится?

Он снова выпал было из времени, но от такой мысли пришел в себя и увидел, что стоит на Невском, напротив кофейни Андреева, где когда-то встречался с Квятковским, взглянул на часы — до выезда императора оставалось несколько минут. И вдруг решил, что государь не поедет по Малой Садовой. Бегом кинулся на Екатерининский канал.

Он успел. Увидел, как вылетела по Инженерной на набережную карета с шестью всадниками охраны — двое впереди, двое сзади, двое по сторонам. Еще минута — и только праздные зеваки, которым посчастливило увидеть государя, глядели вслед.

Опять неудача?

Но вместо разочарования почувствовал радость, что ничего не случилось, где-то там, впереди, мчится тройка и кучер, откидываясь, задирает локти, весело скачут с пиками молодые казаки, просветленные люди выходят после обедни из воскресных церквей, а у дома юстиции, у памятника Екатерине стоят невредимые Гриневицкий, Рысаков, Емельянов, Михайлов, Соня...

Все — даром? Опять напрасно погибнут Александр Михайлов, Колодкевич, Ширяев, Тригони, Желябов? Еще плотнее укутает землю тысячелетняя российская дрема? Не она ли хлынула в душу, пеленая тяжелыми покрывалами?

Двое суток без сна. Ни на Тележную, ни на Вознесенскую идти не хотелось, — как мог, быстро направился к дому, чувствуя одно неодолимое желание — спать.

Это и возмущало душу более всего. Он, подполковник Никольский, когда услышал первый пушечный взрыв, сидел в семейном кругу за обеденным столом и мгновенно понял, что произошло на Екатерининском канале. Без шинели, фуражки кинулся он к двери, вниз по лестнице с третьего этажа, и когда вылетел на улицу, услышал второй взрыв. Все, можно было не торопиться, они наверняка сделали свое богоугодное дело. Но бежал, оскальзываясь и падая, и слезы ненависти и надежды душили его.

Когда прибежал на канал, все было кончено. Государя укладывали на сани полковника Дворжицкого, первый преступник стоял с заломленными руками и капитан Кох с шашкой наголо охранял его от самосуда толпы, второй лежал на снегу, а кругом стонали, кричали, копошились, ползли раненые. Детский голос звал — просил то ли пощады, то ли помощи. Раненая лошадь выбивала копытами фонтаны бурого от крови снега. Раненых и убитых Никольский насчитал около двадцати. Вот этого и не мог простить Кибальчичу: проспал, не имел столь замечательной картины перед глазами. Какие же сны видел он?.. Уж ясно, не окровавленного старика в изодранной шинели, с перебитыми костями ног. Не лошадь с выпученными глазами, не мальчика, не слышал его утихающий крик.

Никольский немало размышлял о том, как это могло случиться — здесь, в центре Петербурга, на улице, где в ту минуту парадно вышагивали с манежа моряки, курсанты, гвардейцы и государь обгонял их. Одно объяснение находил — в доверчивости государя к своему народу. И, разумеется, в солдатском

мужестве. Иначе разве вышел бы из разбитой первой бомбой кареты, разве пошел бы к преступнику: «Чего же ты хочешь от меня, нечестивец?» Но как было не оглядеться, не увидеть второго убийцу со снарядом в руке?

Вместе с Дворжицким он наклонился к государю. «Домой... — просил он. — Там... умереть».

России еще предстояло содрогнуться, услышав его последние слова.

— Когда вы узнали о смерти государя?

— Вечером, — пожалуй, даже виновато ответил Кибальчич. — Из телеграмм.

Отчего, однако, эта явно слышимая вина? От того, что проспал замечательное событие, или — убил? Или — попался? Известно: раскаяние возникает перед возмездием.

Нет, не было ответа в лице.

Кибальчич пробудился от тяжелого сна, когда начало темнеть, и первое, что услышал, — вскачь пронесшийся мимо дома казацкий наряд. Увидел непривычно пустынную в этот час улицу, а через минуту другой наряд — в противоположную сторону. Что-то случилось?.. Вышел во двор — дворника, Федора Козлова, не было на обычном месте. На улицу — там уже зажигали фонари и под ближайшим из них толпились люди. Неуверенно приблизился и услышал слова правительственной телеграммы: «Воля Всевышнего свершилась. Господу Богу угодно было призвать к себе возлюбленного монарха...» Попятился, быстро зашагал к центру, к Зимнему Дворцу.

По Невскому маршировали войска, полицейские патрули закрывали харчевни. Группки растерянных обывателей соединялись и распадались. Он шел мимо и чувствовал, что не в силах присоединиться к ним, боится услышать подробности.

Над Дворцом реял траурный флаг.

Когда пришел на квартиру у Вознесенского моста, все уже были в сборе. Суханов первым поднялся навстречу, обнял его.

— Свершилось, — сказал он.

* * *

Никольский и Добржинский торопились, начинали допросы утром, сразу после завтрака, а после обеда давали отдохнуть не более часа, впрочем, если Кибальчич просил перерыв, не отказывали, понимали, что давать показания — тяжелый труд.

Во внутренней тюрьме департамента полиции, куда его перевели из секретного отделения градоначальства, все было продумано, организовано так, чтобы заключенные чувствовали себя как можно лучше, — вежливым было обращение, хорошей постель и пища.

Есть не хотелось, но Кибальчич заставил себя проглотить несколько ложек супа, выпить чаю и лег на постель, закрыл глаза. Казалось, вот-вот придет короткий, но глубокий сон.

И вдруг вскочил с постели.

На последнем допросе, желая взять всю вину и ответственность, он заявил, что один изготовил снаряды — без участия каких-либо помощников. Следовательно, раз технический демон пойман, то и с взрывами кончено. Необходимо было внести в протокол поправку, и он едва удержал себя, чтобы не постучать, не потребовать сейчас же продолжить допрос.

Ждать пришлось недолго. Скоро знакомо загремели сапоги в тихом коридоре, зазвенели ключи.

Хождение на допросы меж четырех жандармов с шашками наголо, кроме сохранности преступника, имело и ритуальный смысл — то же замкнутое, но движущееся пространство, в которое он теперь заключен. Кибальчич всегда ходил на допрос быстро, наступая на пятки идущему впереди, тот невольно ускоривал шаг, торопились и двое сзади — все это сбивало ритуал сопровождения, лишало смысла. Так же входил в кабинет Никольского, будто застигал врасплох. «А ты-то куда торопишься? — хотелось спросить Никольскому. — Зачем?»

— Я нашел неточность в своих показаниях относительно д-доли участия в технических приготовлениях, — заговорил Кибальчич с порога, словно отвечая на этот вопрос. — У меня были два помощника, которые вместе со мной занимались и т-техническими приготовлениями и участвовали в обсуждении идеи. Таким образом, все это результат к-коллективной мысли и работы трех лиц. Я только больше других употребил времени и сил на осуществление этой идеи.

Никольский и Добржинский и сами понимали, что у Кибальчича были помощники и, судя по покушениям семьдесят девятого, не меньше двух. Кроме того, о существовании технического комитета заявил на допросе Желябов. Удовлетворенно кивнув на его слова, Никольский подвинул лист бумаги.

— Имена помощников не назовете?

— Нет.

И пока он легко и быстро записывал поправки к предыдущим показаниям, Никольский и Добржинский с интересом следили за ним.

Думали, однако, о разном. Добржинский о том, что такие молодые люди, как Кибальчич, со странной необходимостью оказываются среди социалистов, и тут, кроме всяких личных причин, есть общие: мода на революционность, влияние самого движения, то есть, молодежной толпы. Никольский, напротив, думал о том, что странен и нетипичен для социалистов этот человек. Разве можно было отторгнуть его из жизни общества на три года? Нельзя восстановить в академии?.. Логика у молодых людей проста: если мы не нужны России, то Россию надобно изменить. Молодежь не умеет прощать и не желает начинать жизнь сначала.

И только об одном Никольский и Добржинский думали одинаково. О том, что Желябов во время допросов глядит равнодушно и презрительно, Перовская с ненавистью и отчаянием, Рысаков с надеждой и страхом, Михайлов с отупелой покорностью, и лишь Кибальчич — будто не понимает, что ему обещает судьба. Как может он в нынешнем положении так обстоятельно формулировать мысли? Откуда это стремление к точности и обстоятельности, если жизнь уже позади?

Кибальчич закончил писать, протянул лист.

— И что же из этого следует? — спросил Никольский, проглядев его.

— Из этого само собой разумеется, что оставшиеся на свободе техники могут, если бы это п-понадобилось, выполнить технические работы с таким же успехом и без моего участия.

Не здесь ли разгадка одушевления: если бы понадобилось. Уж не надеются ли они на отступление правительства еще и сейчас? Что ж, нет надежды сильнее, нежели обреченных.

— Что вы можете сказать о планах вашей партии на ближайшее время?

— В-вопрос этот не решается определенно, — сразу же ответил Кибальчич. — Он ставится в связь с последующими событиями. Если правительство отречется от законодательной власти в пользу Учредительного собрания,

образованного из народных представителей... Перед т-такой властью партия сложит оружие.

Каковы, однако, слепцы, — подумал Никольский. «Если правительство отречется...» Насколько недооценивают его силу и переоценивают собственную... Да и совсем не соображения Кибальчича о желательном для него устройстве России интересовали Никольского. Уже накануне перенесения тела почившего императора в Петропавловскую крепость ходили слухи о неизвестных, проникших в Собор в певческих кафтанах, о минах вокруг Зимнего Дворца, о подготовленных к взрыву улицах, о том, что носятся по городу террористы, переодетые извозчиками... Планируются ли новые покушения? — вот что он хотел бы узнать.

Но Добржинского ответ Кибальчича заинтересовал.

— Как же вы понимаете такое собрание?

— Выборы путем всеобщей подачи голосов при условии п-полнейшей свободы слова, печати, сходок и избирательной агитации, — охотно ответил Кибальчич. — В т-таком именно смысле проектировано напечатать обращение к императору Александру III.

И Добржинский, и Никольский знали об этом обращении. Помеченное 10-м днем марта, оно уже разошлось по России. Наивным было и другое обращение: «К честным мирянам, православным христианам и всему народу русскому». Но русский народ горько оплакивает смерть государя, с утра до ночи толпится на месте его гибели и требует установить 1 марта ежегодный пост.

Куда большее впечатление произвело на Россию иное послание. «...Смиряясь перед таинственными велениями Божьего Промысла и вознося мольбы об упокоении чистой души усопшего Родителя Нашего, Мы вступаем на Прародительский Наш Престол Российской империи... Подъемлем тяжелое бремя, Богом на нас возлагаемое, с твердым упованием на Его всемогущую помощь. Да благословит Он труды Наши ко благу возлюбленного нашего Отечества и да направит Он силы Наши к устроению счастья всех Наших Верноподданных...»

— Хотелось бы только без этого всенародного п-праздника — революции, когда народ станет рвать ваши м-мундиры.

Улыбнулся примирительно и некстати, и Никольский почувствовал, что ненавидит его. Всенародный праздник придет гораздо раньше, чем ожидает Кибальчич, — когда *их* повезут на эшафот.

* * *

Вечером 2 марта все снова собрались на квартире Веры Фигнер и Исаева. Квартира была большая, неуютная и холодная, однако имела проходной двор на две улицы, а, кроме того, в доме помещались бани, они хорошо маскировали частые хождения.

Еще никто не знал, что Рысаков начал выдавать, ничего не было известно о Желябове.

Говорили об обращении к народу, об открытом письме новому императору, о том, что партия объявит свою ответственность за случившееся и предъявит условия примирения. Только Соня Перовская не принимала участия в обсуждении: сидела, забившись в угол, молчала. Весь день она вилась около тюрьмы градоначальства, уверенная, что Андрей — там, в надежде найти путь к его спасению.

И вдруг Фигнер сказала: не может быть примирения. Если хотим действительно парализовать правительство, нужно новое покушение. Тем более, что

все для него готово: снаряды есть, мина заряжена, и рано или поздно Александр III поедет по Малой Садовой. Мы должны это сделать, если в самом деле желаем спасти товарищей и изменить судьбы Родины.

Не столько самое предложение, сколько голос, глаза, лицо Веры поразило Кибальчича. То была уже не суровость или решимость, а жестокость, непогашаемая ненависть. Особый, женский фанатизм, который страшнее и неизбывнее мужского.

Все протестовали бурно, единодушно. Как же так? На первых днях царствования? Или мы убийцы по призванию? Разве в том наша цель? Может быть, новый царь идет к народу с реформами? Разве не говорит весь Петербург о конституции, что готовит граф Лорис-Меликов? Важно вырвать первую уступку, например, амнистию политическим заключенным, сломать первое звено и тогда, быть может, круг разомкнется, цепь рассыплется. Все российские государи меняли политику.

Вера издевательски рассмеялась: наивные. Он поменяет, без сомнения.

Все были против, кроме... Да, кроме Веры и, как ни странно, кроме самой уступчивой среди женщин, самой женственной — Тани Лебедебой. Впрочем, и Соня Перовская сидела, потупившись, не высказывая своего мнения. Тоже и она?..

Когда обсуждение закончилось, Кибальчич подошел к Вере, чтобы еще раз поговорить, убедить, что время нового покушения не приспело, что... Но увидел расширенные, словно ослепшие от гнева зрачки — не решился.

«Не понимаю, — пробормотал, обращаясь к Фроленко. — Отчего наши женщины жесточе нас, мужчин?»

Фроленко ничего ему не ответил.

Ясно было, что Вера так скоро не сдастся, и завтра же, когда Тихомиров напишет письмо императору, снова возбудит этот вопрос. Сегодняшнее единодушие — результат душевной и физической усталости, потрясения, а завтра, обсуждение может оказаться иным.

Неожиданная, тяжелая мысль пришла по дороге к дому: может быть, Вера права и они не имеют права остановиться на половине пути?

Новый взрыв действительно парализует правительство.

Он провел ночь без сна и пришел к простому выводу: логика борьбы подсказывает именно такой шаг. Если два года они преследовали Александра II не из интересов партии, а России, если не старый царь, а самодержавие было целью, то и Александр III должен быть убит. *И надо сделать все, чтобы это не произошло.* Прежде всего, надо разобрать оставшиеся у Емельянова снаряды, чтобы не случилось беды. Однако, подходя к дому, увидел толпу людей. Они стояли и переговаривались вполголоса, будто там, в доме, покойник, все почести ему отданы, ритуал соблюден и вот-вот покажется с печальными певчими иерей.

Оказалось, ночью в пятую квартиру постучались жандармы, в ответ услышали выстрелы и тоже открыли пальбу. Ворвались и увидели человека с разбитым черепом на полу. Будто бы — застрелился, молва, однако, утверждала иное — женщина застрелила его.

Это были Саблин и Геся Гельфман.

В то же утро некий молодой человек в долгополом зимнем пальто явился на эту квартиру — был арестован после яростной короткой борьбы: сделал шесть выстрелов, ранил городового в пах и пристава в грудь.

Такие вот новости принес Кибальчич. Сомнений не было, арестован Тимофей Михайлов, а квартиру на Тележной выдал Рысаков.

Выход был один: оставить лавку сыров, и Богдановичу с Якимовой срочно покинуть Петербург.

Проститься Богданович пришел в середине дня. С мужчинами обнялся, женщинам поцеловал руки. Еще неделю назад такая подробная процедура вызвала бы улыбки: прощался истово, как мужик с семьей, отправляясь на долгие заработки, ныне было не до усмешек. Неизвестно, когда встретятся и с кем.

Вечером пришла и Аня Якимова. Она уже заперла лавку и даже оставила на прилавке мелочь с запиской: мяснику за говяжью печенку для кота Васьки.

Кибальчич, не слишком подверженный чувству опасности, за что не раз был изруган Александром Михайловым, тоже почувствовал себя на острие ножа. Это же можно было сказать о Суханове, Фроленко, Тихомирове. Но Суханов не изменил привычке офицерски четко ходить в нелепой поярковой шляпе мимо городовых и околодочных, хотя не раз уже пришлось спасаться на лихачах, Фроленко больше опасался за Таню, чем за себя — отказался, наконец, от удовольствия ходить с ней по улицам, сидеть на скамеечках в парках, а Тихомиров вдруг надел на рукав траурную чиновничью повязку и даже сходил в церковь присягнуть новому императору. Впрочем, шпиономании Тихомиров был подвержен давно. Не раз и не два, вышагивая по улице и конспирации ради громогласно рассуждая о чем-либо пустейшем, вроде цен на горох, он неожиданно бледнел и пребольно сжимал локоть Кибальчича: «Ничего не заметил? Вот этот... в кунтуше...» Дыхание мгновенно становилось астматическим, пальцы слабых рук утопающе цепкими. Давно был уверен, что полиция взяла его след. Кибальчич глядел на него с недоумением — столь смелое перо и робкая душа. Особенно изменился он после ареста Желябова.

Шпиономания, однако, не помешала ему составить письмо Александру III, в котором выразил все, что хотел сказать каждый: от амнистии политическим заключенным до будущего Народного Собрания. Окончательный текст письма после обсуждения и уточнений приняли 10 марта, на той же, у Вознесенского моста, квартире. Все собрались для чтения, кто еще был на свободе. Не пришла только Соня Перовская.

В тот же день стало ясно, что арестована.

Это уже походило на разгром.

Через неделю, 17-го, был арестован и Николай Кибальчич.

* * *

Больше всего на свете он боялся одиночества, и потому, когда на третий день ареста его перевезли из тюрьмы секретного отделения градоначальства во внутреннюю тюрьму департамента полиции и здесь сообщили, что суд над Желябовым, Перовской, Тимофеем Михайловым и Рысаковым начнется 26 марта, но он, Кибальчич, может воспользоваться положенным по закону семидневным сроком для ознакомления с делом, — отказался от этого срока тотчас. Страх одиночества поселился в нем со смертью матери, укрепился, когда отец отправил к деду Максиму в Мезень, из-за него же он бежал из Черниговской семинарии, перешел в Медицинскую академию из института Инженеров путей сообщения, где за два года не нашел ни одного приятеля; из-за ненависти к одиночеству пригласил когда-то ЭнТэ в Жорницу, а потом бежал от него к брату. Оно настигло его сразу же после первого ареста, почти три года сверлило душу в Киевском замке. Спасаясь от одиночества, он кинулся в ДПЗ к Брешковской, к Тимофею Квятковскому, а на воле — к нынешним своим друзьям.

Теперь он хотел бы и умереть вместе с ними.

Никольский и Добржинский переглянулись с огромным облегчением: суда над Кибальчичем одновременно с другими преступниками ждал новый государь, ждал граф Лорис-Меликов, вся Россия, а может быть, и Европа; суд над цареубийцами без человека, который обеспечил техническую сторону преступления, был бы не полон. Облегчение их было так велико, так упрощало положение, что во исполнение простого человеческого долга они повторили вопрос.

— Отказываюсь, — подтвердил Кибальчич.

А чтобы сомнений у них не оставалось, попросил протокол, в котором было уже заготовлено обычное. «1881 года марта 20 дня я, отдельного корпуса жандармов подполковник Никольский в присутствии товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты Добржинского...» — и крупнее, разборчивее, нежели всегда, написал: *«...заявляю, что отказываюсь от того семидневного срока, который предоставлен обвинением для вызова свидетелей и избрания себе защитника и вообще для ознакомления с делом. На случай же, если я изберу себе защитника и он пожелает пользоваться семидневным сроком, то я в таком случае откажусь от защиты в интересах скорейшего рассмотрения дела»*.

Допрос тотчас был прекращен. Никольский и Добржинский спешили сообщить по начальству о заявлении.

Оказавшись в камере, Кибальчич попросил бумагу, перо и чернила. Нужно было попрощаться с родными.

Однако надолго задумался над первой же строкой.

Кому писать и зачем?

Лишние слезы вызовут его прощальные строки. Да и не принесут ли его письма новые осложнения в их жизни — и без того осложненные? Не лучше ли уйти, не прощаясь? Отложил листок.

Может быть, потратить оставшееся время на ту работу и дело, которую уже давно откладывал на потом?.. Которая была бы его завещанием и которую, по крайней мере сегодня, никто не может предложить людям, кроме него.

Одиночная камера не лучшее место для такой работы, оставшиеся несколько дней — не срок. Но — хотя бы изложить идею, заронить зерно, а там придут другие люди, и оно, быть может, прорастет.

Он снова подвинул лист и быстро, разборчиво написал;

«Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея, после тщательного обсуждения учеными-специалистами, будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью».

Ему разрешили жечь лампу, принесли два пера и стопку бумаги, видно, тюремное начальство решило, что собирается писать дополнительные показания. Нужно было успеть до утра, чтобы их разочарование не помешало сказать все, что хотел. Оказалось, однако, что записать давно обдуманное и ясное, не легко. Нельзя углубляться в подробности, которые он и не мог здесь, в камере, разрешить убедительно, нельзя и записывать слишком общо, чтобы не показаться пустым фантазером. Некогда и перебеливать — пришлось загодя обдумывать каждую фразу, чтобы поменьше

черкать. Он испугался, когда среди ночи лампа начала коптить, фитиль потрескивать — кончился керосин. И испытал бурную радость, когда надзиратель принес другую, наполненную до горлышка, с чисто протертым стеклом.

Он сидел в Киевском замке, когда пришел слух, что в Италии Джованни Скиапарелли обнаружил на Марсе *canalli*, что *canalli* эти проведены от полярных ледников к городам, поскольку планета потеряла свою живую воду, и, следовательно, если прав Дарвин и все формы жизни родственны, там — разумные существа, жизнь!

Тогда же стало известно, что в Петербурге некий Можайский испытал в Манеже летательный аппарат с тремя винтами на заводных пружинах. Но вовсе не пружины должны быть двигателями, а скорее всего, знаменитое изобретение немца Шенбейна, смесь селитры, серы и древесного угля — пироксилин.

Нет, не все ясно было ему и сейчас. Как управлять процессом горения? Как — если не в принципе, а детально — скоростью, направлением?

Что ж, он не может дать все ответы. Ни условий, ни времени, ни настоящего образования. Но если проект станет известен людям, на каждый вопрос они найдут со временем ответ.

Он не сомневался, что проект прочтут, изучат. Никто не вправе отказать человеку, которого ждет казнь.

На отдельном листе обратился к министру внутренних дел с просьбой срочно передать проект на рассмотрение технического комитета, хотелось успеть узнать мнение сведущих людей.

И вдруг подумал, что листки его вполне могут затеряться среди бесчисленных столоначальников министерства. Но есть выход: он сделает эскиз и передаст защитнику. Господин Герард должен был прийти около десяти.

...Я не хотел защищать Кибальчича. Мне пошел сорок третий год, я окончил Императорское училище правоведения, участвовал в подготовке Судебных Уставов для Царства Польского, был членом Санкт-Петербургского окружного суда, а главное — имел двенадцать лет адвокатской практики и знал, что ни облегчения подзащитному, ни мне славы участие мое не принесет. Да и нравственно: с апреля семьдесят девятого, когда стало ясно, что массовое движение молодежи выродилось, и они погнались за государем, человеком, который, что ни говори, как ни один государь со времени Петра, много сделал для России, и не успокоятся, пока не расправятся с ним, — они были мне глубоко отвратительны. Я сам когда-то ходил в кружки и на сходки, состоял под негласным надзором — нет тайн на Руси, но проливать человеческую кровь... Эти люди в подпольных газетах и листках вели тщательный счет своим жертвам, но не считали погибших от их рук — не будем вспоминать власть предержащих, спишем их муки на идеи и принципы, — о непричастных речь. О десяти убиенных и тридцати трех искалеченных в Зимнем Дворце, о двадцати раненых и убитых вместе с государем... А их оружие? Мины, бомбы, револьверы, кинжалы, гири, кистени. А как вам нравится серная кислота? Благодаря им на Руси значительно подешевела кровь.

Трудно встречаться с человеком, жить которому осталось несколько дней. Мы все — молодые и старые, малые и великие — остаемся, мы еще будем жить вечно, а он уходит и знает об этом. Время для него бежит теперь совсем не так, как для нас.

Но и отказаться было нельзя.

Накануне встречи с Кибальчичем я побывал у Унковского, Хартулари, Кедрина, Герке. Проще всех было Герке: его подзащитная, Геся Гельфман, дала понять, что беременна, и он, разумеется, воспользуется этим фактом после суда. Унковский возбудил вопрос о состоянии умственных способностей Рысакова — на его взгляд, имелись основания сомневаться в них. Хартулари будет строить защиту на малограмотности Михайлова, Кедрин, наверно, на извечном женском вопросе... Ну, а каково мне? Где то незащищенное пятнышко души Кибальчича, что возбудит у меня сочувствие, вдохновит на защиту? Не страстный организатор, не романтический исполнитель чужой воли, не отчаявшийся от грязи и голода крестьянин, а *техник*. Следовательно, все самое кровавое за эти два года подготовлялось его холодными руками, многократно обдумано, оправдано, решено.

Побывал я и у Турчанинова. Но что он мог посоветовать мне? Не объяснять, не выстраивать защиту, а лишь только молить, как молил он суд за Соловьева два года назад. Провидение уже два раза покровительствовало преступнику, — сказал он на суде. Преступник имел счастье видеть, что покушение его не достигло цели и что сам был спасен от смерти, несмотря на принятый яд. Хорошие произнес слова. Кого, однако, тронули они? Кроме того, можно молить, если преступник один, а если шесть?

22 марта первоприсутствующий господин Фукс выдал мне свидетельство о назначении защитником Кибальчича, и я получил разрешение объясниться с подсудимым наедине.

Прежде чем войти, я некоторое время, не решаясь, стоял у двери и наблюдал Кибальчича в глазок. Ему было двадцать семь, но выглядел он старше своих лет. Смуглое лицо, нечесаные волосы, запавшие глаза, запущенная борода... Неприятное впечатление производило лицо. Возможно, старил его бугристый, мучительно высокий лоб. Ходил по камере, и никакого раскаяния или страдания не видел я на его лице.

На столике лежала стопка исписанной бумаги — что это? Покаяние? Прощальные письма родным?

Он резко обернулся на звук открывшейся двери.

— Господин Герард? — шагнул ко мне. — К-как вовремя вы пришли!

Улыбка у него неожиданно оказалась хорошая, согрела холодное лицо. Он вдруг взял меня за руки и потянул вглубь камеры:

— Куда вы сядете? На стул? Или на кровать?

— Да все равно... — промямлил я, поскольку не такой предполагал встречу.

Или не сознавал, вестник каких событий к нему явился?

Я даже порылся в памяти: уж не знакомы ли? Держался и глядел на меня, как старый друг.

— Ну, тогда, пожалуй, на кровать.

Поглядел, словно проверил, хорошо ли я устроился. Стало заметно возбуждение в лице.

— Господин Герард, я написал проект... — начал он и коснулся пальцами бумаг на столе. — Проект в-воздухоплавательного аппарата... — снова поглядел на меня: внимательно ли слушаю его? — Я обдумывал его давно, надеялся, что придет время и смогу разработать как следует, но не довелось... Поскольку я, скорее всего, не буду иметь возможности следить за судьбой моего п-проекта, я хочу оставить один экземпляр у вас.

— Да, — согласился я. — Это разумно.

Разумно?.. На самом деле я изо всех сил вглядывался в его лицо, решая — вполне ли нормален этот человек? Таких, тайно умалишенных, среди них

было немало. Уже не один попал в знаменитую казанскую больницу Всех Скорбящих Радость. А сколько еще попадет?

Глаза, однако, глядели ясно.

Он вручил мне плотно исписанные листки с чертежами от руки, формулами, и я механически просмотрел их.

— Интересно, — пробормотал я. — Вы думаете, это возможно?

— Возможно, — терпеливо и благожелательно ответил. — Хотя не вдруг и сейчас. Понадобится много времени.

— Сколько же?

С полным недоумением энергично пожал плечами.

— Как я могу сказать? Зависимо от того, насколько заинтересуется общество. Может, сто, а, может, и т-тысяча лет. Я свое дело сделал, теперь — ваш черед. — Он вдруг язвительно рассмеялся: — Посмотрим, как справитесь вы с этой идеей без меня...

Я подумал, что не ошибся в предположениях: он ненормален.

Но таким и должен оказаться техник, человек, которому техническая идея важнее самой жизни. Стал бы он заниматься динамитом и бомбами, если не так? И еще подумал, что с ним можно не церемониться: ему, в сущности, никогда не была дорога ни своя, ни чужая жизнь. Все ему присуще, что и другим людям — любовь, печаль, ненависть, страх, радость, — но все в малой степени, в зародыше, поскольку нет места чувствам, если человеком овладевает идея-фикс. Бренное тело для людей — оболочка, согреваемая для любви, а для него — кузница, где он разогревает до бела свои идеи, кует, гнет, рубит, чтобы хоть чем-то наполнить свои дни. В таком случае — что для него физическая жизнь? И сколько несчастий такой человек способен обрушить на других?

— Давайте знакомиться ближе, — сказал я и торопливо запихнул листки в портфель. — Расскажите мне о себе.

— Нижний лист помялся, — заметил он.

— Что?

Действительно, нижний лист рукописи помялся. Ну и что?

— Извините.

Он глядел на меня и улыбался.

— Не волнуйтесь. Задача ваша проста. Вы только сохраните рукопись. И тогда человечество, б-быть может, не забудет вас.

— Человечество забывает всех, — сказал я.

— Да, конечно. Не в имени дело. Но если идея б-будет жить среди людей... Это не мало, а? С чего начнем?

Голос у него был тихий, но уверенный, как у человека привыкшего размышлять вслух. Он щурился, едва заметно улыбался, будто и самому интересно вспомнить с чего началось, как развивалось и вот — заканчивается. Кто бы мог подумать, что все произойдет так скоро, да?.. Порой задумывался, будто разбирая шахматную партию, спрашивая себя — не было ли здесь ошибки? Нет, не было. Все ходы правильны, потому и выиграл.

Обычно, когда подзащитный рассказывает о себе адвокату, он тоже ищет способ защиты, пробует варианты в поисках убедительного и надежного, охотно отвечает на вопросы, пытается поймать, уцепиться за встречную мысль. Ничего этого с Кибальчичем не было. Рассказывал, будто для себя. А может, так был уверен в значительности, достаточности своей жизни, что испытывал удовлетворение, вспоминая ее?..

С нелегким сердцем я уходил от него.

— Как полагаете, скоро эксперты дадут мне ответ? — Кажется, это единственное, что волновало его.

— Не знаю, — честно ответил я. Что за человек?

Удивил меня и его отказ от семидневного срока на знакомство с делом. Неужели не понимал, что не о семи днях, а, возможно, о целой жизни речь? Всяко мог сложиться второй процесс после казни первых...

Да, скрытая ненормальность в таких людях есть. Нормальный, полноценный человек выше всего поставит свое физическое существование, он понимает временность любых идей, изобретений, и, кроме того, не может быть уверен в их правильности, значительности. А жизнь — вот она, во мне и вокруг меня. Она и есть мерило сущего. Нет ее — и ничего нет.

Конечно, если бы не трехлетнее заключение, не исключение из академии, судьба его пошла бы иначе. На этом я и решил строить защиту. В самом деле, что нас формирует? Несправедливость. Преодолевая ее, мы становимся теми, кто мы есть. Ну и, конечно, на *проекте*. Хотя это уже, как говорится, для истории. Надежды никакой нет.

Я положил рукопись в стол и скоро после процесса и интимидации осужденных забыл о ней. Куда и кому прикажете показывать ее?

И потому никак не мог взять в толк, чего хочет этот господин Сильчевский? Двадцать лет прошло, жизнь заканчивается, а он — проект...

С Кибальчичем я встретился еще раз после суда. Он уже ничего не говорил о своей рукописи и не отозвался, когда я сказал, что по Петербургу ходят слухи о его великом изобретении.

— Не хочется умирать, а надо, — сказал он. — Как бы это найти формулу, что жить не стоит?

Что я мог ответить ему? Такую формулу просто найти, если жить еще предстоит.

Рысаков и Михайлов подали прошение о помиловании, Кибальчич, Желябов и Перовская отказались. И все же я сказал, что такая надежда есть — да, свою участь пытался облегчить, не его.

Выходя из камеры, обернулся — он не глядел на меня.

Вечером того дня ко мне прибежал Герке — маленький, лысый, суетливый человек. Оказалось, его подзащитная Геся Гельфман заявила о беременности — состоялся медицинский осмотр. Исполняющий обязанности прокурора окружного суда Муравьев, Санкт-Петербургский градоначальник Баранов, директор повивального института Баландин, экстраординарный профессор Славянский, доцент Сутугин, доктор Гарфинкель провели его. Все было отражено в протоколе исследования профессорски обстоятельно и подробно: от первых до последних регул, от формы разрывов девственной плевы до пигментации сосков и околососковых кружков, величины монгомеровых тел и состояния живота.

— Как это? Как это? Как это возможно? — потрясал маленькими ручками Герке. — Почему — прокурор? Почему — градоначальник?.. Позор!.. Позор!

Особое присутствие определило: казнь отложить на сорок дней после родов.

Нет, небо не упало на землю. Баранов благополучно скончался в... Простите, запамятовал, в каком году. Муравьев здравствует и поныне — посланник в солнечной Италии с окладом 70 000 рублей. Здравствует и бывший первоприсутствующий Эдуард Яковлевич Фукс — ныне член Государственного совета.

Что касается несчастной женщины — все обошлось. У нее отняли ребенка, и она умерла от воспаления брюшины вскоре после родов.

А в самом деле, в каком мире мы живем?

Глава двенадцатая

Суд начался 26 марта в одиннадцать утра чтением Высочайших повелений и заявлением Желябова о неподсудности их дела Особому присутствию. И сразу же, после чтения обвинительного акта, когда ввели свидетелей, началось нечто привычно российское. Дворники Усман Булатов и Ахун Халатов решительно и злобно отказались читать присягу для магометан по-русски, и в Особом присутствии возникла легкая паника. Сенатор Фукс начал торопливые переговоры с муллой Шакиром Юнусовым, приглашенным на приведение к присяге, но и мулла не менее решительно поддержал единоверцев. Обозленный Фукс потребовал необходимый текст у начальника департамента иностранных исповеданий, однако такового в департаменте не оказалось. В конце концов нашли компромисс: читать русский текст, держа руку на коране. Объявили перерыв на обед, помчались за кораном.

Похожие осложнения возникли и с еврейским, караимским, армяно-григорианским текстами... Только после восьми вечера возобновилось первое заседание.

Кибальчич на скамье подсудимых оказался меж Соней Перовской и Гесей Гельфман, а по краям сидели Желябов и Рысаков.

Желябов упрямо наклонял голову, так что жесткая борода упиралась в грудь, и, не глядя в зал, напряженно слушал обвинительный акт, будто сопоставлял слова, голос обер-секретаря и тишину в зале, а на Рысакова было тяжело смотреть: багровые пятна горели на лице, смертное безразличие стояло в глазах. По-видимому, он не слышал чтения, а приходя в себя, искал глаза Желябова, тот убежденный, уверенный взгляд, что воодушевлял его, вел по жизни последние месяцы. «Я добрый юноша, никогда не помышлявший об убийстве, люблю отца своего, мать и Иисуса Христа, я хотел только добра и воли, полезной жизни, а ты затмил разум, переменил чувства — зачем я понадобился тебе? Помоги же мне, неотступный и ненавистный, спаси или укрепи душу». Но Желябов оставил его уже навсегда.

Так же оставил он Гольденберга. Когда Гришка повесился от отчаяния, привязав полотенце к умывальному крану, все почувствовали облегчение — как-никак искупление, только Желябов произнес: «Иуда», — и больше никогда не вспоминал о нем.

Порой Рысаков встречался взглядом с Кибальчичем. «Ты, ты принес узелок, из которого я взял свой снаряд. Почему ты не опоздал на половину, на четверть часа, я ушел бы без снаряда и, быть может, никогда больше не увидел твоего страшного лица».

Сухое, тут же пресекшееся рыдание вырвалось из его горла, когда свидетельница из Череповца, где Рысаков учился в реальном училище, сообщила суду, что был добр, ходил в церковь и дома тоже молился на образок Христа.

Конечно, Рысаков не мог не подчиниться чудовищной воле Желябова. Все, кто попадал в поле его притяжения, подчинялись. Судьба всего движения, не будь Желябова, оказалась бы иной. Кто еще мог возглавить его? Александр Михайлов? Нет, все у него было слишком: и доброта, и настырность, и ответственность за чужие жизни. Квятковский? Не хватало воли сплачивать и повелевать. Тихомиров? Занят собой, своим литературным талантом и своими рефлексиями. Суханов поздно пришел в партию. Баранников слишком замкнут, Колодкевич нерешителен. Гартман немец, Зунделевич еврей, Тригони грек. Фроленко, Ширяев, Исаев?.. Никто из них не смог бы повести за собой.

Перовская сидела рядом с Желябовым и порой прислонялась плечом к его плечу. Что ж, вот и встретилась с любимым человеком, хоть в этом повезло. Детский лоб ее от бледности казался еще выше и та же давняя, поразившая когда-то Кибальчича, детская печаль в уголках губ. Глядела в зал — там, среди разнообразной публики, сидела ее мать. Долог был ее путь из Севастополя до Петербурга, время остановилось уже навсегда.

Тимофей Михайлов тоже не слушал чтение обвинительного акта, покачивался, вздыхал раз за разом, и беспокойно шевелились его крупные, привыкшие к постоянному труду крестьянские руки. О чем думал он? Раскаивался в содеянном? Вспоминал деревню Гаврилово на Смоленщине, голодное, но счастливое детство, отца-мать?

У Геси глаза раз за разом наполнялись слезами: она чувствовала в себе другую, малую жизнь.

Первое заседание суда закончилось поздно, в двенадцатом часу.

Нужно было как-то дождаться следующего дня: во-первых, мог прийти ответ из технического комитета, во-вторых, завтра — его день, суду предстояло рассмотреть вещественные доказательства, в том числе снаряды, захваченные на Тележной, и выслушать мнение о них военных экспертов. Экспертами были назначены генерал-майор Федоров, полковник Лисовский и штабс-капитан Шах-Назаров.

Владимир Николаевич Герард близости к Кибальчичу не чувствовал, но понимал, что нынешнее дело войдет в историю, и хоть вообще скептически относился к человеческой памяти, не хотел, чтобы потомки, как ни мало придавал он значения их мнению, говорили о защите недостаточной или формальной. И потому цеплялся за соломинку.

Когда генерал-майор Федоров сообщил суду, что никогда не слышал о метательных снарядах, где от гремучей ртути взрывается пироксилин, пропитанный нитроглицерином, а затем гремучий студень с камфарой, Герард насторожился. А когда второй эксперт штабс-капитан Шах-Назаров заявил, что, скорее всего, такие составы привезены из-за границы, Герард увидел колеблющийся огонек надежды.

— В чем видите вы затруднения? — спросил он.

Надежда была проста: если Кибальчич собственными руками изготовил все элементы снарядов — это один характер преступления, если привезли из-за границы — другой.

— Нитроглицерин приготовить легко, — ответил Федоров, — но трудно получить в домашних условиях гремучий студень. Затруднительно и растворить пироксилин в нитроглицерине. Все это требует большого умения...

Однако Кибальчича, видимо, волновало иное.

— Я д-должен возразить экспертам, — сказал он. — Все сделано нами. Чтобы растворить пироксилин в нитроглицерине, нужен с-амовар или п-печка. То-есть, лишь только теплая вода.

Конфузливое молчание повисло в зале. Как же так, господа эксперты? Что ж это вы?

— Что касается гремучего студня, — продолжал Кибальчич, — есть указания и в русской литературе о его приготовлении, помимо иностранной. В августовской книжке «Артиллерийского журнала» за семьдесят восьмой год очевидец, побывавший в лаборатории господина Нобеля, подробно описал этот процесс...

Уже не конфуз, позор пал на мощные плечи генерала, не читающего своих журналов.

Спас его первоприсутствующий.

— В один ли момент при ударе снаряда о твердое тело мог последовать взрыв?

— Мгновенно, — хрипло ответил генерал.

Герард Кибальчича не понимал. Лишь только на милосердие мог он надеяться, на образ человека совращенного с праведного пути, но отнюдь не на образ партийного гения, для которого нет технических проблем.

— Я п-просил бы господина эксперта определить, какой радиус сферы разрушения должен произойти от такого количества гремучего студня, которое заключено в снаряде?

А это зачем? Чем облегчит участь ответ на такой вопрос?

— Небольшой, — неуверенно ответил Федоров и поглядел на своих помощников.

— Трудно сказать, — произнес Лисовский.

— Круг действия бывает разный... — совсем уж уклончиво отозвался штабс-капитан.

— Скажите хоть п-приблизительно, — настаивал Кибальчич. Снова переглянулись эксперты.

— На сажень, наверное, будет смертельное поражение, — решился Федоров, явно опасаясь нового конфуза.

Однако Кибальчич удовлетворенно молчал.

— При взрыве 1 марта было ранено двадцать человек, — подал голос прокурор, — из которых трое умерли.

Ну, такого ответа ты ждал?

— Относительно сферы разрушения, конечно, не может быть точного вычисления, — снова заговорил Кибальчич, однако теперь голос его звучал тихо, покорно. — По моим соображениям она сходится с тем, что дает эксперт Федоров... При втором в-взрыве так много раненых оказалось оттого, что вокруг государя толпился народ...

Герард наконец понял, чего добивался Кибальчич: хотел доказать, что он не убийца, не мрачный демон террора и все по возможности рассчитал, даже число жертв. Но ведь и он, Герард, хотел доказать то же самое, что же он мешает ему? Прямая логика — не самая убедительная...

— Во всяком случае, большинство получили н-незначительные раны.

Эту фразу Кибальчич произнес совсем уж тихо, смиренно, и прокурор тотчас вскинул голову.

— Последнее Особому присутствию неизвестно, — язвительно сказал он. — Напротив, Особое присутствие имеет в деле обратные доказательства.

Кибальчич молчал. Однако, когда прокурор стал спрашивать экспертов о динамите в мине на Малой Садовой, снова подал голос.

— Чем, на ваш взгляд, характерен этот динамит? Имеет ли он сильное м-метательное действие?

— Такой динамит считается весьма хорошим при земляных работах, — ответил Федоров. — Он имеет свойства и пороха, и динамита.

— Мне важно выяснить, имеет ли он сильное метательное действие?

— Большее, нежели другие сорта, например, кремнистый.

— Но к-каково будет место разрушения?

— Действие его будет слабее, нежели других сортов.

— Значит, разрушений в его сфере было бы меньше? — Снова генерал надолго и озадаченно замолчал.

— Да, меньше, — наконец, согласился. — Однако на малом пространстве он действует очень сильно.

Явное удовлетворение таким ответом запечатлелось на лице Кибальчича. Но вряд ли кому-либо, кроме Герарда, были понятны его старания. Недобрым гулом отозвался зал на его слова.

Затем эксперты предъявляли суду вещественные доказательства, захваченные на Тележной: желтый кали для приготовления железисто-синеродистого свинца, азотнокислый аммиак, шарики и трубки с серной кислотой, парафин, которым заливали динамит, оберегая от сырости, фарфоровую ступку для дробления бертолетовой соли...

Лицо Кибальчича было равнодушным. Он свое доказал. Иногда казалось, что думает совсем о другом.

Государственный обвинитель Николай Валерианович Муравьев, министр юстиции, внук графа Михаила Николаевича Муравьева, племянник графа Муравьева-Амурского, сын сенатора, был немногим старше нынешних подсудимых. Он учился в Московском и Петербургском университетах и в Московском выдержал магистерский экзамен, а в Петербургском получил степень кандидата. За десять лет, прошедшие после учебы, он работал в Рязани, Ярославле, Москве, Петербурге. Писал и публиковался в «Юридическом вестнике», в «Журнале гражданского и уголовного права», «Юридической летописи», «Криминалистике», его статьи переводили в германских, французских, английских журналах. Уже несколько лет читал лекции в пользу семейств врачей, погибших на турецкой войне, и лекции его собирали немалую аудиторию. Благодаря им он приобрел славу выдающегося оратора.

Он давно и пристрастно следил за движением своих сверстников и поначалу считал его результатом неполного образования, причудой молодежного тщеславия, непониманием истории, той истины, что вызревание идей новой государственности — процесс долгий, стихийный, государственность меняется так же медленно, как национальный характер, как среда обитания, — любой единовременный слом принесет горе миллионам людей. Однако ныне понял — все проще. Российская государственность — старый, но плодоносящий сад, а социалисты — ночные порубщики. Огромное движение, умственное, общественное и экономическое, вызванное реформами покойного государя, передвинуло все элементы русской жизни, взволновав ее со дна до поверхности, — явились люди без нравственных устоев, без национальной приверженности, готовые на все.

Западные лжеучения тотчас предложили им социалистические теории, с виду красивые, обставленные звонкими фразами, а на деле ведущие к гибели страны. Уже тридцать лет назад их, русских социалистов, собственный кумир Герцен писал об оптическом обмане, что возникает, если слишком доверять этим учениям. Что они есть результат долгого противостояния, развития, что учения эти, жизнь народа и государство — одно целое, и отдельно существовать, переходить на другую почву не могут. Но неофиты, как всегда, стремятся крикнуть громче учителей... Впрочем, не только свои и чужие социалисты, вся высокомерная Европа виновна в том, что произошло. Десять лет она привечала беглецов, любострастно следила, во что выльются события в Северной Пальмире, в трагедию или водевиль?

В минувшем году он был командирован в Париж по делу сына немецкого колониста Гартмана. И выполнил бы свою задачу, склонил бы правительство Фрейсине к выдаче преступника, обвинявшегося в покушении на государя под Москвой осенью семьдесят девятого, если бы не Бакунин, получивший там непонятное влияние, не богомерзкий Маркс, придумавший в коммунизме «решение загадки истории», не беллетрист Гюго, всю жизнь менявший взгля-

ды как перчатки, а, главное, если бы не болезненная претензия французских обывателей на оплот и всемирную столицу демократии и их давнишнее презрение к России.

Ныне единодушны все. Палата депутатов Французской республики, узнав о событии 1 марта, закрывает рабочее заседание, Сенат Соединенных Штатов клеймит теорию политических убийств, сравнивает смерть государя с гибелью Линкольна, «мучеником высокого положения» называет покойного «Norddeutshe Allgemeine Zeitung». Рейхстаг обращается к императору с соболезнованием о кончине венчанного племянника. «Никогда еще монарх такой необыкновенной сердечной доброты и человеколюбия не занимал российский престол». Лорд Гладстон в палате общин роняет мужественную и отнюдь не скупую слезу: «Нет сомнения, что царствование Александра Второго будет всегда признаваться славным и замечательным царствованием как в истории России, так и в истории Европы и христианской цивилизации... Без сомнения, воля Провидения выше человеческого понимания, и мы должны только верить, что она направлена ко всему мудрому и всему благому. Русский народ, а с ним и весь мир будут всегда произносить имя Александра Второго с любовью и удивлением...»

Образец скорбной элоквенции для людей, которым на Россию наплевать. Но почему молчал лорд, когда Герцен устроил у него под носом свою колокольню, когда тот же Гартман приехал в Лондон?..

Впрочем, бог с ней, Европой. У нее свой скорбный путь, у России — свой...

Задача перед государственным обвинителем стояла сложная. Русское общество должно узнать правду о заразе, разносимой пресловутой «партией», он должен показать ее действительное — страшное, но и ничтожное — значение в русской жизни. Он должен быть беспощаден. Очень далеко располагается гуманность минуты, часа от гуманности общей и долговременной. Гуманно было оправдать Веру Засулич, но к чему это привело? К воодушевлению молодежи, чувству безнаказанности. Может быть, вся жизнь последних лет развилась бы иначе, если бы отправили эту девицу на каторгу. Убийствен был сарказм ее защитника Александрова, но вот что принес России его несомненный талант. Ничтожна обвинительная речь прокурора Кесселя — вот к чему привела бездарность.

Ныне появилось расхожее мнение, что причина молодежного анархизма в разочаровании. Мол, убедившись, что реформы сверху закончены, молодежь пытается продолжить их снизу. Не вовремя ли закончены? Стремление к постоянным переменам — понятное, но безответственное и вредное. Перемены, не закрепленные в традиции народной жизни, приведут к потере государством равновесия, управляемости, и тогда, действительно, революция — единственный путь. У покойного государя как раз было замечательное чувство условий и возможностей — чувство меры.

Да, Россия бедна и несчастна. Но существующий народный строй верит в Бога Всемогущего и Всеблагого, исповедует Христа-Спасителя, в религии ищет силы и спасение. И здесь главное, быть может, их, социалистов, преступление: стремясь упразднить религию, они лишают народ величайшего утешения. Слава богу, многомиллионное российское крестьянство знать не желает их идей. В России, благодаря православию, царь и отечество — одно, неразъединимое понятие. В сознании народа государь пал не только как мученик, но и как воин на своем царском посту в борьбе за Бога, Россию, за ее спокойствие и порядок. Пал в смертельной схватке с врагами права, нравственности, семьи — всего, чем крепится и святится человеческое общежитие, без чего не может жить человек.

Готовясь к обвинительному выступлению, он заново перечитал все выпуски «Народной Воли», революционные катехизисы Нечаева, Бакунина и Ткачева. Очень высокого мнения о себе самой оказалась эта партия. Герои, мученики, светочи народа, провозвестники свободы — вот кто они были в собственных глазах.

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей... ни даже имени. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела... Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению».

Вот их религия. Это вам не христианское: «...да забудет мать свою и отца своего». Это более прогрессивно.

Особое впечатление произвела брошюра некоего Морозова. «Террористическая борьба, — утверждал он, — справедлива потому, что избивает только тех, кто этого заслуживает. И потому террористическая революция самая справедливая из всех революций».

Умно и просто. Но судьи кто?

«Наступит время, когда несистематические попытки террористов сольются в общий поток, против которого не устоять никому. Задача русских террористов — только обобщить и систематизировать их на практике».

Вот перспектива для родного народа. Нельзя пожаловаться на неясность. Такое не забудет думающий мир. Он, Муравьев, слышал много самых разных, самых странных теорий. Но еще не слышал системы и теории кровопролития, учения резни.

Что? Они не считают этого Морозова своим идеологом? Позвольте не согласиться. Дело развивалось именно таким путем. Форма вашей борьбы — террор, возведенный в политическую теорию. Путь — политические убийства. Средства — револьверы, кинжалы, динамит.

Немного времени прошло с начала движения. Но сколько невинных они убили и изувечили?.. Впрочем, помолчим об убиенных, поговорим о живых. Сколько тысяч совратили поддавшихся им молодых душ? Чем, как не совращением, объяснить участие в злодеянии Рысакова, девятнадцатилетнего юноши? Еще вчера скромный, набожный, любящий сын — сегодня пишет грубые письма престарелым родителям, живет с женщиной без определенного положения в обществе, наведывается к проституткам, мучается триппером, а в конце концов бросает бомбу в государя... Чем, как не совращением, участие Тимофея Михайлова, рабочего завода Вакферсона, вчерашнего крестьянина? Не формулой ли Желябова «фабрики и заводы — рабочим?» Каким рабочим? Этим — неграмотным и злобным?

Или — Кибальчич. О таком ли поле деятельности мечтал он, приехав в Петербург? Он, склонный к уединению, к ученым занятиям, знающий несколько языков? Вот куда привели его специальные знания, помноженные на идею-фикс. Этот мягкий с виду человек, оказалось, умеет жестко стлать. О чем думал он, отправляя на верную смерть Рысакова, Михайлова и того, погибшего от разрыва снаряда?.. Новый тип в социально-революционном движении, и тем более опасен он. Представитель науки в новом качестве — носительницы зла.

О Желябове, Перовской — нет речи. Эта публика ясна.

Все они считают себя благодетелями России, личностями равными Робеспьеру, Марату, Бабефу. Но еще неизвестно, как они вошли бы в российскую историю, если бы не Кибальчич. Скорее всего, как трагические комедианты,

неумехи, растяпы и болтуны. И в самом деле: Каракозов не попал в государя, Соловьев не попал, под Александровском не сумели взорвать мину, под Москвой перевернули не тот поезд, в Зимнем разворотили кордегардию, под Каменным мостом бессмысленно утопили семь пудов динамита, в Одессе минувшей весной не успели к проезду государя... А если бы не еще одна растяпа — генерал Мравинский, был бы раскрыт и подкоп на Малой Садовой.

Кибальчич со своими снарядами — вот кто спас их партию от насмешек потомков. Особое внимание нужно уделить в обвинительной речи ему.

Следует также проследить влияние на русский народ иммигрантов особенно во втором и третьем поколении. Первое их поколение живет тихомирно, но уже второе поднимает голову, а с третьего мечтает получить власть. Вам плохо? Но кто виноват, что живете не на своей земле?

Еще необходимо обозначить типы социалистов, показать их в том виде, которого заслуживают, чтобы отвратить молодежь.

Уголовные и политические убийцы — типы разные. Политического не определишь по учению директора пейзарского дома сумашедших Ломброзо — по черепу, носу, ушам, чувствительности кожи, те же Желябов и Кибальчич опровергают и его теорию невропатичности одаренных. Но нечто объединяющее политических и уголовных преступников есть: недостаточно развитое чувство сострадания, отсутствие угрызений совести, и здесь ближе к истине его ученики, барон Гарофало и Ферри. Преступники — особая разновидность человеческого рода, причина преступления в преступнике, а не в окружающей среде. Не умственное, но более важное — нравственное развитие в них остановилось, и потому в основе карательной системы должен лежать биологический принцип. Убийца с людьми ужиться не может. Другого средства государственной самозащиты нет.

— Призванный быть на суде обвинителем величайшего из злодеяний когда-либо совершившихся на русской земле, я чувствую себя совершенно подавленным скорбным величием лежащей на мне задачи.

Так начал он свою обвинительную речь. Она продолжалась пять с половиной часов.

* * *

После речи прокурора задача защитников еще более осложнилась. Труднее всех было Унковскому, говорившему первым, но и предпочтительнее: Рысаков — единственный из подсудимых, кто раскаялся и смертно тосковал на виду у всех. Положение осложнялось еще и тем, что совсем иной вопрос витал среди публики: какая может быть защита, если злодеяние так явно, дико и неопровержимо доказано? Кого защищать — врагов отечества?

С этого Унковский и начал.

— Приступая к исполнению возложенной на меня тяжелой обязанности, я должен прежде всего просить у вас снисхождения к себе, так как задача эта выше моих сил и средств.

Голос его звучал глухо, и в зале тотчас воцарилась полная немота.

— Нужно ли говорить о трудностях защиты по настоящему делу?.. Однако обязанность защитников, назначенных судом, священна. Мы должны исполнять эту задачу уже потому, что великий составитель судебных уставов, на основании которых происходит суд над подсудимыми, сказал в изданном им законе, что никто не может быть обвинен в преступлении иначе, как на основании этих уставов, в которых защита является таким же фактором правосудия, как и обвинение. Само собой разумеется, я не являюсь здесь защит-

ником совершенного злодеяния, я защищаю только лицо, которое его совершило... Мы не можем обращать это дело в дело мести хотя бы из благоговения к памяти императора. Подсудимые должны пользоваться всеми гарантиями правосудия, которые установлены покойным государем. А потому я считаю своим долгом изложить все то, что могу, в пользу подсудимого Рысакова.

Владимир Николаевич Герард слушал его внимательнее, чем кто-либо в зале. Он всегда завидовал способности Унковского избрать нужную, проникающую интонацию, найти психологическую причину преступления, умению вырастить ничтожное это зерно невинности в душах заседателей и смягчить приговор. Собственно, характер его влияния был понятен. Этот нелюдимый, замкнутый в обыденной жизни человек имел душу священника, он в самом деле проникался сочувствием к подзащитному, а никакие доводы не действуют сильнее, чем вера и искренность.

Однако суд Особого присутствия — не суд присяжных. Какие доводы приведет он теперь?

Нет, и ныне не изменил своей методе. Участие Рысакова в преступлении — случайность. Люди, с которыми он встретился здесь, в Петербурге, обладали такой энергией, характерами, такой нечеловеческой силой, что всякое сопротивление их воле со стороны этого мягкого, доброго провинциального юноши, почти мальчика, оказалось невозможным. Ему девятнадцать, он не достиг еще и совершеннолетия, можем ли мы судить его, как других?.. Поглядите на его лицо — не страшно ли вам произнести приговор? Физическое участие в преступлении и нравственное — разве это одно?

— Светлый образ царя-освободителя, погибшего от руки подсудимых, дает мне право просить о снисхождении. Вспомним слова Спасителя: «Господи, прости им — не ведят бо что творят».

Герард поглядел на Унковского и подумал, что лицо его подзащитного такое же — безжизненное, без тепла и крови. Рысаков время от времени вдруг торопливо ощупывал свои колени, скамью — и так же Унковский, сняв пенсне, снова надел его, а сложив листки с речью, начал совать их мимо кармана. Казалось, вещный мир уже терял для обоих определенность и смысл.

Хартулари, красавец с крупным греческим носом, смуглый, буйноволосый, был как всегда велеречив и громогласен. И если Унковскому надо бы быть священником, Хартулари — обвинителем, а не защитником.

Он тоже сослался на судебный устав 1864 года — славу и величие минувшего царствования, и заявил, что только сознание долга может раскрыть защите уста, немеющие при одном воспоминании о событии 1 марта, беспримерном в истории русского народа. Защиту свою он построил на том, что, кроме оговора Рысакова, нет доказательств участия Михайлова в покушении. Не найдено никаких вещественных доказательств в его квартире, и ни одна из хозяек, где проживали Желябов, Гельфман, Кибальчич, не признала его. Сослался и на неразвитость подзащитного.

— Если вы, господа судьи, желаете, чтобы наказание Михайлова соответствовало своей цели, то приговорите его именно к жизни, к этому лучшему реформатору нравственного направления и его прошлых заблуждений!

Невыносимо было слушать после речи Унковского его поддельную страсть и уверенный в себе голос.

Герке, защитник Гельфман, получив слово, поднялся, но никак не мог начать свою речь и только вздыхал с горестным видом да перекладывал листки, что приготовил к защите, так что среди публики началось движение, и насторожился первоприсутствующий. После речи прокурора Герке сидел потерянный, видимо страдающий больше меры, что простительна адвокату.

Еще не так давно евреи в России не знали того горя, что сполна отведали в других странах, и это, конечно же, рок, тяготеющий над их библейской судьбой. Он движется медленно, но неотвратимо, на два-три поколения хватает относительного покоя, ни в богатой, ни в бедной стране не скроешься от него. Вот и мирная Россия десять лет назад записала в свою историю первый погром, вот и великую Сарру Бернар закидали в Одессе кислыми огурцами. Куда им идти теперь?.. Он, Август Герке, тоже вышел из этой страждущей нации, из польских евреев, и вполне понимал эту беду.

— В большом смущении приступаю к возложенной на меня тяжкой обязанности представить защиту подсудимой Геси Гельфман. Я боюсь, что не справлюсь с задачей этой обязанности. Во всяком случае, я не в состоянии представить такой защиты, которая по силе и подробностям отвечала бы сильной и подробной обвинительной речи...

Он, по-видимому, долго и тщательно готовился к своему выступлению, возможно, не однажды заново переписал его, но ни разу не заглянул в листки. Говорил долго и сбивчиво, так что в зале снова послышался ропот, а там и гул, сенатор Фукс вынужден был поднять колокольчик.

Герке построил защиту на пассивном участии Геси в революционной партии: она не следила за выездами государя, не занималась приготовлением динамита или снарядов, не имела решающего голоса в обсуждениях, — была лишь только хозяйкой конспиративных квартир...

Странное и печальное было зрелище: горестный Герке с его синагогальной манерой покачиваться во время речи и равнодушный к его чувству зал. От отца, известного пианиста Анатолия Августовича Герке, видно, унаследовал такую особенность: тоже горестно раскачивался, прежде чем опустить руки на рояль.

— Я прошу суд отделить Гесю Гельфман от главных обвиняемых. Она еще не окончательно испорченная личность и может быть возвращена обществу, из которого вышла...

Так же долго, как раскладывал, собирал свои листки.

Следующим первоприсутствующий пригласил Герарда.

Герард тоже к защите всегда готовился подолгу и тщательно, но редко записывал свои тексты. Не стал делать этого и теперь. Слишком много зависело от обвинительного выступления, защита должна чутко реагировать на его пафос и смысл, ныне же нужно было учесть и речи предыдущих защитников. Память у него была превосходная, имена, даты, последовательность, причинность — все удерживалось и извлекалось в необходимый момент. Чем труднее выпадало ему дело, чем большая опасность грозила подзащитному, тем большее возбуждение испытывал он, малосильный и бесцветный в обыденной жизни голос обретал чувство, являлся жест и уверенность в себе. Он никогда не умолял о пощаде, а строил защиту на соучастии общества в преступлении, принуждал присяжных заглянуть в истоки и побеждал отнюдь не реже других. Не было оснований менять свою методу и ныне.

Слушая речи Унковского и Герке, он понимал, что каждый выбрал путь верный, но чувствовал раздражение от их зависимости и покорности перед лицом зала и Особого присутствия. Кроме того, все они явно опасались, что их защиту поймут, как личное отношение к преступлению, — все ужасались содеянным и пели хвалу обвинителю.

— Громадность и важность того преступления, о котором вы произнесете ваш приговор, близость дня, в которое совершилось событие 1 марта, с сегодняшним днем суда над ним, вполне объясняют, в моих глазах, по крайней мере, ту страстность, с которою общество ждет вашего суда...

Первые фразы на суде, когда публика замирала, привыкая к его виду, голосу и интонации, всегда приносили наибольшее, быть может, эгоистическое удовлетворение. В эти минуты он противопоставлял себя им, несчетным, живущим слухами, впечатлениями, стадным чувством, заявлял о существовании иного взгляда на свершившееся преступление, о том, что имеет смелость представить его.

— Мне понятна и та страстность, с которой сказана обвинительная речь. Я вполне понимаю, что с той точки зрения, с какой смотрит господин прокурор на само событие и с которой, повторяю, смотрит все общество, нельзя к нему относиться иначе. Но вы, господа судьи, должны отрешиться от всякой страстности: суд не может действовать под впечатлением страсти, не может судить одно происшествие, он должен взвесить причины...

Краем глаза Герард увидел насторожившиеся лица сенаторов Фукса, Синицина, Биппена, прокурора Муравьева и почувствовал, что первая цель достигнута: все будут слушать его, затаив дыхание. Он знал, что произнесет хорошую, даже значительную речь: судьба подзащитного точно и без оговорок укладывалась в его систему и метод.

Публика и сама по себе не чужда исследовательского начала. Прошли времена, когда она жаждала скорейшей расправы, ныне она хотела знать, кого судят, поскольку путь преступника не менее поучителен, нежели путь праведника, и, уж конечно, более интересен. Тем паче технический гений партии. Что они, Желябов, Перовская, Рысаков, Тимофеев без него? И что, если он, техник, в партии не один? И что, если из таких техников станут впредь рекрутироваться ее члены?

Чувствуя свою временную власть и над публикой и над судьями, Герард начал издалека. Рассказал о приезде Кибальчича в Петербург, отметив, что не только семнадцати лет закончил гимназию, но и с серебряной медалью, что успешно занимался в Институте Инженеров путей сообщения, в Медико-хирургической академии и был благомыслен вплоть до ареста. За что, однако, провел молодой человек в тюрьме два года и восемь месяцев? За «Сказку о четырех братьях», крамольного содержания которой не понял никто в деревне, кроме отца Наркисса Олтаржевского? За тюк с запрещенной литературой, к которому он не имел никакого отношения? И не августовский ли указ семьдесят восьмого года о высылке из Петербурга лиц когда-либо привлекавшихся причина тому, что Кибальчич перешел на нелегальное положение?

После каждого, пусть риторического, вопроса Герард выдерживал паузу и в этих паузах слышал поглощенную тишину. Нет, надежды на милостивый приговор не было, тут Герард не заблуждался. Однако он давно мечтал высказаться обо всей российской полицейщине, где даже он, присяжный поверенный — слухами земля полнится — находится под негласным надзором! В какое время, в каком обществе живем, какую традицию передадим потомкам?.. И в самом деле, будь он моложе на десять-пятнадцать лет — кто знает, где оказался бы сегодня, здесь, за адвокатским столиком, или...

И вдруг услышал в затянувшейся паузе:

— Это не подлежит нашему обсуждению.

Голос первоприсутствующего был обеспокоен и тороплив. Герард не сразу понял, что обращается Фукс к нему.

— Я указываю лишь только на практическую непригодность таких мер, — сказал он. — Как показали все процессы последих лет...

— Этот предмет не подлежит нашему обсуждению! — повторил Фукс раздраженно и неприязненно.

Чрезвычайно редко перебивали защитников во время суда. Обычно Герард не терял судей и заседателей из виду, и как бы ни были непроницаемы лица, угадывал душевные процессы, что вызывают его слова, умел вовремя изменить температуру, а то и качество реакции и только сегодня, увлекшись, забыл о них. Сенаторы глядели на него с досадой и недоумением и так же — на первоприсутствующего Фукса: сколь можно? что вы, сенатор?..

— Вы отвлекаетесь от предмета защиты. Возбуждать вопрос о делах давно минувших, разбирать их, входить в существо производства не представляется надобным. Во-первых, Особое присутствие имеет ввиду эти производства, во-вторых, вы утомляете внимание Особого присутствия вещами, не подлежащими его обсуждению. Поэтому я приглашаю вас освободить Особое присутствие от излишних подробностей, по моему мнению, не имеющих для настоящего дела никакого влияния и весьма мало разъясняющих его.

Теперь Фукс следил неотступно и перебивал еще несколько раз. Оставалось лишить слова, и тогда участь Герарда на всю оставшуюся жизнь была бы решена.

Нельзя сказать, что Герард не дрогнул. Что не мелькнула в мозгу картина будущего разбирательства в совете адвокатов. Однако есть минуты и положения, когда отступить невозможно.

Нет, причина не в высоких общественных помыслах, не в судебном прецеденте, не в судьбе подзащитного и даже не в собственной судьбе. Причина в обычной человеческой чести. Что ни говори, а она главное достояние, и пожертвовать ею нельзя.

Высказать все, что приготовил, ему, конечно, не удалось. Но о подзащитном, о том, кого судит сегодняшнее Особое присутствие, сказал. Нельзя было позволить сословным представителям великой России произнести приговор с незамутненной душой. Пусть память пожизненно напоминает им об этом дне.

— Когда я явился к Кибальчичу, как назначенный ему защитник, меня прежде всего поразило, что он был занят совершенно иным делом, ничуть не касающимся настоящего процесса. Он был погружен в изыскание о каком-то воздухоплавательном снаряде. Он жаждал, чтобы ему дали возможность написать свои математические изыскания об этом изобретении. Он их написал и представил по начальству.

Обыкновенно Герард искал эмоциональный конец для речи, и этим умением особенно стал известен и популярен. Однако сегодня намеренно закончил протокольно сухо. В конце концов судьба процесса была уже решена. И речь только о судьбе странной идеи его подзащитного. Он встретился взглядом с Кибальчичем и прочитал одобрение на его лице.

Следующим говорил Желябов — сам, поскольку от защитника отказался. Вряд ли это можно было назвать защитой. Первоприсутствующий, обвиняя, что излагает взгляды партии, а не свою прикосновенность к покушениям, не давал ему закончить ни одну мысль. Да и публика в зале калилась от гнева и ненависти.

Впрочем, на публику Желябов не обращал никакого внимания. Можно было удивиться его самообладанию...

Последнее слово подсудимых, как всегда, было формальностью.

Даже распавшийся Рысаков ни о чем не просил суд, лишь отвергал свою принадлежность к террористической организации. Если и теплилась у него надежда, то только на милость императора.

Последнее слово задумано обществом, как торжество суда над преступлением, когда подсудимый, сломленный уликами и доказательствами, смиряется

с любой участью и смирением взывает о помиловании, подтверждает таким образом его, суда, справедливость. Оно, последнее слово, не для подсудимых, а для суда и публики, чтобы все покинули зал с чувством законности того, что здесь произошло, с верой — больше не повторится.

Все говорили, будто нарочно разрушая усилия защиты. Перовская заявила, что множество обвинений суд имел основания предъявить им, одного только не имел права: обвинять в безнравственности; Гельфман — что бежала в Петербург из Старой Руссы не потому, что преследовала полиция и не было средств к жизни, а продолжать дело, которому служила до ареста. Желябов и вовсе отказался говорить, даже выразил сожаление, что вообще предпринял защиту. И только Кибальчич нетерпеливо ждал своей очереди.

— Пользуясь п-правом слова, мне предоставленным, я скажу о том логическом пути, по которому пришел к известным выводам, — начал он и сразу услышал, как снова провалился в тишину зал. — Я в числе других социалистов признаю право к-каждого на жизнь, свободу, благосостояние и развитие всех нравственных и умственных сил человеческой природы. С этой точки зрения лишение жизни человека — и не с этой только, но и вообще с человеческой точки зрения, — является вещью ужасной. Господин прокурор в своей речи, б-блестящей и красивой, заявил сомнение, что для меня лично и для партии вообще желательно прекращение террористической деятельности... Он в-выставил меня и вообще партию лицами, проповедующими террор ради террора, выставил лицами, предпочитающими насильственные действия мирным средствам только потому, что они насильственные... Какая это странная, н-невероятная любовь к насилию и крови!

Фукс, видно, решил, что — достаточно, самое время прервать Кибальчича.

— Я приглашаю вас касаться только вашей защиты, — произнес он.

Кибальчич повернулся к нему.

— Господин прокурор говорил, что весьма важно выяснение н-нравственной личности подсудимого, — сказал он. — Если я заявляю свое мнение об известных вопросах, которые ныне волнуют всю Россию, оно, я полагаю, относится к характеристике моей личности.

Фукс промолчал.

— Я внимательно следил за речью господина прокурора и именно за тем, как он определяет п-причину революционного движения, и вот что вынес: произошли реформы, все элементы были передвинуты, в обществе образовался негодный осадок, которому нечего было делать и, чтобы изобрести дело, этот осадок начал революцию... Уж т-так ли просто, господин прокурор, начинаются революции?

— Я призываю вас... — начал было Фукс и снова умолк, опасливо взглянув на Муравьева,

Можно было продолжать, поскольку угрозы лишения слова не последовало.

— Теперь к вопросу о том, как обществу жить дальше, чтобы печальные события не повторились. Прокурор указывает верное средство: к-карать и карать. К сожалению, не могу согласиться с господином прокурором. Его рекомендация не приведет к желаемому результату...

— Подсудимый, я лишу вас слова, — сказал Фукс.

Кибальчич кивнул. Ясно: высказаться не удастся.

— Еще хочу сделать заявление по частному вопросу. Об этом уже говорил мой защитник. Я написал проект в-воздухоплавательного аппарата. Я полагаю, что аппарат этот вполне осуществим. Я представил подробное его изложение с чертежами и вычислениями... Но так как я, вероятно, уже не буду

иметь возможности следить за его судьбой, я теперь п-публично заявляю, что эскиз находится у господина Герарда.

Больше он не прислушивался к тому, что происходило в суде. Подражая манере Муравьева, обер-секретарь Попов долго читал обвинительный приговор. Снова о чем-то говорил защитник Рысакова Унковский, кажется, пытался смягчить вину подзащитного, вздыхал и кланялся Герке... Пустое. Попытки их изменить развязку казались наивными, и верно поступили Герард и Хартулари, когда отказались говорить.

Вопросов о виновности подсудимых Особое присутствие сформулировало двадцать четыре, пять из них — о Кибальчиче. На все ответ был однозначным: виновен.

В шесть часов утра суд утвердил смертный приговор.

В шесть вечера он был объявлен в окончательной форме.

Оказавшись в камере, Кибальчич почувствовал, что то, чего он боялся больше всего в жизни — одиночество, настигло его. Вдруг зрение и слух обрели незнакомую досель остроту; все предметы вокруг него — стол, стул, кровать показались чрезмерно вещественными, а очертания грубыми, звуки — будничные голоса в кордегардии, шаги часового, вздохи подчаска — осязаемыми.

Он понял, что настороженно сидит на краешке стула, прислушивается, вглядывается и тотчас поднялся, стряхнул усилием воли оцепенение, начал ходить от окна к двери.

В первый же день суда, оказавшись на скамье подсудимых рядом с Соней, он уяснил, что их камеры рядом. Захотелось постучать ей, услышать ответный торопливый стук, но нельзя, нет возможности; тяжело вздыхает у двери подчасок, глядит в пол, но и настороженно следит за ним. Да и что он мог бы ныне сообщить ей? Теперь бы не говорить, а просто обняться с ней, с Андреем и так, не обвиняя, не оправдываясь, постоять рядом, чувствуя жизнь друг друга. Что делают они сейчас? Лежат на кроватях, призывая забытье, стоят у окна, вглядываясь в сырое темное небо, ходят, как он, от двери к окну? Почему ни разу не пришлось поговорить по душам, выслушать и рассказать о себе?

Что скажут о них потомки? Нет суда более пристрастного и несправедливого, чем их, грядущих поколений, суд. Некому будет возразить им, обладателям своей временной правды и истины, своя злоба дневи будет занимать их.

Но, может быть, смерть оправдает и примирит.

Подали ужин, на мгновение он почувствовал острый голод и тут же забыл о нем. Так и не заметил — поел ли, куда и когда подевались миска и кружка, сколько прошло времени. Время всегда протекало для него разно: в Коропе, Новгород-Северске, Киеве, Петербурге. И дело не в возрасте, а в том, что прозрачный и жалкий ручеек собственной жизни петлял, то приближаясь, то отдаляясь, рядом с океаном вечности, и когда приближался, он забывал о времени, о собственном порожистом ручейке. Было в том ощущении и бессмысленное, и счастливое. Он испытал его много раз: когда уезжал в Петербург из Коропа, когда вышел на крыльцо Окружного суда, когда шел на встречу с Квятковским в кофейню Андреева, когда выполз на берег моря вместе с Верой Фигнер, когда пришла идея того аппарата, да и еще много раз. Даже сейчас. В конце концов прожито не так мало — двадцать семь лет и, может быть, последние годы не зря. Может быть, в том океане сохранятся их имена.

Сколько часов пути отделяют его от Него?

После чтения приговора сенатор Синицын объявил, что закон дарует осужденным право в течение двадцати четырех часов подать прошение о помиловании. Наверно, подаст Рысаков, возможно, и Тимофей Михайлов. Кроме того, приговор о Соне Перовской, как дворянке, подлежит высочайшему утверждению. Нужно время и приготовить казнь.

Значит, самое малое — трое суток.

Иван Панаженко оказался прав: на 10-м номере на втором году прекратил существование наш журнал. Последнее, что прочитали подписчики — рекламу крема «Ренессанс», который приносит увядающим женщинам красоту. «Первый раз для пробы крем «Ренессанс» высылается бесплатно!» Те, кто снова станет молодым и красивым, будут помнить наш последний номер, пока опять не состарятся. Дай вам, как говорится, бог.

Не в том, разумеется, дело, что наши последние номера опаснее предыдущих, а в том, что новый Председатель Совета министров, молодой, сорокачетырехлетний Петр Аркадьевич Столыпин почувствовал власть и силу.

Летом привели в исполнение последние смертные приговоры из крупных, политических, в том числе над Штифтаром и Гронским, убившим фон-дер-Лауница; ныне достреливают мелкоту. Штифтар оказался студентом Лебединцевым, и в ночь перед казнью оставил решение некой математической задачи — деление всякого угла на три части, завещав рукопись Петербургскому университету.

Давно минувшее время напомнило мне это наивное завещание...

Многое теперь кажется наивным. И, конечно, наша тогдашняя вера в возможность примирения и покоя. Не о том ли взывал господин Достоевский на открытии памятника Пушкину, не об этом ли — перед приговором — покойный Владимир Соловьев?

Нельзя осуществить на земле правду насилиями и убийствами, — говорил Соловьев в той знаменитой лекции в зале кредитного общества. Употреблять насилие для осуществления правды, значит, признавать правду бессильной. Революция, основанная на насилии, лишена будущности. Правда есть Бог, неправда — рознь, а правда — единство... Идея народа — все мужчины должны стать Христами, все женщины — Богородицами. В царе народ видит не представителя закона, а носителя своего духовного идеала, потому верховной нормой жизни царь должен считать то, что считает народ...

Третий день продолжался суд, но одно дело — Особое присутствие, иное — общество. Оно должно вынести свой приговор.

«Настоящая минута — случай оправдать притязания на верховное водительство народа. Царь должен простить убийц, если чувствует связь с ним. Правда Божия говорит: не убий. Русский народ не признает двух правд. Вот великая минута самоосуждения и самооправдания...»

Как после отпущения грехов, рыдал потрясенный зал, и все ждали, что возопиет в своей усадьбе Толстой.

И прежде перед казнями ходили слухи о помиловании. Но тут — даже после приговора — уверенность. С отмщения ли начинать новому государю?..

И даже, когда повезли их на пароконных колесницах в сопровождении двух эскадронов кавалерии и двух рот пехоты по Шпалерной, литейному, Кирочной, Надеждинской, когда прибыли на Семеновское поле градоначальник Баранов, прокуроры Плеве и Плющик-Плющевский, товарищи прокурора Постовский и Мясоедов, когда взошли на эшафот пять священников в траурных ризах и забили малые барабаны — верили. И когда палачи Иван Фролов и Степан Суваловский скинули синие поддевки, оставшись

в красных рубахах, верили. И я верил, стоя в пальто у двери, не в силах выйти на улицу.

Сознание, как известно, к бытию приспосабливается быстро и утешение находит там, где его нет. Что поделаешь, думалось. По крайней мере, начал палач с Кибальчича, и умер он легко. И по дороге на Семеновское поле покойнее был других. Все они искупили свои заблуждения, а Россия научилась мудрости и взаимотерпению. Будем же помнить о постигшей нас беде. «Да ободрятся пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных...»

Позже, когда каждый гражданин империи считал долгом запечатлеть каблук на их тенях, когда их обвиняли в безнравственности, тщеславии, жестокосердии, разврате, мстительности, фанатизме, исторической самонадеянности, нехристианстве и во всех иных грехах и пороках, что накопила общественная мораль, мне хотелось воскликнуть: полно! Вспомните: неправда — рознь, правда — единство. Не там ищите прегрешенья. В ином причина: из народа и России сотворили кумира, ради них преступили главную заповедь. За это и предстанут перед Его судом.

А мы?.. Как ничтожны, жалки и непростительны окажутся наши вины!

Конечно, у всех бродили порой в душе сомнения, воспоминания о чем-то неопределенно постыдном, но то — душа, она, как известно, бессмертна, а вот любимое тело... Оно требовало безопасности куда громче, чем совесть покоя. Так приятно стало выйти на улицу и не испугаться, увидев человека интеллигентной наружности, прокричать «ура» карете императора и не посторониться, увидев — *со свертком*.

Ныне, когда говорят, что новые социалисты их родные дети, тоже хочется возразить: так ли? А может, наши?.. Не оттого ли наше недоумение, обида и раздражение, что — наши? Что, отвернувшись от нас, они нашли себе приемных родителей — дядьев и теток, тех, от кого мы, казалось, окончательно освободились 25 лет назад?.. Не потому ли они снова творят кумиров, что без них прожили свои жизни мы? Что совсем иные нарушали заповеди?.. Не убивали, не богохульствовали, не кричали «распни», но торговали в храмах, исповедовались, но не каялись. Теперь отрекаемся и от детей своих.

Когда ушел в отставку граф Лорис-Меликов и получил огромную власть Победоносцев («русский китаец» называли его), думалось: такие мы, нужна нам неукоснительная рука, необходима России традиция, пойдем своим долгим путем. Пусть так, пусть еще хуже, только бы мир в своем доме и покой. Правда — единство, рознь — неправда. Даже когда опять арестовали меня в 83-м и выслали в Воронежскую губернию, я только на час возопил: за что?..

И в самом деле, общество успокоилось. Завтрашний день стал предсказуем, будущее определилось. О *них* вспоминали редко, будто принесли в жертву нынешнему покою, и чем дальше, тем легкомысленнее. «Желябками», а то и «...бальчичами» называли теперь всех, кто был недоволен или бунтовал. И потому раздражение вызвала у нашей публики попытка покушения в 87-м, поскольку — опять 1 марта да и бомбы они изготовили по той же, Николая Кибальчича, системе. И ярость — крушение царского поезда на станции Борки-Тарановка.

Впрочем, как выяснилось, крушение было случайным.

Еще несколько лет прожили мирно.

Да, был голод и мор в 91-м, 93-м, 98-м, но что делать, если велика страна, а крестьянский надел к концу века уменьшился в два раза, если цена десятины выросла в восемь раз? Если сбор ржи озимой 41 пуд с десятины,

а в Германии, например, 104? Картофеля — 426 против 971?.. Если государственный бюджет России 1 400 млн. рублей на 130 млн. подданных, а во Франции, к примеру, немногим меньше — на 40?

Были волнения рабочих в Москве, Петербурге, Орехово-Зуеве, Киеве, но как удовлетворить всех страждующих, если сотни тысяч ринулись спасаться в города? Если тесно стало на полях от крестьян, на заводах от рабочих, а на дорогах и улицах от нищих, воров, ночных разбойников, проституток?.. Если приход в казну от продажи вина за последние пять лет увеличился в семь раз, с 50 до 350 млн. рублей?

Опять заговорили о милосердии, обществах попечения. Вступил и я в одно из них, отнес двадцать рублей. «Всего же паче убогих не забывайте, сколько вам возможно по силе своей кормите» — нашего, черниговского князя слова.

Когда приближался тысяча девятисотый, казалось, вот когда простим вековые обиды, несправедливость, недоразумения, воздадим страстотерпцам и мученикам, отпустим вины злодеям, — откроется перед настрадавшимся человечеством мир и простор. Однако, чем ближе к нему, тем яснее, что никто ничего прощать не намерен, напротив, именно теперь-то и свести счеты, отвоевать и укрепиться на весь огромный двадцатый век.

Снова возникли *их* тени. Заговорили и о Кибальчиче. Но вовсе не о его похороненном в архивах проекте, а о бомбах, чертежи которых так неосторожно распубликовал «Исторический вестник». Ныне каждый студент, истратив на химикаты пять-шесть рублей, может объявить себя борцом за народное счастье. В результате взорванные бомбами министр внутренних дел Плеве, министр народного просвещения Боголепов, великий князь Сергей Александрович, губернаторы Хвостов, Накашидзе, Жолтановский, Грязнов, Блок, Старынкевич... *Им* не снился такой размах.

А вот и новый палач явился, преемник состаревшего Фролова, Александр Иванович Филипьев. Балмашев, Каляев, Коноплянникова — первые его жертвы. Сколько их впереди? У Ивана Фролова было лишь двадцать шесть... Впрочем, и Филипьев старается, тоже ездит по всей России, но чаще вешает на Малом дворе Шлиссельбургской крепости, у Королевской башни.

Между прочим, двадцать пять лет не было в России женских казней. За это время мы прочитали «Смысл любви» и «Оправдание добра» покойного приват-доцента, поверили в новые религии Толстого и Ренана.

За Коноплянниковой — Мамаева, Венедиктова.

Что же, гуманизм и жестокость идут рука об руку? Чем больше одного, тем больше другого? Только и перемен, что отмена «публично-осрамительных казней» с мая 81-го?..

С новым веком возникло у меня новое ощущение — призрачности моего физического существования. Если прежде было ясно и несомненно — вот я, теперь — полно, где?.. Наверно, то было от молодости, от множества моих притязаний: и то необходимо, и другое, и третье. От достижимости. Ныне — скромнее. И без этого можно обойтись, и без того. А в результате — есть ли я? Был ли?.. Не только великий Иммануил вопрошал: что есть человек? Я, малый, вопрошаю о том же.

И еще: что остается после человека? Невыносимый вопрос.

От Кибальчича, например, остались серебряные часы и денег один рубль пятьдесят две копейки. Вы скажете — проект?.. Истлеют листы, пока доберутся до них. И не покажутся ли его надежды наивными? Даже старичок Герард не сразу взял в толк, чего я хочу от него...

Через неделю после казни постучалась в мою дверь молодая женщина лет тридцати. «Не узнаете меня?» Как было ее узнать? И не в том дело, что

прошло десять лет, а в том... Катя, младшая из сестер Кибальчича, стояла в двери. Разрыдалась, кинулась мне на шею. Оказалось, здесь же и старший их брат, Степан, — стоял внизу, у подъезда: не чувствовал права смело входить к людям.

Его бы я тоже не узнал. Где тот бравый полковник, что поражал воображение усами и выправкой?

Они надеялись, что Николай оставил прощальные письма, и не поверили, получив часы, полтора рубля и — ни строки.

Жить Степану тоже оставалось недолго: через два года похоронили его.

А часы они подарили мне. Славно идут, ни разу за двадцать пять лет не были в ремонте, и вот уже показывают новый, двадцатый век.

Я чувствую его, двадцатый, как мой наследственный дом, в котором, однако, поселились и уже расставили свои вещи незнакомые молодые люди. Стою у порога, улыбаюсь в надежде объясниться, увидеть знакомые лица, и вдруг начинаю понимать: это их дом. А новоселы строго и нетерпеливо поглядывают на меня. Что ж, им ждать не долго. Скоро я возвращусь в свой девятнадцатый, в незабвенные семидесятые и, может быть, снова буду счастлив. Приложусь к народу моему.

Хотелось бы только увидеть, куда поворачивает дорога, которую называют Россиею, и что — не выход ли? — прозревают те, молодые, там, впереди. А еще хочется хоть на минуту в недолгий день неверного торжества оказаться в ликующей толпе на той случайной вершине и крикнуть перед тем, как исчезнуть: «Братья! Поминайте наставников ваших!»

Наставники, если я правильно понимаю апостола Павла, это и временные победители, и окончательно побежденные. И вы, и я, и те, кто уже за нами.

* * *

Раз за разом Кибальчич чувствовал обратные перемены в своем состоянии: то безмерную усталость, так что не было сил дошагнуть до кровати, то прилив сил. Вдруг заметил, что из камеры исчез подчасок и не смог вспомнить когда, что дом предварительного заключения погрузился в темень и тишину. Видимо, была глубокая ночь. Очень захотелось узнать время, но серебряные его часы — когдатошний подарок брата — были отняты в день ареста. Они мирно покоятся где-то среди прочих вещественных доказательств, и ажурные стрелки, жадно раскинувшись, показывают замерший его, времени, шаг.

Никаких звуков не доносилось и из комнаты Сони.

Вовсе не собираясь спать, он прилег на кровать, чтобы уравновесить эти обратные состояния, обдумать все, что не успел до сих пор, но лишь только коснулся подушки, уснул.

Утром следующего дня Кибальчич получил копию приговора. Читать не стал. Он попросил бумагу, чернил и сел писать прошение министру внутренних дел: Герард дал знать, что проект попал к начальнику жандармского управления генералу Комарову, от него к — министру, а затем — в Главное инженерное управление военного министерства.

«По распоряжению Вашего сиятельства мой проект воздухоплавательного аппарата передан на рассмотрение технического комитета.

Не можете ли вы, Ваше сиятельство, сделать распоряжение о дозволении мне иметь свидание с кем-либо из членов комитета по поводу этого проекта не позже завтрашнего утра, или, по крайней мере, получить письменный ответ экспертизы, рассматривающей мой проект, тоже не позже завтрашнего дня...»

Следовало торопиться и «завтрашнее утро» он подчеркнул. Сегодня, в шесть пополудни, приговор войдет в законную силу и в любое время может быть обращен к исполнению.

Прошение получилось канцелярским. Он долго думал, как его изменить, но в конце концов сделал приписку совсем о другом.

«...Прошу еще, Ваше сиятельство, дозволить мне предсмертное свидание со всеми моими товарищами по процессу или, по крайней мере, с Желябовым и Перовской».

Постучал в дверь, отдал прошение часовому, снова начал ходить по камере. Сегодня было просторнее: подчасок так и не появился. Видимо, то было послабление ныне положенное ему.

Еще одна безнадежная идея брезжила в сознании с того часа, когда стало ясно, что в суде высказаться не дадут: объясниться с императором. Ныне, после приговора, они равны перед вечностью, христианский долг повелит ему вникнуть в письмо.

«...Как человек, искренно желающий блага Родине, искренно ищущий выхода из теперешнего невозможного положения, имею я честь обратиться к Вашему Величеству с этим письмом; я считал бы себя счастливым, если бы мог надеяться, что мое заявление хоть в малой степени посодействует выходу из того заколдованного круга, в котором очутилась наша страна...»

Опять писалось легко, быстро, не чувствовал ни смирения, ни уныния, напротив, надежду и прилив жизненных сил. И еще — вину, как виновник смерти его отца.

«Я сознаю, что у меня нет ни достаточного таланта, ни красноречия, чтобы ярко и убедительно изложить мою мысль, но я знаю, что верная мысль об известном предмете может быть только одна, в какую бы форму она ни была облечена...»

Письмо получалось излишне обстоятельным, может быть, назидательным, но иного сейчас он не мог написать. Снова пришлось прибегать к риторическим ныне вопросам о том, что произошло бы, будь у молодежи начала семидесятых свобода пропаганды. Повторять, что от свободы выиграло бы все общество: и партия, и народ, и правительство. Что деятельность молодежи в народе была бы более широкой, мирной, культурной, партия стала бы народной в действительном смысле слова, народ получил бы массу света, знаний, высоких нравственных примеров, узнал бы о существовании дружественной ему интеллигенции и признал бы ее своей защитницей. Не было бы тех ужасных террористических актов, которые совершила революционная партия, и общество — одной только свободой слова! — было бы избавлено от тех страданий, какие причинила гибель тысяч его детей.

Пришлось повторить, что революции не вызываются партией, а общей совокупностью хода событий, что партия могла бы внести сознательность в народное движение, сделать его более глубоким и менее кровопролитным. Что народное восстание неизбежно, и лучше если во главе его явится сознательно направленная интеллигенция — без нее оно проявится лишь в дикой, стихийной и беспощадной форме... Что свобода для социалистов невозможна без общей свободы для всего населения, а общая свобода невозможна без коренного изменения всей политической системы — таким путем партия пришла к идее политического переворота. Партия долгое время не оставляла надежды, что общественное мнение так или иначе заявит свое несочувствие политической системе, понудит правительство изменить внутреннюю политику. Она несколько раз обращалась к обществу с воззваниями в надежде возбудить вмешательство в борьбу с правительством...

Образовался заколдованный круг, в котором казни вызывают взрывы, а взрывы казни...

«Я нимало не погрешу против истины, если скажу, что все выдающиеся члены партии, известные мне, страстно хотели бы прекращения тех условий, которые создали террористическое направление, желали бы мирного исхода из теперешнего критического положения.

Среди партии не существует доктринеров терроризма, которые предпочитали бы насильственный путь решения социальных вопросов мирному».

И в самом деле, не было более заветного желания. Весной минувшего года, на пасхальной неделе, отложили все дела, собирались на квартире Исаева. Садились за стол — каждый со своей ложкой — до десяти человек, нетерпеливо ждали, когда Таня Лебедева и Аня Якимова торжественно внесут в ведерном чугуне истомленные ленивые щи — с мясом, грибами, а то и пироги с гречневой кашей. Смеялись над Баранниковым, как насосом выдувавшим свою тарелку, хватали за руки Колодкевича, нахально выбиравшим мясо, над потевшим от одного запаха щей Исаевым... После обеда пробовали петь и даже плясать — Фроленко, оказалось, лихо играет на балалайке, Геся на гребешке, Баранников показывал гимнастические упражнения — ходил на руках из комнаты в комнату, и говорили о будущем. Аня заявила, что сразу после победы станет народной учительницей, Таня — фельдшером, Геся откроет — по Чернышевскому — швейную мастерскую, и только мужчины еще не решили, что станут делать...

«...Возможны лишь два выхода из настоящего положения: или поголовное истребление всех террористов, или свобода, которая является лучшим средством против насилия. Но истребить всех террористов немыслимо, потому что ряды их постоянно пополняются свежими силами, готовыми на всякое самопожертвование для целей партии.

Остается лишь путь свободы.

Ваше Величество, я высказал свою мысль».

Он не заблуждался относительно своего высокого адресата. Однако последние годы царствования отца должны призвать его к размышлениям. Царь в России действительно необъятная сила, и просвещенная его воля могла бы сделать то, что в иных государствах достигается кровавой бойней. И разве нельзя допустить в последние дни жизни, что новый царь с открытым сердцем идет к своему народу, с верой в него и желанием перемен. Что и его единственная надежда — свободный народ и мирный труд? Что уже завтра Россия начнет новую жизнь?

«Против царя — социального реформатора — немыслима никакая крамола. Царь, силой своей власти осуществляющий в действительности народные желания и интересы, имел бы в революционерах не врагов, а друзей. И социальная партия вместо работы разрушительной, сделавшейся ненужной, принялась бы тогда за работу мирную и созидательную на ниве своего родного народа», — такими словами он закончил письмо.

Однако отправил его только второго апреля. Незачем торопиться. Лучше, если император прочтет письмо, когда уже закончится их жизнь.

Надежды на встречу или ответ из технического комитета тоже не было. Впрочем, и это теперь не казалось важным. Главное в другом: исполнен труд.

Можно уходить. Теперь единственное, чего хотелось, — встретиться с Желябовым и Перовской. Никогда не был особенно близок с ними, но стали они ближе всех людей на земле.

Соня была из тех женщин, к которым все проникаются доверием с первых минут. Все в ней было знакомо каждому: и обида на детских губах, и детская

же серьезность, соответствие взгляда и голоса, младенчески высокий, чистый и выпуклый лоб, и южный просторечный говор вопреки ее дворянскому происхождению. Каждый видел ее такой, какой она и была, и себя чувствовал рядом с ней самим собой.

Желябову Кибальчич поверил не сразу. Вообще не доверял чрезмерно бодрым и физически совершенным людям, громким голосам, слишком крепким рукопожатиям — немало прошло времени, пока убедился, что все это в самом деле надежно и прочно, другим Желябов и не бывает, не может быть.

Он вспомнил май семьдесят девятого, толпу, запрудившую Смоленский плац, поле, высокий эшафот, повернутый к востоку, и затосковал от мысли, что, опасаясь народного волнения, их могут казнить тайно, в крепости, по одному.

Опять сместилось время. Принесли обед и, показалось, сразу же за ним — ужин, но после ужина снова был день. Приходили два жандармских чина — лица показались знакомыми, однако зачем пришли, так и не уяснил. Что за бумагу прочитали ему они?.. Звеня железом, громко прошагали по коридору, открыли дверь к Соне. Решили предоставить свидание?.. Но до темноты больше не открылась дверь.

А когда пришел вечер или, быть может, ночь, в камеру тихо вошел старый человек с глубокими тенями от древних морщин — он не сразу заметил его. Испугался, что — галлюцинация, и выходит так сильно дорога ему жизнь, шагнул навстречу: «Вы, святой отец?» — «Я, сын мой», — произнес тот обычные простые слова. Ах, какой чудный был голос у старика. Голос родного отца.

Он совсем забыл, что означает приход священника, и говорил с ним долго — о жизни и смерти, времени и мгновении, о Христе, которого всю свою жизнь вспоминал так редко, что, казалось, вовсе забыл о нем. Но разве не пытался, не хотел он жить по христианским заветам? С христианской целью? А если цели казались людям не христианскими — все ли объемлет их сегодняшнее разумение и чувство? Многие ли понимали Христа в последний день его земной жизни? Сколько времени прошло от смерти до понимания?.. И только ли учение, а не вера ли во второе пришествие спасла от забвения его имя? Не от вечной ли печали сотворили люди замечательную легенду?

Руки у священника оказались теплыми, мягкими и покорными — цепко держал их в своих руках. Узнал, что Рысаков и Михайлов тоже приняли священника, исповедались, а Желябов и Перовская отказались. Что ж, у них более определенные убеждения, они тверже душой и, наверно, не так остро чувствуют одиночество. Он, Кибальчич, рад был священнику, как родному отцу.

Он чувствовал, что снова выпадает из текущего времени и потому спрашивал иногда: давно ли ты, отец мой, со мной? Есть ли у тебя силы слушать меня? Есть, отвечал он.

Рассказал ему про городок Короп, про церковь Успения, где служил отец, про то, как любил он, отец, обряд крещения и как покорно — верхом — ездил на соборования в дальние села, и даже Лохматка знала, в какой, веселый или скорбный, они отправляются путь. Про то, что там, в Коропе, больше солнца в начале марта, чем в Петербурге, но ночи морознее, что после смерти матери он стал бояться одиночества и всегда ждал отца, выходил во двор ночью, накинув на голое тело полушубок, доставшийся ему от сестер и братьев, ждал, когда из Закоропья в лунной тишине послышатся ее, Лохматки, мерные

шаги. Только тогда нырял в постель под теплое овечье одеяло и тут же засыпал. А утром светило солнце и так весело было жить.

На исповедь и отпущение грехов их встреча походила мало — поздно возвращаться к Богу, поздно искать в нем утешения, но, прощаясь со старым священником, он с наслаждением поцеловал наперсный крест.

Он не знал, спал или не спал той ночью, однако лежал в одежде поверх постели, когда загремели шаги в коридоре, открылась дверь и принесли в кружке очень горячий, крепкий и сладкий чай. Сразу понял, что давно мучит жажда, обжигаясь, торопливо выпил до дна. Затем его повели переодеваться — снова, как прежде, два жандарма спереди с шашками наголо, два сзади. В конце длинного коридора, в комнатке, такой же, как его камера, выдали одежду: чистое белье, чистые серые штаны, полушубок, черный армяк, сапоги и зимнюю шапку. Снова повели по длинным коридорам и переходам — все дальше и дальше от камеры, в которой он прожил ровно десять дней, вниз по лестнице к двери со следами талой воды у порога, с чистым окном вверху, за которым начинался весенний рассвет, все дальше от Коропа, Новгород-Северска, Киева, Петербурга, от сестер и братьев, от Веры, Параски и Лилочки, от Христины, Елены-Веньясы, Фроленко, Исаева, Суханова, Богдановича, Дейча...

Открылась дверь, пахнуло утренним весенним морозом. Это и было самое трудное, долгое, невыносимое мгновение.

Через минуту он увидел Андрея, Соню, Рысакова, Тимофея Михайлова и почувствовал, что одиночество оставляет его.

«Ну что ж, душе моя, — сказал себе, — в путь. Одеяйся светом, яко ризою».

ОЛЕГ САЛТУК

Не выразить словом печаль

Мы

Где нас посадишь —
Там родимся.
На что-нибудь
Да пригодимся...

Какая светлая земля,
Какие добрые соседи:
Так дружно сеять и гулять
Умеют вряд ли где на свете.

Привыкли жить — так в полный рост,
А полюбить — так до могилы.
Нас, испытавших столько гроз,
Не запугаешь злою силой.

Нам вечно сеять, вечно жать,
И жить и в радости, и в грусти...
Когда слезинки задрожат,
То скатятся на Беларуси.

Хата

Петли дверные скрипят —
Значит, еще живые.
Ветерки молодые
Со ставенками шалят.

Дождь заведет канитель
Иль постоит погода.
Я не был тут полгода,
Годом мне кажется день.

Криво глядит навес,
Будто бы с укоризной.
— Это ж твоя отчизна, —
Гром прогремел с небес.

Как тут остаться глухим —
Чувствую сердцем зрячим:
Ливнем, от слез горячим,
Смоются все грехи.

Бег

Задрали штаны и подолы,
Бежим, а куда — не понять.
Молитвы, как лодыри школу,
Забыли до Судного дня.

Ни в Бога, ни в черта не верим,
Живем, отбывая свой срок...
В соборах распахнуты двери,
На душах — амбарный замок!

В лесу

Стволы как будто светятся насквозь.
На вереск опадают паутинки.
В чащобе затрещал могучий лось,
Жучок неспешно переполз тропинку.

Кто гость из нас?
В лесу мы наравне.
Здесь многое душе моей открылось,
И красота, которой выше нет,
Измученному сердцу дарит милость.

Молчу в красе, а хочется кричать,
Хоть криком не достать, увы, тех гадов,
Что без разбору рубят лес сплеча,
Как не рубили, кажется, в блокаду.

И хоть давно окопы заросли,
Доныне боль рябинам ветви крутит,
Скрипят осины, будто костыли,
Живицей сосны плачут, словно люди.

И в трепетаньи каждого листа
Я слышу голос, тихий и тревожный:
— Мир не одна спасает красота —
Боль за нее его спасает тоже.

Печаль

Не выразить словом печаль,
Которой больней не бывает.
Лежит необъятная даль.
Мечтаю, ищу, догоняю.

Там где-то затерянный след
В черемухах белых на взлесье,
Заря нерастраченных лет,
Извечная мамина песня.

Свою вспоминаю любовь,
Надеждам вернуться желаю.
Мне в чудо поверить бы вновь,
Да только чудес не бывает.

И все как-то быстро прошло,
Тропинкою стала дорога...
Как в небе высоком светло
И как далеко нам до Бога!

Желание

Я бы все закрыл кабаки,
Отменил бы рекламу.
Да перечат мне — не с руки,
С нею целая драма.

Без нее нам ни есть, ни пить,
Хоть и так уж мозги отпиты.
Вообще никак не прожить
Ярко, весело и сердито.

А еще б попсу разогнал,
Всех мастей бюрократов.
И игральные б поломал
Автоматы.

И снимал бы другое кино,
Обанкротил бы лишние банки.
И пустил бы на казино
Ну хотя б на минуту танки.

Проституцию бы запретил,
Политическую и в постели...
Невеселый вышел мотив.
Ну, а вы как хотели?

Перевод с белорусского Андрея ТЯВЛОВСКОГО.

НИКОЛЬ ВАЛЬЕ

Причуды любви

Рассказ

Приближалась очередная годовщина их свадьбы. Давно уже забыты те времена, когда они искали укромные уголки в городском парке, где можно стоять, обнявшись, целоваться или просто смотреть друг другу в глаза.

Когда они дождаться не могли той благословенной минуты, в которую снизойдет свыше на нерадивого позднего гостя прозрение — пора бы и домой.

Когда она, закончив приготовление ужина, с нетерпением смотрела в окно и даже высовывалась по пояс с балкона, чтобы как можно раньше заметить его приближающуюся быстрым шагом фигуру и зажечь свечку в антикварном серебряном подсвечнике (их единственная тогда ценная вещь, подаренная на свадьбу ее старенькой бабушкой) на сервированном просто *по случаю его прихода домой* столе.

Когда он по дороге с работы обязательно покупал своей маленькой сладкой фее плитку ее любимого молочного шоколада с кусочками вишни, а весной букетик ландышей.

Когда она приходила в отчаяние, если чувствовала, что он чем-то огорчен и его карие глаза, обычно блестящие и слегка лукавые, становились потухшими.

Когда он внимательно наблюдал за ней, пытаясь определить, действительно ли ей пришелся по душе изящный подарок в темно-синей бархатной коробочке (на выбор которого он потратил в магазине больше часа), преподнесенный просто так, без всякого повода, и нежно прикасался губами к ее восторженным и влажным от переполнявшего счастья глазам.

Когда она вставала ни свет ни заря каждое утро, чтобы он проснулся не от монотонного писка будильника, а от бодрящего аромата свежесваренного кофе.

Когда...

Какая разница, что было когда-то...

Сейчас все по-другому.

Он по-прежнему приходит с работы домой, а она готовит для него ужин, они вместе воспитывают дочь, но...

Но ее больше не волнуют его потухшие глаза, а он вручает ей бархатный футляр (содержимое которого он наспех приобретает, руководствуясь лишь ценой изделия) и коробку шоколадных конфет исключительно на традиционные праздники (она при этом вежливо благодарит и *почти* целует в благоухающую дорогим одеколоном всегда гладко выбритую щеку).

У каждого из них своя жизнь, свой мир.

Он руководит небольшой, но преуспевающей полиграфической фирмой. Весь день его расписан по минутам: пятиминутка с сотрудниками, встречи

с заказчиками, работа с документами, рабочее совещание плюс ежедневно полтора часа в фитнес-клубе, обед в хорошем ресторане, телефонный разговор с супругой и иногда деловой ужин и несколько часов, отводимых для мероприятия М, которое появляется в его кожаном ежедневнике ручной работы нерегулярно, то каждый день, то раз в месяц.

В субботу он вместе с женой и дочерью отправляется на прогулку в детский парк, кафе или кино. А воскресенье проводит вне дома, если, конечно, на этот день недели не намечается приезд родственников или вечеринка в кругу многочисленных друзей (точнее, хороших знакомых), которых становится тем больше, чем лучше идут у него дела.

И он вполне удовлетворен своей жизнью. А почему нет? Отсутствие проблем со здоровьем, успешный бизнес, забавная дочка, в которой он души не чает, спокойствие в семье. Он уверен, что она знает о его двойной жизни, которая маскируется в ежедневнике латинской буквой М (отсутствие интереса к изучению иностранных языков в школьные и студенческие годы не помешало ему использовать для обозначения встреч с очередной пассией сокращенное до одной буквы слово my (англ. — мое), но оба соблюдают внешние приличия и представляют для окружающих образец благополучной пары. Молоденькая секретарша (разумеется, крашеная блондинка с длинными ногами и единственным увлечением — шопингом), которую он взял на работу (в конце концов, неважно, кто будет принимать факс и на четвертый (это уже достижение) раз без ошибок печатать деловое письмо из двенадцати строчек) по просьбе одного из постоянных заказчиков, считает его идеальным мужчиной и мечтает выйти замуж, если не за него (он не обращает на нее никакого внимания), то за такого же хорошо обеспеченного и внимательного молодого человека. Хотя, пожалуй, она изменила бы свое мнение, если бы знала, что ежевечерний звонок жене, заказ огромного букета красных роз (ах, как некрасиво подслушивать чужие разговоры на рабочем месте) по случаю праздника, свадебная фотография в толстой рамке на рабочем столе, — за всем этим нет ни любви, ни нежности, лишь привычка и нежелание что-либо менять в личной жизни.

Он настолько дорожит устоявшейся ситуацией, что немедленно прекращает встречи с любовницей, если чувствует, что амурные отношения на стороне могут выйти из-под контроля и привести к необходимости прямого разговора с супругой и, как следствие, принятия кардинального решения (огорчать и унижать женщину, которую когда-то любил, с которой прожил несколько лет, которая родила ему ребенка, откровенными похождениями налево он считает низким).

Каких трудов ему стоило «обезвредить» зеленоглазую шатенку с неукротимым темпераментом и рубенсовскими формами, которая обожала тирамису и после изощренных любовных игр завязывала ему глаза и заставляла на ощупь слизывать с ее руки десерт. Он был ее первым мужчиной (если бы знал, что она девственница, вряд ли стал с ней встречаться) и, наверное, поэтому она привязалась к нему, как маленький осиротевший щенок к человеку, подобравшему его. Почувствовав, что он отдаляется от нее, она попыталась у него на глазах вскрыть себе вены. Свой театральный уход из жизни она продумала до мелочей (хоть снимай сериал в стиле бразильских мыльных опер) — сняла VIP номер в только что построенном пятизвездочном отеле (оплатил счет, разумеется, он) и пригласила его на романтический ужин (так и быть, полакомлюсь последний раз тирамису с прелестной ручки). Когда он, обессилевший от ее сумасшедших ласк, лежал на спине, она картинно уселась ему на живот, достала спрятанные под кроватью инкрустированные

перламутром ножны, улыбнулась, медленно достала нож и... резко провела им по запястью левой руки. От неожиданности он вскочил с кровати, опрокинув при этом ее на пол, одной рукой оттолкнул в сторону нож, а другой пережал вену (зря старался — неглубокий порез, как выяснилось позже, не представлял опасности для жизни). Узнав о том, что она страдает определенным расстройством психики, он, по совету пожилого психиатра, который оказывал конфиденциальные консультации (только по проверенной рекомендации), во время следующих встреч (объявить об окончательном разрыве отношений прямо сейчас было невозможно) подсыпал ей в напитки сильнодействующие порошки, чтобы «стабилизировать состояние». Но это не решало проблему.

Тогда он оплатил услуги профессионального (если это можно назвать профессией) дамского угодника, которому следовало обратить на себя внимание бывшей возлюбленной. Молодой сероглазый блондин, владеющий двумя иностранными языками, с отлично развитым телом и приятными манерами успешно выполнил свою работу (двойное материальное вознаграждение плюс кредитная карточка с достаточной суммой денег, чтобы ни в чем ей не отказывать).

После этой истории он весьма осмотрительно стал выбирать себе «эмоциональную батарейку», как он называл про себя своих любовниц. А подзарядившись необузданной энергией молодого тела или изысканностью свиданий с дамами бальзаковского возраста, он внезапно и бесследно исчезал из их жизни.

Порой такие амурные приключения случаются с ним одно за другим, а порой он в течение долгого времени хранит верность своей супруге.

В любом случае, субботу они проводят вместе, а в будние дни он звонит и сообщает, в котором часу придет домой.

Она привыкла к такому положению вещей, и иногда ей даже кажется, что ее брак гораздо удачнее, чем у многих других.

Муж зарабатывает достаточно и при этом позволяет ей вольно распоряжаться семейным бюджетом. (Между прочим, жена одного из его друзей даже нижнее белье ходит покупать только в сопровождении своего мужа, а чеки из супермаркета подкалывает в специальную папку и раз в неделю отчитывается перед ним).

Он никогда не повышает на нее голос и не вмешивается в ведение домашнего хозяйства. Пожалуй, ей бы не пришло в голову считать это признаком семейного благополучия, если бы не постоянные жалобы ее подруги на придирки мужа-тирана, которого выводит из себя неправильная, на его взгляд, нарезка овощей в салате, поставленные не в том порядке детские книжки на полке, гул компьютера, если он смотрит информационную программу по телевизору и т. д. Кроме того, он обожает дочку и балует ее, как маленькую принцессу.

Что еще надо для женского счастья?

Она предпочитает не задавать себе этот вопрос и довольствуется тем, что есть, хотя ей, как и любой женщине, хочется чувствовать себя любимой и желанной. Точнее, хотелось раньше. Многочисленные неудачные попытки с ее стороны освежить чувства, разжечь с новой силой его интерес к интимным отношениям, в конце концов, подавили ее естественное желание быть сексуально привлекательной в глазах мужа. А ведь она осуществила на практике почти все рекомендации, которые нашла на страницах глянцевых журналов, и претворила в жизнь советы, полученные от более опытных подруг. Романтический ужин при свечах, включающий общепризнанный

афродизиак — устрицы и легкое красное вино, и возбуждающее эфирное масло иланг-иланга в ароматической лампе в спальне, черное шелковое белье с кружевами из бутика французской одежды (безумно красивое и такое же дорогое) и загадочное мерцание десятков плавающих свечек в ванной комнате (она специально отключила свет в электрощите перед его приходом домой и приготовила ванну для них *двоих* (напрасно, к сожалению), расслабляющий массаж со специальным кремом (проштудировала четыре книги по искусству классического, эротического и восточного массажа) и игра с переодеванием (обтягивающие кожаные шорты, высокие сапоги на шпильке и тоненькая плетка, длинное воздушное платье, несколько нижних юбок и кружевные панталончики, короткая юбочка, цветные гетры и две озорных косички), а также тайный поход в sex-shop (как только продавщица спросила, что ее интересует, она, густо покраснев, выскочила из магазина и всю дорогу до дома корила себя за глупую идею). Все тщетно. Он с удовольствием съел устрицы и попросил ее почаще покупать морепродукты, принял (*один*, даже не пригласив ее составить ему компанию) ванну и стал выяснять, почему же нет света, после массажа чмокнул ее в щечку, пожелал спокойной ночи и мгновенно заснул, а по поводу сногсшибающих нарядов выразил сомнение в их удобстве.

После такой неадекватной, на ее взгляд, реакции на все ее ухищрения она оставила всякие попытки соблазнить собственного мужа и направила энергию в другое русло. Будучи неравнодушной к театральному искусству, она теперь не пропускала ни одной премьеры и всегда оставалась на встречи с актерами после спектаклей. На одной из таких встреч после спектакля остались пообщаться со зрителями не только актеры, задействованные в постановке, но и другие работники театра, от директора до осветителя. Лицо художественного руководителя показалось ей знакомым. Но где именно она могла видеть этого пожилого мужчину в очках со старомодными дужками и с несочетающимся с общим обликом массивным золотым браслетом? Ну да, конечно, это же руководитель театральной студии, в которой она занималась в студенческие годы. Ей очень захотелось, чтобы он тоже узнал ее, и она встала и спросила, не собирается ли дирекция открыть при театре студию для всех желающих. Он приподнял очки, внимательно посмотрел на нее, улыбнулся и сказал, что это неожиданный вопрос и что он готов обсудить это предложение чуть позже. Чуть позже выяснилось, что ее идея, высказанная только для того, чтобы обратить на себя внимание, заинтересовала директора. А ее давнишний знакомый, узнавший в привлекательной ухоженной женщине озорную девчонку, которая всегда сама мастерила (кстати, не хуже профессионала) костюмы для любительских спектаклей, попросил ее помочь в реализации этого проекта и стать вдохновительницей работников пошивочного цеха в подготовке костюмов для новых спектаклей. Не раздумывая ни секунды, она согласилась.

Поиск подходящего внешнего образа, подбор цвета и фактуры ткани, — и все это с учетом времени действия спектакля и характера не только героя, но и актера, — времени и сил на жалость к самой себе не оставалось. Со временем ее перестали волновать даже охладевшие отношения с мужем (впрочем, он, кажется, и не заметил, что ароматическая лампа сначала покрылась пылью, а затем перекочевала в шкаф, а соблазнительно открытую кружевную сорочку заменила розовая, всегда наглухо застегнутая на маленькие пуговички, пижама с мишками). Вскоре к мишкам присоединились веселые сердечки с ручками и ножками и крошечные цветочки (и как это она раньше не покупала себе такие милые маечки). Незаметно эти хлопчатобумажные

маечки с расцветкой, которую обожают юные создания лет пятнадцати, а также удобные джинсы и мягкие кожаные мокасины вытеснили из гардероба декольтированные платья, обтягивающие юбки, ажурные жакеты и элегантные туфли на шпильке, а флаконы прозрачно-пастельных тонов с легкими цветочными ароматами загородили на туалетном столике когда-то любимые духи с нотами пачули. Нет, она совсем не собиралась начинать новую жизнь в новом облике. Просто ставшие другими семейные отношения, а также новое (то есть хорошо забытое старое) увлечение театром изменили ее мысли, мечты, желания, и соответственно, отражение в зеркале. В зеркало теперь смотрелась совсем не похожая на себя прежнюю молодая женщина, одетая в стиле унисекс и обязательно с вместительной кожаной сумкой насыщенного цвета, в которой среди разных необходимых штучек типа губной помады, зеркальца, портмоне, ключей от квартиры, плитки молочного шоколада с кусочками вишни, мобильного телефона, маленького блокнотика для записей с отрывными страничками сиреневого цвета, полотняного мешочка с сухими духами, шариковой ручки, мягкого розового медвежонка, сшитого пока еще неумелой ручкой дочурки в подарок маме на день рождения, всегда можно найти одну-две книжки карманного формата в мягком переплете. Незамысловатый сюжет женского слезоточивого романа или запутанный детектив, конечно, не могут претендовать на то, чтобы считаться эталоном художественной литературы, но вполне годятся для того, чтобы убить время в автомобильной пробке, а заодно и не дать возможности червячку сомнения (а он живет в каждом из нас) и воспоминаниям о прежних временах выбраться из глубины души.

Иногда бульварный роман даже заполнял антракт, что, впрочем, вполне объяснимо, ведь она на некоторые спектакли приходила не один раз, чтобы убедиться, действительно ли цветовое и стилевое решение костюмов органично вписывается в общий режиссерский замысел и производит на публику определенное впечатление. Порой ей удавалось подслушать (в данном случае она не считала это неприличным) разговор зрителей о спектакле, декорациях, музыкальном сопровождении, игре актеров, соответствии их возраста исполняемой роли (кое-что из услышанного она хранила в строжайшем секрете, чтобы не обидеть одну из замечательных актрис театра, которая по несколько часов проводила перед репетицией и тем более самим спектаклем в гримерке, тщательно маскируя многочисленные морщинки), о том, как интересно подобрана одежда для главного действующего лица (сердце ее замирало от тихой радости), или о том, кто додумался напялить на актера такие нелепые вещи (к сожалению, случалось услышать и такие мнения). И вот на премьере, к которой она лично помогала вышивать гладью сложнейший цветочный рисунок на платье романтической героини, сидящая рядом с ней худощавая женщина (лет сорока пяти, в черной юбке и белой блузе с волнистым жабо, с жиденькими волосами соломенного цвета, собранными и закрученными в тугую гульку) желчно прошептала своей подруге, которая отличалась от нее только комплекцией и наличием коротенькой нитки искусственного жемчуга на такой же коротенькой шее: «Если бы я собиралась на свидание с таким мужчиной, как этот красавчик на сцене, я бы ни за что не надела такое ужасное платье!» Несмотря на то, что по виду недовольной дамы можно было догадаться, что она сама никогда не ходила на свидания (ни с таким «красавчиком», ни с кем-либо другим) и уже вряд ли когда-нибудь пойдет, настроение ее несправедливая (платье все-таки великолепное) реплика тем не менее испортила. Поэтому, как только в зале зажгли свет и зрители устремились в буфет, она достала из сумки небольшую книжку и открыла ее на пер-

вой попавшейся странице (как назло, несколько часов назад, ожидая приема у стоматолога, она уже дочитала трогательную историю о первой любви). В тот самый момент, когда она равнодушно скользила глазами по знакомым строчкам, над ее ухом раздался низкий мужской голос: «Можно я присоединюсь к вам?» От неожиданности она захлопнула книжку и недоуменно посмотрела на молодого человека в джинсах и черном свитере, который, улыбаясь, ждал ответа. Пока она соображала, в каком смысле и кто, собственно говоря, собрался к ней присоединяться, новый знакомый поведал ей о том, что он приезжий, был в командировке по работе в их городе, что завтра рано утром у него поезд и что в последний вечер он абсолютно случайно попал в театр (ему предложил купить билет юноша с грустными глазами и поникшей бордовой розой на длинной ножке, которому отказала девушка).

Слушая плавно переходившие одна в другую смешные истории, она и не заметила, как они покинули здание театра, не дождавшись третьего звонка, прошли пешком два квартала и оказались в небольшой чистой квартире, в которой у двери стояла незакрытая дорожная сумка, а на ней лежали билеты и документы. Читая в женских романах описание подобных историй, она была уверена, что с ней такое произойти не может, что лучше периодически жалеть себя и носить скромное хлопчатобумажное белье, чем провести ночь с человеком, которого знаешь всего пару часов. Но приятный баритон и блестящие глаза так близко находившегося к ней мужчины разбудили спрятанное под милой цветочной маечкой непреодолимое желание снова, пусть на один час, почувствовать себя *женщиной*, соблазнительной и сводящей с ума.

...Дождавшись, пока случайный любовник заснет, она осторожно выбралась из его объятий и тихо, стараясь не разбудить, стала собираться. Щелк-щелк. Вот и все. Закончилась премьера первого (может быть, и последнего) спектакля из ее личной жизни. И в этом странном спектакле, для которого оказались абсолютно неважными декорации и костюмы «актеров», она блестяще (судя по бесстыдному шепоту ее партнера) исполнила главную роль. И единственным человеком в незримом зрительном зале тоже была она. Возвращаясь домой по пустынным улицам мирно спящего города (ей просто необходимо было сейчас пройтись пешком, чтобы привести мысли в порядок), она как будто снова слышала голос мужчины, которого час назад целовала, чувствовала его прикосновения, снова видела в карманном зеркальце свои глаза, казавшиеся черными в полумраке комнаты, снова не могла попасть от волнения в пройму цветочной маечки... Седовласая старушка, любопытная и страдающая бессонницей, как все старушки, с интересом наблюдала за молодой женщиной, которая шла быстрым шагом, то и дело оборачиваясь назад, как будто проверяя, не идет ли кто-нибудь за ней, затем походка ее изменилась, стала плавной и завлекающей одновременно (так когда-то, лет пятьдесят назад, ходила она сама после свадьбы, если скромную церемонию можно назвать свадьбой, с офицером, вернувшимся с войны с одной рукой — выйти замуж в послевоенные годы удавалось немногим), затем движения стали суетливыми, несогласованными, а потом силуэт и вовсе потерял притягательность осанки и уверенных движений стройных бедер, стал каким-то поникшим и обыкновенным. Еще через мгновение женщина исчезла из поля зрения, и старушка разочарованно отвернулась от окна, надела специальные очки для чтения и уткнулась носом в газету.

До подъезда дома, в котором сладко спала ее малышка, и бормотал, переворачиваясь во сне, муж (он никогда не дожидался ее возвращения из театра), оставалось всего несколько метров. Вот она и дома. Надо ложить-

ся спать, но сон не идет (еще бы!). На помощь приходят тридцать капель валерианы, источающие специфический запах и увлекающие ее в царство морфея.

После беспокойной ночи (надо было накапать больше успокоительного) она автоматически выполняет обязанности хорошей жены и матери и отправляется в театр. Утро медленно перетекает в день, а в голове все тот же сумбур (кто придумал, что утро вечера мудренее?) и обрывки снов (перекошенное от презрения лицо старой девы: «Я бы на вашем месте никогда... Ужасное платье... Какой красавчик...», горячий шепот случайного знакомого, дорожная сумка, огромный магазин женского белья с бесконечно длинными рядами полок, заполненных шелковым кружевным бельем, ажурными чулками с подвязками вперемешку с непристойными штучками из секс-шопа, в котором она никак не может найти обыкновенную маечку, вишневый занавес, за которым она, совершенно нагая, прячется, и который вдруг падает, и она предстает перед зрителями, а потом оказывается, что зал пуст и...).

— Не хватает тесьмы на отделку. Какой заменить?

— Срочно предоставьте два варианта платья для последнего акта!

— Какие вкусные конфеты, угощайтесь!

— Завтра день рождения у гримерши. Будем дарить деньги или подарок?

— Найдите такую же, есть пока только один вариант, спасибо, лучше подарок...

Водоворот маленьких и больших проблем и событий захватывает ее, и она практически не вспоминает (или старается не вспоминать) о ночи, проведенной в съемной квартире с мужчиной, которого она никогда больше (по крайней мере, она на это надеется) не увидит. Но, несмотря на то, что она гонит от себя прочь образ случайного любовника и ощущение тепла мужских рук на коже, нетрудно догадаться, что с ней произошло нечто волнительное. Коллеги перемигиваются и шепчутся за спиной, что она, наверное, нашла эликсир молодости и очарования — так загадочно сияют в последнее время ее глаза, и лишь ее собственный муж не замечает перемен, произошедших с женой, и по-прежнему совсем не уделяет ей внимания. Впрочем, это ее не огорчает — вернуть былые отношения все равно невозможно (в этом она абсолютно уверена), а отпускать синицу налаженной и спокойной жизни, хоть и без любви (а кто, скажите, сгорает от страсти, имея многолетний стаж брака), она не собирается.

Кстати, приближается семейная дата — годовщина их свадьбы. Последние несколько лет они отмечают это событие шумной многолюдной вечеринкой, где каждый из них (особенно он) растворяется в коротких разговорах и банальных шутках с просто невероятным количеством приглашенных гостей. Игристое шампанское в бокалах, легкие канапе, глазированный настоящим молочным шоколадом воздушный торт с кремовыми цветочками, ореховой крошкой и поздравительной надписью, роскошный букет роз, краткий поцелуй в щечку по настоянию родственников, избитые тосты и пожелания, демонстрация очередного доказательства любви супруга пятьсот восемьдесят пятой пробы со сверкающими вставками, равнодушно подаренного ей накануне вечером и так же равнодушно принятого, позднее возвращение домой, еще один поцелуй в щеку: «Спокойной ночи, дорогая» и желание как можно скорее заснуть, подоткнув со всех сторон *свое* одеяло.

Она знала, что лучшим подарком для него будет организация именно такой вечеринки, которая избавит его от необходимости смотреть ей в глаза, говорить о чувствах и мучительно дожидаться окончания «романтического» вечера. Но на этот раз ей захотелось нарушить традицию негласного

равнодушия, сломать привычный ход фальшивого «семейного» праздника. Она — женщина, и пусть *ее* мужчина хоть один вечер в году сделает вид, что он действительно *ее*. В конце концов, она принесла в жертву *его спокойствию* чувственность и естественное женское кокетство, она закрыла глаза на пункт М в ежедневнике (мог бы тщательнее скрывать встречи с любовницами), она играет в семейном спектакле второстепенную роль по придуманному им сценарию. В этом году роли распределит *она*, а ему придется сыграть по *ее* правилам. Но заранее ставить его в известность об этом решении она не собирается. Пусть пребывает в уверенности, что в субботу вдоволь пообщается со всеми двоюродными и троюродными дядюшками и тетушками, племянниками и племянницами, а также коллегами, приятелями, приятельницами и друзьями, с приторной улыбкой съест кусочек огромного бисквитного торта с отвратительными розочками из масляного крема, наигранно нежно поцелует ее в щечку и, довольный собой и тем, что *этот* день, наконец, закончился, отойдет ко сну.

Задуманный ею настоящий романтический вечер, отличающийся от своих литературных и сериальных собратьев только отсутствием собственно взаимных романтических чувств, ему, по всей вероятности, придется не по вкусу, но это неважно. Итак, что там полагается делать для создания соответствующей атмосферы? Ах да, шампанское (непременно французское и не забыть охладить), сочные персики, сладкий виноград, россыпь спелых ягод (в каком-то женском журнале она когда-то читала, что присутствие фруктов на столе стимулирует эротические фантазии), коробка швейцарских шоколадных конфет. Еще надо решить, в какой комнате организовать сие мероприятие. Кухня, гостиная, детская (дочка погостит выходные у бабушки), кабинет, спальня... Пожалуй, в спальне. Можно поставить сервировочный столик справа от ее прикроватной тумбочки, где всегда лежит несколько книжек, чтение которых уже давно заменяет ей любовные забавы. Пить шампанское напротив *такой* тумбочки? Ну уж нет. Тогда можно расположиться у окна. Плотные портьеры с замысловатым рисунком, спасающие от яркого солнца (жалюзи в квартире она категорически не приемлет), будут превосходным фоном для шоколадно-фруктовых лакомств. Попытаться насладиться ароматным персиком, глядя на цветочный узор, в котором знаком до боли каждый завиток, сосчитан каждый лепесток во время летних вечеров, когда из приоткрытого окна доносится шум листвы и слышны шаги гуляющих в обнимку влюбленных парочек, и когда особенно остро не хватает мужской нежности и ласки, и хочется считать морщинки-лучики на лице любимого, а не дурацкие листочки на шторах? Вот эти листочки и испортят ей не только вкус фруктов, но и вообще настроение. Тогда... Тогда надо избавиться от всего, с чем связана хоть минута безрадостного существования в замужестве. Ну не выбрасывать же портьеры и тумбочку, прикроватное бра и ковер, не переклеивать же обои ради одного вечера.

И она решила задрапировать всю комнату: и стены, и потолок, и пол, и мебель, и даже огромное зеркало во весь рост в кованой раме однотонной переливающейся тафтой. После этой манипуляции спальня, пропитанная тоской и грустью, превратилась в странную комнату без прошлого с оттенком гламурности, которую можно наполнить любыми эмоциями. При этом от возможного негативного осадка после «романтического» вечера можно будет с легкостью избавиться, просто выбросив тафту в мусорный контейнер.

Ну вот, основные приготовления закончены. Осталось достать из холодильника шампанское и зажечь свечу. А где же свечи? Она совсем забыла,

что после очередной безрезультатной попытки привлечь внимание мужа выбросила все имеющиеся дома свечи: и плавающие, и ароматизированные, и даже новогодние. А для созданного ею интерьера просто необходим живой огонь. В отблесках свечи заиграет тафта, да и открывать бутылку шампанского лучше при неярком свете, чем в полной темноте (люстра и прочие светильники были надежно укрыты материей). Где-то должен быть серебряный подсвечник, подаренный им на свадьбу, а в нем наверняка есть и свечка.

В тот момент, когда она протирала кусочком мягкой ткани извлеченный из глубины шкафа подсвечник, послышался скрип ключа в замочной скважине. Щелк-щелк. Чпок. Шох-шох-шох. Это муж закрыл дверь, аккуратно поставил свой как всегда донельзя набитый бумагами портфель на пол в коридоре, надел домашние тапочки. Ну вот, представление начинается!

Он зашел в квартиру и положил букетик ландышей на полку. Ландыши, конечно, не бог весть какой подарок, но все же лучше, чем ничего. Как это ни странно, но он совершенно забыл о годовщине со дня свадьбы и, соответственно, не приобрел в ювелирном салоне, в котором, как правило, покупал украшения и имел дисконтную карточку, подобающий случаю подарок супруге. Вспомнив об этом ежегодном событии, когда магазины уже были закрыты, он не придумал ничего лучшего, чем осчастливить поздней покупкой тщедушную бабульку, боязливо предлагающую свой благоухающий товар прохожим возле ближайшего супермаркета. Впрочем, угрызения совести не слишком терзали его, — кольцо или колье, или другую безделицу, из тех, что принято преподносить в подарок представительницам слабого пола, можно купить и завтра.

Зайдя в спальню, он попытался включить свет, но не смог нащупать выключатель на стене (не сверху, как в хрущевках, а на расстоянии семидесяти сантиметров от пола, чтобы не нужно было тянуть руку вверх, а достаточно было шлепнуть по клавише на уровне естественного положения кисти). Клавиши на месте не оказалось. Пока он соображал, куда исчез выключатель, кто-то (кто-то... не кто-то, а жена, конечно) зажег (т. е. зажгла) свечу. Произошло невероятное. Он вошел в свою спальню, в которой все (даже стакан с минеральной водой без газа) и всегда находится на своем месте, в которой он точно знает расположение электрической проводки и мастерски замаскированные прорабом мелкие недоработки строительной бригады, выполнявшей ремонт «под ключ», в которой он с семьей живет уже несколько лет, а очутился в непонятном помещении, где не было ничего, кроме блюда с фруктами, открытой, но не тронутой коробки шоколадных конфет и изящного ведерка со льдом, в котором ожидала своей участи бутылка шампанского. Освещала этот великолепный натюрморт одна-единственная витая свеча в серебряном подсвечнике. Он стоял и смотрел на мерцающий блеск серебра, и в этом завораживающем мерцании как будто растворились годы усилий, затраченных на то, чтобы добиться определенного материального состояния и положения в обществе, заполненные цифрами и прогнозами будни, нечастые выходные дни, проведенные с семьей, но не приносившие радости ни ему, ни супруге (разве что маленькой дочке), потому что всю энергию поглощал бизнес и не оставалось ни сил, ни желания кропотливо строить личную жизнь так же, как он выстраивал свою карьеру. Осталась только горящая свеча в том самом антикварном подсвечнике, подаренном бабушкой (*на счастье*), свет которой, слабо пробивающийся сквозь шторы, когда-то заставлял его ускорять шаг (ведь он знал, что она специально зажгла свечу и *ждет* его) и вызывал страстное

желание поскорее прижать к груди его маленькую сладкую фею, вдохнуть родной запах вьющихся волос, загасить вдвоем огонь и... И он перевел взгляд с подсвечника и увидел *ее*. Как она была хороша! И она снова *ждала* его (и зажженная свеча в серебряном подсвечнике — неопровержимое доказательство этому). И она *любит* его. А он? Он ведь даже забыл про годовщину свадьбы и ему нечего подарить, и он смущенно протянул ей перевязанный белой атласной ленточкой (законы рыночной экономики и конкуренции, похоже, добрались и до сознания пенсионерок, не от хорошей жизни истребляющих душистые лесные растения, занесенные в Красную книгу) букетик ландышей.

Ландыши! Как ей нравятся эти скромные цветы, и как давно он не дарил ей ландыши. И как странно он смотрит на нее, как блестят его глаза... Неужели... Неужели он (от одной только мысли об этом у нее сильнее забилось сердце) *любит ее*? Конечно, любит, ведь вместо дежурного бархатного футляра благородного цвета с, безусловно, красивым и дорогим, но равнодушно купленным подарком, он принес ей *ландыши*! Как раньше, когда... Неважно, что было когда-то и чуть позже. Сегодня она выбросит будильник и ставшее лишним одеяло, а завтра он проснется от аромата свежесваренного для *него* кофе...

СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА

Молодость-зима

В колодце эры Водолея

В машине шины прокололись:
Что есть, — все мигом на излом.
Двадцатый век упал в колодец
Спиной в пролет, в удар лицом.

В колодце эры Водолея
Нет ничего, что можно пить,
Но всю таблицу Менделеева,
Рискуя, можно изучить.

...К нам в седлах летописи ханы
Не мчатся жечь библиотек,
Из параллельной жизни хамы
В нас тщатся свой внедрить набег.

Спасенье — не непротивленье
И не кровавая война.
И не толпа, а единенье —
Древнекитайская Стена.

...Где лес наш смута распинала,
Я знала, что Христос воскрес.
Где стон стоял Лесоповала,
Стеною встань, воскресший Лес!

...Округа леса — полной чашей.
Мой кислород — не на изъян.
На шее узкий шарф домашний? —
Ширь кругозора льнет к ноздрям.

Под светоносно тучным кровом
Двум измереньям я — своя:
Моя славянская основа
Во мне — моя Евразия.

Пятно

Я на внешность свою посадила пятно.
Осознала опасность не сразу.
Поначалу почти незаметно оно,
А потом от пятна — жди проказы!

Быть бы мне обреченной на гибель овцой,
Той, отставшей от стада товарищей,—
Не в библейской пустыне! Не стала былой,
Путь продлила к любви настоящей.

...Головой над работой гнуть шею люблю,
В правду почвы руками вникая,
И не алчу спроста даровых смачных блюд,
Возлюбив тебя, жизнь непростая.

Пашня — матерь святая для жизни хлебов.
Что ни колос — детсад зернозлаков.
И люблю эту пашню и рынок плодов,
Где базара нет денежных знаков.

Страсти черного дня лечит прелесть полян,
Жду даров от лесных урожаев.
Одного поля ягоды, зреньем любя,
Их ментальность в себе уважаю.
....
Коротка на земле каждой тайны длина,
Если тайна — не истина вечная.
Лицемеры живут от пятна до пятна,
Внешне выглядя безупречными.

На хвостах свои пятна кометы несут.
Будет в срок астроном-обвинитель.
В срок История вызовет пятна на суд
В летописную права обитель.

Монолит времени

Не понимаю любви без Любви.
Не бью челом Фрейду поклоны.
Не по сердцу мне наши светские львы,
Те, что «секса и стиля иконы».

Мой Лес — филармония певчих рябин,
Купав, тонкоствольно прелестных.
Одну тут любил песнопевец один,
О чем всем дубам неизвестно.

...Нет сахара — желуди в кофе горьки.
Рябиновый сок тоже — горечь.

Науке-генетике не вопреки
Для горького горькое — родич.

Мой родич уже навсегда — нелюдим.
Уже навсегда мы — не пара.
Где слезы на пламя не пламя, а дым,
Где дым, жди от Смуты пожара.

...Уже не двадцатый. Подрос новый век.
Где лирикам жить, — не их выбор.
Подросток тут, будто бы он дровосек,
Изрек:
«Что старо, — все на выруб!»

Дайте волю подростку, — такой тарарам,
Такое вмиг набедокурит!
....
Несладко романтикам не дуракам,
Где сладко цинизму от дури.

Свои, на свой лад, понимая права,
Форсистую славя успешность,
Рвет гроздья рябины сорвиголова,
Смеясь, топчет красную внешность.

Ты руку горячую не поднимай
На красок рябиновых старость!
— О Боже,
Души в горсть Любви мне подай,
Чтоб я без Души не осталась!

Зачем не бывает, где надо, дождей?
У туч своевольный свой график?
О Боже,
послушные тучи пролей
Туда, где дымится торфяник!

...Пока я жива, я жива для молитв,
Пока не умру, не воскресну!
....
Империя — Время. Оно — Монолит,
Где старым и новым не тесно.

Нирвана

«О подвигах, о доблестях, о славе...»
А. Блок

Не надо в Индию!
Нирвану
Хочу свою у нас найти.

К покою, после ураганов,
Моя ладья на полпути.

Не получив ни по наследству,
Ни в дар монетки золотой,
Все бесполезные протесты
Оставлю мраку за спиной.

Меня не кормят песен строки,
А кормит пенсионный стаж.
В актерах пьесы «Перестройка»
Жив бескорыстия кураж.

Я не бывала осторожной.
Тонула в чуждой мне среде.
Остановить потоп свой можно,
Но только не одной ладье.

Есть в мощи Творчества стопкраны.
Они у нас — не ржавый лом.
Стол письменный всея Нирваны —
Непотопляемый паром.

...Покину мореходный космос,
И с посохом пойду пешком.
С пути не сбиться мне:
мой компас
С путем на север свой знаком.

Найду и запад заповедный,
И на его востоке степь,
И стих со мною, худобедной,
Нирвана пожелает спеть.

Украшу умиротвореньем
Чувств глубину и внешний вид,
Где по душе сердцебиенью,
Когда душа с ним говорит.

...Диван зовет к телеэкрану.
И это может надоесть.
Какие тут еще Нирваны!
— У нас одна,
— Какая есть.

....

Не веря славе-недотроге,
Но, веря в доблесть, знаю я:
Готовясь к подвигам в дороге,
Быть не подвижником — нельзя.

Молодость-зима

Снятся дни Столицы,
Ночи фонарей,
Где в моей светлице
Черных нет ночей.

Снятся не могилы
И не тупики,
Снится все, что было —
Не «продай-купи».

Нет на транспорт денег?
— В Спарте высших школ
К славе небездельники
Топали пешком.

Были ярко пламенны
Наши голоса,
В кругосветном плаванье —
Мысли-паруса.

Плаванье Призванья —
Паруса ходьбы
С площади Восстания
К площади Борьбы.

С вами связь не прервана,
Прошлые края,
В Минск звонит мне первая
Молодость моя.

И —
        на нет простуда,
и сияньем тьма,
И явленьем чуда —
Молодость-зима!

АЛЕКСАНДР МИЗГАЙЛО

Званый ужин

Рассказы

Школа

Учитель физики

Саша по жизни был человеком неконфликтным и людей к себе располагал. Наверное, именно по этой причине он не вылетел со второго курса БГУ ФПМИ, а ходил пересдавать геометрический анализ 13 раз. На пересдачу приходилось тратить по целой паре: изо дня в день, равномерно и монотонно, удовлетворяя чувство мести принципиального преподавателя.

Символическое число 13, возможно, было связано с количеством пропущенных Сашей практических занятий, хотя здравый смысл подсказывал, что Александр получил свой вымученный трояк в последний день пересдач.

Троечная зачетка на третьем курсе к учебе не располагала — ничего другого, кроме как искать работу, не оставалось. Через неделю собеседований выяснилось, что желающих взять студента-невыпускника на работу по специальности нет. Предлагались липовые халтуры, поэтому, по большей части, приходилось заниматься самообразованием. Попыток найти достойную работу Саша, стоит заметить, не оставлял.

Глядя на «сокамерника», озаботился поисками работы и Игорь. Сосед по комнате был фигурой фактурной и местами колоритной. Мама его работала на молокозаводе, а потому сын мог кататься как сыр в масле. Приезды Игоря из дома неизменно встречались широкими улыбками во все тридцать два. Реагировать на извлекаемые из сумки четыре килограмма нефасованного масла, четыре литра густой сметаны, и сколько-то там сыра с творожком (творожищем) по другому не получалось. Что поделать, бедные дети, хлебнувшие в постперестроечные хавчика по талонам...

Помимо всего прочего, Игорь был непробиваемым флегматиком. Имея четкие, ярко выраженные периоды длительной спячки и бурной сиюминутной активности, сосед мог в течение одного дня вогнать слоупока в краску за излишнюю суету и пристыдить кассира в макдаке за нерасторопность.

* * *

Радостно залетев в комнату, Игорь порадовал братию собственным трудоустройством. Офигев от новости, друзья наперебой начали спрашивать, кем.

— Учителем информатики.

Саша крутил пальцем у виска, соседи по комнате истерично хохотали.

— Саня, ты ж вроде физику знаешь? — спросил Игорь.

— Пока еще не забыл, — улыбнулся Саша.

— Пошли со мной, там и учитель физики нужен.

Ребята смеялись до слез.

* * *

Игорь весил от ста и при желании мог быть крайне убедительным. Он доказал директрисе, что Саша, даже без профильного образования, может быть отличным учителем физики. Директриса, памятуя о том, что физика уже полгода как нет, долго не упиралась.

Игорь рассказывал Саше о прелестях учительской жизни. Потенциальный физик молоденькими училками английского не соблазнился. Гибкий рабочий график должного впечатления также не произвел. Пятнадцать минут веселых уговоров подняли настроение обоим, но по факту заканчивались полным провалом. Раздосадованный Игорь сел на кровать, достал из кармана булочку с капустой и начал есть. Булочка аппетитно пахла и всем видом напоминала домашнюю.

— Откуда сдоба? — поинтересовался Саша.

— Из буфета, вестимо, — показал готовность проводить уроки по русской литературе информатик и добавил: — Школьного.

Так Саша стал учителем физики.

Секретариат

Главным на всяком производстве, которым, без сомнения, является и преподавание физики, были и есть правильно настроенные процессы. На первом уроке необходимо продемонстрировать строгость, стойкость и четкую приверженность классическим основам преподавания. Дисциплина исключительно важна, поэтому детишкам нужно сразу показать, кто в доме хозяин. Все это Саша, как Отче наш, сказал сначала директрисе, а потом завучу.

Придя в класс, новоиспеченный физик увидел двадцать пар злобных детских глаз. Еще бы, два халявных урока в неделю помахали ручкой. Пришлось сразу же объяснить детям кто они и что они.

— Значит так, я вас запоминать:

а) не хочу,

б) не буду.

Физика — наука точная и методы преподавания ее точные, а, следовательно, все сказанное на уроке подлежало обоснованию. Саша обосновал:

— Во-первых, вас у меня вагон и маленькая тележка, а во-вторых, мои прогрессивные методики не предусматривают индивидуального подхода. Поэтому я для вас Александр Анатольевич, а вы для меня пупилы (англ. pupil, ученик), которых я буду отличать по индексам:

первая цифра — ряд от двери,

вторая цифра — парта от меня,

третья цифра — место за партой от двери.

— Один-один-один, встать! — пупил сидел и туго соображал. На популярную фанатскую кричалку «три-два-раз» сразу же откликнулась смышленая девчонка, чем немало позабавила учителя.

Похоже, преподавать физику — это весело.

* * *

К третьему курсу Саша разучился писать. Печатать на клавиатуре было в разы быстрее и удобнее. Заполнение платежки в банке оказывалось пыткой, а тут журналы. В конечном итоге, после двух дней размышлений и терзаний Саша решил завести в каждом классе по секретарю.

Главное в секретаре — это доверие, определил для себя учитель. Будем искать честные глазки. Иначе начнет нерадивый секретарь ставить себе по математике пятаки. Ход мыслей скорректировала всплывшая в голове поговорка: «Доверяй, но проверяй». Нет, секретарь должен сидеть на первой парте и находиться под пристальным взором, по-другому никак! Волнения в классе ни к чему, поэтому заместитель учителя должен пользоваться авторитетом. Без ботаника не обойтись. Ну и, разумеется, секретарь должна быть красивой, как-никак молодой учитель физики, положение обязывает.

Проблема казалась неразрешимой, однако на практике все оказалось просто: ботаны и так сидят на первых партах, оставалось выбрать из них самую красивую.

Новость о секретаре класс встретил с энтузиазмом.

* * *

Однажды к Саше пришла завуч и спросила, почему во всех его журналах разные почерки.

— Погодите-погодите, почерки аккуратные? — не понимал претензий учитель.

— Аккуратные, — подтвердила завуч.

— Красивые? — по-прежнему не понимал возмущения Саша.

— Красивые, — подозрительно глядя на физика, согласилась коллега.

— А что вам тогда не нравится?

— ...

Ну а что еще могла сказать завуч, если у нее физика полгода не было...

Трудовые будни

Коммуникации между седьмыми классами были налажены отлично. Детки на переменах вовсю обсуждали новый подход физика к обучению. На третьем уроке новенькие уже знали систему цифровых пупилов. На четвертом сходу вызвалась добровольцем секретарша.

Саша был олимпиадником, что наложило особый отпечаток: физика в голове держалась прочно. Это позволяло к урокам не готовиться в принципе. Материал читался по памяти и объяснялся на пальцах. Детишкам нравилось, а это главное.

Первые дни преподавания очень порадовали Сашу, но еще больше его обрадовал школьный буфет. Собственная выпечка была чудо как хороша, а уж еда по копеечным ценам так и вовсе вгоняла в блаженство. Ну и коллега не дал заскучать, заскакивая в гости почти на каждой перемене.

Однажды, стоя в очереди за булочками, Игорь спросил Сашу:

— Ты знаешь, как отличить свежую булочку от несвежей?

— Не.

— Надо потыкать ее пальцем десять раз. Если она в итоге приобретет исходную форму, значит свежая.

И начал тыкать булочку на витрине пальцем, исключительно в целях собственной безопасности улыбаясь буфетчице. Вся очередь с интересом смотрела на учителя информатики. С неподдельным трагизмом наблюдала за Игорем и продавец: а ну как потыкает и не возьмет.

Булочка с честью выдержала испытание, и информатик взял сразу четыре.

Признаком несомненного успеха Сашиных методик преподавания явился тот факт, что спустя месяц учительства физик был зажат в углу тремя одиннадцатиклассницами с требованием провести у них урок астрономии.

— Простите, у вас троих? — озадачился учитель.

— Нет, мы — будущие секретари! — обозначили намерения девушки. — В наших классах.

Оказалось, что астронома в школе тоже нет.

— Девчонки, ну вы че, у меня и так нагрузка тридцать часов в неделю. По шесть уроков каждый день. Это физически невозможно...

Девчонки расстроились и убежали. Саша и астрономию знал и помнил на отлично, но бросать какой-либо из классов было ни по совести, ни по уму...

Допконтроль

На уроки к Саше частенько ходили учителя для присмотра за молодым специалистом. Это жутко раздражало. Однажды во время самостоятельной работы физик спросил у секретаря:

— Один-два-один, вы случайно не знаете, кто сидит на седьмой парте?

— Инна Викторовна, учительница пения.

Саша наказал секретарю карандашом внести в список учеников Инну Викторовну и поставить ей пропуски за все предыдущие уроки. Учительница пения колкость восприняла спокойно, но больше не приходила.

Учительница русского языка и литературы получила «двояк» за отказ выйти к доске и тоже больше не пришла.

К молодой учительнице английского Александр совершенно искренне начал клеиться...

Наконец пришла директриса с кучей тетрадок. Саша расстроился. Пришлось идти за динамометром и грузиками. Хочешь не хочешь, а перед начальницей надо показать себя во всей красе. Пришлось поволноваться. Грузик сорвался с динамометра, упал на пол и закатился под стол. Директриса испуганно встрепенулась. К первому динамометру был подвешен второй и тоже случайно упал. Потом упал мел. Барометра было жалко, поэтому упал неизвестно что делавший в подсобке штангенциркуль. Директриса вздрагивала, тетрадки не проверялись. После урока Саша пожаловался на скудный инвентарь:

— Сами видите, штативов нет. Все падает. Приходится объяснять детям на пальцах.

Директриса понимающе покивала головой и тоже больше не пришла.

Мотивация

Однажды прогрессивный процесс обучения рухнул. Любимая секретарь Саши захандрила и отказалась заполнять журнал.

— А че такое? — спросил недовольно учитель.

Ученица сообщила Александру Анатольевичу, что у нее пропала мотивация.

— Как пропала? — отказывался понимать Саша. — Я тебе не папа с мамой — мотивацию прививать. Я учитель физики, я учу.

Секретарь набралась смелости и эмоционально выплеснула:

— Понимаете, я — большая поклонница Бритни Спирс. Я одеваюсь, как она, я веду себя, как она, а надо мной все смеются.

Учитель предложил потерпеть:

— Ну, девонька, это вам до класса десятого надо дорасти, а там, при определенном везении, от кавалеров не отбиться будет.

Фанатка отказывалась ждать десятого класса, продолжая жаловаться на свою жизнь горемычную. Послушав секретаря еще минуту-другую, Саша решил вызвать ученицу к доске. Мало ли, формулы каверзные развеют печаль девичью. Красна девица по-прежнему упрямилась, и учителю пришлось нахмурить брови. Секретарь потребовала признания:

— Александр Анатольевич, а вы не могли бы называть меня Бритни?

— Да не вопрос! Бритни, к доске!

У Бритни случился бурный неконтролируемый личностный рост. Она, хохоча, выскочила к доске, решила задачу и проверила ее двумя способами.

— Молодец, Бритни, садись!

У Бритни приключился еще один бурный и неконтролируемый личностный рост, и она потребовала еще одну задачу. Ухитрившись за последующие пару минут ни разу не произнести имя поп-дивы, Саша все-таки усадил секретаря на место.

* * *

Каждая школа, независимо от профиля (а Саша преподавал в школе с углубленным изучением английского), выпускает кадры следующих категорий.

Первая парта — элита нации. Тот самый локомотив, с моторчиками или шилом в заднепричинном месте, который тянет всех вперед. Практически наверняка смогут объяснить, почему Шарль Азнавур — это шансон, а разудалые русские песни, столь любимые таксистами, — обыкновенная блатата.

На второй и третьей партах сидят самые обычные люди. Они и к тридцати будут помнить всю школьную таблицу умножения.

Четвертый ряд, как правило, люди не самых интеллектуальных профессий. Это последняя парта, которая отличает Баха от Бетховена.

На пятых партах зреют любители русского и только русского шансона, а также потенциальный гоп-стоп, который, вы удивитесь, тоже имеет право на жизнь. Ну в самом деле, шляешься ночью неизвестно где вместо того, чтобы дома сидеть с женой и ребенком, будь добр, поделись мобилой.

На пятом и шестом ряду сидели трое четких пацанов. Учиться им было западло, а, стало быть, и отвечать учителю тоже, про решение задач речи даже и не шло. Для борьбы с ними Саша привлек университетский опыт. Знаешь определения — получаешь дежурные три очка. Сидишь тихо и не пикаешь. Схема работала в течение двух месяцев.

— Два-пять-два, к доске, — вызвал Саша ученика с говорящим индексом.

Четкий пупил насупился.

— Не пойду!

— Получишь двояк, со всеми вытекающими в четверти...

Пацанчик уверенно шел к успеху:

— Получу!

Саша нахмурился.

— А че вы Бритни Бритни называете? Я, может, тоже хочу, чтобы меня называли по-особому, — потребовал два-пять-два.

— Бритни — ум, честь и совесть вашего класса, ей по рангу положено, — подняв палец вверх, обосновал Александр Анатольевич.

— А я тоже хочу, — пупил был необыкновенно настойчив. — Я — поклонник великого французского футболиста Зинедина Зидана. Называйте меня Зидан.

— Да не вопрос! Зидан, к доске.

Два четких пацана стремительно теряли товарища. Втихаря придерживая его руками, они не давали Зидану выйти к доске, но тот не сдавался. Прорвавшись на поле, два-пять-два начал скрипеть мозгом. Саша лояльно относился к людям, которые пытались шевелить извилинами, да стой ты там хоть весь урок, доска большая, пока пытаешься соображать — мел тебе в руки...

Через пятнадцать минут скрипений Зидан вывел не самую тривиальную формулу, а еще через десять минут решил по ней задачу.

— Молодец, — подбодрил учитель. — Садись, пять.

Зидан вызывался на каждом уроке и на каждом уроке получал пятачок. Пусть в среднем арифметическом за четверть едва выходило 4, учитель поставил ему итоговое 5.

Сашины детки физику знали!

О спорт — ты жизнь

Случались и досадные казусы, случалось и валерьянку пить.

На любимый урок физики у любимого учителя восьмиклассницы одевались соответствующе. Все в обтяжку и можно еще лакированное. Минимальное аэродинамическое сопротивление! Александр Анатольевич просто не может не оценить! Неизвестно, оценивал ли Александр Анатольевич, но виду не показывал, так, на всякий случай.

Раскрасневшиеся восьмиклассницы гурьбой залетели в класс и начали докладывать об успешной сдаче зачета по физкультуре. Саша лениво отмахивался от девчонок:

— Ой, ладно тут заливать, какая физкультура, вы сейчас на уроке физики, да вы, поди, даже физика от физрука не отличите.

Выслушав с десяток способов, учитель объяснил:

— Развивайте формальное мышление, девушки. Физрук — он в трусах и со свистком.

Век живи, век учись.

— А я на одной ноге присела пятнадцать раз!

Саша в юности был легкоатлетом. У него ладилось с бегом на короткие и длинные дистанции, с прыжками в длину и высоту тоже проблем не было. А вот с «пистолетиком»... При приседании сустав похрустывал, немало пугая Александра, и, в конце концов, упражнение было предано забвению. Ученицам естественно не поверил:

— Да я в свои лучшие годы десять делал. О чем вы, девоньки?

Четыре ученицы приятной наружности, в обтягивающей одежде, которая поскрипывала уже при ходьбе, не сговариваясь, начали приседать на одной ноге. Саша испуганно смотрел на девчонок. А ну как треснет что —

это же Бритни наоборот. Второй раз в жизни спина покрылась холодным потом. Уговорив девчонок остановиться на десяти, учитель вышел развеяться на коридор...

Штрафбат

В семье не без...

Всех альтернативно-одаренных и блатных на параллели собрали в один класс. С одной стороны, это хорошо, когда остальные пять классов нормальных, с другой стороны, гарантированно судный урок. Детишки разве что голышом на столах не танцевали.

Саша умудрялся с помощью шуток контролировать элиту до четвертных оценок. Когда по делу полученные «трояки» пошли в дневник, школота встала на дыбы.

В очередной раз выйдя злым как черт с урока одаренных, Саша поклялся себе:

— Ну, погодите, с...ны дети. Я вас научу Родину-Мать любить.

Следующий урок начался с экскурса в историю.

— Дорогие детишечки. Вы знаете, чем знаменателен тридцать седьмой год в советской истории? Нет? Сегодня я вам объясню. Но начнем, как культурные люди, с посадок.

Уже через две недели после начала занятий со штрафбатом физик знал, кто кого не любит: все — всех. И если соседи по партам как-то уживались между собой, то нормальных отношений мальчик-девочка в любых комбинациях в этом классе не было.

Детишки были посажены в шахматном порядке. Парта девочки, парта не девочки. Элита инновации одобрила. Поменять пять минут скуки на пять минут ерунды — это мы всегда пожалуйста. Физик продолжил:

— Сегодня у нас контрольная, но проверять я вас не буду, мне лень. Проверять будете друг друга. Соседи соседей. Заметано?

— Заметано!

«Кто на лавочке сидел, кто на улицу глядел, Толя пел, Борис молчал, Николай ногой качал...»

— А теперь соседи по парте меняются работами и проверяют.

«А у нас сегодня кошка родила вчера котят...»

— А теперь соседи по партам меняются работами. В смысле, первая со второй, третья с четвертой.

Школота взвыла. Вариантов было немного: попробовать договориться и потерять респект, замочить друг друга или забить на «заметано»... Терять лицо перед физиком было худшим из зол. Элита принялась мочить друг друга. Обид, нанесенных во время контрольной, с лихвой хватило на целую четверть.

В борьбе между детишками, способными задолбать кого угодно, и Сашей, способным замотивировать мертвого, установился продуктивный паритет. Нервы трепались по-прежнему, но процесс обучения шел...

И снова трудовые будни

У Саши случилось ЧП. Пуговица на штанах оторвалась аккурат между вторым и третьим уроком. С глупой улыбкой, шагая, как гопник, с руками в карманах, Александр дошел до учительской и принялся ждать чуда в виде

открывающейся двери. Пока чудо случалось, физик успел получить некислый респект от местной мафии за клевый лук (вид).

Время поджимало, и поэтому Саша с порога позвал завуча на приватный разговор. Проводив Александра Анатольевича в отдельную комнату, старший педагог спросила, в чем дело. Саша показал пуговицу и спросил, есть ли нитки с иголкой. До начала уроков оставалось три минуты. Завуч, глядя на Александровы потуги, взяла дело в свои руки и оперативно пришила пуговицу. Нитка рваться не захотела, и спасительница принялась искать ножницы. Прозвенел звонок. Со словами «Ничего другого не остается» завуч нагнулась, чтобы откусить нитку зубами.

Ну разумеется, кто-то должен был войти именно в этот момент. Повезло географице.

— Понимаю, молодой учитель физики... — сказала завистница, обращаясь к завучу, и выскочила за дверь.

Секретарь после урока подошла к физику и спросила:

— Александр Анатольевич, вы правда ничего не замечаете?

Саша не на шутку перепугался:

— Кто-то из моих секретарей оценки подрисовывает?

Ученица обиделась, отвернулась и ушла за парту собирать портфель. Саша незаметно взял журнал со стола и принялся проверять оценки по физике. Секретарь застукала учителя и обиделась еще больше.

— Александр Анатольевич, а как вам мои брови?

Саша удивленно посмотрел на школьницу и удивился еще больше. Вместо бровей было по тоненькой полоске.

— Узкие какие-то.

Секретарь обрадовалась.

— Это я нарисовала.

Физик впал в состояние шока. Брови действительно были нарисованы косметическим карандашом.

В свое время Фрида из «Полиции нравов» немало покорежила трепетное Сашино отношение к женщинам. Александр Анатольевич прикинул эволюцию секретаря. Возникшее чувство дежавю навело на мысли об увольнении...

* * *

Завуч решила еще раз поговорить с физиком тет-а-тет, уповая на драматическим образом сложившийся кредит доверия.

— Александр Анатольевич, я понимаю, что вы молодой и либеральный специалист, но хотелось бы попросить вас заполнять журналы самому.

Саша вздохнул и покаялся:

— У меня очень некрасивый почерк, я его стесняюсь. Надо мной дети смеяться будут...

Завуч в свою очередь тоже пожаловалась физику:

— Саша, меня из-за вас премии лишили.

— А давайте я вам свою отдам, — с искренним сочувствием предложил физик.

Размеры премий завуча с двадцатилетним стажем и рядового учителя на птичьих правах, наверняка, отличались на порядок. Понимая, что с физиком каши не сваришь, педагог грустно сказала:

— Воистину, простота — хуже воровства.

Зашедшая без стука в каморку географица восприняла фразу на свой счет и вспыхнула. Завуч и физик смотрели на коллегу. Первая по инерции укоризненно, второй растерянно.

Доверяй, но проверяй

Саша залихватски, образцово-показательно решал задачу у доски.

— Вот так, пупилы, так, и никак иначе, вы должны оперировать формулами и числами.

Детишки необыкновенно прониклись и старательно списали с доски решение страшной задачи по сопротивлению проводников. Саше понравился номер с поверженной сложностью, и он повторил его для остальных пяти классов в параллели.

На следующем уроке к физику подошла ученица и сообщила, что при вычислениях был пропущен коэффициент. В формуле был, а посчитан не был. Саша сильно возмутился.

— Да ты че, пионерия. Я эту задачу на шесть классов раскидал.

— Сожалею, Александр Анатольевич, я сама не проверяла, — покаялась ученица, — но папа дома заметил.

Аргумент с папой был значимым. Саша проверил задачу, и действительно коэффициент «10» при делении был забыт. Так как он был кругленьким, в итоговой дроби перепрыгнула запятая, а числа остались теми же. Обман удался...

Признавать свою неправоту не хотелось. Школьники уверенно решали задачи по формуле, не забывая коэффициенты, а тут на тебе, исходник неверен. Фактически, крушение культа Сталина.

Саша решил спустить дело на тормозах.

— Ну ладно, потом гляну.

На следующем уроке девочка опять подошла к Саше:

— Александр Анатольевич, вы проверили задачу?

— Нет, — отмазался физик, — но ошибки там быть не должно.

Ребенок не отставал. Тяжело вздохнув, Саша решил вспомнить свое невеселое детство с очередями за сметаной и повел ученицу в подсобку.

— Значит проволоки у тебя вышло 75 граммов? — уточнил физик.

— Ага, — согласилась пионерка.

— Ну вот, смотри, — Саша начал отматывать проволоку большего диаметра нежели полагалось. И большей длины...

Проснулась и заговорила Совесть:

— Александр Анатольевич, чему вы учите ребенка?

— Ай, отстань, — в лучших традициях работников общепита и розничной торговли Саша прижимал чашку весов мизинцем. Показывало 350 граммов.

— Ну, положим, до полкило дотянешь, — заинтересовалась Совесть, — дальше что?

Саша опять тяжело вздохнул и согласился с тем, что коэффициент был потерян.

— Александр Анатольевич, а 350 граммов откуда?

Саша совсем расстроился:

— Погрешность измерения. Изношенный инвентарь. Следи лучше за колбасой в магазине...

А я же говорил, что Сашины детки физику знали...

Руссо туристо, облико морале

Выходя из подсобки уставшим и обессиленным вместе со светящейся школьницей, Саша поймал укоризненный взгляд географицы. Радуясь тому, что не пришлось каяться перед классом в собственной ошибке с коэффициентом, физик жестом отправил ученицу на место. Каяться пришлось перед коллегой.

— Александр Анатольевич, скажите честно, вам Иванова нравится?

Саша удивился и без задней мысли сказал «да».

— Она сказала, что выщипала брови ради вас...

Физику захотелось грязно выругаться.

— Она мне не в этом смысле нравится, она мне как ученица нравится. Умная, прилежная, спокойная, — Саша внимательно посмотрел на географицу. — С успеваемостью проблем нет?

— С успеваемостью проблем нет, — пристально глядя на Александра, сказала классная секретаря. — А теперь объясните мне, почему ученица заполняет за вас журнал.

Саша вздохнул. Он смотрел на географицу и не знал, что ответить. В голове крутилась одна-единственная фраза: «Нет злей осенней мухи и девки-вековухи».

— Потому что... гладиолус, — приобщил Саша старую деву к КВН.

В школе неожиданно сыграли пожарную тревогу. Географица резво выпорхнула. Детишки радостно убежали на улицу. Александр, будучи огненного знака, пожаров не боялся и пошел в спортзал играть в «минус пять» с физруком. Того на месте не оказалось, и Саша начал бросать в кольцо баскетбольный мяч.

В спортзал влетела запыхавшаяся географица:

— Вы тут один?

Саша, оценивающе посмотрев на коллегу, спросил:

— А вы с какой целью интересуетесь?

Пока-пока

Саше все сходило с рук аккурат до конца второй четверти. А там припомнились все грешки сразу.

Классная штрафбата пришла к Александру и попросила поднять ученикам средний балл с трех до четырех. Саша отказался. Затем пришла завуч и попросила поставить избранным «хорошо». Александр был непреклонен. В итоге он был вызван к директрисе и после длительной и обстоятельной беседы, где вспомнились классные журналы, выщипанные брови, географица и скудный инвентарь, написал заявление «по собственному желанию». В дверь уже стучалась сессия, поэтому времени на сожаления не оставалось. Ну, разве что буфет... как много в этом звуке для сердца физика слилось...

Саша с легкой совестью выходил из школы. А на уроке литературы, едва сдерживая слезы, бывшая секретарь Иванова читала Некрасова «Мы разошлись на полпути...»

Званый ужин

Похоже, в этой жизни Саше не суждено было выспаться. Воскресное утро выдалось богатым на сюрпризы. Во-первых, позвонила Алина. Во-вторых, позвала на семейный ужин. А в-третьих, Саше надлежало сыграть бойфренда. Телефонное безумие завершилось комплиментом:

— Саша, ты же негодяй, тебе все равно. А мне нужна помощь.

На вид Алине было лет двадцать. Ну, максимум двадцать три. Злые языки дали бы двадцать пять. А на самом деле было двадцать семь. Родители крайне волновались из-за отсутствия достойного мужчины рядом с дочуркой и даже подозревали в ней Земфиру. Когда терпение мамы лопнуло, она пригрозила выдать дочку за двоюродного брата. В результате всех этих семейных перипетий Алина и позвонила Саше в надежде потянуть время.

Как оказалось, негодяю было не все равно. Мамзель на выданье жутко расстроилась и почти расплакалась в трубочку. Все, чего не хватало Саше — это девичья истерика. Выругавшись в сторону, «суженый» согласился помочь, а затем в течение пяти минут эмоционально высказывал Алине свое возмущение.

Семья у Алины была большой. Большой папа, большая младшенькая сестренка, большая кошка и неожиданно маленькая мама. Лучше бы мама тоже была большой: смотришь, концентрация интеллигентности вышла бы поменьше. Даже очки у мамы были маленькими и интеллигентными.

Поздоровавшись и перекинувшись парой обязательных фраз, Саша деловито осведомился, нельзя ли посмотреть семейные фотографии. Получив два толстенных альбома, уткнулся в них с головой, спасаясь от взоров инквизиции. Алина суетливо раскладывала на столе приборы.

В результате просмотра фотографий выяснилось, что папа прошел Афган и, похоже, отчаянно ностальгировал по Союзу. Мама была гуманитарием от и до и преподавала пение в младших классах. Неудивительно, что с такими родителями Алине при всех ее благодетелях и исключительной красоте было тяжело найти вторую половинку. Идеальным образом на роль супруга, наверное, подходил донельзя одухотворенный амбал — ветеран одной, а еще лучше — двух войн. Крепкое мужское плечо, не чуждое пространным разговорам.

Саша грустно вздохнул. «Вот это я попал», — констатировал сам себе «бойфренд» и началось...

— Саша, где вы познакомились с Алиной?

— В клубе.

Лариса Ивановна закатила глаза. Ну разумеется, в клубе с нормальным молодым человеком познакомиться нельзя. Папа оставил потенциального зятя на откуп жене и, скучая, ждал ужина, который, как и обед, по расписанию.

— Саша, а кто вы по профессии?

— Программист.

— Да, это заметно. Вы всегда так односложно отвечаете или все-таки стесняетесь?

При любых других обстоятельствах стоило бы обидеться, но на званом ужине сам Бог велел вести себя достойно, и потому Саша продолжил идти по кривой дорожке правды.

— Меня крайне тяжело смутить, Лариса Ивановна, я, как говорится, не первый раз замужем.

— В каком смысле?

— В прямом. Я развелся недавно.

Ларису Ивановну можно было только пожалеть. Мама решила не откладывать разочарование в долгий ящик и принялась поливать Сашу вопросами как из пулемета. Даже папа заинтересовался.

— И читаете, наверное, мало?

— Исключительно техническую документацию.

— А в музее когда последний раз были?

— Я, Лариса Ивановна, со своими архаичными принципами сам себе музей.

— Какими принципами?

— Консервативными. Заскорузлый, дремучий, забитый консерватор.

Похоже, главу семьи удалось перетянуть на свою сторону. Мама, напротив, распалилась.

— Алину мою к плите поставите?

— Я уже старенький, Лариса Ивановна, какая плита.

— В смысле?

— Ну, сначала в декрет отправить, а там разберемся.

Лариса Ивановна покраснела, Павел Сергеевич усмехнулся. Определенно, родитель симпатизировал «негодяю».

— Саша, а как вы думаете, что Алина в вас нашла?

— Я, Лариса Ивановна, не думаю, я радуюсь. Чужая душа — потемки. Нашла — и ладушки.

— Это чужая душа потемки, а у нас все светлые.

— Я тоже не темный, Лариса Ивановна. Просто, когда в гости иду, нимб дома оставляю.

— Саша, а какую музыку вы слушаете?

— Преимущественно тыц-тыц и бум-бум.

— А сколько в вашей музыке нот?

— Две-три, наверное. Мне много не надо, я привык довольствоваться малым.

— А всего, Саша, сколько нот?

— Обижаете, Лариса Ивановна, даже алкашье под моими окнами на распевке девять берет.

— Простите, девять чего? — густо покраснела мама.

Родитель не выдержал и расхохотался, сотрясая басом стены:

— Девять бутылок портишка... Ха-ха-ха-ха.

— Девять нот, — изо всех сил пытаясь оставаться серьезным, выдавил Саша.

На Ларису Ивановну было больно смотреть.

— Саша, если вы возьмете хотя бы восемь, я за вас Алину замуж отдам.

Гость взял паузу перевести дух.

— Бог с вами, Лариса Ивановна, какие пения с моим басом профундо. Я даже у регента отбор не прошел, потому что у меня голос в пол-октавы. Звал вот Алину к себе домой послушать колоратурное меццо-сопрано, и, вы знаете, — не пошла! В театр оперы и балета звал на него же. Опять-таки не пошла. Какие, говорит, в нашем захолустье колоратуры? Смех.

Ну, по крайне мере, родителю было смешно. Младшенькая тоже заходилась хохотом. Алина сидела мышкой и не пикала.

— У вас очень плохое чувство юмора, Саша, — взволнованно сказала Лариса Ивановна. — Очень, очень плохое.

В общем и целом родительница удовлетворилась, однако «негодяя» нужно было наказать. Лариса Ивановна передала эстафетную палочку мужу:

— Саша, а вы где служили?

— Да! А где вы, молодой человек, служили? — сразу же оживился Павел Сергеевич.

Блиц-опрос Алины перед ужином показал, что шансов у Саши не было в принципе. Оставалось надеяться на лучшее. Не прокатило. Сразу после вопроса молодые охнули синхронно.

— Я, Павел Сергеевич, не служил.

В комнате повисло гнетущее молчание. Радовалась разве что Лариса Ивановна. Ей наверняка хотелось сказать: «Вот и отлились кошке мышкины слезки», но она была культурной и потому радовалась тихо. У Саши не оставалось выбора кроме как врать напропалую:

— Я, Павел Сергеевич, в армию не успел.

Папа пристально смотрел на гостя.

— Сначала магистратура, потом аспирантура.

— А ученая степень?

— Не получил. Наверное, потому что на военной кафедре был лучшим.

Пал Сергеич задумался. Спустя минуту открыл бутылку «Офицерской». Допрос с пристрастием можно было считать несостоявшимся. Лариса Ивановна сменила гнев на милость, когда узнала, что на заре молодости Саша работал преподавателем. Отвечая на ее вопросы, он отметил, что преподавание серьезно изменило ход его жизни, а отголоски учительства еще долго тревожили размеренное студенческое существование.

Начало третьего курса Сашу порадовало. Группа оказалась хорошей, но Александр не спешил знакомиться, предпочитая присмотреться. На последней паре не в меру инициативная девушка взяла знакомство с новеньким в свои руки и принялась окучивать «скромничку». Саша выболтал за пару минут то, что накопилось за день, и у девушки случился легкий когнитивный диссонанс. А затем и легкая влюбленность. Когда выяснилось, что в общежитии «влюбленные» живут на одном этаже, в действие вступил план «Перехват». Из тихой медитации под «Раммштайн» Сашу вывела появившаяся на пороге легковлюбленная. Девушка торжественно несла блюдо, на котором лежал, предположительно, окунь.

— Речная рыба, — похвасталась зазноба. — Хочешь попробовать?

Отказываться было нельзя. Саша и сам недурно кашеварил. Для себя любимого готовил долго и обстоятельно. Периодически баловал «сокамерников» ленивыми голубцами и пловом. А вот к чужому кулинарному гению относился скептически. Рыба пахла необыкновенно. Саша затруднялся ответить, хорошо или плохо, и решил отложить вердикт до пробы. Пробить вилкой рыбий бок не удалось. Извинившись, Саша взял нож...

Александр с доброй улыбкой смотрел на одногруппницу. Обижать девушку не хотелось, магический эффект «глаза в глаза» уже заканчивался, а разговор все не вязался. Коварная рыба отвлекала гурмана, и Саша, удивляясь самому себе, нес редкую ахинею. Сначала спросил, откуда рыба и как у нее было со здоровьем. Потом поинтересовался здоровьем рыбкиных родителей. Очередная сказанная глупость обернулась шуткой. Пока голубки смеялись, удалось незаметно перевернуть окуня в надежде, что второй бок окажется более податливым. В итоге вилка зачерпнула чего-то рыхлого. Внутренние органы аврально готовились к наступающей широким фронтом язве. Удалось опрокинуть рыбку в горло, минуя язык. Пересилив легкое недомогание, страдалец радостно оторвал голову от тарелки и возбужденно сказал:

— Здорово! Горячая! Можно я потом доем?

Вне себя от счастья, однокурсница кивнула.

Александр нес рыбку в шкаф, от греха подальше. «Пришла беда — отворяй ворота» — в комнату влетел Игорь, у которого случился очередной припадок гиперактивности. Прежде чем Саша успел что-либо сделать, сосед подскочил и, глядя в тарелку, заговорил сам с собой:

— Опачки! Что тут у нас?

— Рыбка!

— Ням-ням, — предварил Игорь положенный в рот рыбий бок.

Убегая, сосед грязно и шепеляво ругался.

— А ваша Алина как готовит? — ловко подошел к важному вопросу Саша.

Лариса Ивановна заверила гостя, что кулинарным талантом Бог дочку не обидел. Как после таких вопросов водится, родитель принялся заливать Сашу водочкой.

— Павел Сергеевич, вы зря мне наливаете, — высказал свою озабоченность бездарной тратой огненной воды Саша. — Я не пьянею. Есть у моего организма такая плохая особенность.

— Это не самые большие глупости из тех, что мне приходилось слышать, — сказал родитель, начиная вторые 0,5.

Саша понял, что инициативу надо перехватывать, иначе разговор перетечет в тихий шелест дров со всеми вытекающими...

На третьем курсе Сашина мамзель, с которой уже подробно рассматривались планы на совместную жизнь, решила повилять хвостиком. Александр особенно не расстроился, однако запил. Стоит сказать, что спиртного доселе не употреблял в принципе. А тут две недели по-черному, и не берет. Глушишь ее, родимую, стаканами, а не берет. И вот раскатили друзья-товарищи на пятерых четыре бутылочки, как вдруг прилетает опоздавший. Естественно, с подарочком в руках. Ребята не глупые, понимают, что хватит, но и товарища обидеть нельзя. Решили по маленькой. А там водка с таким милым сердцу названием — «СССР». Саша к Союзу относился трепетно и поэтому произнес пламенную речь в память о великой державе. Грех было не выпить всю... На том и порешили. Ребята водочку, а водочка ребят. Все, кроме Саши, отмучились ближе к следующему вечеру, а на Александра накатила мигрень и не отпускала дня три, несмотря на последние достижения фармацевтики. Бывает и такое: и водочка не помогает, и таблеточки не берут.

— С тех пор все, — озадачил родителя Саша. — Пьешь ее, родимую, до какого-то предела, а потом все. Ни влазить не хочет, ни вылазить, и ни в одном глазу...

— СССР, говоришь, — удовлетворился родитель идейным товарищем. — Ну, давай по последней за Союз.

Алина вошла в комнату, неся блюдо с фаршированной рыбой. Саша остолбенел. Стойкое чувство дежавю поставило Александра по стойке «смирно, равнение налево». Идея о спасении была безумной, но выбирать не приходилось. Побледневший Саша ровным голосом произнес:

— Алина, выходи за меня замуж.

Отец крякнул и полез в заначку (оставалась бутылка «СССР»).

В комнате установилась тревожная тишина.

— Саша, тебе наверное уже хватит. Вечно трезвый ты наш. Иди пройдись... — на удивление спокойно сказала Алина.

Рыбы удалось избежать. Посидев для приличия еще с полчасика, Саша обозначил желание покинуть гостеприимный дом. Младшенькая уверенно заявила:

— Никуда ты, Саша, не пойдешь. Кошка тебе в кроссовок по маленькому сходила. Я его замочила и забыла...

Ситуация полностью вышла из-под контроля. Выгнать нельзя переночевать. Со счетом 3—2 победители в лице папы, младшенькой и кошки запятую поставили после *нельзя*.

— Ксюшка, — обратился Саша к сестренке, подозрительно глядя на Марфушу, — спрячь на всякий пожарный мой второй кроссовок.

Спать было интересно. Точнее говоря, интересно было не спать. Ксюшку забрали к себе родители, а Саша с Алиной на разных кроватях легли в спальне. Лариса Сергеевна умудрилась семь раз за ночь навестить молодежь. «Вот ведьма! — зло думал про себя Саша. — Ты так дочку вовек замуж не отдашь».

Похмельным утром тяжелого дня понедельника младшая сестренка тоже решила допросить гостя:

— Сашка, как же ты теперь жить будешь? Алина-то согласие не дала.

— Ксения, вы разбиваете мне сердце! — Саша решил тряхнуть стариной и устроить театр одного актера. — Я пришел сюда ради вас!

— Ха-ха-ха-ха. Не для тебя маменька такой цветочек растила, — Ксения довольно улыбалась.

— Жизнь штука сложная, мало ли, у меня будет еще один шанс.

— В смысле?

— Ну вот, смотри, — у Саши начало просыпаться чувство юмора, — со старшенькой у меня не сложилось. С тобой не складывается.

— Ну.

— Лариса Ивановна, а у вас еще одной дочки нет?

Мама отрицательно покачала головой. Ксюшка заливисто засмеялась. Саша не сдавался:

— Павел Сергеевич, а у вас?

— Так как вам моя Алина? — уже в двери настигла вопросом Сашу Лариса Ивановна.

— Замечательная девушка. Исключительная. Возьмете со мной на пару восьмую ноту, Лариса Ивановна, возьму Алину в жены.

— У вас очень плохое чувство юмора, Саша, — расстроилась мама. — Очень, очень плохое.

Алина проводила гостя до лифта. Нажала на кнопу вызова и нежно прошептала на ухо:

— Спасибо, Саш, буду должна...

— Не, Алин, не будешь. И так совесть мучает.

— Я тебе горло перегрызу, дрянь, — опять-таки нежно прошептала девушка. Поцеловала и затолкала болвана в лифт.

ОЛЬГА ЕРЫШЕВА

Кармен поневоле

Любовь

От праздного ума нас тянет на забавы,
Жизнь кажется пресна, и хочется приправы,
Немного помечтать бог ведает о чем...
И этот сладкий сон любовью мы зовем.
Ты говоришь «люблю» — но я тебе не верю.
Любовь — не сладкий сон, но едкий страх потери,
Когда восторг и боль в один клубок сплелись,
И дикой кажется о расставанье мысль.
Любовь — не сладкий сон, не праздное мечтанье.
Но — растворение. Корнями прорастанье.
И узы разорвать — смертельно для двоих.
Поэтому прошу... не надо о любви.

Старая истина

Только милый за порог, глупая девица
Начинает тосковать, плакать и томиться.
Все тревожится о нем —
И дурнеет с каждым днем.
Так проходят дни и дни...
Вновь встречаются они...
Милый глянул — ужаснулся,
Убежал — и не вернулся...

Только милый за порог, умная девица
Начинает танцевать, петь и веселиться.
И, не думая о нем,
Хорошеет с каждым днем.
Так проходят дни и дни...
Вновь встречаются они...
Милый глянул — восхитился,
Пуще прежнего влюбился.

Планы на неделю

1. Поднять самооценку.
2. Подшить гардины в спальне.
3. Покраситься в шатенку,
4. И стать — посексуальней.
5. Найти любовь до гроба.
6. Купить шампунь для кошки.
7. Да! Не забыть про обувь —
Отдать в ремонт сапожки.
8. Увидеться с подругой.
9. Пойти учиться танцам.
10. Опять с деньгами туго...
Занять бы до аванса...
11. Заняться физкультурой.
12. О, кстати! Вес измерить!
13. Не быть наивной дурой
И мужикам — не верить!

Играю

Играю, играю, играю...
Играю влюбленную кралю...
Играю примерную дочку...
Играю девчонку на ночку...
Играю оторву... кокетку...
И глупенькую малолетку...
Играю нежнейшую фею
(Из тех, что садятся на шею)...
И право, сама я не знаю,
Где я, а где только — играю...

Кошка

Я — дикая кошка.
Опасная кошка.
И даже немножко
Не кошка — а Тигр.
Ты думаешь, крошка,
Что все — понарошку?..
Но когти у кошки
Не только для игр...

* * *

Каштановая крыса с застенчивой улыбкой,
Весело махая хвостиком зеленым,
Лакомилась утром маленькою скрипкой,
Тихо наслаждаясь мелодичным звоном.

Сиреневая кошка с печальными глазами
Нежилась на солнце, лапки поджимая.
Может, в полудреме. Может, поджидая—
А кого — об этом догадайтесь сами.

* * *

О, как мне время обмануть,
Как сдвинуть стрелки — лет на двадцать!
Как снова юной оказаться —
Пусть ненадолго, на чуть-чуть!
Но время вспять не повернуть.
И зеркала глядят с усмешкой:
Лови последний миг, не мешкай!
Душа зеркал, живая ртуть,
На волю просится, к движенью —
И рябь бежит по отраженью,
И больно так, что не вздохнуть...

Кармен поневоле

Я меняю мужчин — в ожиданьи предсказанной встречи...
Жар чужого огня согревает меня — на часок.
Каждый новый роман мой — печатью забвенья отмечен.
И надежда на чудо — стекает по капле в песок.
Где ты, Суженый мой?.. За какими такими морями?
Отчего наши тропы никак не сойдутся в одну?
И зачем эти все — которые временно с нами?
И которые нас — потихоньку — тянут ко дну...

ВЛАДИМИР КУКУНЯ

Вариант «Мефисто»

Рассказы

Мужчины напрокат

Наша фирма — салон «Мужчины напрокат» — расположена при пересечении Широкого бульвара и улицы Зеленой. Место выбрано удачно: неподалеку парк, торговый центр, паркинг аэробусов... Дом в глаза не бросается. Невысокий, этажей тридцать пять, да и вниз неглубоко ушел, уровней двенадцать. Здание старой постройки, солидное — сейчас таких уже не собирают.

Я живу рядом. Фирма выделила мне комнату, маленькую, но удобную. По контракту. В свободное время люблю бродить по парку. И недавно познакомился с интересным старичком.

— Что же это, — спрашивает, — получается? Ты вроде бы как игрушка.

— Почему? — отвечаю. — Работа, как работа. Когда по душе, когда не очень. Взяли меня, — рассказываю ему, — однажды напрокат в ресторан. Одиннадцатая модель — «Спутник». Одинокой женщине никак нельзя по вечерам в злачных местах появляться. А хочется. Сидим за столом. Вокруг парочки. Думаю: прокатные они или настоящие? Встречаются ведь натуральные, но редко. Приносят икру, конечно же, искусственную, на блюдце просвечивает... Начинают моего клиента рвать на части. Дама симпатичная. Вижу, ей нравится.

Старичок в этом месте захихикал.

— Что нравится клиенту, — продолжаю, — нравится и мне. Соседи с других столиков, особенно пары постарше, смотрят неодобрительно.

— Да, в наше время, — вставил старичок, — все было наоборот.

— Я не волнуюсь, — объясняю старичку. — Точно. «Все в порядке, — говорит клиент. — Не обращайте внимания». Так я ей понравился, что в конце она мне чеки предлагала. «Нет, — отказываюсь, — внесите их на счет фирмы. Какую-то часть я получу». Вдруг провокация? Бывало и такое. Чеки нам запрещено брать. Подарки, безделушки — да.

— А как мужчина и женщина? — интересуется старичок.

— В контракте оговорено, — разъясняю я, — если это принимает устойчивые формы, то договор проката разрывается. Если же это форма благодарности, то, конечно же, не поощряется, но и не преследуется.

— Да, — вздохнул старичок, — в наше время все было наоборот.

— Бывает, — рассказываю дальше, — и скучновато. Возьмем тридцать вторую модель — «Приятель в опале». Сидишь в бытовой комнате в уголке, а клиент гостей принимает. Подруг своих. Этак небрежно разъясняет: «Это мой приятель. Провинился. Наказан». Сидишь, тоскуешь, а хозяйка с гостями травку покуривают, да коктейли потягивают.

— Охо-хо, — посочувствовал старичок.

Интересный дедушка. Все котенка на груди держит, но когда я решил его погладить, моментально спрятал.

— Болеет, — пробормотал.

Какая-то апатия все больше меня тревожит. Давно решил: поселиться где-нибудь на берегу озера или реки рядом с каким-нибудь селением, самому обеспечивать себя всем необходимым. Для этого нужно много чеков. Они у меня есть, конечно. Пока готовлюсь. Выращиваю в комнате и лоджии всякую экзотику: японскую вишню, апельсиновые и лимонные деревца. Арбузо-огуречная тыква всеми отростками рвется из лоджии в комнату. Мои питомцы, правда, не пропускают солнечный свет, но и ограждают от любопытных взглядов. Впрочем, днем я дома почти не бываю, занят, а если свободен — не сидеть же взаперти. Ночью меня порой пугает громадный лимон — он стоит напротив окна, высокий ствол с пучком листьев наверху и с двумя разбросанными в разные стороны ветвями. Прямо-таки человек с длинной шеей и продолговатой головой раскрыл свои объятия. Сначала думал переставить монстра с глаз долой, а потом привык. Он к тому же закрывает динамик вызова. Раньше приятный женский голос предлагал: «Просим как можно скорее прибыть в салон». Многие начали опаздывать, чтобы еще раз послушать вызов. Хозяйка никак не могла понять, в чем причина опозданий. Я подметил, что хоть женщины всем верховодят, но друг друга втихую ненавидят. В этом, как мне кажется, наш единственный шанс. Хозяйка, естественно, во всем разобралась. Такие, как она, лишают нас всех шансов. Сейчас... Вот, пожалуйста: «Срочно явитесь в салон», «Срочно явитесь в салон». Мужской баритон с оттенком угрозы. Специально повторяет дважды. Так уж противно слушать, что хочешь, не хочешь, а побежишь.

В салоне хозяйка — бог, царь и воинский начальник. Людей не видно. Везде автоматика, электроника, биотехника. Мигают разноцветные лампочки. Стоит клиенту, естественно, женщине чуть-чуть заколебаться, замяться, как тут же откуда неизвестно раздается совет, что делать дальше. В итоге клиент попадает в компьютерный зал. Самостоятельно программирует, а предусмотрены практически все случаи, когда нужен мужчина, кстати, не так уж и часто мы необходимы. На экране возникает реальный мужчина по заданным параметрам и действует в аналогичной или близкой по теме ситуации. Теоретически клиент может перебирать варианты, но практически соглашается с первого раза. В программе заложено около десяти модификаций, в зависимости от запроса. Наиболее частые имеют около двадцати вариантов, более редкие — пять-семь. Что интересно: первый набор идет сразу, второй — более растянут, третий еще продолжительней... Клиенту, в конце концов, перебор надоедает. Останавливает он выбор на определенном типе мужчины, появляется хозяйка, приглашает к себе, беседует, а затем, когда все условия оговорены в кабинет входит *этот* мужчина. Охи! Ахи! Как же, ведь она сама его создала с помощью электроники. Эффект необыкновенный! Откуда им знать, что выбирать-то им дают из того, чем располагает салон. Да, никакой эротики! Для этого есть другие фирмы.

Сколько нас, знает одна хозяйка. Мы не общаемся. «Для чистоты эксперимента», — как говорит она. Мне известно, случайно, несколько человек. Громила, его нанимают любительницы ночных прогулок. Нежнейший человек — оторвет голову и неделю будет рыдать. Спортсмен, этого чаще всего приглашают для поездок на отдых. Мыслитель, незаменим в компании интеллектуалов. Я, мужчина, так сказать, широкого профиля.

Мне приходилось быть «Слушателем». Клиент, по-своему несчастная женщина, страдала по собеседнику. Подруги ее всерьез не принимали, да еще насмехались. Выбрала она меня в салоне, и я несколько дней слушал ее треп. Вполуха, но внимательно. Иногда вставлял: «Да-да, мадам». «Конечно, мадам». «Не может быть, мадам». «Это ужасно, мадам». Мое общество так ей понравилось, что продлевала контракт очень долго, пока хозяйке не надоело, и она такие ставки проката установила, не дай бог! Пришлось болтушке отказаться. Она, правда, мне чеки предлагала, приходи, мол, время от времени. Да времени-то и нет. На контракте я, а она от своих слов может всегда отказаться.

Случалось мне представлять «Друга издалека». Причем в разных модификациях. Одна взяла меня напрокат показывать своим подругам. Квартира у нее большая, и каждый вечер собираются подружки. Я установил «клопика» в гостиной, а сам — рядом за стеной. Они накурят, слышу, одна говорит: «Ах, как душно». Я вхожу: «Добрый вечер!» — «Это мой друг издалека», — представляет меня. «Как у вас душно, — говорю, — позвольте, я приоткрою окно». И ухожу. Проходит какое-то время, слышу: «Не мешало бы выпить». У меня коктейли уже готовы. Вхожу: «Разрешите предложить вам выпить». Так ежевечерне. Пока подруги не пошли по второму кругу. И она меня сдала в салон. Приятная женщина. Неназойливая.

В другом случае ремонтировал квартиру. Нет, конечно, не я. Ремонтная бригада. Я сижу, ковыряюсь в кухонном компьютере. Кроссовки «Барс», костюм «Йети» — прокатные. Кто бы ни зашел, соседи, подруги, меня представляют: «Вот приехал друг издалека помочь мне отремонтировать квартиру». Престижно. Совершенно другими глазами на нее смотреть начали. Я же вижу, как лица меняются. «Вот, оказывается, ты какая! А мы-то думали...»

Самым сложным для меня был эпизод с женщиной-изобретателем. Что-то там она придумала, но дельное. Молодец, взяла из салона на две недели. Все это время втолковывала суть своей идеи. В конце концов, я ей сказал: «Если это так просто, почему же никто до этого раньше не додумался». Тут она и сдалась. Решили, что я буду работать в смежной отрасли. Приходим на совет, на нее как мухи на мед накинулись. Она представляет меня: «Мой друг. Приехал издалека». Этих мух как сквозняком куда-то утянуло. Естественно, женщина одинокая — одно, женщина со спутником — другое. Сижу на совете, а допуск свободный. Руки на груди скрестил, каменное лицо. Поглядывают на меня кто с интересом, кто с опаской. Все нормально закончилось, признали ее изобретение, даже кое-кто и открытием назвал. Самое главное, думаю, ради чего и взяла она меня в салоне, это банкет. Все расслабились, она ко мне жмется, не хочет им козырей давать. Принципиальная женщина. Подскакивает ко мне какой-то расхристанный малый и давай сыпать научными терминами. Я слушал, слушал, а потом холодно сказал: «Я работаю в смежной отрасли, но не совсем согласен с идеями моей подруги». И быстрее в сторону, дабы не высказать какую-нибудь революционную ересь. Вот уж изобретательница хохотала. Говорит: «Будь ты немного интеллигентней, может быть, у нас что-нибудь и получилось». Старомодная, но с новациями. Я подумал: «Будь я немного интеллигентней, не торчал бы в салоне и никогда бы мы с тобой не встретились». Вообще эти советы, где мужчины преобладают — кладбище мамонтов. Старенькие, но бодрятся, ерепенятся. Вымрут естественным путем, а на смену придут женщины. Как моя изобретательница.

Вот я и добрался до фирмы. Обычно мы сразу проходим через дизайнерскую. Там переодеваемся, гримируемся. На этот раз главный маг, естествен-

но, женщина, глянула на меня и сказала: «Так, сойдет. К хозяйке». «Какой клиент?» — спросил. «Там узнаешь», — и ухмыльнулась. «Что это с ней?» — подумал, но поторопился на вызов.

В кабинете сидела женщина, закинув ногу на ногу, держала, отставив далеко от себя, длинную сигарету в мундштуке еще более длинном. «Сколько же туда травки войдет?» — первая моя мысль. Но глаза у клиента трезвые и злые. Мельком глянув на меня, она произнесла: «Этот подойдет». — «Присаживайся», — сказала хозяйка. «Мы с вами будем грабить банк», — сказала женщина. «Когда?» — глупо брякнул я. «Сегодня», — ответила она и назвала время. «Но я не успею подготовиться». — «Успеете, — она презрительно посмотрела на меня. — Ведь все будет понарошку». Встала, назначила мне место встречи, попрощалась с хозяйкой, и ушла, покачивая бедрами. Я сидел ошеломленный. «Что это за новости?» — спросил. Хозяйка пожала плечами: «Желание клиента — закон для нас. Тем более в этом нет ничего необычного. Поиграетесь...» — «Да, но для меня это впервые». — «Мы со всем сталкиваемся впервые. Даже, когда нам кажется, что это уже было, на самом деле этого не было, а если и было, так не с нами». Она встала, открыла сейф с оружием. Приглушенно зазвенел звонок. «Да, иду, — сказала хозяйка. — Выбирайте себе оружие и захлопните дверцу». И вышла. Я подошел к сейфу. Мне сразу понравился большой никелированный пистолет. «Видно им пользуется Громила». В глубине сейфа виднелся какой-то ящичек. Я достал его и открыл. Там лежал небольшой тупоносый револьвер. Крутанул барабан. Заряжен. «Точно, из таких стреляют в старых фильмах, переделанных для видео». Сунул в карман, захлопнул дверцу и вышел.

Не понравился мне этот клиент, но что же, желание клиента — закон для фирмы. В данном случае фирма — это я.

Оставалось немного времени. Я решил прогуляться по парку. Может, мой старичок встретится? Помню, рассказывал ему, как одна из клиенток, постоянных, замуж вышла. Случается и такое. Хозяйка, как узнала, позеленела вся и три дня не показывалась. На двери салона табличку повесили: «Переучет». Позже успокоилась. Хоть, говорит, и дурной пример она подала, но эта зараза широко не распространится. «Муж мужчину не заменит», — сказала. Старичок только головой покачал. Даже свою присказку забыл.

Я прошелся по парку, но старичка не встретил. Присел на лавочку. Устал, что ли? Вообще-то мне полагался отпуск. В салоне это просто: забирают кассету из банка памяти с твоими геройскими поступками, а без нее никакими ухищрениями на дисплее тебя не воссоздашь. Да и то сказать, последнюю неделю я был в прокате как друг семьи. Самое муторное для меня, что ни есть. С одной стороны, все знаки внимания, с другой — любезное недоверие. Втроем в горы ездили. Того и гляди, что случайно на камешке оступишься и загремишь. Хорошо быть другом семьи, когда клиент временно одинок.

Подходило время встречи. Я решил прийти пораньше, осмотреться. Видимо еще в парке мне попал под ступню камешек. Он перекатывался в кроссовках от носка к пятке, и я то чувствовал его, то нет. Сейчас я решил вытряхнуть его, но в этот момент увидел старичка. Подойти, что ли, подумал. Но пока раздумывал, старичок исчез. От места встречи до банка расстояние невелико. Чего только эти женщины не придумают.

Клиент уже ждал меня. В кожаной куртке, руки глубоко в карманах. «Оружие взяли?» — спросила. «Да», — я похлопал рукой по карману. «Никакого сценария, — сухо сказала она, — полная импровизация». Мы шли к банку. Клиент прошла немного вперед, а камешек перекатился под пятку.

Нет, это невыносимо. Я нагнулся, и в этот момент из окна проезжавшей мимо машины раздалось три выстрела. Над моей головой, вернее, на уровне моей головы, когда я стоял, на стене появились три щербинки. «Здорово играют, — подумал, — пора подключаться». Я выхватил тупоносый револьвер, выскочил на проезжую часть, широко расставил ноги, взял револьвер в обе руки и выстрелил. Машина вильнула, передняя дверца раскрылась, и водитель вывалился на улицу. Одновременно раскрылась вторая дверца, выскочил молодой парень и с изумлением посмотрел на меня. Я прицелился ему в грудь и снова выстрелил. Парень отпрыгнул метра на три назад и грохнулся под стенку. «Ну, молодцы! Ну, играют! Неужели наши. Что-то я таких не видел», — подумал. Клиент дико глянула на меня и бросилась к машине. Третий приоткрыл дверцу, крикнул: «Ах, ты, сука-дура!» — и дал очередь из автомата. Женщина согнулась пополам и рухнула на бетон. «Ну, дают!» — подумал и положил третьего. «Все, игра закончена, — громко сказал я, — вставайте». Но когда я увидел ручьи крови, лохмотья куртки на животе... Дико закричала какая-то женщина, завыла сирена охраны, все пустились наутек, и я вместе со всеми...

Забился в свою норку, погасил свет и сидел не шевелясь. Боже! Боже! Я убил трех человек и один погиб по моей вине! На столе темнел тупоносый револьвер. Значит, это была не игра. Значит, они хотели меня убить. Зачем? Ограбить банк, подбросить мой труп и пустить поиск по ложному следу. Я им случайно помешал. Помешал! Бр-р-р! «Не выходите из дома! Ждите гостя!» — раздалось из динамика вызова. Впечатление было такое, будто монстр заговорил. Сегодня он может говорить. Я этому не удивлюсь.

Звонок. Хозяйка!

«Примите мои искренние извинения, — устало сказала она, опускаясь на стул. — Я все знаю из специального выпуска. Нас нагло провели. Обнаружен главарь банды, некий старичок...» — «С котенком?» — «Это не котенок, а приемник-передатчик. А вы откуда знаете?» Я рассказал о старичке. «Так всегда бывает, — сказала она, — когда за дело берутся мужчины. Бестолковые, неорганизованные и несчастливые». — «Мне-то, допустим, повезло». — «Пока. Старичка загнали на крышу Дома Искусств. И он полетел вниз». Это самое высокое здание в городе. «Сколько же он летел?» — глупо спросил я. «Долго, — ответила она сухо. — Кстати, как попало к вам мое личное оружие?» — «Случайно, — сказал я, — оно мне понравилось больше других». — «Что ж, пусть остается. Оно вам сейчас нужнее». — «Но ведь меня могли убить, — воскликнул я, — и это было запланировано». — «Все мы умрем», — заметила она. «Но лучше бы попозже», — процитировал я. «Вам положена компенсация за риск». И осталась ночевать. Я проснулся от шелеста листьев. Через приоткрытую дверь из лоджии в комнату втягивался то ли арбуз, то ли огурец, то ли тыква. Монстр шевелился. Хозяйка постанывала во сне. «При всем при том, не сладко ей»...

Утром она как бы в раздумье сказала: «Не взять ли мне тебя напрокат?» — «Это вы на компьютере вычислили?» — «Я не дура, — фыркнула она, — чтобы по такому поводу просить совета у электроники. Надеюсь, ты спросил шутя?» — «Мадам, — я только развел руками, — я надеюсь на премию за риск». — «Чеки будут переведены сегодня», — и она ушла.

На домик без веранды у меня уже достаточно средств. Черт с ней, с верандой. Иначе на мои же чеки мне поставят очень красивое надгробие. В селениях ведь тоже нужны мужчины напрокат. Заработаю на веранду.

Вариант «Мефисто»

Памяти Виктора Кабанова

Мне бы следовало сразу прибить его, как собаку. Я же, садист недорезанный, решил поизгаляться. Полупьяные завсегдатаи парка раскудахтались, тяжело задышали в затылок. Маэстро, будто толстенький, беззащитный пигмей, неуклюже увертывался от рапирных уколов моих слонов, оставляя клочья скудного наряда на алебардах коней и судорожно содрогаясь от увесистых тумаков мощных ладей. Да, как видно, я замесил его слишком круто. Пигмей набычился, ринулся ферзем вперед и расколол меня надвое, словно спелый арбуз. Я испустил дух, а Маэстро встал, пожал мне руку, выгреб из-под доски казну и ушел.

Я сидел, тупо уставившись на шахматные фигурки. Грыжа в голове дала о себе знать. Зеваки вернулись к своим прерванным партиям и поглядывали на меня с жалостливым торжеством.

В тот год я приехал на летние каникулы к тетке. На досуге подрабатывал в парке игрой в шахматы «на интерес». Так, по мелочам. Старался не высовываться, могли и по голове настучать. Иногда играл вничью, а порой даже проигрывал, впрочем, без особого для себя ущерба. В университете, само собой, меня этому не учили. Жизнь научила.

Городок наш прилепился к железной дороге. Все рядом: вокзал, базар, пивнуха и парк культуры и отдыха. Конечно же, имени товарища Горького.

Однажды в парке появился высокий гость и сразу же показался. Каждый вечер он садился за шахматную доску, играл на очень высокие ставки одну, от силы две партии, убирал в карман деньги, раскланивался и уходил. Картинка с выставки. Кто он такой, откуда взялся — никто, как ни странно, не знал. Бравые ребята прозвали его Маэстро. Я приглядывал за ним со стороны, но не как за вероятным соперником, а, скорее, как за конкурентом. Он не проиграл ни одной партии, и я мысленно назвал его Гинекологом. Чистил он местных аборигенов очень тщательно и методично.

По законам жанра нам было не уйти от схватки. У меня тоже зубки острые. Поэтому, когда он предложил мне сесть за доску, я, поколебавшись и пошарив по карманам, согласился.

В итоге — конфуз. Но, скажу тебе, я мог бы выглядеть и хуже.

Спустя два-три дня Маэстро, появившись в парке к вечеру, вызвался повысить ставку. Я к тому времени намыл кредит и жаждал мести.

На этот раз всплыла идея выманить медведя из берлоги и покончить с ним на просторе.

Мне выпал белый цвет. В открытом дебюте я длинной пикой слона разворотил берлогу медведя, но Маэстро тяжелой лапой ладьи переломил копье пополам, растоптал слонами посланных на подмогу моих коней и ринулся в атаку. Я, мокрый, как мышонок, в ужасе пустился наутек и вскарабкался на дерево, пытаясь укрыться за ветками пешек. Высунув длинный бледно-розовый язык, он упорно взбирался вслед за мной, предвкушая близкий триумф. Я вертелся, как ошпаренный, и нанес ему ферзем разящий удар в плечо. Правая лапа медведя безвольно повисла, и он, царапая когтями ствол, медленно сполз вниз. Его ферзь бросился на подмогу, и обе самые сильные фигуры погибли в поединке.

Я очухался и обозрел поле брани. У Маэстро еще оставались лишняя пешка на краю доски да белопольный слон, однако, я чувствовал себя в безопасности, засев на черной клетке в углу.

Ничья.

Маэстро раздраженно хмыкнул, забрал из-под доски свою долю и, поколебавшись, произнес:

— Полагаю, завтра мы завершим спор.

Я молча кивнул.

Мозгов у меня и нынче-то маловато, но интуиция всегда была блестящая. Я просто-напросто чувствовал, что сильнее его. Да и, знаешь ли, вагон амбиции, хоть и наперсток амуниции. Но тем не менее. Куда ни кинь, мы оба были пришельцами, но я смотрелся менее чужим. Тетка, глупая курица, разболтала о моих успехах в университете, я давно собирался укоротить ей язык. Фигурально выражаясь, разумеется. Вот мне и приходится поддерживать реноме. Я понимал, что из брюк не выпрыгнуть. Такая вот сублимация: после парада гномов сразу к схватке с циклопом. Как бы из микроцикла в макроцикл.

Первые партии убедили меня, что входить в соприкосновение с Маэстро по собственной инициативе опасно. Он же, по-видимому, сознавая свою силу, будучи, как и я, уверен в себе, вызывал меня на ближний бой.

Ставки на третью партию подросли. Ветераны парка побросали все дела и плотным кольцом окружили нас. Маэстро играл белым цветом.

Мы начали ни шатко, ни валко. И Маэстро не устоял. Он уподобился дьяволу и принялся за дело.

На меня поползли змеи. Гюрзы-слоны, кобры-кони, удавы-ладьи устрашающе извивались и шипели. Я оплел усадьбу конским волосом пешек, отрядив на защиту слонов с обнаженными саблями.

Змеи тут же обратились в огненные шары и завертелись, рассыпая рой искр. Мне спешно пришлось рыть ров с водой, выставлять по углам ладьи с пеногасителями.

Маэстро сменил тактику. Подобно Мефистофелю, он принялся искушать меня. Клянусь, фантазии не хватит, какое явилось Зазеркалье. Огненные шары сменила черная дыра. Меня неудержимо затягивало в пучину, побуждая атаковать и суля победу.

Чтобы стряхнуть наваждение, я встал, повернулся спиной к доске и, хотя не курил, стрельнул папиросу у одного из местных ротозеев. Глотнув дыма, я закашлялся и вернулся за доску.

Дьявол чертовски силен и многолик. Даже в именах — Сатана, Черт, Шайтан, Мефисто... Но его слабость в его же силе. Жаждет всего сразу.

Маэстро принялся возводить дворец. С виду беззащитный и прекрасный. Против красоты я не в силах устоять и принялся ладить подкоп. Но коварный Мефисто уже вел встречный подкоп под мою усадьбу.

Он взорвал свой заряд ходом раньше. Наши позиции рухнули. Такая, знаешь, схватка разыгралась. Все-таки мой заряд оказался неожиданным и более мощным, и его король очутился на середине доски, а конь безуспешно пытался защитить единственную пешку.

Завсегдатаи загудели, а какой-то пьяный мужик заорал: «Бей жидов — спасай Россию!» Маэстро даже не шелохнулся. На этот понос души он не среагировал. Посопротивлявшись для видимости несколько ходов, он сдался.

Больше мы никогда не встречались.

Как шахматист, я уже давно просрочил время, но в те годы еще мог постоять за себя...

ИННА СПАСИБИНА

Обереги

* * *

Все снопы да скирдочки
На юру —
Я пшеницу веяла
На ветру.
Чтобы ветры веяти
Помогли,
Я Ваюну кланялась
До земли.
Ох, не та пшеница уж!
Ох, не та:
Вперемешку с мятликом —
Лебеда.
Закрома по осени
Все пусты...

Как же будешь, Господи, веять Ты?!

Я об этом думаю
Уж давно:
А в моем-то колосе
Есть зерно?

Обереги

Солнце ясное,
Солнце красное!
Научи меня
Словам ласковым,

Позабытым мной,
Позаброшенным —
Для любимого,
Для хорошего.

Ах ты, небушко
Необъятное,

Подскажи слова,
Да понятные!

Ой ты, реченька —
Стынь гаючая,
Подари слова,
Да певучие!

Росна травушка.
Ты целящая,
Мне шепни слова —
Настоящие!

Суждено им стать
Счастья вехами —
Для любви моей
Оберегами.

* * *

В алую пасть огня
Брошу дрова и письма —
Рамками слов не стиснуть,
Что ощущаю я...

Стали твои слова,
Съежившись, пеплом серым —
Город любви и веры
Горечь обид сожгла...

Письма горят... как Рим.
Села. Гляжу Нероном...
Стала гордыня троном
И... палачом моим...

В онкологической больнице

Я вышла в коридор в халате беленьком...
В глазах темным-темно:
За что же?.. Надо же...
Хоть медленно, да верно мелет меленка...
Неужто май? Неужто это ландыши?

За окнами высокими больничными,
Где так давно прописано отчаянье,
Где все страданья — не преувеличены,
Слова — напрасны — лучше уж молчание?

Я вышла в коридор и долго плакала,
Все думала и думала в смятении:
«А может быть я тоже клетка раковая
В прекрасном теле этого Творения,

Не для Творенья каждым вздохом жившая,
А лишь своими мелочными нуждами,
Родная клетка — но переродившаяся,
А потому Творению не нужная?..

А если рак уже никак не лечится,
И может жизни стоить промедление —
Как опухоль все наше человечество
Хирург отбросит прочь без сожаления...»

Мы шли по саду, близкие похожие,
Вдвоем бродили: я и тело бренное...
И ландыши цвели — во Славу Божию!
И пели соловьи — на всю Вселенную!

Ветвь новоиндийской литературы

Белорусские читатели всегда питали большой интерес к индийской литературе.

Однако литература на языке хинди переводилась в основном с английского.

В октябре 2013 года наши читатели уже имели возможность познакомиться с рассказом известного современного писателя С. Р. Харнота «Безмолвные друзья», который вызвал широкий резонанс в литературной среде Индии.

Желая поддержать интерес белорусских читателей к литературе хинди, а также познакомить с творчеством некоторых классических и современных индийских прозаиков и поэтов, мы подготовили перевод нескольких произведений.

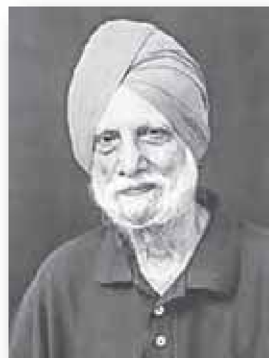
Кроме знакомства с литературой хинди, мы также хотели бы донести до белорусских читателей те проблемы индийского общества, которые волнуют современных авторов.

Литература на языке хинди относится к самым богатым и замечательным новоиндийским литературам. Главенствующее место в ней принадлежит Чанд Бардаи, родом из Лахора, жившему при дворе последнего индусского царя в Дели, Притхви Раджа, в конце XII века. Произведения его — это собрания баллад, описывающих рыцарские подвиги повелителя и его гибель. Язык поэм Чанда — переходная ступень от старого пракрита к новоиндийскому хинди; несколько остатков древних синтетических форм еще попадаются здесь, но аналитические формы начинают уже вытеснять их. Баллады Чанда живут до сих пор в устах народа; их поют странствующие рапсоды в северо-западной Индии и Раджпутане, от устьев Инда до границ Белуджистана.

Главный толчок развитию литературы на хинди дали, однако, религиозные движения. Каждая новая секта стремилась изложить в стихах свои учения. Кабир, живший в XV веке, создал священную литературу на хинди. Его Рамаини и Сабда образуют целый кодекс религиозной поэзии и теософической доктрины. В XVII веке выдавался Бихари Лал (из древнего города Амбера, вблизи Джайпура), автор некоторых знаменитых поэм. В Бунделкханде прославился тамошний царь поэтов Лад Кави, автор Чхатра-Пракас. Все эти поэты были уроженцами западного Индостана (только Кабир был родом из Бенареса).

Последние тревожные годы существования могольской династии в XVIII веке вызвали временный застой, который был нарушен лишь в XIX веке быстрым развитием печатной литературы. С тех пор каждое десятилетие приносит сотни новых изданий, среди которых, кроме переводов и переложений древних санскритских произведений, имеется множество оригинальных сочинений. С некоторыми из них мы и знакомим читателей «Нёмана».

Алеся МАКОВСКАЯ

КАРТАР СИНГХ ДУГГАЛ

Кончина лунной ночи

Рассказ

Никто не мог сказать, что Малин и Минни на самом деле мать и дочь. Каждый, кто видел их вместе, мог подумать, что это две сестры. Разве что Минни была на голову выше матери. «Ой, Малин, как же расцвела твоя дочка!» — не уставали повторять соседки. А девушка и действительно словно настоящая жемчужинка. И столь же чиста, сколь красива. Малин часто смотрит в лицо дочери, и будто видит себя. Совсем недавно она сама была такой же. И тогда она думает, что же с ней случилось? Только вчера кто-то стучал в ее калитку, только вчера, только вчера кто-то оказался не в силах переплыть ради нее семь морей.

Кто он, чей образ вдруг всплыл в ее памяти? Продавец жемчуга!

Отчего глаза ее сегодня полны слез? У нее ведь уже взрослая дочь. Не к лицу ей это. Всю жизнь она умела сдерживать себя. Почему же теперь она теряется в воспоминаниях? Нет, нет! Уже на следующей неделе ей предстоит украсить свадебными украшениями руки Минни, своей дочери. Нет, нет, нет!

«Ты рядом со мной, любимая. Помню каждое мгновение» — только вчера написал он письмо. И каждый раз он приходит. Каждый раз она, так или иначе, возвращает его; закрыв глаза, закрывает калитку. Но был он, который помнил каждое мгновение с ней. Малин была его душой. Без нее не было ему покоя. Всю жизнь прожила она ожидая кого-то, плача, всхлипывая, дрожа... Всю жизнь! И теперь тени прошлого снова сгущаются над ней.

И Малин думает, сегодня он обязательно придет. В ночь Шарад Пунам[1] он всегда стучал в ее дверь... стучал годы. И ни разу она не открыла ему.

И снова всплывает в ее памяти та ночь Шарад Пунам, много лет назад. Она вспоминает тот сад, где под сенью мангровых деревьев танцевала для него, и ее красная шаль зацепилась за его плечо. С непокрытой головой она стояла перед ним и смеялась для него. А он подошел к ней и накинул шаль ей на плечи.

Только подумать! Ведь точно такая же шаль и сейчас на ней! И Малин залилась краской.

Напротив, по улице прошла Минни. Как кипарисовое деревце. Высокая, стройная, белая. Кажется, даже одно прикосновение может осквернить ее красоту. Лицо спрятано за шалью, глаза скромно опущены. И никто никогда не слышал, чтобы она повышала голос. Она возвращалась из храма. Там, стоя перед Богом, сложив в молитве руки, она просила у Него исполнения своего нехитрого желания. Боже, пусть у всех исполнятся их мечты! И сама собой на лице Малин появляется улыбка, будто от легкой щекотки. Интересно, о чем она просила?

— Мам, а Лахеджи не приехал? — спросила Минни.

— Не приедет сегодня твой Лахеджи. Хорошо если хоть завтра успеет. Ему же столько всяких тканей, одежды нужно купить, столько угощений. Это же свадьба, пусть лучше останется что-то, чем чего-то не хватит, — поучала Малин дочь.

---

[1] Шарад Пунам — или шарад пурнима — праздник урожая, отмечаемый в день полнолуния месяца Ашвин (23 сентября — 23 октября). Считается, что в эту ночь богиня Лакшми ходит от дома к дому, одаривая благословениями.

Минни, прежде чем погрузиться в домашние хлопоты, тихонько подошла к матери, сняла с ее плеч шелковую шаль и накинула свою старую и потрепанную, как бы мамина не испачкалась. Сколько маленьких дырочек заштопала она на этой шали! Смеркается. Сидя одна во дворе, Малин мечтает. Рядом работают несколько мельниц. Малин думает, она тоже похожа на жернов, что всю жизнь крутится вокруг своей оси. И ни разу ее ход не сбился. Она сама превратила себя в мельницу. Останавливая и подавляя, она уничтожила себя.

Свет от полной луны проникает через кроны мангровых деревьев и, мелодично звеня, падает на нее. Как же она позволила себе отдаться этим мыслям! И Малин кажется, какое-то опьянение разливается по ее телу. Так волшебно всегда действовал на нее свет полнолуния.

Малин мечтала. Еще четыре дня и затем в ее дворе зазвучат песни. Затем руки украсит мехенди[1]. И затем Минни станет невестой. С ног до головы на ней будут прекрасные украшения. Минни будет так красива в красных одеждах невесты! И затем кто-то приедет за ней на белом коне и, усадив в паланкин, увезет в свой дом. И затем он поцелуями сотрет краску с ее рук.

Малин думает, только вчера и ее руки украшало мехенди. А ведь Лахеджи ни разу не брал в свои ладони руки Минни, ни разу не подносил к своим губам, ни разу не целовал. Он ни разу не ласкал их глазами. Он всегда ужасно устает, домой приходит еле живой и, поев, отправляется спать. Но молодость есть молодость, иногда и его глаза открыты в ночи. Тогда, когда Малин, пересчитав все звезды на небе, с трудом погружается в сон. Каждый год у него новая девушка. Без зова, сами по себе приходят, сами по себе уходят. И вот осталась одна Минни. Единственная. Огромные черные глаза. Ее глаза. Родинка не белой щеке. Ее родинка. Длинные-длинные волосы. Ее волосы. И Малин кажется, ее собственные чаяния передались ее дочери, чтобы наконец осуществиться. Ей кажется, ее собственная красота снова воплотилась в ее девочке, чтобы получить свою цену. Малин постоянно, каждой клеточкой, ощущает жажду. И она никак не может ее утолить.

В эту ночь полнолуния Малин не могла уснуть. Минни уже давно закончила возиться с плитой, закрыла на засов дверь и ушла спать.

Какая это была ночь! Луна, будто сошла с небес прямо в ее двор. Было холодно... Да нет, где же холодно? Так, слегка прохладно. Одинокий двор в ночи... полная луна... Малин размышляет, почему она сидит здесь? Кого ждет? Минни в доме уже спит. И зачем ее Лахеджи понадобилось именно сегодня уехать в город? Малин поплотнее укуталась в шаль Минни. Свет луны, падая на мелкие дырочки шали, создавал россыпь огоньков, будто сами небесные звезды вдруг усыпали ее волосы, лицо, плечи.

В мангровой роще заливалась ночная птица. Ку-ку-куу. Теперь всю ночь будет звать. Всю ночь полнолуния. И она вот так звала всю жизнь. Но тот, кто должен был прийти, так и не пришел.

Как отдалась она подобным мыслям? Малин думает, это, наверное, потому что она всегда была одинока. Почему же одинока? Минни, ее юная, едва расцветшая дочь, спит в доме. Совсем скоро ей предстоит выдавать ее замуж. Семь дней — и она уедет. И Малин останется одна. Одна в огромном доме. Она содрогнулась. Этот дом ее совсем загоняет. И Минни вовсе незачем будет навещать ее. Она ведь станет хозяйкой в собственном доме. Невестка деревенского старосты, она станет украшением собственного очага. И Малин останется одна. Совершенно одна. Лахеджи постоянно занят на каких-то сделках и переговорах. Это постоянный бег наперегонки. Она не раз повторяла, зачем ему все это? Ради чего столько хлопот? Но он не хотел ничего понимать.

---

[1] Мехенди (менди) — это древнее восточное искусство росписи тела узорами из хны.

Малин заглянула в комнату. Минни действительно спала. Спала безмятежным юным сном. Тут же, в изголовье кровати, лежали ее красные браслеты. Ну и куда она их положила! Они же поломаются, повернись она на другой бок. И Малин решает переложить их. Но вместо того, чтобы положить их на полку, она надевает их на свои запястья. Шесть на одну руку, шесть на другую. Звенящие браслеты. Это Минни купила их вчера.

Малин вернулась во двор. В красной, в мелкую дырочку шали, на руках красные браслеты... полная луна... Ей показалось, что спазм прошел по всему ее телу.

В калитку кто-то постучал. Это он. Это он. Робкий, напуганный. Это он! Как и написал в своем письме: «В ночь Шарад Пунам я постучу в твою дверь. Твоя воля. Захочешь, открой, не захочешь, не открывай. Но я буду стучать». Тук-тук-тук. Этот бесконечно мягкий, бесконечно сладкозвучный стук, конечно, его! Это он! Вор лунной ночи! И вдруг словно кто-то задул свечу. Густое черное облако закрыло луну. Облака надвигались, тесня друг друга.

И в этой темноте ноги Малин сами собой повели ее к калитке. Темно... кружится голова... холод... холодный пот... Дрожащей рукой она медленно отодвинула засов и обхватила себя за плечи. И затем были слившиеся в поцелуе губы... Будто разорвался наконец узел, двадцать лет сдерживающий ее. Будто порывом ветра унесло лепесток, что нечаянно оторвался от цветка.

Малин не заметила, как они вышли за деревню, как остановились у баньяна и как долго простояли там. Не заметила Малин, как вышли они в поле, что прилегало к баньяну, и как долго скрывались там. Она открыла глаза на рассвете, когда на дороге уже вовсю шумели и выли клаксонами проезжающие машины. Освободившись из его объятий, она закрыла лицо шалью и поспешила домой.

Она сняла браслеты Минни, положила их снова в изголовье кровати. Сняла ее шаль, накинула свою и прилегла на кровать. Глаза слипались. Никогда она так не спала. Будто отсыпалась за всю жизнь.

Солнце уже окончательно взошло, когда она проснулась.

— Мам, ты сегодня спала как ребенок! — поддразнила ее Минни.

Совсем еще юная девушка, она уже позаботилась о чистоте в доме, повозилась на кухне и теперь собиралась в храм, завязывая в краешек шали цветы, чтобы поднести их своему божеству.

Минни скрылась из виду. Апатия овладела Малин. Храня в глазах тысячи мечтаний, она вышла во двор. Веял теплый восточный ветерок. Слабый утренний свет проникал через ограду. Легкий хмель витал в воздухе. Малин кажется, она словно чаша наполненная молоком. Молоком и жасмином. И в упоении ее веки то смыкаются, то снова она их открывает.

— Эй, Малин! Где эта шельма, твоя дочь? — услышала Малин голос, как будто кто-то вдруг взвалил на нее тяжелый груз. Грудь сдавило беспокойство.

— Свет не видел такого срама! До свадьбы четыре дня, а эта девчонка такие коленца выкидывает! — Заламывая в волнении пальцы, прибежала соседка Ладжо.

— Что случилось? — Малин пришлось прервать ее, — она же у меня телушка смирная.

— Это твоя телушка вчера всю ночь позорила себя!

Вся кровь высохла в ее венах, порежешь — ни капли не прольется. Все тело ее скрутило судорогой.

— Как только стемнело, она с каким-то своим дружком ушла за деревню. Твоя калитка всю ночь открыта была! Я сама видела, своими глазами! Они в обнимку выходили с твоего двора. Я как раз по малой нужде во двор вышла, а тут они. И так не спеша, держась за ручки, пошли прямо к полю. Я всю ночь глаз не сомкнула. Дочь — украшение всякого дома. И ни одна еще не позорила так своих родителей! Людям в глаза смотреть стыдно! — И Ладжо, громко разрыдавшись, ушла.

Малин окаменела.

Как только Ладжо ушла, со стороны заднего двора прибежал деревенский сторож Джумма.

— Невестка! Невестка Малин! — он едва дозвался ее.

— Что такое, Джумма? — как из колодца прозвучал ее голос. Она только сейчас заметила его и начала приходить в себя.

— Невестка! Я не болтун, но что-то ужасное произошло сегодня ночью в деревне! Я поседел на этой работе, но такого безобразия еще не видел. Твоя Минни всю ночь бесчестила себя с каким-то мужчиной возле баньяна. Хоть и лунная ночь была, облака как раз все небо закрыли. Я два раза шагах в десяти мимо них прошел. Они так увлеклись поцелуями, что меня не заметили. А потом они устали стоять и спрятались в поле. Я всю ночь ходил вокруг твоего дома. Твоя калитка была открыта, а в доме, где готовится свадьба, всегда ведь много украшений, одежды всякой. А утром я ушел. Не знаю, когда она вернулась. Подлая! На моих руках ведь выросла. Будь моей дочерью, я бы ее придушил. Знаешь, я сюда через заднюю ограду пробрался. Я подумал, что я скажу, если вдруг кто спросит, куда я ходил?

Малин не могла ничего сказать. Она лишь смотрела на Джумму, хлопая глазами.

И Джумма ушел тем же путем, каким пришел — перебравшись через ограду.

И вот уже ему на смену, сердито пыхтя и клокоча, размахивая над головой палкой, поспешил помещик Ратна.

— Где твоя девчонка? — ревел он, входя во двор, — Где эта мерзавка? Это же надо, мое поле выбрала, чтобы свои грехи скрывать!

Ратна был в ярости. На его крики сбежалась вся округа. Соседи и соседки облепили двор.

— Я совершенно ясно все видел! Утром, иду к колодцу и вижу: сначала она вышла с поля, в красной своей накидке. Я было подумал, что может девочка по нужде ходила. А потом смотрю, чуть погодя ее дружок с другой стороны выходит.

— Дядя, что вы такое говорите? Зачем вы врете? — Минни расталкивая толпу вышла вперед. Она вернулась из храма и давно уже стояла в толпе и все слышала.

— Это я вру, бесстыжая? Я вру, позор своего рода? А чей это поломанный красный браслет на моем поле остался? — Он развязал край своего шарфа и высыпал на руку Минни красные осколки. Она схватилась за запястья, быстро пересчитала браслеты. Их было одиннадцать. Она похолодела. В глазах у нее потемнело.

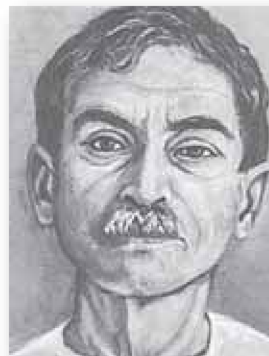
Соседи начали перешептываться. Многие вспоминали, что вчера видели ее, покупающую браслеты. Она выбрала красные.

Двор все заполнялся людьми. Сквозь толпу пробился сват Малин, за ним шла будущая свекровь Минни. Под ноги Малин полетели подносы с подарками и одеждами, что предназначались для свадьбы, и само обручальное кольцо. Люди в толпе тихо переглядывались. Женщины охали и раз за разом трогали мочки ушей. Молодые девушки покусывали пальцы.

А потом все услышали всплеск в чьем-то колодце. В одночасье все притихли. Смирной, покладистой, как молодая телушка, юной дочери Малин нигде не было видно. Той самой юной дочери, от которой никто никогда не слышал грубого слова. Истинной жемчужины. Той самой, что с утра до вечера неустанно молилась Богу. Той самой дочери нигде не было. И все кинулись к колодцу.

А Малин осталась стоять, словно столб, вбитый в землю. Двор пугал пустотой. Соседи, жители деревни, все бежали к колодцу. Может, девушка как-нибудь спаслась.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

МУНШИ ПРЕМЧАНД

Пять Богов

Рассказ

1

Джумман Шекх и Алгу Чоудхри были закадычными друзьями. Совместно возделывали землю, совместно совершали сделки. И доверяли друг другу безгранично. Джумман, когда отправлялся в паломничество, оставлял свой дом на Алгу, и Алгу, когда бы ни уезжал по делам, спокойно оставлял свое хозяйство на Джуммана. У них не было ни общих традиций в еде, ни общей религии. У них лишь были схожие взгляды. А это и есть ключ к настоящей дружбе.

Их дружба началась давно, когда они были еще детьми и отец Джуммана, Джумрати, был их учителем. Алгу очень усердно служил гуру. Даже его трубка не знала ни минуты покоя, ибо каждое набивание ее табаком по полчаса отвлекало Алгу от книг. Отец Алгу был человеком старых взглядов. Больше, чем в учение, он верил в служение гуру. Он говорил, что знания достигаются не учением, а милостью гуру. Нужен только его благосклонный взгляд. Так что если Алгу и не получит пользы от благословения учителя и общения с ним, то придется спокойно понять, что было сделано все возможное, но просто знания не написаны на его судьбе.

Сам Джумрати не был сторонником благословений. Он больше доверял своей дубинке. И все окрестные деревни почитали Джуммана. Подписанной им закладной или купчей даже судейские не могли ничего противопоставить. Местный почтальон, констебль, посыльный из полицейского участка — все старались заручиться его благосклонностью. Алгу почитали за его богатство. Джумман же снискал уважение за свои бесценные знания.

2

Была у Джуммана Шекха старая тетка. Эта тетка имела кое-какое состояние. Близких родственников у нее не было. И Джумман, наобещав ей с три короба, переписал ее состояние на себя. Пока завещание не было оформлено, тетка сполна получала уход и заботу. Но с печатью на завещании легла печать и на радушии. Жена Джуммана, Кариман, стала приправлять хлеб кисло-горьким, острым соусом ругани. Джумман тоже стал груб с ней. И теперь бедняжке целыми днями приходилось выслушивать подобные разговоры:

«Неизвестно, сколько старуха еще протянет. Что толку с пары бигхов[1] земли, да и те неплодородные. Только больше проблем наживешь! Пресным горохом сыт не будешь. Столько денег на нее потрачено, а до сих пор никакого толку».

Тетка слушала все это и терпела до поры до времени. Но когда не смогла больше выносить их грубость, пожаловалась. Джумман не посчитал целесообразным платить за ее содержание. Несколько дней, вот так, через слезы, тянулось это дело. Наконец, тетка сказала Джумману:

---

[1] Бигха — земельная мера, равная 0,5 га.

— Сынок, с тобой я жить не смогу. Ты мне только помогай деньгами, а я уж сама себя прокормлю.

Джумман без капли стыда ответил:

— Тебе что, деньги на деревьях растут?

— Но мне ведь нужно хоть чем-то питаться, — сказала тетка со смирением.

Ответ Джуммана был очень серьезный:

— Так ведь ты же на ладан дышишь уже.

Тут тетка взбунтовалась, пригрозила собрать панчаят[1]. Джумман же только рассмеялся, как смеется шакал, наблюдая за оленем, что идет прямо в силки.

— О да, собирай сколько хочешь свой панчаят! Мне тоже нет большой радости от постоянной ругани.

Чью сторону примет панчаят, на этот счет у Джуммана не было никаких сомнений. Во всех окрестных деревнях едва ли нашелся бы хоть один человек, который не был бы ему обязан. Кто бы осмелился пойти против него и тем самым сделать его своим врагом. Ведь не ангелы же явятся вершить этот панчаят.

3

После этого разговора старушка, взяв в руки посох, несколько дней обходила окрестные деревни. Спина ее превратилась в натянутый лук, каждый шаг давался все с большим трудом. Но дело завершить было необходимо.

Редко перед кем она не показывала слезы. Одни просто формально поддакивали в ответ, другие возмущались несправедливостью и принимались ругать нынешние времена: «Одной ногой в могиле. Сегодня умрешь, завтра день новый, и никакого тебе уважения! Что сегодня нужно? Кусок хлеба да молитва». Находились и такие добрые люди, которые видели в этой ситуации возможность повеселиться. Сгорбленная спина, беззубый рот, волосы как пакля, да если еще все это вместе, как тут не посмеяться? И очень мало оказалось справедливых, сострадательных людей, которые внимательно выслушивали рассказ старой женщины о ее горестях и как могли, утешали ее. Обойдя всю округу, бедняжка пришла и к Алгу Чоудхри. Поставив свою палку, она перевела дух и сказала:

— Сынок, приходи и ты на мой панчаят, хотя бы на минутку.

— А зачем я тебе там? — спросил Алгу. — Ведь на панчаят и так придет много людей из нескольких деревень.

— Я всем рассказала о своей беде. Теперь им решать, приходить или не приходить, — сказала тетка.

— Прийти приду, — пообещал Алгу, — но на панчаяте и рта не открою.

— Почему, сынок?

— Что я могу ответить? Джумман мой старый друг. Я не хочу с ним ссорится.

— Стало быть, из-за страха поссориться, ты не скажешь правды? Но наша бедная совесть приходит в себя, как только услышит зов справедливости. И уже никто не может ее победить.

Алгу не смог ничего ответить на это. Но ее слова запали ему в сердце: «Из-за страха поссориться, ты не скажешь правды?..»

---

[1] Панчаят — (букв. пятерка) коллективный орган, совет, состоящий не обязательно из 5 человек (старейшин), стоящий во главе местной касты в целом или кастовой группы.

4

Вечером собрался панчаят. Джумман Шекх уже расстелил ковры. Он заранее позаботился о бетеле, табаке, трубках и прочем. Сев рядом с Алгу Чоудхри, он лично приветствовал каждого приходящего. Когда солнце зашло и пение птиц утихло, панчаят начался. Каждый дюйм земли наполнился людьми, большинство из которых были зрителями. Из приглашенных уважаемых сельчан пришли только те, кто точил зуб на Джуммана. Тлел огонь. Наи[1] сновали среди толпы и набивали табаком трубки. Трудно было понять, что дымит больше — тлеющий кизяк или трубки. Бегали сюда-туда мальчишки. Кто-то кричал и ругался, кто-то плакал. Кругом стоял страшный шум. Деревенские собаки, приняв такое скопление людей за приглашение к пиршеству, сбивались в стаи.

Когда панчаят наконец занял свои места, старая тетка обратилась к ним:

— Уважаемые судьи! Прошло уже три года, с тех пор как я переписала все свое состояние на племянника Джуммана. Вам должно быть это известно. Джумман обязался пожизненно содержать меня. И теперь я мучаюсь, живя с ним. Я не могу больше жить день и ночь рыдая. Я не получаю ни нормальной еды, ни нормальной одежды. Я беззащитная вдова и не могу постоять за себя. Кому еще, как не вам, могу я рассказать о своих проблемах? Что бы вы ни решили, я соглашусь. Если сочтете, что виновата я, я подставлю щеку, можете ударить меня. Если же сочтете виноватым Джуммана, то объясните ему, что нельзя издеваться над беззащитными! Я покорно приму любое ваше решение.

Рамдхан Мишра, нескольких должников которого Джумман Шекх поселил в своей деревне, взял слово:

— Джумман Мия, кого ты выбираешь в судьи? Скажи сейчас. Потом тебе придется согласиться с любим их решением.

Джумман оглядел присутствующих. Он видел лишь тех, к кому так или иначе был настроен враждебно.

— Решение панчаята — это решение Аллаха. Кого тетка захочет, пусть того и выбирает сама. Я не возражаю.

Тетка закричала:

— О, раб Аллаха! Не хочешь выбирать? Я знаю почему!

Джумман рассердился:

— Не заставляй меня грубить. Тебе же дают возможность, выбирай кого хочешь.

Женщина поняла этот выпад племянника.

— Сынок, — сказала она, — побойся Бога! Судьи никому не друзья и не враги. Что ты говоришь! Ты что же, никому не доверяешь? Что ж, пусть. Но против Алгу Чоудхри ты не станешь возражать. Так вот, я выбираю его председателем.

Джумман Шекх прямо-таки расцвел от радости, но, подавив свои чувства, просто сказал:

— Мне что Рамдхан, что Алгу, все равно.

Алгу не хотелось впутываться в это сложное дело. Он попытался выкрутиться:

— Тетушка, ты же знаешь, что мы с Джумманом близкие друзья.

Тетка серьезно сказала:

— Нельзя продавать совесть за дружбу. Судья хранит Бога в своем сердце. Устами судьи говорит сам Бог.

Рамдхан Мишра и другие противники Джуммана в душе проклинали старуху за такой выбор.

Алгу Чоудхри сказал:

[1] Наи — каста парикмахеров, члены касты парикмахеров.

— Шекх Джумман! Мы с тобой старые друзья! Ты всегда рядом, когда мне нужна твоя помощь, и я всегда готов оказать тебе любую услугу. Но сейчас в моих глазах и ты, и эта женщина равны. И чтобы ни решили судьи, ты обязан подчиниться.

Джумман был абсолютно уверен, что теперь победа за ним. Алгу, конечно, специально все это говорит. Поэтому он, сохраняя хладнокровие, сказал:

— Уважаемые судьи! Три года назад моя тетка переписала на меня свое состояние. Я обязался содержать ее. Бог свидетель, я до сих пор ни разу ничем ее не обидел. Она мне как мать. Мой долг заботиться о ней. Но женщины бывают такими конфликтными. Так разве я в этом виноват? Каждый месяц она требует отдельных затрат. Я также не стану скрывать от судей, каково ее состояние. Оно даже не покрывает ежемесячные расходы. Кроме того, в дарственной ни слова не говорится об этих расходах. Иначе я бы не попал в такую неприятную ситуацию. Это все, что я хочу сказать. Будущее в руках судей, решайте же, как посчитаете нужным.

Алгу Чоудхри частенько приходилось принимать участие в судебных заседаниях, так что он довольно неплохо разбирался в законах. Он начал опрашивать Джуммана. И каждый его вопрос ножом вонзался Джумману в сердце. Рамдхан Мишра все больше приходил в восторг от этих вопросов. А Джумман недоумевал: «Что это случилось с Алгу? Только что сидел передо мной, и чего только не говорил! И вот теперь так быстро и резко изменился, что готов меня уничтожить. За какие такие грехи он мне мстит? Разве наша давняя дружба для него ничего не значит?»

Джумман все еще был погружен в эти мысли, когда Алгу огласил решение:

— Джумман Шекх! Панчаят принял решение по данному делу. Он считает правильным обеспечивать тетке ежемесячное содержание. Он так же считает, что ее состояния достаточно для этого. Таково наше решение. Если Джумман не согласится нести расходы на содержание тетки, то дарственная будет считаться расторгнутой.

Джумман онемел. Когда лучший друг неожиданно вот так вонзает нож тебе в спину, что можно сделать, кроме как повернуть время вспять? Тот, кому он всецело доверял, улучив момент, предал его. Вот в такие моменты и познаются друзья. Вот она, дружба в век вражды, век Калиюги. Если люди не лицемеры и лгуны, то откуда в стране такие вспышки бедствий? Не в этом ли причина холеры, чумы и других подобных болезней?

Но Рамдхан Мишра и остальные пять судей с распростертыми объятиями приняли такую моральную стойкость Алгу. «Имя ему панчаят! — говорили они, — сумел-таки отделить молоко от воды! Да, дружба дружбой, а законы нужно соблюдать. На таких честных людях держится земля. Если бы не такие люди, она давно бы уже исчезла».

Это решение вырвало корень дружбы между Джумманом и Алгу. Теперь уже их не видели за разговором. Дерево их старой дружбы не выдержало порыва правды. Замком на песке стала их дружба.

Теперь их отношения стали более чем учтивые. Они как никогда радушны стали друг с другом. Они встречались, но так меч встречается со щитом.

Предательство друга днем и ночью терзало душу Джуммана. Каждый миг он думал о том, как бы отыграться.

5

Хорошие поступки требуют времени, чего не скажешь о плохих. Джумману довольно скоро представился случай взять реванш. В прошлом году Алгу Чоудхри купил в Батесаре пару волов. Породистых, красивых, длин-

норогих. Посмотреть на них целые месяцы ходили жители всех окрестных деревень. Случилось так, что через месяц после панчаята по делу Джуммана один из волов умер. «Это наказание за предательство, — говорил Алгу друзьям. Сколько бы ни терпел человек, Бог все равно видит и хорошее и плохое». Алгу, конечно, решил, что это именно Джумман отравил его вола. Чоудхриха тоже винила в этом преступлении Джуммана: «Определенно, Джумман что-то сделал», — сказала она мужу. Однажды между ней и Кариман состоялись довольно серьезные дебаты. Обе женщины выплеснули целые потоки слов. Сравнениями, определениями и метафорами насыщен был тот разговор. Джумман кое-как восстановил порядок. Он хорошенько отругал жену и увел с поля боя. Там же и Алгу Чоудхри привел логические аргументы, успокаивая свою жену.

И что же теперь толку с одного вола? Поиски для него пары успехом не увенчались. Наконец, поступило предложение продать оставшегося вола. Жил в деревне Самджху Саху[1]. Он был единственным возчиком в деревне. Из деревни возил на рынок гур[2] и простоквашу, с рынка привозил масло и соль и продавал в деревне. Вот и захотелось ему заиметь этого вола. Он подумал, что попади этот вол к нему, он мог бы спокойно делать целых три ходки в день на рынок и обратно. Пока что он мог делать только одну. Он осмотрел вола, загнал его в кузов машины, немного поторговался и, в конце концов, привязал его в своем дворе. Заплатить обещал в течении месяца. Чоудхри и не подумал об убытках.

Заполучив нового вола, Самджху Саху стал гонять его почем зря. Начал совершать по три-четыре ходки в день. Он не думал даже о том, чтобы накормить или напоить животное, его заботило лишь количество ходок. Они добирались до рынка, там он давал буйволу немного сена. И не успевало бедное животное перевести дыхание, как его снова гнали в деревню. А ведь живя у Алгу, он как сыр в масле катался. Иногда его запрягали в двуколку. И тогда бедняге приходилось долго бегать на большие расстояния. А когда-то его рацион составляли чистая вода, молотая чечевица и жмых с сеном, более того, иногда он мог насладиться вкусом сливочного масла. По утрам и вечерам какой-то человек чистил его. И где теперь та беззаботная жизнь? Где та забота круглые сутки? За какой-то месяц он истощал. Его кровь буквально застывала в жилах, стоило ему только увидеть двуколку с ярмом. Он с трудом передвигал ноги. Его кости торчали от истощения. Но храброе животное терпело.

В один прекрасный день, в четвертую ходку, Саху джи взвалил на повозку двойной груз. Уставшее за целый день животное не могло даже сдвинуться с места. Но Саху джи прибегнул к кнуту. Ну и конечно, сердце вола не выдержало. Он прошел еще немного вперед, надеясь спокойно отдышаться, но Саху очень спешил поскорее добраться до места. Он безжалостно стал работать кнутом. Вол еще раз сделал усилие, но силы покинули его. Он упал на землю и больше не поднялся. Уж Саху его и бил, и за ноги дергал, и тыкал соломинки ему в ноздри. Но разве мертвый может подняться? Тут Саху догадался, в чем дело. Он внимательно осмотрел вола, распряг его и стал думать о том, как же ему теперь добраться до дома. Он начал вопить. Да только сельская дорога закрывается, как глаза ребенка, едва наступают сумерки. Вокруг никого не видно. Рядом ни одной деревни. В смертельной ярости он хлестал кнутом и проклинал мертвого буйвола:

— Несчастный! Если обязательно нужно было подыхать, так подыхал бы дома! Так нет же, сдох прямо посреди дороги! И кто теперь потащит повозку?

---

[1] Саху — здесь — почтеннейший, господин.

[2] Гур — вид патоки, необработанный сахар.

Да, Саху джи был очень раздражен. Он продал несколько мешков гура и несколько бочек масла, и на поясе у него были привязаны двести—двести пятьдесят рупий. Кроме того, в повозке лежали еще несколько мешков с солью, так что и бросить ее он не мог. Бедняга беспомощно улегся на повозке, с твердым намерением бодрствовать, закурил чилам[1], запел. Затем выкурил хукку[2]. Так он развеивал сон до полуночи. Проснувшись утром, он обнаружил, что с пояса исчез мешочек с деньгами. Он тревожно стал осматриваться вокруг и обнаружил, что нет также и нескольких бочек масла. В горе бедняга бил себя по голове, и катался по земле. Рыдая, он добрался, наконец, до дома. Сахуниха, выслушав его рассказ о злоключениях, вначале немного поплакала, а потом принялась обвинять во всем Алгу Чоудхри:

— Этот негодяй подсунул нам такого больного вола, что мы потеряли все свои сбережения!

После этого случая прошло несколько месяцев. Когда Алгу потребовал плату за вола, Саху, а с ним и Сахуниха набросились на него как злые собаки:

— Вот это да! Тут все сбережения пропали, все погибло, а он беспокоится о какой-то плате! Дохлого вола подсунул и еще деньги за него просит! Напустил пыль в глаза, всучил нам больное животное! За полных дураков нас держит! Мы тоже не лыком шиты, поищи других дураков! Сперва отмой лицо в какой-нибудь яме, потом уже и плату бери! А хочешь, возьми нашего вола, можешь впрячь его даже не на месяц, а на два. Или что ты там еще хочешь?

У Чоудхри не было недостатка в недоброжелателях. В этой ситуации они объединились и встали на сторону Саху. Но не так-то просто было отказаться от полутора сотен рупий. Чоудхри тоже вскипел. Саху убежал в дом за палкой. Теперь вступила Сахуниха. И так, слово за слово, дело дошло до потасовки. Сахуниха скрылась в доме и закрыла засов. Заслышав шум-гам, односельчане высыпали из домов. Послышались советы, мол, так дальше не пойдет, нужно созывать панчаят, и как он решит, так и поступить. Самджху согласился. Алгу тоже не стал возражать.

6

Началась подготовка панчаята. Обе стороны начали собирать группы поддержки. И вот, через три дня, под тем же деревом, снова собрался панчаят. Был такой же вечер. Где-то в поле вороны тоже собрали панчаят. Спор шел о том, есть ли у них права на эти стручки гороха. И они считали необходимым выражать свое недовольство на окрики хранителя поля до тех пор, пока этот вопрос не будет решен. Рассевшееся по ветвям птичье общество обсуждало вопрос о том, какое это право имеют люди предъявлять им претензии, когда сами без зазрения совести предают своих же друзей.

Собрание расселось, и Рамдхан Мишра сказал:

— Что тянуть, нужно выбрать судей. Говори ты, Чоудхри, кого ты выбираешь в судьи?

— Пусть выбирает Самджху Саху, — сказал печально Алгу.

Саху поднялся, откашлялся и сказал уверенно:

— С моей стороны — Джумман Шекх!

При упоминании имени Джуммана сердце Алгу бешено заколотилось. Ему будто дали пощечину. Рамдхан Мишра был другом Алгу. Он, конечно, понял, в чем дело.

— Чоудхри, у тебя нет возражений? — спросил он Алгу.

Алгу безнадежно произнес:

---

[1] Чилам — прямая курительная трубка небольшого размера.

[2] Хукка — маленький индийский кальян.

— Да нет, какие у меня могут быть возражения.

Осознание собственной ответственности часто помогает исправить ограниченное поведение. Когда мы, сбившись с пути, начинаем блуждать, это осознание становится нашим проводником и указывает нам праведный путь.

Издатель газеты, сидя в своей тихой хижине, смело и свободно совершает нападки на кабинет министров своим мощным пером. Но вот ему представляется возможность, и он сам входит в этот самый кабинет. И как только нога его ступает в здание кабинета министров, каким знающим, каким здравомыслящим, каким законопослушным становится его перо. И причиной тому — понимание своей ответственности. Как строптиво ведет себя молодой человек в юном возрасте! Как беспокоятся за него родители?! Они считают его позором семьи. Но проходит время и с грузом семейных забот, каким спокойным и выдержанным становится этот неуравновешенный юнец! Это тоже результат осознания ответственности.

В душе Джуммана проснулось чувство долга, как только он получил высокий пост председателя панчаята. «Вот я, занимаю высочайший пост справедливости и закона, — думал он, — все, что я скажу сейчас, посчитают гласом Божьим, а в нем нет места моим личным эмоциям. Я не должен ни на йоту отступать от истины».

Судьи приступили к опросу сторон. Обе группы поддержки допоздна сражались за свои стороны. Все были согласны с тем, что Самджху Саху должен заплатить за вола. Но один господин хотел добиться уступок для Самджху, по причине того, что со смертью вола ему был причинен значительный ущерб. В противовес ему два уважаемых господина высказывались за то, что, кроме платы за вола, Самджху следует назначить штраф, чтобы никому больше было не повадно так ужасно обращаться с животными. Наконец Джумман огласил решение:

— Алгу Чоудхри! Самджху Саху! Судьи внимательно рассмотрели ваше дело. Саху обязан выплатить полную стоимость вола. На момент покупки животное было абсолютно здоровым. Животное умерло лишь по той причине, что его нагружали слишком тяжелой работой и не ухаживали за ним должным образом.

Рамдхан Мишра взял слово:

— Самджху Саху умышленно морил животное! Его нужно наказать!

— Это другой вопрос, — сказал Джумман, — к настоящему делу это не относится.

Тут заговорил Джхагру Саху:

— Но должны же быть какие-то уступки в отношении Самджху!

На это Джумман сказал:

— Это остается на усмотрение Алгу Чоудхри. Если он пожелает пойти на какие-либо уступки, то так тому и быть.

Алгу не мог сдержать радости. Он поднялся с места и громко закричал: «Слава пяти богам!»

Со всех сторон эхом отозвалось: «Слава пяти богам! Это не люди судили, сам Бог судил вместе с ними! Это Его величие! Кто может лгать перед лицом панчаята?»

Позже Джумман пришел к Алгу. Он обнял друга и сказал:

— Брат! После того, как ты судил меня на том панчаяте, я стал считать тебя смертельным врагом. Но сегодня я понял, что перед лицом судьи нет ни врагов, ни друзей. Он не видит ничего, кроме закона. Сегодня я поверил, что устами судей говорит Бог.

Алгу заплакал. И его слезы смыли всю грязь с обоих их сердец. И вновь зазеленело засохшее дерево дружбы.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

САИД АЮБ

Два рассказа

Джинн

Когда Аччхе Мия[1] в пять лет начал проявлять тревожные признаки, его отец забеспокоился. Ребенок не только помнил шутливые насмешливые песенки матери и сестры, но и напевал их, совсем так же, как деревенский хафи[2] читал нараспев Коран. Он не помнил первую молитвенную формулу, но зато так ритмично и с чувством пел «что у тебя под кофточкой?..», точно это было «Аллах велик!» Как-то он подошел к своей матери Разии Би[3], и, напевая и пританцовывая, задал этот самый вопрос. Мать смутилась и отвернула от него лицо. А вечером, когда отец Аччхе Мии вернулся домой, пожаловалась:

— Вы ничего не замечаете. Ребенок совсем отбился от рук. Он совершенно ничего не умеет, зато целыми днями поет песни из фильмов...

Отец позвал сына и отвесил ему оплеуху. Но эта оплеуха также досталась и Разии Би, потому что Аччхе Мия был их единственным и к тому же очень желанным сыном. К счастью для малыша, с этого времени его отца стала одолевать забота о том, как бы перевоспитать сына. Он, наверное, еще какое-то время набирался бы терпения, но Аччхе Мие не исполнилось еще и семи, а его проделки стали достоянием общественности. И когда на прошлой неделе они вместе с другом, что был одного с ним возраста, увидели козу во дворе соседа Нура Мии, стали совать ей в вымя тоненькие веточки, отчего оно наполнилось воздухом. Когда Нур Мия узнал об этом, он почувствовал недоброе и отправился прямиком в дом Аччхе. Сам Аччхе даже с места не сдвинулся, но его друг, менее опытный в проделках, тут же растрезвонил по всей деревне о его новой проделке. И тогда отец окончательно утвердил план перевоспитания сына. И вот целую неделю Аччхе Мия вместе со своим отцом провел у одного прославленного муллы, в одном известном медресе[4], в деревне, в 50 километрах от их собственной.

Это медресе было украшено несколькими соломенными хижинами. В центре стояла еще одна хижина, выполнявшая роль мечети. В сооруженные из бамбуковых палок ворота с легкостью проникали в медресе и свободно расхаживали сюда-туда козы, собаки и т. д. А на выходе, за воротами, стояла еще одна небольшая хижина, выполнявшая одновременно роль офиса и апартаментов муллы, управляющего медресе. Но вообще-то все называли ее конторой. Рядом с конторой стояли две водопроводные колонки для умывания и совершения обряда омовения, вокруг которых была сооружена платформа, а сзади находились обнесенные мешковиной два туалета. А для того, чтобы справить большую

[1] Мия — перс. Дружок, ласковое обращение к ребенку; господин, супруг, хозяин.

[2] Хафи — (хафиз) араб. Человек, знающий наизусть Коран, покровитель.

[3] Би — перс. Госпожа, дама, супруга.

[4] Медресе (от арабск. Мадраса — школа, училище) — мусульманская школа в мечети или в особом здании при ней.

нужду, обитатели медресе брали кувшин с водой и совершали путь в лес, раскинувшийся далеко-далеко за его пределами.

Как-то отец Ачхе Мии, отсыпая для муллы по мане[1] привезенных из дому риса и пшеницы, заговорил очень откровенно:

— Уважаемый мулла, этот мальчик... уж не знаю, чей дурной глаз посмотрел на него, тень какого джинна или злого духа легла на его голову. Совершенно не хочет учиться, зато он получает большое удовольствие, доставляя целый день беспокойство другим. Целый день он слоняется сюда-туда, словно непривязанный бык. Порой я даже чувствую...

Отец Аччхе Мии вдруг вспомнил, что он говорит не с Разией Би у себя дома, а с муллой, и замолчал в смущении. Мулла глядя одним глазом на Аччхе Мию, а вторым — на принесенные его отцом мешки с рисом и пшеницей, сказал:

— Не волнуйтесь. Хорошо, что вы привели его сюда. Здесь нисходят только добрые чары. Милостью Аллаха очень скоро все образуется.

Мулла, повернувшись к саду, снова посмотрел на Аччхе. Около семи лет, светлая кожа, мягкие черты, сияющие глаза, в которых вместо озорства теперь виднеется беспокойство, тонкие красивые губы, словно розовые бутоны, зардевшиеся щеки.

Мулла спросил:

— Как звать?

Черная борода, внушающее трепет лицо, след от намаза[2] на лбу, ослепительно белая одежда и, словно какая-то крыса, сидящая на голове шапка. И было еще что-то в мулле, от чего страх пробрал Аччхе Мию до нутра. Голос муллы показался странным. Немного похожий на голос деревенского хафи, только страшнее. И он с испугом обернулся к отцу. Отец словил взгляд сына.

— Мулла, парнишка большой шалун, но и трусишка тоже большой. Особенно боится разных джиннов, духов. Не знаю даже, где он мог наслушаться сказок о них. Он считает, что они всегда находятся где-то рядом с ним и как только улучат подходящий момент... и еще он очень смущается, когда ему приходится говорить перед кем-нибудь.

Глаза муллы заблестели. Он улыбнулся.

— Видите ли, джинны, духи и прочие сущности действительно существуют. Аллах создал их, точно так же как Он создал и меня и вас. Даже в священном Коране сам Аллах, создатель и творец, говорит об этих сущностях. Если мальчик считает, что они постоянно его окружают, то это есть не что иное, как признак веры. Славный мальчик. Надеюсь, очень скоро вы услышите о нем хорошие новости.

Отец Аччхе Мии мало что понял из сказанного муллой, его речи были очень сложны и темны для него. Однако он, не переставая, кивал головой в знак согласия. И мулла склонил его согласиться и еще кое на что: внести пожертвование для медресе на следующий рамазан[3], прислать жертвенное животное, а также время от времени, когда он захочет увидеть Аччхе Мию, приносить в медресе рис или пшеницу. И так, кивая головой, отец покинул медресе. И, конечно, когда расставаясь с отцом Аччхе Мия начал

---

[1] Мана — мера веса равная 40 кг.

[2] Намаз — в исламе обязательная ежедневная пятикратная молитва, один из пяти столпов ислама.

[3] Рамазан (Рамадан) — девятый месяц мусульманского (лунного) календаря. В соответствии с одним из пяти столпов ислама в течение месяца Рамадана правоверные мусульмане должны поститься от наступления утреннего намаза (Фаджр, наступающий на рассвете) до наступления вечернего намаза (Магриб, наступающий с закатом).

горько плакать, на глазах отца тоже навернулись слезы. Он был и несчастен и очень счастлив одновременно.

Когда отец ушел, мулла подозвал Аччхе Мию к себе. Он достал из шкафа печенье, угостил им мальчика и сказал ласково:

— Послушай, сынок, как любят тебя твои папа и мама! Они хотят, чтобы ты обучился грамоте, стал благочестивым человеком и служил вере. Поэтому они отправили тебя сюда. И теперь твой долг усердно учиться и осуществить мечту родителей. Ты понял?

Аччхе Мия положив в рот печенье, наблюдал за ящерицей, медленно ползущей по бамбуковой палке позади муллы. Ящерица как будто готовилась прыгнуть прямо на муллу. «А что, если эта ящерица заберется ему в штаны?», — подумал он. И с этими мыслями свет его глаз изменился и вместо страха в них снова заблестел тот самый озорной огонек. Но он не смог долго смотреть на ящерицу или на муллу, его глаза сами собой опустились в пол, который даже через 15 лет после открытия медресе все еще оставался земляным. А мула, решив что мальчик таким образом выражает согласие, продолжил несколько серьезнее:

— Ступай, сынок, и добросовестно выполняй свои обязанности. С полной ответственностью выполняй все, что велят учителя. Насколько хорошо ты будешь служить учителям, настолько быстро ты добьешься успеха. Больше чем от чтения книг, знания обретаются от учителя. И слушай, не вздумай безобразничать и даже не пытайся бежать отсюда, а не то...

В этом его «а не то...» было что-то такое, что заставило глаза Аччхе Мии снова изменить свой свет. После вечернего намаза он отправился на ужин, и с трудом пробившись сквозь галдящую толпу, все же сумел ухватить немного еды — лепешку с очень перченым бириани[1] и водянистую райту[2]. Аччхе Мия расплакался. Он подумал: «теперь, когда приедет отец, я любым способом уеду с ним домой и больше никогда не стану шалить. И тогда ни отец, ни мать не захотят снова отправить меня сюда... Но вдруг отец не приедет, что тогда?.. тогда я как-нибудь напою муллу отваром из лягушки, и он разозлится и сам отправит меня домой». При этой мысли на губах Аччхе Мии заиграла коварная усмешка.

После окончания трапезы мулла позвал Аччхе Мию к себе и сказал:

— Слушай, твой уважаемый отец просил меня особо позаботиться о тебе до тех пор, пока ты не привыкнешь к этому месту. Поэтому ты пока будешь спать в моей комнате. А через пару дней, когда привыкнешь, тебе дадут другую комнату. Я уже поставил тебе кровать там в углу.

Аччхе Мия посмотрел в угол. Там стояла небольшая кровать, на которой лежал матрац, а на матраце лежал сверток, в котором кроме новой лунги[3] и двух новеньких курта-паджама[4] лежала вязаная шапочка и еще кое-какие вещи. В другом углу комнаты раскинулась большая тахта с толстым матрацем, чистыми подушками и натянутой на бамбуковые опоры сеткой от москитов. Ясное дело это была постель муллы. Озорной ум Аччхе Мии зашевелился: «А что, если словить несколько москитов и запустить мулле

[1] Бириани — восточное блюдо из риса, напоминающее плов. Существует множество вариантов рецепта: с курицей, с бараниной, овощами и т. д.

[2] Райта — салат с йогуртом.

[3] Лунги — кусок разноцветной (часто полосатой или клетчатой) ткани, обматываемый вокруг бедер и носимый мужчинами в Индии и многих других странах Азии. Особенно популярно среди мусульманского населения.

[4] Курта-паджама — национальная индийская мужская одежда. Состоит из рубахи (курты) и штанов (паджама).

под москитную сетку...» Его мысли стали еще сильнее работать, когда мулла прервал их:

— Ступай, переоденься, прочти молитву и ложись спать. И вот еще что, мне не нравятся мальчишки, которые поздно встают по утрам. Сразу после утреннего намаза начинается урок, так что вставай утром поскорее и собирайся.

Сказав это, мулла закрыл глаза. Еще какое-то время его рука продолжала перебирать четки. Чак... чак... чак... бусинки скользили в пальцах одна за другой. Аччхе Мия пошел к своей кровати, снял свою падджама и надел принесенную из дома новую лунги. И в этот момент он вдруг особенно заскучал по дому, и глаза его наполнились слезами. Как сладко ему спалось дома в любимой чадди[1]. Паджама еще ладно, но эта проклятая лунги! Два раза завернуться можно. Кое-как удерживая, он обернул ее вокруг себя, развязал шнурок от паджама и попытался подвязать им ее. Но, ох уж эта дурацкая лунги! Распахнулась сверху. Теперь он не мог удержать ни паджама, ни лунги. И так и стоял совершенно голый. Хорошо еще, что мулла был погружен в свои четки. Аччхе Мия быстренько скинул паджама и, удерживая обеими руками, справился наконец с лунги.

Но тут его одолел страх, что лунги в любой момент может снова развязаться. Мулла открыл глаза и жестом подозвал Аччхе Мию к себе. И когда он, три раза дунув на него, а затем столько же раз поплевав, заговорил, его голос показался каким-то странным, будто он говорил во сне, будто шепотом:

— Вот что, я напустил на тебя чары. Ты теперь прочти все молитвы и ложись спать. Твой отец говорил, что ты очень боишься джиннов. Поэтому говорю тебе, джинны действительно иногда приходят сюда, прямо в эту комнату. Я сам их видел несколько раз. Если ты их увидишь, то не волнуйся. Я тебя так заколдовал, что они не смогут причинить тебе совершенно никакого вреда. Но что бы они ни делали, тихонько дай им делать то, что они хотят. Не встревай и не мешай им, а то они рассердятся и тогда даже мои чары не помогут. И никому о них не говори, джинны очень не любят, когда кто-нибудь говорит о них. Если кто-то о них говорит, они начинают досаждать ему. И знай, они могут принимать любой облик. Они могут явиться даже в твоем облике или даже в моем. Так что если ты увидишь кого-то знакомого, ты его не зови, и пусть он продолжает делать то, что делает, хорошо?

При упоминании джиннов Аччхе Мию стало дурно. Он быстро-быстро замотал головой на это «хорошо?» муллы и тихонько лег в свою кровать. Ему было очень страшно. Казалось, что вот-вот явится какой-нибудь джинн. Из миллиона молитв он не мог вспомнить ни одной. А потому, про себя повторяя имя Аллаха, стал шептать молитву, которая защитила бы его от джиннов. Но, странное дело, сколько бы раз он не повторял имя Аллаха, всякий раз перед глазами вставало лицо матери. Закончив молиться, он исподтишка посмотрел на муллу. Тот все еще перебирал свои четки. Чак... чак... чак... И его слегка шевелящаяся в такт бусинам черная борода делала его и без того внушительное лицо еще более внушительным. Глядя на это лицо, Аччхе Мия подумал: «Разве может джинн явиться перед таким грозным человеком как мулла? Если он сюда явится, то мулла тут же заточит его в бутылку, как их деревенский хафи заточил в бутылку того джинна, что являлся к Наджмуну Хале». Так рассуждая, он немного освободился от страха и снова начал строить планы запускания москитов под сетку муллы. Очень уж нравилась ему эта затея. Самые разные планы то приходили ему

[1] Чадди — набедренная повязка.

в голову, то уходили, и вот так, погруженный в них, он не заметил, как уснул глубоким сном.

И вдруг, сквозь сон ему показалось, что кто-то развязал его лунги и стягивает вниз. На мгновение он подумал, что это ему приснилось. Но когда он почувствовал чьи-то руки, медленно скользящие по его бедрам, сон совершенно улетучился. И тут ему вспомнились слова муллы. Ему стало казаться, что это какой-нибудь джинн явился к нему. От ужаса, нахлынувшего на него, он начал икать. На секунду он подумал было закричать, позвать муллу, но вспомнил его слова, что джинну нельзя мешать и следует тихонько позволить ему делать то, что он хочет. Вспомнив эти слова, он затаил дыхание и про себя стал взывать к Аллаху. Через какое-то время он почувствовал, что теперь не руки, а что-то другое скользит по его бедрам и медленно-медленно продвигается вверх. И он вспомнил слова муллы, о том, что джинн может принимать любой облик. Он подумал: «ладно, я не издам ни звука, но я должен посмотреть, в каком же обличии явился этот джинн». Он собрал все свое мужество, все силы и слегка приподняв голову, медленно приоткрыл глаза. Джинн явился в облике муллы, только был он совершенно нагой.

Халва на Шаббарат[1]

Поле, на котором хафиз Мухаммед Ахмад Кхан по прозвищу Ахмад Мия играл в крикет, было границей того медресе, в котором шесть месяцев назад он сдал экзамены. Медресе находилось как раз между городом и деревней. Пойдешь в одну сторону — деревня, пойдешь в другую — город. С северной стороны, с больших ворот, возвышающихся на одной из улиц, и начиналось медресе. Сразу же за воротами открывалась большая площадка, которая по мере необходимости использовалась в самых разных целях. Ахмад Мия любил использовать ее для игры в крикет. На другой стороне площадки стояла огромная величественная мечеть, построенная по образцу мечети Масджид ан-Наби в Медине. По краям мечети — великолепные высокие минареты. Поскольку Аллах живет там, в вышине, то чем выше минарет, тем ближе Аллах. Мечеть и площадь окружали большие учебные залы, жилые комнаты учителей и учеников, а также несколько комнат, выполняющих роль офисов. С одной стороны, огороженные цементными бордюрами, стояли водопроводные колонки, где постоянно валялись несколько кувшинов для умывания. Чуть поодаль, для удовлетворения естественных нужд располагались четыре туалета, которые обитатели медресе называли не иначе как «открытый дом». Прямо к главным воротам примыкал полуразвалившийся дом Аджу Кхана.

Фактически Аджу Кхану принадлежала вся эта земля, которую обитатели медресе во имя веры и практически бесплатно выкупили у его сына, Бисмиллаха Кхана. Говорят, что Аджу Кхан был очень авторитетный человек, и пока был жив, всегда таковым оставался. Как говорится, в то время у его ворот стояли два грузовика и мотал головой слон — он был богат. Много заработал, много и промотал. Выпивка и распутство были его любимыми занятиями. И вот теперь, каков отец, таковы и... нет, пожалуй, сыновья даже превзошли отца. Аджу Кхан не беспокоился о том, чтобы сделать из сыновей людей, а самих сыновей это и подавно не волнует. Кто же не потеряет голову от богатства.

[1] Шаббарат — поминальный праздник у мусульман, отмечается в ночь с 14 на 15 число месяца шабан.

Так вот, после смерти Аджуна Кхана все его наследство, вся эта земля была поделена между двумя его сыновьями — Бисмиллахом и Усмануллахом. Оба грузовика были поделены, слона продали и деньги тоже поделили. А самое главное, сердце тоже разделилось. Но еще более важно, что они не смогли поделить мать, так как оба сына отказались ее признать. Говорят, что рай под ногами матери, но свой рай они нашли между бедрами жен и распутных женщин. Бедняжка мать, пока была жива, благословляла сыновей, бранилась с невестками, и жила на сострадании жителей деревни. Ну вот, богачи любят сорить деньгами. Долго ли, коротко ли, но сначала были проданы грузовики, а затем все остальное, начиная с земли и заканчивая посудой. Поговаривали, что продавали даже невесток. Один Бог знает, много ли правды в этих разговорах. Ну да не важно... Итак, земля медресе относилась к доле Бисмаллаха Кхана. Прошла молодость, денег стало не хватать, и Бисмаллах Кхан понемногу обратился к Аллаху. Он никогда не учился намазу, так что делать его было очень трудно. Поэтому он просто отрастил бороду, начал общаться с парой-тройкой других бородачей, и люди согласились, что Аллах ниспослал ему свою милость, и он образумился. Но деревенский Каллу, о котором говорили, что именно он был настоящим мужем Джору, говорил, что Бисмаллах маменькин сынок, собачий хвост, он не исправится не только за двенадцать лет, а даже и до конца света. Люди видели некоторый смысл в этих словах, потому что, отрастив бороду, под предлогом праведного общения с правоверными и во имя Аллаха Бисмаллах Кхан брал у правоверных некоторые суммы денег. Как бы там ни было, в умах правоверных созрела идея открыть медресе. И находящуюся как раз по дороге землю Бисмаллаха они сочли наиболее подходящей для этой цели. А потом, оказав Бисмаллаху кое-какую помощь и показав ужасы мира бедняков, они практически даром переписали на себя эту землю. И медресе зашумело. И возвысилась репутация деревни.

...Да, но речь шла о хафизе Мухаммеде Ахмаде Кхане по прозвищу Ахмад Мия. Известный во всей деревне как хафи джи, Ахмад Мия был первым учеником, поступившим в медресе. Самый старший примерный сын богатея Маджид Кхана из соседней деревни, он был еще норовистее своего отца. Отец мечтал отдать его в какую-нибудь английскую школу, но мать была женщиной религиозной. Она верила, что если их сын получит ранг Хафиз-э-Куран (знаток Корана), то в судный день сможет добиться прощения для всей семьи. Муж, в силу своей влиятельности заслужил уважение, теперь, если сын совершит благое дело, то можно будет и спокойно умереть. Вот потому он и отдал сына в деревенское медресе, чтобы тот получил религиозное образование и совершил свое благое дело. Но когда и за четыре года Ахмад Мия так и не освоил Коран, мать забеспокоилась, что в деревенском медресе, должно быть, не так уж хорошо обучают. Поэтому она забрала своего подающего большие надежды сыночка из деревенского медресе и отправила в это новое и большое медресе, стоящее на границе города. Ахмад Мия, когда пришел и в это медресе, так и не смог выучить Коран, но всем своим внешним видом выставлял себя его знатоком. Почти 19-летнего, с совсем еще молоденькой бородкой, светлокожего, высокого, одетого в курта-паджама, его очень скоро стали называть Хафи джи все жители деревни. И в скором времени он уже начал регулярно исполнять обязанности имама в деревенской мечети. Он так и не уделял внимания учению, но зато была одна вещь, которой он увлекался свыше всякой меры. Этим увлечением был крикет. В свободное от учебы и имамата время он собирал свою команду, и они шли играть на площадке возле медресе. И поговаривали, что играют они совсем неплохо.

Итак, дело было в прошлом месяце. Как-то в пятницу, после намаза Ахмад Мия и вся его команда собрались на площадке. Выходной день: ни учебы, ни работы, ни забот. И игра началась. Ахмад делал подачу. Вдруг он так сильно толкнул мяч, что он в мгновение ока перелетел через границу медресе и попал прямиком в дом Бисмаллаха Кхана, в ту его часть, которая примыкала к медресе. Вообще-то в этой части дома жил, отдельно от отца, его старший сын Саббу Мия с женой и двумя дочерями. Он отличался характером от своего отца. Самостоятельно выучившись, он получил неплохую работу и жил в другом городе. В доме жили его жена и две подрастающие дочери. Старшей около семнадцати, а младшей почти пятнадцать... Ну так вот, когда мяч попал в дом, парни подняли сильный шум, ибо условие игры было таково: кто забросит мяч за медресе, тому придется и доставать его. Ахмад Мия, швырнув со злости биту, вышел из медресе и пошел к дому Бисмаллаха Кхана, к той самой его части, где жила семья Саббу Мия и куда как раз угодил мяч. Но что такое? На двери висел замок. И что теперь делать? Вся игра пошла прахом. Но Ахмад Мия есть Ахмад Мия. Бог знает, сколько таких площадок он преодолел в деревне. Он вернулся в медресе и направился прямиком к той двери, которая отделяла этот дом от собственно медресе. Тщательно обследовав выпавший наружу кирпич, он через какое-то время оказался на парапете. С высоты парапета осмотрел землю внизу. Среди лозы бутылочных тыкв[1], растущих там, он никак не мог увидеть свой мяч. Немного поразмыслив, он по стене начал спускаться в другую сторону. Осторожно спустившись, он оглянулся и увидел, что старшая дочь Саббу Мии, Фарида, стоит прямо перед ним и пристально на него смотрит. Она только что вышла после купания. Белая, стройная юная девушка, вода с волос каплями стекает по ее щекам. Держа в одной руке нижнюю кофточку, которую вынесла, чтобы просушить, она стояла и изумленно смотрела, как он спускается по стене. Увидев ее, Ахмад Мия едва не лишился чувств. Он промямлил:

— Там это... там... мяч...

Фарида от волнения не расслышала его слов. Она была потрясена, увидев уважаемого Хафи джи в таком вот положении, на заднем дворе своего дома. Девушка подумала, что он залез к ним за тем, чтобы украсть тыкву. И думая так, увидев его вот таким, заикающимся от волнения, она рассмеялась:

— Хафи джи, если вам нужна тыква, попросили бы у мамы. Зачем же было вот так залезать и красть?

Ахмад Мия сдержанно, но сердито посмотрел на Фариду и сказал:

— Тебе показалось, сюда просто упал наш мяч. За ним и пришел. Но откуда ты взялась? Ведь снаружи только что замок висел.

— Ну, я... просто... я купалась, а маме с Вахидой понадобилось уйти. Вот они и закрыли двери на замок, чтобы никто не смог войти. Но они, конечно, не могли знать, что даже после того, как повесят замок, кто-то сможет проникнуть сюда, — Фарида посмотрела на Хафи джи колким взглядом. — Поскорее ищите свой мяч и уходите. Мама с Вахидой вот-вот вернутся.

Ахмад Мия начал поспешливо искать мяч. Фарида, повесив свою кофточку, что все еще держала в руке, на веревку, тоже принялась за это трудное дело. Взгляд Ахмада Мии упал на Фариду, вывешивающую кофточку, затем на саму кофточку, и когда снова остановился на Фариде, встретился с ее взглядом. Смутившись, Ахмад опустил голову и снова принялся искать мяч. Фарида слегка вздрогнула и тоже опусти-

[1] Бутылочная тыква — лагенария (тыква-горлянка, индийский огурец).

ла голову и усердно начала помогать ему в поисках. Лоза расстилалась по всей земле, и кое-где, в просветах зеленели-виднелись маленькие кругленькие тыквы. Кинув украдкой взгляд на Фариду без дупатты[1], стоявшую среди тыквенной лозы, Ахмад Мия увидел выглядывающую из под блузки белую нижнюю кофточку, прикрывающую две маленькие тыквы. И внезапно весь мир для него превратился в маленькие тыквы.

В ту ночь, несмотря на все прочитанные молитвы, Ахмад Мия не мог уснуть. Ему виделись то белые кофточки, то белые и зеленые тыквы. То перед ним представала Фарида, пристально смотрящая на него, только что вышедшая после купания, то вдруг представала перед ним сердитая, с недовольным взглядом. Все его тело было странным образом напряжено. И это был первый раз, когда этим утром в мечети он не смог прочитать утренний намаз. Он чувствовал какую-то тяжесть. Поэтому отправил управляющему медресе прошение, взял выходной и проспал до вечера. Проснувшись, будучи свободным от забот, он направился прогуляться за медресе. На выходе ему встретилась Фарида. В той же, вчерашней одежде, но теперь голову ее покрывала дупатта. В руках она держала прутик, которым подгоняла на выпас нескольких коз. Ахмад Мия так и замер там, где стоял. Снова перед его глазами заплясала белая кофточка Фариды и ее маленькие округлые тыквы. Он взглянул на нее украдкой. Как раз в это мгновение взгляд проходящей мимо Фариды, погоняющей коз к краю дороги, тоже коснулся Ахмада Мию. И она, засмущавшись, принялась поправлять дупатту, которая и без того лежала ровно на голове. От этого прутик запутался в дупатте. Ахмад Мия оглянулся по сторонам и, никого не увидев, подошел к Фариде, освободил запутавшийся прутик и, улыбаясь, проследовал дальше. Фарида какое-то время стояла в смущении, улыбаясь, а затем, собрав своих коз, погнала их вместо выпаса домой.

Произошла простая история. Тут Фарида, выгоняющая на выпас коз, там Ахмад Мия, выходящий под каким-нибудь предлогом за медресе. Теперь Ахмад Мия знал, что Фарида пасет своих коз в тростнике, растущем по краю дороги или на прилегающих лугах. Знал он и то, в котором часу она выгоняет их на выпас, и когда возвращается. И он порой раньше нее, порой позже, тоже выходит из медресе прогуляться и, разок-другой взглянув на нее, возвращается обратно. Фарида, едва заметив его, смущается: то начинает теребить краешек дупатты, то опустив лицо, рассматривает свой прутик, ковыряя им землю. Так, в подсматривании прошли несколько дней. Ахмад Мия никак не мог улучить момент, чтобы поговорить с Фаридой. По дороге все время кто-то ходит. И поскольку он был хафи джи и служил в деревенской мечети, почти все местные жители узнавали его. Да и младшая сестра Фариды, Вахида, постоянно крутится рядом с ней. Он и по дороге долго не может гулять. Постоянно кто-то встречает его, заговаривает с ним и обязательно спрашивает о цели прогулки, а он только раздражается. Но он нашел все же способ и свел дружбу с одним парнем, продавцом бетеля[2], чья лавка стояла на краю дороги. С этой бетельной лавки хорошо видны тростниковые заросли. И Ахмад Мия, под предлогом разговора с продавцом сидит там по десять-двадцать минут и смотрит на Фариду, бегающую сюда-туда за своими козами. Фарида тоже видит его и в смятении начинает гонять коз.

Но, как говорится, кто очень хочет, тот получит. Очень скоро сама судьба помогла Ахмаду Мие. В тот день с самого утра войска облаков

[1] Дупатта — часть женской индийской одежды, шаль, накидка.

[2] Бетель — жевательная смесь, возбуждающая нервную систему, из листьев перца бетель, орехов арековой пальмы и извести.

разбили свой военный лагерь на всю ширину неба, но только лишь планировали нападение на землю, не решаясь напасть. Фарида в назначенный час вышла пасти своих коз. Вахида со вчерашнего вечера приболела, поэтому сегодня не пошла с сестрой. Ахмад Мия, тоже бросив свой Коран, мигом вышел из медресе и пошел чуть в отдалении от Фариды. Фарида ушла к зарослям тростника, Ахмад Мия подошел к лавке бетеля. Но сегодня лавка была закрыта, а парень-продавец пропал неизвестно куда. Потому Ахмад Мия, не останавливаясь, пошел дальше. Но на обратном пути, на подходе к лавке, облака вдруг с ревом набросились на землю дождем.

Дождь начался с такой силой и так внезапно, что не оставил даже мгновения на размышления. Ахмад Мия побежал к лавке, под выступающий козырек крыши. И только он перевел дух, как тот снова занялся. Напротив него, под крышей, пряталась от дождя Фарида со своими козами. Дождь лил довольно сильный, и те несколько одиноких прохожих, что оказались в это время на дороге, не смотрели по сторонам. Рядом были только козы, дождь и Фарида, промокшая от дождя, и одежда кое-где прилипла к ее телу. Фарида тоже увидела Ахмада Мию и на какой-то миг застыла на месте. Затем, как часто делала в таких случаях, стала наматывать на палец краешек дупатты. Дупатта тоже намокла от дождя, и вода то и дело капала с нее. Фарида бросила на Ахмада Мию быстрый взгляд, сняла дупатту и принялась ее выкручивать. И когда она за этим занятием слегка нагнулась, белая полоска ее кофточки, и легкий проблеск груди снова бросили Ахмада в мир тыкв. Снова со всех сторон заплясали маленькие круглые тыквы. Даже капли дождя превратились в маленькие кругленькие тыковки, и казалось, что ливень проливает на землю тыквы.

Не известно, как Ахмад Мия смог заговорить сегодня с Фаридой, сколько смелости ему для этого понадобилось, что ответила ему Фарида, покрывала ли она голову дупаттой, отвечая, или нет, а если покрывала, то теребила ли пальчиками ее краешек, сколько проходил разговор, сколько длился дождь, что делали ее козы в то время, пока он говорил с ней, пробегал ли кто-нибудь мимо в это время, сколько раз и как сильно гремел гром, сколько раз сверкнула молния, испугались ли они молнии, испугались оба или кто-то из них один. Все это неизвестно. Известно лишь то, что после этой встречи Ахмад Мия и Фарида подстраивали еще несколько встреч. Два раза в доме Фариды, когда никого не было, а один раз в зарослях тростника, и в этот раз огорчения было больше, чем радости, потому что стебли были такие колкие, что порезы досаждали еще несколько дней. Пару раз они встречались вечером, на лесистой площадке за медресе. И вот в таких встречах украдкой, наступил день шаббарата.

Шаббарат — священная ночь, наступающая ровно за пятнадцать дней до священного для мусульман месяца рамазан, когда мусульмане не спят и всю ночь молятся. В эту ночь Аллах сходит с седьмого неба на первое и наблюдает, как молятся его слуги. В эту ночь любой слуга Аллаха может просить прощения за свои грехи, и Аллах прощает его. Мусульмане с огромной верой празднуют эту ночь. Во многих домах готовят самые различные виды халвы: манную, гороховую, морковную, кунжутную, миндальную, бобовую, из сухофруктов и т. д. и т. д. Люди обмениваются подарками, посылают друг другу халву, сами едят ее, ходят друг к другу в гости, украшают свои дома, мечети и кладбища, всю ночь не спят и молятся, прося прощения за свои грехи и грехи предков. Эта ночь — ночь молитвы, а не всенощного бодрствования и угощения. Это только говорят, что в эту ночь мусульмане лишь наедаются до отвала халвой

и другими угощениями, а потом долго спят. Так повелось, что медресе, в котором учился Ахмад Мия, придерживалось именно такого мнения. И сам Ахмад был ярым противником приготовления халвы, обменом подарками и всего такого прочего. Управляющий медресе и самый большой мулла созвал собрание, чтобы рассказать присутствующим о значении этой ночи, о том, что следует и что не следует делать в эту ночь. Для присутствующих на этом собрании женщин, был организован специальный занавес, отделяющий их.

Мать Фариды, с ее и Вахиды помощью, приготовила халву и, разделив ее между соседями, вместе с дочерями поспешила на собрание. Кроме возможности иметь счастье присутствовать на таком богоугодном мероприятии как это собрание и послушать речь муллы, ее подгоняло огромное желание поболтать с соседками да женщинами со всего их квартала. Но тут она вспомнила, что не отправила халву тетке Фариды, что жила как раз в этом квартале. Она быстро положила в чашу немного халвы и, протягивая ее Фариде, сказала:

— Отдай ее тете Джейнун и поскорее приходи на собрание. Если Джейнун готова, то возьми и ее с собой тоже.

Фариде не хотелось никуда идти. Целый день убирая и чистя дом, готовя и доставляя из дома в дом халву, она валилась с ног. Да и на собрание не хотела идти, но была маленькая надежда, что там она хотя бы разок, хотя бы мельком увидит Ахмада Мию. Но перечить матери девушка не могла и чуть раздраженно сказала:

— Хорошо, положите туда. Вы идите на собрание, а я чуть позже отнесу.

Мать поставила чашу с халвой у плиты и вместе с Вахидой отправилась на собрание. Ахмад Мия, который стоял у ворот медресе, наблюдал за всеми входящими и выходящими, ждал Фариду. Увидев ее мать вдвоем с Вахидой, был очень разочарован. Он подумал, что, наверное, Фарида не придет на собрание. Он еще немного постоял, размышляя, и вдруг улыбнулся мысли, что пришла ему в голову.

Фарида немного постояла у плиты, глядя на чашу с халвой, которую должна была отнести тете Джейнун, посмотрелась в зеркало, проверила все ли в порядке с макияжем, поправила дупатту на голове, и готова была уже выходить, как вдруг застыла в смятении, увидев прямо перед собой Ахмада Мию. Она не знала, когда он столь незаметно проник в дом и как долго смотрел на нее с чашкой халвы в руке, собирающуюся уходить куда-то. С легким макияжем на лице, сегодня она казалась ему особенно красивой. Какое-то мгновение они молча стояли и смотрели друг на друга. Затем Ахмад подошел к ней, взял ее руки в свои и почти прошептал:

— Куда ты торопишься, будто молния?

— К тете, отнести халву.

— На собрание не придешь?

— Вы сами пришли сюда, так что мне делать там? — на ее лице играла улыбка.

— Разве ты не хочешь послушать речь муллы? Твои мама и сестра уже ушли туда.

— Я все равно не понимаю речей муллы. И на каком только языке он говорит. Да и мама пошла туда скорее посплетничать, чем послушать муллу.

Фарида забыла, что Ахмад Мия сейчас стоит в ее доме, что он держит ее руки в своих, что чаша с халвой все еще у нее в руке, что ее нужно отнести тетке, а потом она должна присоединиться на собрании к матери. Она видела только его и чувствовала только запах благовоний, исходящих от его одежды, уносивший ее в какой-то совершенно другой мир. Снаружи

началось собрание, в громкоговорителе звучал голос муллы и долетал до Ахмада Мии и Фариды:

— Нас совершенно не волнует, куда катится молодое поколение. Они постоянно совершают насилие друг над другом, и нет никого, кто бы их остановил. Мы видим молодых людей, падающих в колодец безбожия, и закрываем на это глаза, вместо того, чтобы помочь.

Ахмад Мия одной рукой закрыл Фариде глаза, а другой взял у нее чашу и поставил на пол. Халва была приготовлена из манной крупы и гороха. Фарида с застенчивой улыбкой попыталась поднять глаза на Ахмада Мию и тихо скзала:

— Что вы делаете?

Ахмад Мия тоже улыбался:

— То, что следует делать.

— Но сегодня шаббарат, а вы не слушаете, что говорит мулла.

— Мулла знает свое, а я — свое.

— Что свое вы знаете?

— Возможно, мы не сможем увидеться скоро.

— Что?

— В рамазан начинаются каникулы, и мне придется ехать домой, на целых полтора месяца.

— Хорошо, тогда я возьму своих коз и буду пасти их возле вашей деревни, — она с таким простодушием это сказала, что Ахмад Мия рассмеялся.

— Ты можешь отправиться со своими козами куда только пожелаешь, но сегодня шаббарат и я должен его отмечать. Не угостишь меня халвой?

— Ах да, я же еще не угостила вас, — Фарида нагнулась за чашей с халвой, как вдруг Ахмад Мия взял ее в объятия и притянул к себе.

Фарида посмотрела на него вопросительным взглядом. Но прежде чем она успела понять что-либо, Ахмад Мия взял снизу ее рубашку-курту и стянул с нее. Вместе с куртой, от рывка, вверх поползла и нижняя кофточка. На миг показалось, что две чаши с халвой, сделанной из смеси манки и гороха, оторвались от тела Фариды. Ахмад Мия посмотрел на нее с мольбой.

В громкоговорителе звучал голос муллы:

— Шаббарат — священная ночь. Эта ночь для молитвы, не для халвы или наслаждения. На самом деле угощать в эту ночь халвой или есть ее — и то и другое грех.

Ахмад Мия слышал слова муллы. Он плутовато улыбнулся Фариде и, увидев в ее глазах согласие, подумал, что Аллах услышал его молитвы.

Голос муллы все еще звучал, а Ахмад Мия и Фарида кормили друг друга халвой. Аллах сошел на первое небо и, наверное, улыбался, глядя на них.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

ВИМАЛЬ ЧАНДРА ПАНДЕЙ

Сцена

Рассказ

К пяти часам он добрался до центра Шри Рама[1]. Хотя программа начиналась только в половине десятого, он немного волновался. Еще с прошлой недели он с нетерпением ждал этого дня. Как он сэкономил эти сто рупий, об этом знал только он. Он пришел в пять, так что даже если нахлынет толпа, он спокойно возьмет билет. Вот и брату Малику он сказал, что сегодня очень спешит на спектакль.

Здесь, в этом месте ему показалось, что он попал в какой-то волшебный мир фантазии. Со всех сторон плакаты, афиши... и все эти люди, эта атмосфера... Хочешь, иди туда — в Эн Эс Ди[2], хочешь, иди сюда — в центр Шри Рама. И повсюду люди, воодушевляющие его, всегда погруженные в театр, все время говорящие о сцене. Он хотел этой атмосферы, которой не было в его маленьком городишке, атмосферы, ради которой он оставил дом и уехал в Дели.

Ну да, там тоже бывали представления, когда какая-нибудь организация, желая выказать уважение к своему основателю, или какой-нибудь промышленник, желая угодить отцу, приглашали какую-нибудь театральную труппу и устраивали постановки. Билетов было недостать. Каждый вечер он сидел допоздна и смотрел на сцену. Несмотря на то, что билетов не оставалось, зал обычно бывал почти пустым. Вечером, когда в домах обычно идут всякие варки-жарки, число зрителей немного увеличивалось, и в основном это были дети. Причиной этого, в его понимании, могло быть то, что дети мешали матерям готовить ужин и матери, вероятно, говорили им что-то вроде: «Иди, детка! Иди посмотри представление в драмкружке, а я пока приготовлю ужин, а то я только и буду что с тобой сражаться». Жены, вероятно, говорили, ласково причмокивая, своим мужьям: «Ну же, дайте мне спокойно готовить! А вы пока сходите-ка лучше с Шармой на спектакль. А я, как только все приготовлю, пошлю за вами Голи».

Во время действия врата всегда были открыты. Каждый мог когда хочет — прийти, кода хочет — уйти. Кроме зрителей первых рядов, среди которых были в основном представители различных драматических и актерских кружков, никто и пяти минут не высиживал с закрытым ртом. То и дело начинали свистеть. А уж когда на сцену выходила красивая девушка, то по примеру широких городских гуляний, поднимался такой шквал аплодисментов, что ее реплик и вовсе не было слышно.

Также среди зрителей могли присутствовать и девочки подростки, и мальчишки из местных школ, приходили на спектакли разведать свои перспективы, надевая новые, самые красивые рубашки и, стоящие целого урожая помидоров, брюки со стрелками.

---

[1] Центр Шри Рама — культурный центр в Дели, где часто проходят театральные постановки.

[2] Эн Эс Ди — (National School of Drama) Национальная Школа Драмы.

Было, конечно, несколько зрителей, которые смотрели спектакль с точки зрения действия. Остальные же приходили просто убить время и потусоваться. Он очень злился: «Что подумают о нашем городке приезжие артисты? Неужели это тот самый город, в котором родились великие Бхартенду и Прасад, чьи пьесы и сейчас ставят на сценах по всей стране?»

Вскоре начал собираться народ. Вокруг прохаживалась образованная элита. В великолепных автомобилях подъезжали ухоженные мужчины, женщины, молодежь, перед которыми открывалось бескрайнее море возможностей. Лишь на спектакль они и выкроили время. Казалось, что все только и говорили что о театре и о Насире джи[1].

И словно в сбывшемся сне — все это принадлежит ему. Некоронованный король сцены, его любимый актер, будет сегодня играть для него. Да, здесь понимают истинную ценность театра и актерского таланта.

А там, в его городке, его друзья однажды вдоволь насмеялись над ним только за то, что он пошел посмотреть пьесу, поставленную группой слепых ребят.

«А вы что, ходите только на девчонок поглазеть? Вас совершенно не интересует сама пьеса? Качество постановки, актерская игра, музыка, освещение наконец — до этого вам вообще нет дела?» Но все только смеялись в ответ на эту жаркую речь.

Он сочувствовал своим друзьям. После выпускных экзаменов он предпринял кое-какие шаги, чтобы уехать в Дели. Его скудные диалоги с отцом, которые и раньше-то проходили в довольно официальном тоне, теперь, из-за его увлечения театром, почти совсем сошли на нет. Мать же лишь боролась за зарплату старших братьев, ради таких серьезных, как ей казалось, вещей, как, например, их свадьба.

Плывя на своем кораблике надежды, он совершенно отчаялся, увидев в один прекрасный момент бегущих кто куда и стариков, и молодых, и богатых, и бедных. Бегущих в слепой гонке, где каждый сам не знает, что и за какую цену обретет в конце. Он видел людей, бегущих по замкнутому кругу, которые каждый вечер возвращались в ту самую точку, из которой утром начали бег. Они не ощущают уходящих из их жизни дней и каждое новое утро начинают новый круг. Он понял, что найти здесь свое место не так просто, как ему представлялось.

Чтобы наслаждаться театром, нужно, как минимум, быть живым, чтобы быть живым, нужно чем-то питаться, ну, а чтобы питаться, нужно чем-то зарабатывать на еду. Он устроился в курьерскую фирму. Но найти работу, где не требовалось иметь мотоцикл и выполнять без него какую-либо работу, было проблематично. И только эта единственная страсть всегда держала его на плаву. Конечно, он мог попросить денег или другой помощи у родственников или друзей в Дели, но этот внутренний огонь и эта внутренняя страсть заставляли его в одиночку и своим пóтом склеивать карточный домик зыбких мечтаний.

Позже он поступил в один театрик, где каждый вечер репетировал по два-два с половиной часа. Режиссер, а заодно и хозяин театра, взял с него плату в восемь сотен рупий. После опыта нескольких постановок режиссер держал его на закулисной работе, и даже потом, по прошествии долгого времени, он все еще продолжал ее выполнять. Но даже по диалогам действующих лиц он начинал понимать истинный уровень этого театра. Его труппа состояла из представителей разных штатов, разных районов, и по манере говорить он с закрытыми глазами мог определить, кто и откуда приехал и какой язык для него родной. Постепенно он пере-

[1] Насир джи — Насируддин Шах — популярный индийский продюсер, актер и режиссер.

стал туда ходить и начал искать более талантливого режиссера и более подходящий театр.

Сейчас он целыми днями занят работой в офисе, а по вечерам, сдав отчеты, бежит прямиком на автобус до Манди хаус[1]. Переписывает с афиш адреса театров, имена и контактные номера телефонов режиссеров. И строит планы, что когда будет не так много работы в офисе и накопится достаточно денег, то обязательно устроится в какой-нибудь хороший театр и будет играть на его сцене. Ну а до тех пор единственный способ связи с театральным миром — смотреть постановки и читать театральные заметки.

Понемногу собралась целая толпа. Люди сбивались в небольшие группы и неторопливо вели беседы. Он чувствовал, с каким увлечением они разглядывают афиши, с какой религиозной преданностью говорят о театре. А там, в его городе, отец говорил, что таким недостойным делом занимаются только непутевые бездельники, а не люди из приличных домов.

Хотя было невозможно ходить на все постановки, имея такую маленькую зарплату, но уж на те, чья цена была не слишком высокой — десять, двадцать пять или даже пятьдесят рупий, — он ходил обязательно. Из-за нехватки средств пришлось пропустить несколько постановок любимых режиссеров, мнения о которых составлялись по критическим статьям.

Да, трудно ему было выживать. Ради экономии этих ста рупий он с прошлой недели ни разу не пил чай, а последние четыре дня довольствовался только обедом. Но если пообедать ровно в полдень, то можно и восполнить отсутствие завтрака, и вечером не так остро ощущаешь голод. Да и потом, даже если поешь один раз, сердце и ум получат такую богатую духовную пищу, то что еще нужно. Ну а от чая и так никакого проку. Чем раньше избавишься от привычки его пить, тем лучше. И даже если и ощущаешь самую малость голод, восторг от этой волшебной атмосферы, от предстоящей встречи с игрой любимого актера полностью его восполняет.

Он был очень доволен. И еще очень серьезен, ведь это был первый раз, когда он собирался купить билет за целых сто рупий. В кармане была кое-какая свободная мелочь, которая предназначалась на автобусный билет до дома. А если удастся купить билет по пятьдесят, то будет совсем замечательно.

Тогда уж он сегодня не только посмотрит пьесу, но и наестся целым блюдом тушеных овощей. Пятьдесят рупий разойдутся дня за три-четыре, а потом и зарплата будет. Он просил брата Малика, чтобы зарплата в этот раз была вовремя.

Брат Малик был поистине маликом[2] той самой курьерской фирмы, где он работал. При взгляде на него казалось, что он и на свет-то родился только для того, чтобы управлять подобным делом. Невысокого росточка, с заметным издалека толстым животиком, с большой головой, на которой оставалась пара волосинок. Подкрашивая их, он вечно пачкал в ужасный рыжий цвет свою лысину. В широкой, свободно сидящей одежде, похожей на сутану, он выглядел как большая международная посылка. Но он был человеком замечательного характера. Он всегда отпускал его пораньше со службы, когда ему нужно было идти на спектакль, потому что и сам был ценителем искусства, а в годы учебы в колледже частенько сам становился «героем» постановок. Он не раз предлагал хозяину сходить с ним на какой-

[1] Манди хаус — станция метро, площадь в Дели, где расположены несколько учреждений культуры: Национальная Школа Драмы, центр Шри Рама, Академия Музыки и Драмы и др.

[2] Малик — игра слов, с арабского — хозяин, владелец; Бог.

нибудь спектакль, но тот придерживался идеи, что весь мир — сцена, а люди на ней лишь марионетки. И поскольку он очень близко наблюдал за игрой людей на этой извечной сцене, то эти постановки не вызывали в нем такого живого интереса. Он часто повторял это, когда заходил разговор о театре, и всякий раз добавлял, что в молодости был большим эстетом. И сегодня, при одном только упоминании имени Насируддина Шаха он сразу же отпустил его, поведав по секрету, что еще с юности является его большим фанатом, а его «Бумажные цветы» смотрел целых четыре раза.

Итак, он ждал. Билетной кассе пора было уже и открыться. Обычно на представлении на шесть тридцать касса работала до шести сорока пяти. Но уже было начало седьмого, а окошко до сих пор не открылось. За решеткой окошка он увидел человека, пытающегося удержать кипу каких-то бумаг.

— Слушай, брат!

— Да?

— А почему окно до сих пор закрыто? Билеты-то где можно купить?

— Билеты?.. Какие билеты?..

— На представление, какие ж еще?!

— Билетов нет.

— Но тогда... — Это было странно.

— Вход по пригласительным.

— По пригласительным?.. А где их можно взять? — Он был огорошен. Он знать не знал ни о каких пригласительных.

— Ага, взять, как же. Кому нужно было, те уже взяли, — мужчина начал раздражаться.

— Но должно же быть на афишах написано, что вход только по пригласительным, — он чуть не плакал.

— Ну так, а где там написано, что вход по простым билетам? Во дают! — и что-то бубня себе под нос, мужчина ушел.

И как же он не подумал об этом. Теперь он увидел, что у всех, кто проходит в зал, в руках белые карточки. Вот почему окошко до сих пор закрыто. Он вышел и сел на террасе. Все его тело содрогалось от невидимых ударов. Его заветная мечта, что вот-вот готова была исполниться, так и осталась мечтой. Такая прекрасная возможность увидеть совсем близко Насира джи выскользнула из рук. Разбилась мечта. А ведь так легко могла осуществиться.

В какой-то момент он подумал: «Да ладно, ничего страшного, зато здесь тусуются знаменитости. Не сегодня, так в другой день...» Но потом над столичным искушенным ценителем снова взял верх провинциальный любитель, для которого встреча воочию с кумиром не была рядовым событием.

Оставалась последняя попытка. Пристроившись у входа, он стал спрашивать у проходящих лишний билетик.

— Простите, сэр, есть лишний билет?

— Нет, извините.

— Сэр, у вас не найдется лишнего билетика?

— Сожалею, молодой человек.

— Сэр, у вас...

— Извините...

— Сэр, я хотел...

— Простите...

— Извините, вы не...

— Простите, нет...

С каждым ответом он отчаивался все сильнее. Какой-то парнишка лет восемнадцати внимательно следил за его передвижениями. Потеряв всякую надежду, в каком-то безразличии он подошел к стоящей неподалеку группе молодых людей. Четыре довольно привлекательные девушки и два умного

вида молодых человека о чем-то неторопливо разговаривали. С тяжелым сердцем он стал разглядывать афишу с описанием какой-то пьесы. Парни и девушки были увлечены беседой. Он попробовал подслушать. Может, что-нибудь интересное о предстоящем представлении узнает. Говорили они на английском.

— А о чем эта пьеса вообще? — спросил длинноволосый парень с серьгой в ухе.

— Не знаю точно. Думаю, покажут лучшие моменты из разных постановок, — сказала девушка в белой курточке.

— Не понимаю, и чего столько народу привалило, — заговорила девушка, чья красная футболка своим размером явно была не способна удовлетворить размеры ее тела.

— Ты что, подружка, на это шоу Насир же приехал! — сказала белая курточка.

— Что за Насир? — девушка проявила заинтересованность.

— Насируддин Шах, известный актер в киноискусстве, — парень с серьгой попытался поразить девушку блестящим умом и широтой знаний об актере.

— А я не люблю киноискусство, и Насируддина тоже, — девушка, не обращая никакого внимания на его попытку, воздела руки кверху и потянулась, выставив на всеобщее обозрение свой пупок.

— А кто тебе тогда нравится? — Он словно ластиком попытался стереть этим вопросом смущение от того, что ее ответ мог поставить его в пикантное положение.

— Том Круз, — и парень совсем растерялся.

Чем дольше он слушал этот разговор, тем все больше изумлялся. Боже, что только он о них не думал! Вот уж действительно, ценители искусства, ничего не скажешь! Да еще такие увлеченные!.. и бог знает, что еще... Да что они вообще здесь делают?

— Я тоже не люблю кино, да и все эти скучные пьесы также, — девушка в голубой шляпке выступила чуть вперед, чтобы поддержать подругу большинством голосов, — и обе девушки, довольные победой, на несколько шагов отошли от остальных и закурили. Длинноволосый, благодаря своим по-женски длинным волосам и сережке, тоже присоединился к дамскому обществу и принял участие в церемонии выкуривания сигареты.

— Амит, а ты почему один? Где Рашми? — Спросила девушка в курточке. Она казалась такой мягкой и говорила так нежно.

— Вот-вот придет, — серьезно ответил светлокожий парень.

— Уверен? — за вопросом вроде скрывалась насмешка.

— Уверен. А если не придет, порву эти чертовы билеты и забью на нее, — вспылил парень.

Он незаметно посмотрел на этого парня, вся причина прихода сюда которого заключалась в желании встретиться с девушкой. И пусть бы она не пришла! Может, тогда он смог бы выпросить у него пригласительный и попасть, наконец, в зал?

— Что, и на представление не пойдешь? — спросила белая курточка.

— Да ну! Дурацкое представление!

Девушка на несколько минут замолчала, затем принялась снова его увещевать:

— Знаешь, у вас, у парней, у всех одни и те же проблемы. Неужто Рашми пошла с Вики только прогуляться. Ты...

Он не стал слушать дальше и отошел оттуда. Стоящие во внутреннем дворике люди, конечно, могли обдумывать все эти разговоры. Но он не хотел позволить этой маленькой драме взять верх над драмой, которая должна была разыграться на сцене. Вот он, который пришел сюда, пожерт-

вовав даже такой необходимой вещью как еда, не может пройти в зал. И вот тот, другой, который явился сюда только ради девчонки. Он еще раз оглядел толпу. Нет... никто. Никто из них не пришел сюда посмотреть пьесу. Они все как один только убивают здесь время. Он подумал, что наверняка только он один по-настоящему жаждет встретиться с Насиром. Все эти люди даже на сотую долю его стремления не потянут, ведь они пришли только затем, чтобы сделать свой сегодняшний вечер чуть приятнее.

Он заметил парнишку, который все еще наблюдал за ним. И когда направился к нему, тот тоже пошел ему на встречу.

— Ну что? — протянул парнишка медленно.

— Что значит *что*? — не понял он вопроса.

— Пригласительного нет?

— Нет...

— А нужен?

Его уши сами собой вздернулись. Парнишка показался ему посланником Бога. Люди уже вовсю проходили в зал. До начала оставалось каких-то пятнадцать-двадцать минут. Он поспешил ответить:

— Да-да, пожалуйста, вы можете помочь?

— Могу, — он потянул его за руку в сторону и стал осторожно осматриваться по сторонам, — полторы сотни.

— Полторы? Но у меня только... — его снова охватило чувство безнадежности.

— Ладно, сколько? Сколько есть? — незнакомец очень торопился.

— Сто рупий, — едва смог он проговорить.

— Давай быстрее.

Он слегка колебался, но достал банкноту в сто рупий. Парень быстро схватил ее и сунул себе в карман. И спустя миг, заветная карточка была у него в руках, а парнишка шел по другой стороне улицы. Теперь он принадлежал к тем избранным, которые держали в руках счастливые билеты. Сердце переполняли счастье и восторг от удачного приобретения. Он то прятал заветный билет в карман, то доставал его и подолгу держал в руках. Тому парнишке, должно быть, очень нужны были эти сто рупий. Ему и невдомек, что любые сто рупий ничто по сравнению с этим пригласительным билетом. Была, конечно, в душе маленькая колючка беспокойства: как он проживет оставшиеся до зарплаты четыре-пять дней. Возможно, если бы он был понастойчивее, он мог бы сговориться и о меньшей цене. Тогда бы ему удалось хотя бы поесть сегодня... да о чем это он?! Разве об этом нужно теперь думать? У него есть пригласительный, что еще нужно? Это же как божественное провидение! Он попытался отвлечься от мыслей о еде, но таков уж его ум, все время возвращался к насущным проблемам. Да уж... теперь традиция есть один раз в день и та, видимо, прервется. Ну и как он тогда выживать-то будет? Придется делать то, что он никогда раньше не делал, а именно: просить в долг у друзей или родственников... Ну и что?.. Все равно, ему необходимо увидеть эту пьесу. Для этого он пришел сюда. Но есть ведь тоже... Какое-то беспокойство нарастало в груди.

— Прекрасный вечер сегодня! — сказал своему другу элитного вида мужчина из толпы.

— Тогда почему ты проводишь свой прекрасный вечер здесь и без бутылки? — спросил его друг, стряхивая пепел с сигареты.

— Да так... Мой босс собирается тоже прийти сюда. Хорошая возможность произвести впечатление, — и он весело рассмеялся.

И оттуда он тоже отошел. Да есть ли в этой толпе хоть кто-то, кто пришел ради представления? Есть ли хоть для кого-то какая-то разница, увидит он его или нет. Или он тут один такой? Он немного прошел вперед и остановился прямо у входа. Он вспомнил, что собирался завтра купить

мыла, но денег не было... Уже дней десять он обходился без мыла. Интересно, от него хоть запаха нет неприятного? Он попытался принюхаться. Но от окружающих так прекрасно пахло, что и свой собственный запах показался ему вполне приятным.

Возле продовольственной палатки напротив люди наслаждались тушеным горохом с лепешками и соевыми пирожками. Он сегодня рано пообедал, так что голод уже чувствовал сильный. Что ж поделать? Поесть было нужно. Он немного потоптался, колеблясь, и наконец, решился подойти к палатке.

— По чем тушеный горох, братец?

— Двенадцать рупий.

Он совсем сник:

— А пирожок?

— Восемь.

Он достал мелочь. С вычетом билета на автобус оставалось пять рупий. Горячие лепешки подливали масла в его пылающий желудок. Возникающий в его мыслях образ Насира и щекочущий язык вкус тушеного гороха и пирожков вели между собой ужасную борьбу. Он стал нервно ходить сюда-туда.

Во время очередного круга он увидел двух мужчин, только что подъехавших на байке. Они спешно припарковались и тут же направились к входу, о чем-то расспрашивая прохожих. Видимо, не получив ни от кого ответа, они подались в его сторону.

— Эй, босс, есть лишний пригласительный?

— Нет, только мой, — сказал он.

— Ты же тут один, так? Слушай, друг, не отдашь нам свой, а? А то у нас только один билет, понимаешь, — как бы в шутку сказал один из мужчин. Он улыбнулся, и будучи вполне уверенным в том, что он им не откажет, подошел ближе.

Его друг повернулся к нему и тоже шутя заговорил:

— Давай, друг, давай. Проси хоть сотню, хоть полторы. А то ему одному идти придется.

Он стоял в оцепенении. Ему предстояло немедленно принять очень сложное решение. Оба мужчины прошли в палатку. Тушеный горох вот-вот должен был закончится. Люди огромными тарелками набирали рис и фасоль, от которых поднимался ароматный парок. Он все стоял и раздумывал, как вдруг откуда-то изнутри услыхал собственный голос.

— Двести!

Они уже собирались уходить. Но услыхав его голос, разом обернулись и заторопились подойти к нему поближе. Один из них достал бумажник. Он не мог ничего понять — как так? Он ведь и рта не раскрыл, а голос тогда откуда? Нет, не даст он им пригласительный. В конце концов, это же Насир! Когда еще такое увидишь? Ну нет, он сам отправится на представление. Ни за какие деньги он не расстанется с билетом. Не все еще можно купить за деньги в этом мире. Мужчина достал две банкноты по сто рупий. И вот, одной рукой он уже берет деньги, а другой позволяет забрать свой заветный пригласительный билет. Оба друга пошли в зал. А он... он остался стоять там где стоял. Вспомнилась любимая фраза брата Малика: «Весь мир сцена, а все мы только марионетки». Он выдавил из себя улыбку. В руках все еще были новенькие банкноты. Он немного поразглядывал афиши, затем сунул одну сотню в карман. Повторяя про себя время начала завтрашнего представления, он крепко сжал в руке вторую сотню и отправился к прилавку, где блюда с горохом, лепешками, фасолью и рисом источали упоительный аромат.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

АНИТА КАПУР

Когда бессилие бунт поднимает

Лунные ночи

Женщина, когда была ребенком,
Отражение луны увидев в блюде
И, приняв за круглую лепешку,
Съесть ее немедля захотела.

Девочка, когда взрослее стала,
Увидав луну, вдруг замечталась,
Сильным чувством воспылала.
То луну на лоб как тику наносила,
То лицо в ней рассмотреть старалась —
Уж не пятнышко ли там закралось.
Повстречался милый,
И она его луною называет,
И зовет ее он луноликой.

Девушка, когда же стала мамой,
Призвала луну себе в служанки,
Колыбельные поет ребенку
И колышет, как луна, его балуя.

Дети подрастали, забывалось
Чувство женщиною быть, лишь мать осталась,
Разучилась на луну смотреть.
Но как вспомнит, выглянет из дому —
И только ночь черным-черна вокруг.

И как будто бы огромным змеем
Вся проглочена.
Уничтожил он все ее мечтания,
И счастливые лунные ночи.

Поэзия — опора

Поэзия — опора,
Когда бессилие бунт поднимает
И по дорогам вихри гонит.

Поэзия — опора,
Когда соломинками на ветру мысли
Рассыпавшись, вновь собираются
И вдруг облачаются в слова.

Поэзия — опора,
Когда чьи-то глаза счастьем горят
И душу горчат воспоминания.

Поэзия — опора,
Когда чувства, мысли связываются в слова,
Их кончик пера
На бумаге удержать старается.

Поэзия — опора,
Когда птицы на крыльях фантазии поднимаются,
И в высеченные надписи превращаются.

Поэзия — опора,
Это когда приходит пора промокать в росе,
А требование жить все настойчивее.

Ты сам

Из мира своего ты сам
В мой мир пришел,
Я приняла тебя,
Полюбила душой.
На качелях радуги
Твоих мечтаний качалась,
Цветник мне показал,
За розы я цеплялась.
Ухватившись за палец,
Как малыш несмышленый пошла,
По дороге, что в сердце
Тобою проторена,
я пошла.
Ты миром целым
Стал для меня,
Сама луна на небе
Твой облик взяла.
Но
Ты у своих границ,
У своего мира границ
Застрявши, проделал путь,
И тамошний люд
Один за другим тебя начал тянуть.
Твой мир,
Твоя слабость,
С моей любовью расправились.
Одинокой я снова осталась,
Еще больше, чем прежде
Одинокой осталась.

Связь на колесах

Твой приход.
Словно луной по капле
Одиночество мое наполняет.
И все же, почему это,
От чего связь эта прочной не кажется?

С каждой мелочью
Связь новый облик принимает,
Да словно в даль убегает.

Вновь связь в толпе искать
Приходится только возможность
Появляется,
Как между тем опять что-то
Случается.

Не нужна такая
На колесах связь,
Так давай же вернемся
Каждый в свое сердце
Опять.

Домик

С детства я знала
Как строить домик,
Но другим был тогда
Домика облик.

В детстве его из песка возвела
И когда все внезапно распалось,
Снова построила, снова собрала
Нисколько о том не печалясь.

В юности домик любви построила,
Семьей и детьми
Его образ дополнила.

И он разозлился, он тоже распался,
Но из звеньев обряда
Снова сложился, снова собрался.
И не было в том горя яда.

Теперь будет домик старости,
Я в страхе живу и в задумчивости.
Нынче семьи большие в моде.
Каким новый домик мой будет?

Оттого-то
Чуть эгоистична
Я,
Жизнь хочу заключить в заточение.

Телефон

Каждое утро
Ты мне звонишь.
«Это я...» — «Что же, утро доброе».
И в свой собственный мир уходишь.

Снова звонишь
Лишь наступит вечер.
«Это я...» — «Ну, спокойной ночи!»
И в собственном мире засыпаешь.

И твой голос из трубки вылетает,
Вокруг меня утихает,
Прильнувши к нему, нового утра ожидая,
Уж сколько веков,
Сколько жизней
Проживаю
С тобой,
Но
Без тебя...

Еще до возвращения домой

Лишь едва рассталась я с тобою,
Не успев еще попасть домой,
С одиночества горячею волною
В новый стих ушла я с головой.

И не знаю я зачем с тобой встречаюсь,
Для тебя ли, или, может быть,
Для того, чтоб в пламени пожара
Новые стихи вдруг родились.

Мы оба в молчании

Мы оба в молчании,
В памяти лишь
Двух ладоней слияние.
Одна моя,
А другая твоя,
Мы оба в молчании.
Луна тает как я,
Проплывает сквозь сон.
В моем взоре мечтания
В твоем взоре огонь,
Но все же
Мы оба в молчании.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

«Боль всех сердец в одну соединилась»

К 145-летию со дня рождения Ованеса Туманяна

Есть писатели, вся жизнь которых является наилучшим комментарием и толкованием их творчества, а художественные произведения — наилучшей иллюстрацией к их жизни. По словам В. Белинского, время преклоняет колени перед такими писателями.

В этом смысле Ованес Туманян неповторим и уникален, поскольку он принадлежит к числу тех гениальных художников слова, сила которых заключена в гармоническом единстве национального и общечеловеческого начала. Он создал эпохальную литературу, обобщив, абстрагировав свое время и человека, принеся в армянскую литературу многоступенчатые слои художественного мышления.

Туманян — это обобщенный образ армянского народа, наше самосознание и генетический код, посредством расшифровки которого можно понять душу армянина, его характер, его прошлое, настоящее и будущее одновременно.

Французский литературовед Жак Неф признается: «У нас нет такого писателя, которого мы могли бы сделать национальным символом». Мы же можем с уверенностью сказать, что у нас есть национальный писатель-символ. Именно Туманян является самым национальным армянским писателем, символом армянина и армянского духа.

Величие Туманяна ощущает каждый армянин, поскольку, выражаясь словами Паруйра Севака, он «является нашим хлебом насущным». Вот почему то поколение, которое даже не умело читать, на интуитивном уровне знало наверняка, что творчество Туманяна бессмертно. Поэтому мать Севака спрашивала сына: «Раз уж ты столько читаешь, сможешь ли стать таким человеком, как автор “Гикора”?» А отец Гранта Матевосяна удивлялся: «Неужели Туманяна нужно учить?» И каждый из них был по-своему прав, поскольку невозможно учить то, что нация, народ несет в себе, в своей генетической памяти с незапамятных времен, со времени рождения первых языческих богов; нельзя учить то, что течет в венах каждого армянина, является его составной частью и не просто находится с ним с самой колыбели и сопутствует ему до глубокой старости, но и живет в нем еще до рождения.

В 1904 г. в одном из писем Туманян признается, что преходящее давно ушло из его сердца, а о своих связях с непреходящим он скромно умалчивает, поскольку его душа находилась в исканиях и по дороге к неизвестности, к бездне, он нашел свой космос, ставший для него пристанищем. Более того, он стал представителем армянского духа в космическом пространстве, тем божественным паломником, который шагает в первых рядах с величайшими деятелями других наций, других народов: «Душа моя вселенную объяла». И, словно этого было недостаточно, он стал «хозяином вселенной». А по праву хозяина, своим наследием, своим творчеством и оставленными заветами он старается ввести в свой туманяновский мир каждого, чтобы обеспечить причастность всех людей к возвышенному, чистому и вселенскому.

В 50—60-е гг. минувшего века лучшие представители как армянской, так и инонациональной литературы (П. Севак, Р. Ованесян, Г. Эмин, С. Наровчатов и др.) свои отзывы о Туманяне начинали с акцентирования национального качества его дарования, сравнивая его с украинцем Шевченко, немцем Гёте, англичанами Шекспиром или Байроном, поляком Мицкевичем, грузином Руставели, то есть с самыми великими национальными и народными писателями. Возможно, сегодня эти слова покажутся несколько пообносившимися, однако именно такие характеристики зачастую констатируют вечные реалии, как пословицы и поговорки, как афоризмы. Это означает, что уже давно закреплена уникальность и неповторимость, говоря словами Севака, «несравненность» Туманяна в истории армянской литературы и культуры, обусловленная национальными качествами его гения. Севак пишет: «И у каждого народа бывает только один такой писатель... у него могло и не быть имени, даты рождения и смерти, как дело обстоит с эпосами... природа дала ему все, чтобы мы приставили к его имени определение «святой»...

Невозможно представить многовековую армянскую литературу и всю историю армянского народа без Туманяна. И в мировой литературе также он является одним из тех уникальных писателей, жизнь, биография которых становятся биографией эпохи. Сколько писателей мы знаем в мировой литературе, которые были бы настолько заняты во всех областях общественной жизни своего народа, одновременно председательствуя в десятках обществ (Кавказское общество армянских писателей, Общество попечительства армянских сирот, Общество Айказян, Союз земляческих обществ, Бюро «Вштапатум», Дом армянского искусства, Комитет помощи Армении и т. д. и т. п.). Кто еще выполнял столько гражданских подвигов? Да, велика его роль во всех областях общественной жизни. Он был гениален во всем, и не нами сказано, что все, к чему бы он ни прикасался, превращалось в чудо.

Писатель прожил жизнь в действительности полной надежд и отчаяния, ликований и разочарований, душевных подъемов и горьких поражений, в стремлении к жизни и в условиях потери родины; и даже среди усеянных трупами руин и пепелищ он сумел сохранить свои светлые идеалы, мечту о превращении варвара в человека, мечту, которая так и осталась недоведенной до конца, как незавершенной осталась его сказка «Азаран блбул» («Жар-птица»).

Больной и ослабевший поэт ценой неимоверных усилий продолжал успевать везде и всюду и жертвовать собой для всех и для каждого, реализуя тем самым свою мечту «слиться с небом и землей»:

Но кто пошлет мне благодать забыть себя, не знать,
Во всех стихиях пребывать, — в их тайной глубине!

(Перевод Н. Гребнева)

В страшные месяцы 1915 года многие не находили в себе мужества даже проезжать мимо зараженного Эчмиадзина, а иные, подобно Мартиросу Сарьяну, проникнувшись патриотическими чувствами, ринулись туда, чтобы помочь обездоленным, доведенным до крайности людям, но физически не выдержали вида адовых человеческих страданий. Причем Сарьяну, возможно, в некотором смысле повезло: кто знает, что бы с ним могло случиться, если бы он не потерял сознание от горя и боли. А вот Араму Манукяну не повезло: при посещении лагерей беженцев и вынужденных переселенцев, он заразился смертельной болезнью и скончался. И только Туманян, прервав свое лечение, поспешил в эчмиадзинскую преисподнюю и оставался там несколько месяцев. При этом держал при себе

одну из дочерей, подвергая ее жизнь смертельной опасности. Это уже другое, исключительное качество и уровень патриотизма. А предоставление всех детей в распоряжение генерала Андраника (четверых сыновей — в качестве солдат, четырех дочерей — сестрами милосердия) является уже не самоотверженностью, но высшей степенью жертвенности. И он был на баррикадах до самой своей кончины, когда, проигнорировав нехорошее предчувствие своей матери, наделенной даром ясновидения, не вняв ее мольбам, он, уже будучи неизлечимо больным, согласился пересечь море и добраться до Константинополя, чтобы стать связующим звеном для чудом уцелевшего после геноцида западноармянского населения и бедствовавшего в недавно советизированной стране восточного армянства, чтобы помочь людям ощутить свое единство, вдохновить их на сплочение и борьбу с внешними врагами. Туманян осознавал всю рискованность, опасность предпринимаемого путешествия, и все же предпочел оказаться полезным для своего народа, потому что знал, что в день своей смерти, используя выражение С. Городецкого, отправится в бессмертие.

Необходимо помнить, что Туманян был одним из самых лучших публицистов эпохи. Как в художественном творчестве, так и в публицистике он стремился приблизить конец зла. Для этой цели он избрал не путь убийства и уничтожения, а честный и конструктивный путь поддержания и оживления. «Мы желаем только одного: чтобы из нашей периодики исчезли варварские обычаи, уступив место объективной, корректной критике, широкому и ясному взгляду... и, вместо того, чтобы убивать, разрушать, лишать сил, мы должны стараться оказывать поддержку и оживлять».

Именно Туманян был лучшим восточноармянским литературным критиком, государственным деятелем страны, не имевшей государственности, Поэтом всех армян, который представлял собой гармоничное единство чувственного мира армянской души, творческой мысли и бодрствующего разума, который сделал реальностью свою заветную мечту жить для всех и для каждого:

Покуда мог — свет отдавал я людям,
Свет отдавал, покуда не иссяк.

(Перевод Н. Гребнева)

Больше он не принадлежал себе, не существовал для себя. Будучи поэтом, никогда не опускался до проклятий и анафемы, а видел свет во мраке, и это в жизни, которая дала ему только горе и боль, как в национальном, так и в личном плане. Он горел, чтобы этого света стало больше: «Горел я, озарял собою мрак».

Вот уже целое столетие каждый юбилей Ов. Туманяна, независимо от того, отмечается ли он народом, без каких-либо распоряжений и инструкций «сверху», или при непосредственном участии властей, становится ярким свидетельством его народности. Он является одним из тех счастливых писателей, величие которого неоспоримо. Конечно, были моменты, как при его жизни, так и после смерти, когда простоту и ясность стиля Туманяна путали с простоватостью.

Однако, тем не менее, Туманян является одним из тех редких писателей, чье выдающееся дарование осознавалось его современниками, даже недругами и недоброжелателями. В частности, все без исключения выдающиеся армянские писатели, отдавали лавры первенства Туманяну, поскольку были действительно выдающимися и не боялись сравнения с самым лучшим и великим. Ав. Исаакян утверждает и предупреждает грядущие поколения, что понять Туманяна-человека очень труд-

но, поскольку он «является психологическим сфинксом... со сложной, неутолимой фаустовской душой», «несравненным» человеком, который, куда бы он ни направлялся, «приносил с собой солнце радости, давал свет и жизнь», был «обворожительным человеком», который находился в ряду «легендарных людей», рядом с которым каждый чувствовал себя счастливым. Для Чаренца Туманян был «недосягаемым Араратом нашей поэзии», поднимавшим кубок вместе с Гомером и Гёте. В. Терьян не променял бы поэму Туманяна «Парвана» со всей западноармянской поэзией, внезапно перенявшей языческую образность. Эти характеристики можно продолжать до бесконечности, добавив имена Г. Агаяна, Ширванзаде, Шанта, Демирчяна и многих других. Возможно, некоторые из них преувеличивали, однако коленопреклоненное возвеличивание современника и признание его превосходства, действительно является редким явлением, если не исключительным. Их поклонение словно передалось последующим поколениям писателей, которое пошло еще дальше, обожествляя Туманяна. Мы уверены, что это отношение сохранится и в последующих веках.

Многие считали его единственным в своем роде и исключительным, незаменимым. По словам Стефана Зоряна: «Если однажды состоится выставка стихотворений всех народов мира, то армянскому народу некого будет послать, кроме Туманяна — в качестве образчика истинно армянского поэта».

Многие видели величие поэта в его единении и отождествлении с народом. Так, Рачия Ованесян говорил: «Для творчества Туманяна исходной точкой является народ и окончательной точкой — также». Для Сильвы Капутикян Туманян был «самым замечательным явлением природы», «с широким и щедрым характером, с незыблемым здоровьем духа, — это признаки, которыми наделен только народ».

Амо Сагиян признается: «Каждый раз, открывая двери в его творческий мир, удивляешься и испытываешь растерянность... Как много красок, ароматов, пламени, пропастей и вершин!.. Всегда что-то неузнаваемое». Туманян был для него самым любимым писателем на всей планете. «С мировой литературой и писателями я в той или иной мере знаком... читал. Но больше всех люблю и лучше всех воспринимаю Туманяна». В подобном духе высказывается Анаит Саинян: «Для меня Туманян по одну сторону, вся армянская литература — по другую, — говорит она и добавляет: — Он для меня — величайший писатель в мире».

А с какой точностью и туманяновской сжатостью охарактеризовал «Великого лорийца» его замечательный земляк Грант Матевосян: «Мы живы Туманяном. Без Туманяна нас нет». Затем писатель заключает: «Такими бывают только полководцы-короли... Он не чувствует необходимости в совершенствовании своего совершенства... Он является символом совершенства своего народа». По глубокому убеждению Г. Матевосяна, в мире Туманяна, в этом королевстве, с раннего детства знакомого и родного для каждого армянина, рождаются все великие деятели нашей культуры, и только побывав там, они приходят в свою страну.

Сам Туманян также знал, что для него не существует пространственно-временных границ, что он будет жить до предела беспредельности и будет исследовать тайны человеческого существования.

Масис — превыше всех армянских гор,
На высоте его вступила в разговор
Моя душа с Творцом: длинна беседа эта —
С времен небытия и до скончания света.

(Перевод Н. Гребнева)

Туманяна с исключительной теплотой чествовали и возвеличивали видные представители других народов, в том числе В. Брюсов, С. Городецкий, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, Н. Тихонов, С. Шервинский, Ал. Дымшиц, А. Сурков, Д. Гранин, К. Чуковский, В. Кочевский, Л. Первомайский, К. Гамсахурдия, Г. Абашидзе, Э. Межелайтис, Ю. Збанацкий, М. Танк, М. Петровых, Б. Ахмадулина, В. Звягинцева и многие другие.

Даниил Гранин видел исключительность Туманяна в том, что он очень глубоко проник во все смежные области культуры и искусства армянского народа. По мнению Р. Федорова, Туманян является представителем нашего национального характера и средоточием исторического опыта. Многие произведения характеризовались как «зов души», «заветная молитва», «магический шепот».

О параллели Пушкин-Туманян говорилось всегда, начиная с современников армянского поэта. Н. Тихонов утверждал, что «Туманян — Пушкин Армении», С. Баруздин: «Туманян — писатель-символ, как Пушкин»; а известный туманяновед Эд. Джрбашян посвятил этой теме отдельную монографию, в которой научно обосновал и навсегда закрепил реалию духовно родственной близости Туманяна и Пушкина.

Аполлон Григорьев в 1959 г. в своей статье «Взгляд на творчество Пушкина со дня его смерти» сказал: «Пушкин — это наше все». Эта фраза стала крылатым выражением и точно характеризует также Туманяна. Если эта фраза всеобъемлемо определяет Пушкина, который в искусстве стал носителем русского духа и характера русского человека, то насколько же эти слова подходят к Туманяну, который не только в искусстве, но и во всех сферах общественной жизни: публицистике, национальной деятельности, народной дипломатии, историографии, в руководстве культурной жизнью стал лучшим представителем своей нации!

Да, Туманян — это наше все, в нем сосредоточено наше прошлое, настоящее и будущее, наши традиции и преодоление косных обычаев, он одновременно и земной, и нематериальный, в нем проявилась наша природа, армянская речь и письменная культура, он — наш хлеб и наша вода, будничное и вселенское, он — секрет совершенства и жертвенности, совесть армянского народа, сострадание и милосердие; он ушел из жизни, пытаясь найти пути выхода для своего многострадального народа. Своей интуицией и глазами своей «то сумрачной и облачной, то спокойной и ясной» души он видел и объяснял невидимое и сокрытое.

Моя душа болит во всякий час,
Она на протяженье многих лет
Невольно и неведомо для вас
Свидетель ваших радостей и бед.

(Перевод А. Якобсона)

Душа поэта, лишившегося родины, потерявшего сына, ставшего очевидцем нечеловеческих страданий армянских беженцев и сирот, зачастую кричала от горя и боли, но он улыбался, щедро дарил свою улыбку всем и каждому. Делал все, чтобы радовать людей: ведь он был автором жизнеутверждающей сказки «У весельчака веселья не убудет», хотя в его душе плескалось «безбрежное море армянского горя». Он делал все, чтобы скрывать свою безбрежную тоску и печаль, свое страдание и слезы, и, возможно, так и не узнал, что кроме его родных, эту тоску и боль заметили некоторые его современники — во время похорон Г. Агаяна, в 1915 году у телеги с горой трупов, в 1918 году, когда случайно из газет узнал о гибели своего сына Артавазда...

Туманян — это наше все, поскольку в его поэзии одновременно живут бури, волнующие чувства и души людей, и бесчисленные горизонты будущего. Он пришел как предводитель, наапет-патриарх, полководец и солдат, как борец против ужасов и кошмаров, обрушившихся на армянский народ, пришел смягчить его горе и страдания, пришел в качестве врача, чтобы излечить незаживающие раны Армении, чтобы стать бальзамом и сохранить стародавнюю веру нации и ее надежды на будущее. Он доподлинно знал и предупредил нас, что «Зло также бессмертно», поэтому он и был пограничником, стоявшим на границе добра и зла, чтобы защищать добро от посягательств зла и не позволить, чтобы добро подверглось соблазну и перешло границу, оказалось на другой стороне. Туманян был мудрым пророком веков и предупреждал бездушных властителей и тиранов, что «Всегда сильнее сильного найдется». Он был учеником родной земли, природы и народа. Хорошо выучил урок, преподанный этими мудрыми учителями: в его сердце были любовь, печаль и слезы, а на лице — улыбка. Как говорил «Великий лориец», цветок стоит посередине, но только пчела делает из него мед. Так же и Туманян: в суровый век владычества человека-зверя, в эпоху, полную яда и желчи, он находил нектар в цветах и делал мед, чтобы его свет одержал победу над окружающим мраком, а добро одержало победу над злом.

Я видел все: предательство и зло.
Бывало — и меня коварство жгло.
Но я любил, смотрел прощавшим взглядом,
Мне часто было и во тьме светло!

(Перевод Н. Гребнева)

Туманян в нашей многовековой истории с незапамятных времен был рядом с великими: и когда Айк сражался с Белом, и когда Армения стала первым в мире христианским государством, и когда Месроп Маштоц создавал армянский алфавит, и когда решалась историческая судьба армянского народа. Он всегда находился рядом с теми, кто создавал армянскую культуру и творил национальную историю. Вот почему Туманян — это наше все: наш Пушкин и Шекспир, наш Айк и Трдат Великий, наш Месроп Маштоц и Саак Партев, наш Одзнеци и Хримян Айрик, наш Нарекаци и Абовян, наш Комитас и Сарьян, наш Андраник и Нжде, наша родная земля и природа.

Но и больше всех других Туманян упрекал и осуждал каждого преступника с армянской родословной, потому что «по яблоку судят о дереве». Больше всех других Туманян метал копья праведного гнева против пагубной ревности и зависти, невежества и ханжества, недоброжелательства, лжи и фальши, против нравственных преступлений.

Именно Туманян осмелился сказать: «Правда заключается в том, что наше единство страдает одной тяжелой и глубокой нравственной болезнью... наша душа очень озлоблена, человек внутри нас очень испорчен». И в качестве предусловия для выздоровления и панацеи он предлагал искреннее признание и покаяние «и в наших сердцах, и перед миром... Другого пути нет: спасение наверняка придет изнутри, потому что мы испорчены изнутри».

Этим самым он стал нашим обвинителем, судьей и защитником одновременно, нашей порядочностью, «патентом на благородство» (выражение А. Фета), диагностируя наши общественные болезни и предлагая рецепты для их лечения, для продолжения жизни. При этом, в большой человеческой семье он защищал нас не только от себя самих, от наших

просчетов и ошибок, но и от безжалостных чужеземцев, от их посягательств и нападок, постоянного стремления поставить нас на колени. И сегодня также для каждого недоброжелателя нашего народа, для каждого властителя, стремящегося развязать войну, должны быть слышны мудрые слова и предупреждения Туманяна, слетевшие из уст его героя Давида Сасунского.

Отстаивая авторские права армянских писателей, Туманян устанавливал нравственные законы, поскольку существовавшие законы бездействовали. Он стыдил авторов-создателей этих законов, поскольку их мало интересовали и заботили вопросы нравственности. «...Это несправедливо... независимо от того, от имени какого закона это совершается. Есть законы, пользоваться которыми стыдно». Сос Саркисян как-то сказал: «Ованес Туманян — это наша пока еще не написанная конституция, наш паспорт, предъявляемый всему миру».

Мы и сейчас живем в непростое время, и нам сегодня, как, впрочем, всегда, необходим Туманян, необходим, как воздух и вода. Своим незыблемым правом «Поэта всех армян» Туманян напоминает нам, что сколько бы не убивали тело, сломить дух армянского народа невозможно. Нужно всегда помнить о том, что «Не вечно ничто на земле».

Шло время. Горючие слезы глотая,
К могиле старик припадал. Как во мгле,
На мраморе царственном вязь золотая
Виднелась: «Не вечно ничто на земле».

(Перевод А. Тарковского)

Не вечно ничто на земле, поскольку альтернативы нет. Паруйр Севак говорил: народы не умирают, они кончают самоубийством. А не учиться у Туманяна — означает совершить самоубийство. Но народ, у которого есть Туманян, не может совершить самоубийство.

Сусанна ОВАНЕСЯН,
доктор филологических наук.

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Стихотворения и четверостишия

Старинное благословение

Там, под орешником, развесившим листву,
На корточках, по старшинству
В кругу почетном восседая,
Обычай соблюдая,
Смеялись, пили
И шутили,
Вели беседы длинные за чашей
Хозяева села — отцы и деды наши.

Мы — трое школьников — стояли тут же рядом,
Сняв шапки, с любопытным взглядом,
Сложивши руки на груди покорно,
Ребячески задорно
Мы пели песни, громок был их звук,
Отцов и дедов радовался круг.

Но вот мы кончили. Тогда,
Крутя усы, поднялся тамада,
За ним, поднявши чаши налитые,
Все остальные.
Сказали нам: «Благословен ваш час!
«Живите, дети, но счастливей нас...»

Прошли года. Не сосчитать потерь...
И песни наши горестней теперь.
И, настоящее слезами орошая,
Я понял, почему, благословляя,
Нам говорили старшие в тот час:
«Живите, дети, но счастливей нас...»

О вы, давно почившие! Мир вам!
Все ваши горести близки теперь и нам,
И ныне, скорби час иль радости встречая,
Детей своих в дорогу провожая,
Как вы, мы говорим: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас...»

Перевод с армянского Бориса Серебрякова.

Перед картиной Айвазовского

Восстав, в океане неистовость вод
Тяжелыми всплесками бьет до высот,
Под яростный рев строит призраки гор,
И буря безбрежный, безгранный простор
Одевает, как в дым,
Дуновеньем своим.

«Ни с места!» — воскликнул, — палитра в руках, —
Старик-чародей, и взмутившийся прах
Покорен, заслышавши гения зов;
И в бурю безмолвно громады валов
Вот стоят, как во сне,
На его полотне.

Перевод с армянского Валерия Брюсова.

Армянскому скитальцу

Счастливый путь, скиталец наш!
Блажен ты, о скиталец наш!
Идешь с любовью, грустно-рад,
Вдали сияет Арарат.

Благоуханьем ветерка —
Добрей, чем отчая рука, —
Гегамы шлют тебе привет
И Арагац травой одет.

А там, как одинокий глаз,
Блеснет Севан, в горах таясь,
Резвясь, играя с тенью скал,
Шумя, вздымая синий вал.

Мерцает, блещет и горит,
Волной сверкает и гремит,
А то печален и угрюм,
Чернее тучи, полон дум.

И та гора, гигант-шатер,
Гора из гор и царь всех гор,
Седой приникнув головой
К небесной груди голубой,
Встает, торжественно скорбя.
Вдали — и в сердце у тебя.

Перевод с армянского Сергея Шервинского.

Иди, сестра, своим путем

Иди, сестра, путем любви,
Да будет ясен он и прям!
Не улыбайся, не зови, —
Ты не близка моим мечтам.

Сойдя с проторенных дорог,
С необъяснимою тоской
Душа блуждает средь тревог,
И ей несвойственен покой.

Еще рука не создана,
Чтоб удержать ее в пути;
Она безумна и жадна,
Ей без конца вперед идти.

И кто мне скажет, скольким я
Боль причиню своей рукой,
В какой пустыне скорбь моя
Найдет забвенье и покой?

Иди ж, сестра, своим путем,
Не приближаясь ни на пядь,
И помолись, чтобы вдвоем
Не повстречаться нам опять!

Перевод с армянского Бориса Брика.

В армянских горах

Не легок был путь, полночный наш путь...
Но выжили мы
Средь горя и тьмы:
Веками идем, чтоб в выси взглянуть,
В армянских горах,
В суровых горах.

Сокровище дум издревле несем, —
Что море, оно
Душой рождено,
Народной душой в пути вековом,
В армянских горах,
В высоких горах.

Из светлых пустынь кидались на нас
Орда за ордой;
Разили бедой,
Весь наш караван терзая не раз
В армянских горах,
В кровавых горах.

Ограблен, разбит был наш караван...
Разрознен средь скал,
Дорогу искал,
Считая рубцы бесчисленных ран,
В армянских горах,
В печальных горах.

И наши глаза взирают с тоской
На сумрак земли,
На звезды вдали:
Ну, скоро ли утро вспыхнет зарей
В армянских горах,
В зеленых горах?!

Перевод с армянского Николая Сидоренко.

Армянское горе

Армянское горе — безбрежное море.
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой:
Спускается вглубь иногда утомленно
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достигнет она в этом море,
И брега вовек не найдет.
В армянских страданьях — на черном просторе
Душа моя скорбью живет.

Перевод с армянского Валерия Брюсова.

* * *

Певцом пришел, —
Борцом ушел Саят-Нова.
Любя пришел,
Скорбя ушел Саят-Нова.
С лучом пришел,
С мечом ушел Саят-Нова.
И все ж нашел
Любви слова Саят-Нова.

Перевод с армянского Татьяны Спендиаровой.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Море скорби моей глубоко и безбрежно,
И несметных полно, драгоценных камней.
Гнев мой полон любви, безмятежной и нежной.
Ночь во мне. Но какие созвездия в ней!

* * *

В сердце загостилась смерть.
В сердце трон вместила смерть —
Ты ведь смертен, как и все!
В сердце страх вселила смерть.

* * *

Сколько боли видел я,
Сколько козней видел я!
Я терпел, прощал, любил,
Зло, как благо, видел я.

* * *

Для души нашелся дом —
Вся вселенная кругом.
Я — вселенной властелин.
Люди знают ли о том?

* * *

Там на эдемские сады прозрачный падает закат.
Я знаю, ждут моей души там между сказочных палат.
Что ж в этом смраде медлю я, чего в нестройном шуме жду?
Ах, если бы туда — домой — дорогу отыскал мой взгляд!

* * *

Кичливый, жадный человек, твой долог ум, жизнь коротка.
Тебе подобных было — тьма, они текли века, века.
Что унести им жизнь дала? С собой возьмешь ли что-нибудь?
Ты мирно, радостно пройди двухдневный быстролетный путь.

Перевод с армянского Константина Липскерова.

БОРИС ЗАЙЛЕР

«Вот око мое...»[1]

Это произошло ранним утром 14 января 1952 года. Министр речного транспорта Союза ССР — Зосима Алексеевич Шашков перед началом заседания коллегии министерства решил навестить в больнице на улице Грановского своего давнего друга, главного военного прокурора морского и речного флота Союза ССР, генерал-майора юстиции в отставке Антона Григорьевича Щитовича. В палату, где лежал на белоснежной простыне еще не старый человек, он вошел со своим порученцем, в руках которого был небольшой сверток с мандаринами, специально приготовленными женой министра. В планах Зосимы Алексеевича было рассказать Антоше о делах в родном ведомстве, в котором они рука об руку проработали, а правильнее было бы сказать «прослужили» все годы военного лихолетья и после него, об успехах родных, близких и общих знакомых, о многом другом, но дежурная медсестра сразу предупредила о тяжелом состоянии своего подопечного и попросила отложить визит до лучших времен. Ее пациент находился в бессознательном состоянии.

Не раз и не два приходилось Антону Щитовичу преодолевать препятствия, которые вставали перед ним, и всякий раз он находил выход. Но на сей раз он столкнулся с непреодолимым — наступил, как говорили на флоте, «последний парад». К вечеру того же дня, не приходя в сознание, на 48 году жизни Антон Григорьевич скончался.

Его похоронили с воинским почестями на Преображенском кладбище в Москве. В газете «Водный транспорт», центральном органе Министерства Морского и речного флота СССР, появился некролог с безликой подписью: «Группа товарищей». Фотография усопшего не подлежала публикации, видимо, по соображениям «государственной безопасности».

Прошло более 55 лет со дня смерти героя моего очерка, но и поныне лишь в интернете мною были обнаружены два ничего не значащих информационных материала о жизни и деятельности этого замечательного человека. Непонятно почему, но до сих пор сведения о нашем с тобой, мой дорогой читатель, земляке далеки от желательной полноты, ибо засекречены на неопределенный срок, а, быть может, и навсегда.

Спасибо моим университетским друзьям-товарищам — следственным и прокурорским работникам бывшей советской прокуратуры, по крупицам собравшим сведения о жизни и деятельности А. Щитовича. В подготовке и написании этого очерка мною были использованы документы (прокурорские проверки, представления, следственные материалы и пр.), полученные в свое время в архивах Ленинградского Западного порта. (Более 10 лет я работал юрисконсультом (по совместительству) в этой транспортной организации.)

---

[1] «Вот око мое, коим я буду все видеть».
Петр I, 12 января 1722 года.
(День учреждения прокуратуры России).

Антон Григорьевич Щитович родился 25 апреля 1904 г. в деревне Каролин Дрогичинского района Пинской области Белорусской ССР в крестьянской семье.

Именно так, собственноручно, красивым убористым почерком была заполнена биографическая часть послужного списка в личном деле генерал-майора юстиции. Антону Григорьевичу в момент заполнения личного дела, 20 июня 1943 года, было невдомек, что в 1904 году деревня Каролин входила в состав Кобринского уезда Гродненской губернии, как и место на географической карте Северо-Западного края Российской империи, называемое в настоящее время — районный центр город Дрогичин. Он этого не знал, да и не мог знать, так как в 1915 году в связи с приближением германских войск (полным ходом шла Первая мировая война) семья Щитовичей покинула Белоруссию и перебралась на постоянное место жительства в деревню Троицкая Лискинского уезда Воронежской губернии.

Становление на новом месте семьи Щитовича и других переселенцев из западных районов Белоруссии, охваченных войной, проходило трудно. Семья из пяти человек поселилась в заброшенном сарае на окраине деревни. Маленький Антон уже в двенадцатилетнем возрасте нанялся разнорабочим на гончарный завод и своим небольшим заработком всячески помогал семье. Трудности и лишения повседневной жизни во многом были связаны с непониманием местного уклада жизни российских селян, их обычаев и нравов. Для троицких крестьян вопрос о земле оставался всегда самым главным, а посему общинными землями они ни при каких условиях не желали делиться с переселенцами. Весь 1916 и 1917 годы родители Антона работали на поденных работах в хозяйствах богатых крестьян и местных помещиков.

27 января 1918 года Троицкое волостное правление приняло решение увеличить раскладку земского сбора и все вновь прибывшие крестьяне-переселенцы, в том числе и Щитовичи, были наделены несколькими десятинами пахотной земли. Из автобиографии А. Г. Щитовича: «...Родители, старшая сестра и младший брат работали на земле от зари до зари, иногда в праздники. Если бы не мой заработок на гончарном заводе, семья не смогла бы сводить концы с концами...»

Как известно из учебной программы по истории в советской средней школе, начало и середина 1918 года — триумфальное шествие Советской власти по просторам бывшей царской империи. На повестке дня семьи Щитовичей один вопрос — возвращение в родные края. Но весной 1919 года от брюшного тифа умирают родители Антона — Григорий Иванович и Надежда Федоровна, а спустя четыре месяца — старшая сестра Анна. Решением комитета призрения троицкого сельского совета Антон и его младший брат Федор направляются на обучение и воспитание в Лискинский уездный детский дом Наркомата просвещения Российской Советской Республики. Здесь в ускоренном порядке Антон получает начальное и неполное среднее образование в объеме семи классов. Учеба идет успешно и все учителя отмечают его склонность к гуманитарным дисциплинам.

7 ноября 1919 года по случаю второй годовщины пролетарской революции Антон Щитович как представитель беднейших слоев местного крестьянства первичной комсомольской ячейкой детского дома принимается в ряды Российского Коммунистического Союза Молодежи. Он увлечен общественной работой, принимает активное участие в пропаганде и агитации большевицких идей в детских домах и школах Лискинского уезда. У него появляются литературные амбиции — ряд статей в местных газетах.

С 5 мая 1920 года А. Щитович на комсомольской работе. Общим собранием уездного комитета РКСМ он избирается секретарем ячеек всех детских домов (их в уезде 12), а затем — уездным инструктором комитета комсомола.

Здесь я должен сделать экскурс в недавнее прошлое. Известно, что как только в Петрограде большевиками была захвачена власть, они столкнулись

с проблемой управления огромной страной, подавляющее большинство населения которой составляли крестьяне. К этому они были просто не готовы, поскольку согласно коммунистическому постулату крестьянство было в значительной степени реакционным классом. Еще откровеннее высказался главный идеолог практического социализма Л. Д. Троцкий: «Крестьянство составляет исторический навоз, из которого произрастает рабочий класс». И если сначала ради сохранения власти большевики пошли на передачу земли крестьянам, то с нарастанием продовольственного кризиса «мелкий хозяйчик», не желавший сдавать хлеб государству по бросовым «твердым» ценам, стал для большевиков врагом хуже Корнилова и Дутова, с которым надлежало вести жестокую борьбу. Быстрее всех продовольственную диктатуру ощутили на своей шкуре крестьяне Центрально-Черноземного района (в который входила и Воронежская губерния), столкнувшиеся с невероятным произволом и грабежами направленных в деревню, для выколачивания хлеба, продовольственных отрядов. Поэтому ни о каком союзе рабочего класса с крестьянством в Черноземье в период гражданской войны не могло быть и речи. Осенью 1918 года и летом-осенью 1919 года крестьяне дважды поднимали восстания против политики государства в области «продразверстки» и дважды заключали перемирие с Советской властью, опасаясь возвращения прежних хозяев земли. Тамбовское восстание и его жесточайшее подавление стоит отдельной строкой в трагической истории российского крестьянства уже ушедшего 20 века. О нем сказано и написано очень много и даже в самые дремучие советские годы говорилось о «кулацко-эсеровском мятеже».

В ноябре 1920 года вооруженные выступления против взимания разверстки и реквизиций продовольствия боевыми частями Красной армии произошли в Новохоперском и Воронежском уездах. Решением губернского Совета рабочих и солдатских депутатов «...для борьбы с бандитизмом» был создан Новохоперский особый коммунистический батальон частей особого назначения (ЧОН) Герой моего очерка, которому не исполнилось и 17 лет от роду, добровольно вступает в его ряды в качестве помощника пулеметчика и секретаря комсомольской ячейки штаба батальона. «...Во время активных боевых действий против «антоновцев» я с первым номером нашего «Максима» Петром Седельниковым успевали оказываться на самых опасных участках боев. Не было ни одного случая сбоя в работе нашего оружия...» — пишет А. Щитович в автобиографии.

Весь 1921 и начало 1922 года наш славный земляк сражается с бандами А. С. Антонова и лишь после второго ранения и выписки из госпиталя увольняется из рядов ЧОНа. В мае 1922 года, в возрасте 18 лет, по рекомендации начальника 10 стрелковой дивизии Ф. П. Кауфельдта Антон Григорьевич направляется на учебу в Воронежскую губернскую партийно-советскую школу, по окончании которой работает на Новохоперском маслобойном заводе секретарем комсомольского комитета, редактором многотиражки, членом заводского комитета профсоюза работников пищевой промышленности, пропагандистом райкома партии.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Антона Щитовича, если бы в июне 1923 года его не вызвал на беседу секретарь уездного комитета комсомола некий Сергей Ухтомский. Вот как описывает судьбоносную беседу в своей автобиографии сам А. Г. Щитович: «...Есть решение губернского комитета комсомола о мобилизации группы молодых комсомольских активистов на руководящие должности в государственный аппарат. Задача партии большевиков — в кратчайший срок сменить старых буржуазных специалистов на молодых и грамотных из рабочих и крестьян...» Заявление обескураженного Антона Григорьевича, дескать, и сном и духом не ведал, и вообще у него другие планы (появилась любимая девушка), секретарь укома проигнорировал. В том смысле, что решения вышестоящих партийных и комсомольских органов обязательны к незамедлительному исполнению и обсуждению не подлежат.

«Какое дело революции до твоих сердечных дел? — продолжал С. Ухтомский. Куда выписывать путевку? Думаю, начнем с рабфака при Воронежском институте народного образования».

Многочисленным выдвиженцам, которым предстояло прийти на смену старорежимным, политически отсталым специалистам, следовало дать самое элементарное среднее образование. И этому способствовали многочисленные рабочие факультеты (рабфаки) при высших учебных заведениях страны.

С 1 сентября 1923 года герой моего очерка начинает обучение на рабфаке и в течение двух с половиной лет довольно успешно справляется с программой средней школы, уделяя особое внимание гуманитарным и естественным дисциплинам. Именно во время учебы на рабфаке проявились его исключительные способности: феноменальная память, редкий организаторский дар, удивительное душевное обаяние, внешняя привлекательность. Буквально все девушки первого курса рабфака были влюблены в него. Но свой выбор Антон остановил на голубоглазой и светловолосой соседке по парте — Клавдии Чемыхиной. Ее любили и уважали не только сокурсники, но и все окружавшие люди — за доброжелательность, скромность, уравновешенный характер. В праздничный день 7 ноября 1924 года, в небольшом домике матери Клавдии — Анны Егоровны, прошло скромное семейное застолье, и на рабфаке института появилась еще одна советская семья. Этот день стал самым знаменательным во всей их последующей жизни. Они поверили в себя, в свою любовь, в людей, окружающих их, в то, что выстоят с честью во всех жизненных ситуациях. В конце 1925 года у супругов Щитовичей появилась дочь, которая была наречена в честь создателя Советского государства — Нинелью (при обратном чтении — Ленин). В этом же году Антон Григорьевич становится кандидатом в члены ВКП(б), а в конце 1926-го — членом партии.

В августе 1926 года Антон Щитович успешно заканчивает обучение на рабфаке и для продолжения учебы советскими и партийными органами Воронежа командируется на судебно-прокурорское отделение факультета советского права Московского государственного университета.

И вновь небольшое отступление. По окончании Гражданской войны в стране полным ходом шла перестройка не только промышленных предприятий, принадлежавших государству, но и всей системы средней и высшей школы. В 1924 году Наркомпросом СССР было выдвинуто предложение об ограничении лекционной системы преподавания как не вполне эффективной и замене ее семинарскими, практическими занятиями по принципу лабораторно-бригадного метода. Учебные программы юридических и правовых ВУЗов были также откорректированы и изменены. Более того, нарком А. В. Луначарский потребовал от руководства учебных заведений сократить количество и объем изучаемых общенаучных дисциплин и увеличить цикл общественно-политических наук для «...улучшения марксистско-ленинской подготовки будущих специалистов...» Это нововведение преследовало также цель подготовки специалистов в сжатые сроки — за три года.

Работа по-новому вскоре показала, что за столь короткий срок настоящего специалиста с высшим образованием подготовить невозможно. В таких условиях, в лучшем случае, мог получиться лишь «полуспециалист» с очень низким образовательным и культурным уровнем. Одним из пунктов повестки дня 14 съезда РКП(б) 1925 года был вопрос о перестройке высшей школы. Уже в 1926 году вводятся новые учебные планы, изменяются программы. Они предусматривали, во-первых, увеличение сроков обучения (до пяти лет), во-вторых, вводилось обязательное изучение истории РКП(б), политической экономии, исторического материализма, Конституции РСФСР и иностранных языков. Именно по новой программе и стал обучаться герой моего очерка. Из автобиографии А. Г. Щитовича: «...Для обучения студентов 1-го курса нашего факультета в 1926/1927 годы были предусмотрены следующие дисциплины:

а) Введение в теорию государства и права.
б) Общая теория уголовной статистики.
в) Основы уголовного права.
г) Основы уголовно-процессуального права.
д) Диалектический материализм.
ж) Политическая экономия.
з) История русского права.
и) Основы хозяйственного права».

С первых дней учебы в университете Антон Григорьевич занимается широкой общественной деятельностью. Общим собранием факультета он избирается членом Правления университета. (До 1928 года при каждом университете страны существовал такой коллегиальный орган, в который входили представители администрации, общественных и студенческих организаций). Не в стороне от основной учебы научная работа на вновь созданной кафедре криминологии. Именно эта кафедра привлекла внимание А. Г. Щитовича новизной и хорошо подобранным профессорско-преподавательским составом. Достаточно сказать, что ряд учебных дисциплин на факультете, благодаря сотрудникам кафедры криминологии, читались наркомом юстиции Н. Крыленко, наркомом внутренних дел Г. Ягодой, руководителем ВЧК-ГПУ А. Артузовым и многими другими. В феврале 1929 года курсовая работа А. Г. Щитовича по итогам обучения на третьем курсе на всеуниверситетском конкурсе научных студенческих работ получила высочайшую оценку. Тема курсовой работы: «Расследование отдельных видов хозяйственных преступлений по материалам ликвидации ряда производственных синдикатов в гор. Москве».

В мае 1930 года Антон Григорьевич Щитович заканчивает обучение в университете и направляется на работу в Михайловскую окружную прокуратуру Московской области. Впечатляет карьерный рост недавнего выпускника юридического факультета МГУ. Помощник окружного прокурора, прокурор Михайловского района Московской областной прокуратуры, прокурор Клинского района Московской области, старший помощник прокурора самой Московской области. В апреле 1936 года (Приказ по Прокуратуре Союза ССР от 25 марта 1936 г. N 104) Антон Григорьевич назначается заместителем, а с сентября 1937 года исполняющим обязанности прокурора Тульской области. И вновь небольшое отступление, которое в полной мере характеризует время (1937—1938 годов) и деяния руководителей Советской прокуратуры и НКВД. Прокурор Союза ССР Андрей Януарьевич Вышинский, главный обвинитель на так называемом процессе «Заговор военных», считался не только практиком в вопросах построения социалистического общества в отдельно взятой стране, но и не менее крупным специалистом в вопросах теории советского уголовного права. Его многостраничный труд «Теория судебных доказательств» являлся в то время основополагающим для осуществления советского судопроизводства. Квинтэссенция этого труда: «Признание — царица доказательств». Правило это, вернее, заключенный в нем определяющий и направляющий подтекст, позволяло вести следствие в нужном русле. Быстро и без особых интеллектуальных усилий, применяя меры физического воздействия. Вне зависимости от того, шла ли речь о сугубо уголовных делах или политических процессах. Разумеется, Антон Григорьевич — руководитель областной прокуратуры, работавший бок о бок с А. Я. Вышинским, не мог не знать какими варварскими методами выбивались эти признания. Но он то ли искренне (я думаю только так), то ли принужденный обстоятельствами, шел в фарватере своего громогласного шефа. На одном из заседаний закрытого судебного процесса по делу маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, командармов И. П. Уборевича и И. Э. Якира, комкоров Б. М. Фельдмана (кстати, уроженца города Пинска) и Р. П. Эйдемана в качестве представителя советской общественности присутствовал и А. Г. Щитович. И когда А. В. Вышинский с прокурорской трибуны, войдя в раж и в порыве гражданского негодования, обзывал раздавлен-

ных в подвалах Лубянки и давших признательные показания бывших руководителей советских вооруженных сил, героев Гражданской войны «взбесившимися псами», «вонючей падалью», «жалкими подонками», герой моего очерка тоже последовал знаменитому в то время тезису «одобрям-с». Мог ли Антон Щитович противить этому? Едва ли. Был ли он согласен? Кто знает?! Но в конце 1938 года он переводится в Москву на должность начальника отдела общего надзора прокуратуры города. Все девять лет с момента окончания университета А. Г. Щитович на высоте служебных успехов. 28 декабря 1939 года, в канун Нового 1940-го наш славный земляк приказом Прокурора Союза назначается Главным прокурором морского и речного флота при прокуратуре Союза ССР. Советская система сделала его юристом. Эта же система вела его по многотрудной, и, как оказалось впоследствии, чрезвычайно опасной стезе. Система возвысила его, она же, со временем, выбросила за ненадобностью, как только узнала что он неизлечимо болен. Но об этом чуть ниже.

Великую Отечественную войну Главный прокурор Морского и речного флота А. Г. Щитович встретил в своем кабинете. Уже в 9 часов утра 22 июня 1941 года он был вызван к прокурору страны В. Бочкову и ему было объявлено о вероломном вторжении немецко-фашистских войск в пограничные районы Советского Союза. Прокурором страны были даны четкие указания в кратчайший срок проконтролировать организацию эвакуационных мероприятий всего аппарата Наркомата Морского и речного флота. А кроме того, лично на А. Г. Щитовича возлагалась обязанность не только по активизации оперативной деятельности всех прокурорских работников вверенного ему учреждения, но и организации трибуналов во всех бассейновых управлениях обоих флотов.

В новых условиях на плечи Антона Григорьевича легла огромная работа (не только прокурорская) по обеспечению ускоренного продвижения народнохозяйственных грузов и личного состава воинских подразделений на фронт. Не в стороне от главных задач находились вопросы вывоза и размещения беженцев на судах речного и морского флота. Из автобиографии А. Г. Щитовича: «...В течение первого полугодия 1941 г. работниками нашей прокуратуры было возбуждено и передано в трибунал 12 дел в отношении мародеров, обворовывавших эвакуированных советских граждан на судах Днепровского пароходства речного флота, паникеров-дезертиров, которые, бросив свое оружие, военную технику и личную амуницию, пытались бежать с поля боя, просто уголовников, пользующихся отсутствием порядка в деле соблюдения советских законов...» Конечно, в работе Прокуратуры наркомата и его Главного прокурора имелись отдельные прорехи и недочеты. Все внимание Антона Григорьевича было сосредоточено на перестройке работы и деятельности бассейновых прокуратур европейской части Советского Союза, на районах и местностях, подлежащих первоочередной эвакуации. Глубоко же в тылу работа подначальных А. Г. Щитовичу прокуроров шла по нормам и требованиям мирного времени. В своем «архиве» я обнаружил Приказ Прокурора Союза ССР В. М. Бочкова № 319/к от 25 августа 1941 г. «Об объявлении выговора прокурору Камской бассейновой прокуратуры наркомата Морского и Речного флота подполковнику юстиции С. В. Черноусову... за необеспечение перестройки вверенной ему прокуратуры в условиях военного времени...» Этим приказом все главные прокуроры транспортных наркоматов предупреждались о персональной ответственности за ускоренный и повсеместный перевод сотрудников всех уровней прокуратуры на работу в условиях войны.

Неудачное для Советского Союза начало Великой Отечественной войны вызвало острую необходимость в принятии практических мер для укрепления, как модно сейчас говорить, вертикали распорядительной власти и ее исполнительных механизмов. Важнейшим мероприятием, предпринятым партийно-государственным руководством СССР в этой области, явилось создание чрезвычайных (внеконституционных) властно-управленческих структур, наи-

более значительной из которых стал Государственный Комитет Обороны (ГКО), образованный уже 30 июня 1941 года, совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР и ЦК ВКП(б) под председательством И. В. Сталина.

В вышеупомянутом Постановлении было четко зафиксировано «...в руках ГКО сосредотачивается вся полнота власти в государстве (в центре и на местах). Все граждане, партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно обязаны выполнять решения и распоряжения ГКО...» Этим постановлением ряд отраслей народного хозяйства и все транспортные наркоматы выводились из подчинения Совета Народных Комиссаров и передавались в ведение ГКО. Не в стороне от этих мероприятий оказался и наркомат Морского и речного флота СССР во главе с З. А. Шашковым. Ключевая роль в реализации функций ГКО отводилась корпусу его уполномоченных, главной задачей которых был контроль на местах за претворением в жизнь постановлений и распоряжений ГКО. Надо отдать должное Зосиме Алексеевичу — одному из первых уполномоченных ГКО — за умелый подбор и расстановку людей. Из служебной характеристики генерал-директора (классный чин министра) министерства речного флота З. А. Шашкова: «...У него было «чутье» на людей: исполнители отбирались строго по принципу деловой целесообразности, и люди никогда его не подводили...» В группу уполномоченного ГКО З. А. Шашкова входил ряд руководящих работников его наркомата (не всегда руководители основных управлений), но во всех случаях главный прокурор А. Г. Щитович. Оба — и нарком, и прокурор — были глубоко убеждены, что во времена, когда говорят пушки, верховенство закона должно быть непреложным... Во многом благодаря именно усилиям Антона Григорьевича прокуратура наркомата Морского и речного флота СССР сложилась как правоохранительная структура, запас прочности которой оказался достаточным, чтобы выдержать нелегкие военные годы.

Очень сложным и напряженным в жизни нашего славного земляка оказался период с начала 1942 по середину 1943 года, то есть период подготовки и победоносного окончания Сталинградской битвы. Как известно, о битве на Волге написаны тысячи художественных произведений и научных исследований. И советские, и западные авторы, как правило, делают акцент на обороне города и гибели шестой германской армии фельдмаршала Паулюса. При этом из поля зрения выпадают действия моряков и речников Волжской военной флотилии. (И здесь я позволю себе сделать небольшой экскурс в события, предшествующие величайшей битве). Уже в начале октября 1941 года постановлением ГКО из судов ряда пароходств Волжского, Донского, Московского, Камского и др. была сформирована Волжская военная флотилия. На Сормовском судостроительном-судоремонтном заводе в Горьком полным ходом шла переоснастка гражданских судов под военные мониторы и бронекатера. Нефтеналивные баржи и сухогрузы укомплектовывались артиллерийскими системами и крупнокалиберными пулеметами. По приказу Наркомата Обороны СССР все командиры и начальники судов и краснофлотцы обеспечивались личным стрелковым оружием, наряду с флотской формой одежды предусматривалось общевойское обмундирование. В самый разгар Сталинградской битвы, в сентябре 1942 года, на должность заместителя командующего флотилии назначается контр-адмирал Павел Алексеевич Трайнин — доцент кафедры тактики боевого обеспечения речных флотилий и сухопутных сил Военно-морской академии. (Кстати, тоже уроженец города Пинска. Но это уже другая история). За всеми организационными мероприятиями по правильной и четкой эксплуатации всех плавсредств флотилии, наряду с командованием, персональную ответственность перед уполномоченным ГКО несли все сотрудники прокуратуры, в том числе и А. Г. Щитович. Следует отметить, что с началом боевых действий на Сталинградском фронте речной транспорт был чрезвычайно загружен, график движения судов постоянно нарушался, опоздания с доставкой грузов происходили по многим причинам. В этих условиях под руководством Антона Григорьевича следственными работниками

проделана большая работа (во многом не прокурорская) по обеспечению продвижения транспортных средств на фронт. Им была выполнена сложнейшая задача формирования системы органов военной прокуратуры Наркомата Морского и речного флота СССР. Об этой деятельности героя моего очерка можно писать и писать. Но лучшей оценкой тех событий, той работы, которую проделали наши земляки под руководством З. А. Шашкова, являются слова легендарного маршала В. И. Чуйкова: «О роли моряков волжской военной флотилии, об их подвигах скажу кратко: если бы не было их, возможно, 62 армия погибла бы... Катера флотилии днем и ночью под ураганным огнем шли по горящей от разлитой нефти Волге к пылающему Сталинграду...»

Одна из величайших в истории человечества битв — битва на Волге, завершилась 2 февраля 1943 года разгромом немецко-фашистских войск и пленением громадного числа солдат и офицеров врага. В значительной степени этому способствовала неустанная деятельность А. Г. Щитовича. Именно его сотрудники, тысячи моряков и речников проявляли образцы мужества, доблести и геройства. Многие из них после победы на Волге были награждены орденами и медалями. Антону Григорьевичу Щитовичу был вручен орден Отечественной войны 1-й степени. Приказом Прокурора Союза ССР от 23 июня 1943 года Щитович А. Г. назначен Главным Военным (подчеркиваю — военным) Прокурором Морского и Речного флота, в этот же день Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР нашему славному земляку присваивается воинское звание «генерал-майор юстиции».

С середины 1944 года и до окончания военных операций на Дальнем Востоке колоссальной нагрузкой для ведомства Главного военного прокурора Наркомата морского и речного флота являлась организация и контроль за обеспечением и сохранностью грузов и товаров, поступающих от стран-союзниц по так называемому «ленд-лизу». (Основная масса ленд-лизовской продукции прибывала в порты Северных морей и Тихого океана, которые (порты) во всех отношениях подчинялись наркомату Морречфлота.) Самолеты и танки, боевые и транспортные корабли, легковой и грузовой автотранспорт, мотоциклы и тракторы, промышленные и продовольственные товары для армии и населения. Даже легендарные наши «катюши» стояли на американских «студебекерах». Вдобавок вся эта техника летала, плавала и ездила на американском топливе. Достаточно вспомнить слова маршала Советского Союза легендарного Георгия Константиновича Жукова: «Вот сейчас говорят, что союзники нам никогда не помогали. Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжить войну. У нас не было взрывчатки в достаточном количестве, не было пороха, нечем было заряжать винтовочные патроны. Американцы выручали нас. А сколько предоставлялось нам листовой стали? Разве мы смогли бы наладить производство танков, если бы не сталь американцев?» Важность «ленд-лиза» в военной победе СССР отмечал и сталинский нарком А. И. Микоян, отвечая на вопрос, мог ли Советский Союз обойтись без поставок англичан и американцев: «Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали». (А мне подумалось, что эти лишние год-полтора могли бы значить в мировой истории, сейчас сказать, конечно, сложно. Ну, не родился бы я в1946 году, и как минимум — пару миллионов лишних жизней, в том числе и моих родителей, а как максимум — могли быть и другие итоги войны.) У современного немецкого историка Райнера Карлыша есть доказательства того, что 3 марта 1945 года нацистские ученые под наблюдением войск СС провели ядерные испытания бомбы рядом с немецким городком Ордруф. Если бы война продлилась еще год-полтора, то велика вероятность, что первой применить ядерное оружие успела бы не американская авиация, а, скорее, гитлеровская. И всего несколько цифр: только для нужд военно-морского, морского и речного флота СССР страны-союзницы поставили: торговых судов — 96, торпедных катеров — 202, охотников за подводными лодками — 140, фрегатов (сторожевых

судов) — 28, тральщиков — 77, десантных судов — 105, ледоколов — 3 и т. д. И за всем этим потоком грузов и техники, наряду с командованием флотов и флотилий, руководителями портов и подведомственных им служб, пристально следили прокурорские и следственные сотрудники Главного военного прокурора. Только за вторую половину 1944 г. в трибуналы речных флотилий и пароходств было передано 137 уголовных дел в отношении расхитителей военной и гражданской продукции, оружия и продовольствия.

Во второй половине 1944 года, с выходом частей Красной армии на западные границы СССР, перед военно-политическим руководством страны встал вопрос о полном учете злодейских преступлений нацистов и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, предприятиям и организациям, установлении личностей немецко-фашистских преступников для предания их суду и наказанию. 2 ноября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была создана «Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба...» Для ведения дел Чрезвычайной комиссии создавался СЕКРЕТАРИАТ, в составе которого был и отдел по учету ущерба, причиненного промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству. По указанию Прокурора страны в работе этого отдела активное участие принимали Главный военный прокурор Наркомата Морречфлота генерал-майор юстиции А. Г. Щитович, все его заместители и следователи по особо важным делам.

В конце 1945 года Антон Григорьевич во главе группы прокурорских работников ряда транспортных организаций страны командируется в Германию для участия в работе Нюрнбергского международного трибунала. Советским руководством предполагалось, что, в случае надобности, Главный военный прокурор А. Г. Щитович станет одним из обвинителей. В распоряжении группы А. Щитовича находились материалы о разрушении гитлеровцами всей инфраструктуры водных артерий европейской части советской страны, о вывозе в Германию огромного количества имущества судостроительных и судоремонтных заводов и пристаней, об ограблении советских судов, по разным причинам оказавшихся в европейских портах. Все эти материалы впоследствии легли в обоснование обвинительного приговора в отношении руководителя имперского министерства экономики Ялмара Шахта. Во время одного из допросов, проводимых Антоном Григорьевичем, Я. Шахт пытался изображать из себя оскорбленную невинность. На все вопросы лишь пожимал плечами и разводил руками. При синхронном переводе вопросов и ответов на допросе манипулировал радионаушниками, время от времени снимал их и вновь надевал. В конечном счете он позволил себе негодующую тираду: «А не кажется ли господину следователю, что он пользуется фальшивыми фактами и материалами?» Антон Григорьевич отреагировал моментально, словно влепил допрашиваемому звонкую пощечину: «А не кажется ли господину имперскому министру, что он больше не вождь в своем министерстве, которому дозволено перебивать кого угодно, а преступник, отвечающий за свои преступления?» Все, что осталось из допроса этого изувера и дошло до наших дней в виде афоризма — это постоянно повторяемые изо дня в день, из заседания в заседание слова: «Я вообще не понимаю, почему мне предъявлено обвинение».

Очень жаль, что по приговору международного трибунала Я. Шахт был оправдан.

Майскими короткими ночами, отгремев, закончилась Отечественная война. Народ, одержавший величайшую в мировой истории победу, возвращался к мирному труду. Вооруженные силы страны, все наркоматы переводились на мирное положение, сокращалась их численность. Антон Григорьевич Щитович продолжал служить в той же должности, но уже в министерстве Морского и речного транспорта. В апреле 1947 года в связи с сокращением штатов всех министерств и ведомств страны он переводится на должность начальника 2-го отдела

Управления кадров Главной Военной Прокуратуры Вооруженных сил СССР. С первых дней работы Антон Григорьевич принимал самое активное и деятельное участие в совершенствовании руководящих структур в органах военной прокуратуры, оптимизации новых форм и методов работы. Советские военачальники, особенно герои прошедшей войны, были слишком далеки от владения правовыми вопросами. Они были глубоко убеждены, что военно-юридическая служба в вооруженных силах должна повиноваться диктату военачальника, независимо от того, насколько их действия и приказы сообразуются с законом. Только такому человеку как генерал-майор юстиции А. Г. Щитовичу, при его авторитете и почти энциклопедических знаниях, было под силу из огромного количества военных юристов подобрать самых необходимых для работы в мирное время и расставить их на ключевые посты в армейских, окружных и центральных прокуратурах Министерства Вооруженных сил СССР.

Во время Великой Отечественной войны А. Г. Щитович был награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За боевые заслуги», «Оборону Москвы», «Оборону Сталинграда» и другими государственными наградами, а за успешную работу в послевоенный период награжден орденом «Трудового Красного Знамени».

В конце 1949 года в возрасте 45 лет и в «...связи с ишемической болезнью сердца и сахарным диабетом...» генерал-майор юстиции Антон Григорьевич Щитович подает рапорт об отставке. Тяготы предвоенных и военных лет в полной мере отразились на здоровье этого человека. Небольшого роста, полноватый, короткошеий Антон Григорьевич конституционально был предрасположен к сердечно-сосудистым заболеваниям. Болезнь прогрессировала, и в начале 1952 года Антон Григорьевич попадает с острым приступом стенокардии в больницу. Финал известен...

Антон Григорьевич был человеком своего времени, своей эпохи. Как говорится, времена не выбирают. И только в этом контексте о нем можно судить. Глубоко убежден, в памяти моих дорогих земляков имя А. Г. Щитовича должно сохраниться на долгие годы.

Гинот-Шомрон,
Израиль.

ТАТЬЯНА ШАМЯКИНА

Земля в ореоле тайн

Кулинария в наши дни и в советское время. Еда отечественная и экзотическая

Когда в Минске, в мае 2014 года, проходил чемпионат мира по хоккею, то национальное обрамление для космополитического действа обеспечивали белорусские сувениры и кулинария. Для туристов-болельщиков оказалось достаточно. Да и вообще в последние годы кухня вошла в приоритеты любого национального бытия. Так, стали чрезвычайно популярными телепередачи по кулинарии, проведение различных гастрономических шоу, конкурсов, фестивалей. Кулинарные рецепты вставляют в свои пошлые криминальные романы модные писательницы-детективщицы, дабы их гламурные, одуревшие от скуки читательницы получали хотя бы какую-то полезную информацию. А многочисленные турагентства организуют кулинарные туры по разным странам. Роскошные альбомы и журналы пропагандируют все более экзотические продукты. Солидный белорусский журнал «Планета» из номера в номер печатает «Путешествия гурмана...» по разным странам мира. Фирма «Корона», имеющая в Минске и, видимо, по всей Беларуси сеть гипермаркетов, издает свой красочный глянцевый журнал. Там постоянно встречаются рецепты с творогом тофу, авокадо, фейхоа, манго, кальмарами и другими удивительными продуктами, да и сочетания ингредиентов в блюдах наших, отечественных, все более замысловатые.

Конечно, в СССР такого, как сейчас, поразительного изобилия, таких изысков в повседневном, да даже и праздничном, употреблении советских людей не было. Однако и постоянные плоские шутки в нынешних СМИ относительно неизменного на столах «совков» салата «оливье» — неправда. Я описывала в своей книге «Как жила элита при социализме» любимые блюда в писательской среде. Они были разнообразны, и помнятся хорошо именно благодаря своему разнообразию — не только наши, семейные, но и в домах друзей. Набирается не менее ста рецептов. Немало. Но не только личные воспоминания ценны (ценны потому, что рецепты — в основном народные, вынесенные из крестьянской среды). Вот беру я книгу, доставшуюся мне от мамы, — «Молочная пища» издания 1967 года. Самый разгар советизма. Кроме описания разных молочных продуктов и их производства, в книге приведено 712 рецептов. То есть хорошая хозяйка могла бы каждый день в течение всего года готовить по два новых блюда только из одного молока.

Вообще история появления разных продуктов в Советском Союзе довольно занимательна. Мало кто из бывших советских людей знает, что обогащением рациона мы обязаны Анастасу Ивановичу Микояну, который сегодня стал любимцем либеральной российской интеллигенции. Как чиновнику высшего ранга ему приписывают немало новаций. Показателен он и своим физическим и политическим долголетием. Это о нем сложилась поговорка: «От Ильича и до Ильича без инфаркта и паралича». В 1930-е годы Микояна назначили наркомом пищевой промышленности. Человек оказался на своем месте. От Анастаса Ивановича как главы отрасли якобы происходят основные советские бренды: колбасы «Докторская», «Чайная», «Любительская», майонез, сгущенное молоко, «Советское шампан-

ское», несколько сортов мороженого. При нем разработали ГОСТы, которые просуществовали десятилетия и сейчас возрождаются некоторыми предприятиями, в том числе белорусскими. Он — один из основателей советской рекламы, причем ее смысл был не в конкурентной борьбе, как на Западе, а в просвещении народа. Кстати, «Книга о вкусной и здоровой пище» — этот, можно сказать, в своем роде кулинарный шедевр, создана при непосредственном участии А. И. Микояна и с его предисловиями к разделам.

В наше время по буржуазному телевидению (буржуазному потому, что пропагандирует потребительское отношение к жизни) журналисты нередко издеваются над так называемым *рыбным днем* (четверг) в советское время. Снова-таки, *как всегда*, умело смешивая правду с ложью, они лукаво не договаривают до конца, не раскрывают сути дела. Рыбный день введен для пропаганды рыбы, которой было навалом, и она никогда не стоила дороже мяса (селедка — 90 копеек за килограмм, хек — 40 копеек). Рыбный флот на всех 14 морях, окружавших СССР, — *был* огромен, продукцию рыбаков, трудившихся в тяжелейших условиях, нужно было как-то реализовывать. Причем рыбный день вовсе не исключал рыбу в другие дни, а мясо в четверг. И вообще это не советское изобретение, а идея академика Николая Яковлевича Данилевского, директора Петербургской военно-хирургической академии, предложенная им в 1909 году, подхваченная тем же самым Микояном в 1930-е годы, но практически реализованная в 1960-е.

Что касается экзотических продуктов, то их история в советское время не менее *экзотична*. То вдруг магазины и ларьки на недолгий период оказываются завалены бананами. А это какой-то невиданный остров, затерянный в океане, по примеру Кубы, решил строить социализм. Получая от СССР отличную технику и лучшее в мире оружие, расплачивался бананами, поскольку ничего другого не имел. То вдруг появляются консервированные ананасы и сок манго в жестяных банках. Это, я думаю, из Индии. Она поставляла довольно большой набор товаров где-то в начале 1970-х годов. У меня от того времени остались латунные, изящных форм, вазы, сделанные со вкусом шкатулки и прочие декоративные пустячки, на которые сейчас, однако, смотришь с ностальгическим умилением. Апельсины в 1950—1960-е годы — повседневность, рядовой продукт, затем, в годы все увеличивающегося дефицита, — почти постоянно в продаже в основном только у нас, белорусов, «машеровцев», чему поражались и завидовали приезжие из России. Новый год невозможно себе представить без мандаринов. Тоже в указанные годы напрямую шли поставки из Грузии, а затем, во времена позднего Брежнева, — покупались уже в основном у частников, на рынке. Сколько я себя помню, столько и помню жгучих брюнетов с Кавказа на наших белорусских, да и украинских (часто бывала с родителями в Чернигове), рынках. И купить у кавказцев можно было все. С одним таким продавцом даже познакомился мой муж (Слава поразительно умел привлекать сердца самых разных людей). Правда, новый знакомый Халим приехал не с Кавказа, а из Средней Азии — Таджикистана. Очень обаятельный оказался человек, веселый, дружелюбный, притом удивительно сочетавший в себе наивность и хитрость, доверчивость и феноменальную предприимчивость. Узнав, что я делаю букеты из сухих растений, он вез на самолете мне в подарок огромную, в полтора метра высотой, ферулу. Ведь насколько это было хлопотно — найти ее в пустыне, выбрать прекрасный экземпляр, обработать (а она, видимо, ядовита, как и наш борщевик) и потом тащить в багаже через всю Евразию. Экзот стоял у меня довольно долго. Халим женился на белоруске, хотя у него дома оставалась местная жена, и задолго до 1990-х годов, то есть до милого нашему сердцу капитализма, завел под Минском фермерское хозяйство, где разводил баранов. Вообще разворачивался он постепенно, методично, планомерно, его энергия и предпринимательский задор восхищали. Кстати, имел высшее образование. В 1990-е годы дружба с ним, не имевшая никаких меркантильных интересов ни с одной из сторон, оборвалась. Как и многое другое в те годы. Словно образовалась «черная дыра» во времени и пространстве...

Все это, однако, я веду к тому, что *ничем особым советских людей удивить было нельзя.* Но, конечно, экзотика появлялась спорадически, а хотелось большего. Вот сейчас, наконец, все-все получили. Счастливы безмерно... Помнится, Б. Н. Ельцин ставил себе в заслугу как президенту РФ то, что на улицах российских городов стали продавать экзотический фрукт киви. Облагодетельствовал... А ведь многие искренне радовались вместе с ним. Правда, по сравнению с 1980-ми годами — в самом деле, ощутимый прогресс. Но и с 1980-ми не все так просто. В представлении нынешней молодежи тогда — сплошь магазинные пустые полки. А на самом деле дефицитные продукты рассредоточивались по закрытым буфетам и столам заказов, которые были практически в каждой организации, а тем более, на крупных предприятиях. И все же на всех не хватало. Зато сейчас не хватает *денег* на приобретение лягушечьих лапок, икры и манго. Человеку постоянно чего-то не хватает. И это хорошо — есть стимул мечтать, двигаться вперед...

Правда, это я так думаю, а есть и другая точка зрения на проблему. Читатель «Литературной газеты» Андрей Лазаренков из Волгограда писал в июле 2014 года: «Советский Союз был царством дефицита, а нынешняя Россия — царство суррогата. Что в те времена хороших товаров на всех не хватало, что сейчас. Только в Советском Союзе их нехватку не догадывались восполнять подделками и фальшивками, а сегодня — догадались. Вот и вся разница».

Об отличном качестве советских продуктов и я писала в упомянутой книге об элите. А в капиталистических странах уже тогда — иные подходы к массовым товарам, иные стандарты. Помню, мой отец в 1963 году вернулся из США и привез нам на пробу тамошний хлеб. Совершенно оказался безвкусный, как резина. А вот хлеб в СССР можно было есть без всего — он сам по себе был отдельным блюдом, очень ароматным и вкусным. Сегодняшний наш хлеб точно такой, как тогдашний американский, несмотря на все добавки и разные ухищрения в технологиях. Многие продукты утратили вот именно *аромат*, а ведь с запахами ассоциируются прошедшие события, давно виденные места, вообще возбуждается память, а значит, активно работает воображение. У незабвенного Янки Сипакова: «Марозікам пахне капуста, // Жаўруковаю песняй — яблык, // Вераснем — сопкая бульба, // Расою — агурок крамяны, // Селядзец — глыбінёй акіяна, // Сонцам — акраец хлеба...»

Вспоминается факт, вычитанный мною у Диодора Сицилийского, греко-римского историка I века до н. э. Диодор собирал сведения о знаменитых людях древности. Один из них, прославленный мудрец Демокрит (VI в. до н. э.), создатель атомистической теории, по одной из версий его жизни, дожил до 113 лет. Но вот пришла неизбежная кончина. Философ уже не мог питаться, двигаться, едва дышал. Однако умирал он в канун любимого народом праздника. Понимая, как огорчатся люди от факта его смерти, и, значит, будет отменен праздник, Демокрит решает продлить себе жизнь. Он просил каждые три часа приносить ему свежеиспеченный хлеб (в виде, я думаю, лепешек). Нюхая хлеб, он прожил еще неделю, а потом тихо отошел, оплакиваемый согражданами. Только вдыхание запаха хлеба продлило жизнь, которая едва теплилась! Бывшие блокадники Ленинграда говорили, что, если удавалось оказаться рядом с хлебокомбинатом и вдохнуть ни с чем не сравнимый аромат, то силы прибавлялись. То был запах *самой жизни*! И очень *родной* запах! «Жыццё і жыта — як адно...» (Василий Зуёнок).

Вообще весь этот разговор я затеяла по теме нынешней главы — «Земля в ореоле тайн», то есть о различных территориях, в основном необычных, и их влиянии на человека.

Обычное и необычное в XXI веке своеобразно соседствуют и взаимодействуют. В самом деле, разные продукты сегодня присутствуют в изобилии. В том числе, некогда редкие, экзотические, невиданные, нашим предкам неизвестные. Это несомненный плюс, достижение нашей жизни, поскольку делает питание бывших советских людей и современной молодежи разнообразным, а процесс приготовления блюд интересным, творческим, радостным делом. Многие про-

дукты, конечно, и полезны. Однако среди некоторых ученых раздаются голоса, что *питаться следует только тем, что произрастает на родной земле*. Это генетически запрограммировано в нас, определено химизмом местной почвы и, значит, принесет наибольшую пользу.

С одной стороны, звучит совершенно логично и правильно, научно аргументировано, да и патриотично. С другой — ведь и картофелем, который по происхождению из Южной Америки, питаемся всего каких-то два века. То есть человек ко всему привыкает. В одном из исторических романов белорусской писательницы Ольги Ипатовой герои, наши предки, едят драники, оладьи из тертого картофеля, — в *двенадцатом* веке (!) Это не упрек автору, а показатель того, насколько закрепился в сознании белорусов картофель (по-белорусски «бульба») именно как национальный продукт. Привычка — вторая натура. Привыкнем и к экзотике. Однако и у этого тезиса — свое «но». Аллергией сейчас болеет чуть ли не каждый второй житель республики. Ведь не случайно. Значит, не все полезно, не все приемлемо. Сейчас как раз идет отбор, испытываем мы буквально все на себе. Что ж, по крайней мере, готовим кухню для будущих поколений. Уж они-то будут знать, чем можно питаться.

Есть и еще один аспект проблемы: неизвестно, как тот же картофель подействовал на психологию, ментальность, генетический аппарат белорусов. Казалось бы, абсолютное благо. А кто его знает? Может, полезнее нам было бы питаться традиционной репой. Вдруг картофель своим необычным химизмом способствовал, например (чисто гипотетически), привыканию к алкоголю?..

Кстати, об алкоголе. Приведу современный паранаучный миф, пока малоизвестный, но приобретающий популярность, как и все, что в наше время противоречит серьезной науке и христианству, которые дискредитируются на каждом шагу.

Ученые-этнографы, изучавшие в XIX—XX вв. так называемые примитивные этносы, с удивлением констатировали, что жизнь лесных людей совсем не так уж трудна и безысходна, не отягощена постоянными заботами о пропитании, тем более, работой от зари до зари, как у земледельцев. Поискам еды — собирательству, рыбной ловле, охоте — племена, сохранившие культурную самоидентичность, посвящали и посвящают от силы три-пять часов в день, а потом, довольные жизнью, пребывают в блаженном безделье. Не так ли и наши предки? Причем радость, испытанная ими от каждодневных занятий, осталась в современных людях: охота, рыбалка, сбор ягод, грибов — для нас истинное удовольствие, а вовсе не труд.

Кроме того, оказалось, согласно академику-биологу Николаю Вавилову, что центры первобытного земледелия — это районы, и без того богатые на разные дары лесов и степей. Еды предкам более чем хватало. Так что же заставило благополучных охотников и рыболовов перейти к земледелию и скотоводству, занятиям гораздо более хлопотным, трудоемким, зависимым от погоды? (У белорусского поэта Романа Тармолы есть строка: «Хлеб рос, — дзяды казалі, — на гарбе».)

Производящим видам деятельности, уже по свидетельству мифологов и фольклористов, *обучили древних людей боги*. Нигде к земледелию не обращались по собственной инициативе сами люди. Однако кто такие боги? Сегодня уже никто не сомневается — ясно, это прилетевшие инопланетяне, группа межзвездных туристов или исследователей, почему-то застрявших на Земле. Причем ранее полагали, что занимались они просвещением человечества из гуманных соображений. В последнее время возобладала иная точка зрения — боги заботились, прежде всего, о себе. Оказалось им на Земле не очень-то комфортно. Нет, в целом неплохо: нормально дышали, передвигались, стало быть, атмосфера и гравитация на их родной планете примерно совпадали с земной. Да и питание для них почти приемлемо, причем кое-какие продукты (кукурузу, бананы, финики) якобы они же изобрели, приспособив для себя. Но тем не менее различия в организме инопланетян и людей имелись. Как известно, у живых существ перенос кислорода и углекислого газа во встречных движениях осуществляет в организме кровь, в

частности, особые элементы крови («дыхательные пигменты») на основе определенных металлов. У земных людей — на основе железа. Именно благодаря железу наша кровь красная. Но могут быть и другие металлы как переносчики газов. Скажем, медь. Она делает кровь голубой. Некоторые улитки, пауки, ракообразные, каракатицы, головоногие моллюски на Земле обладают как раз голубой кровью.

Было высказано предположение, что такими же, с голубой кровью, оказались инопланетяне. Потому им требовалась пища, богатая медью. А это в основном зерновые. Пришельцы научили людей земледелию и требовали для себя постоянных жертвоприношений в виде хлеба. Самим аборигенам Земли более полезны ягоды, бобовые, овощи, мясо — в них много железа. Но их принудили выращивать злаки, где больше меди, приучили, так сказать, к цивилизации. Нашим предкам-варварам до появления пришлых богов были широко известны и разные, чрезвычайно полезные, клубни, например, та же репа или картофель. Но нет, «сверху» насаждались зерновые, причем в самом трудоемком — в смысле многих этапов изготовления хлеба — варианте.

Более того, даже при наличии в продуктах меди все же обмен газов в крови у богов проходил на Земле с трудом. Баланс постоянно нарушался, окисляя кровь. Оказался необходим нейтрализатор. Вот тогда они, именно будто бы боги, и придумали алкоголь. Известный в России ученый Андрей Скляров в книге «Опасное наследие богов» пишет: «...боги попали в условия, в которых их организм не справлялся самостоятельно с избытком углекислого газа (вследствие наличия у богов голубой крови). Им требовалось (!!!) чем-то нейтрализовать излишнюю кислотность крови, возникающую из-за «излишков» углекислоты в ее составе! И боги использовали для этих целей т. н. этерификацию — реакцию образования сложных эфиров из спирта и органических кислот, содержащихся в крови. Эта реакция смещает равновесие в сторону более высоких pH, химически «выдавливая» вредный углекислый газ. Именно в этом причина того, что боги научили людей изготавливать спиртные напитки и поставили эти напитки на одно из первых мест в жертвоприношениях!»

Правда, спиртные напитки богов оказались не крепкие — в основном пиво, хмельной квас, медовуха. Автор упомянутой книги находит множество косвенных данных для подтверждения своей экстравагантной теории. В том числе, основывается на мифологии, ритуалах древних людей, понятии «голубая кровь» по отношению к аристократии (то есть потомкам богов), обычаю индейцев Южной Америки деформировать (вытягивать) черепа у своих детей, чтобы уподобить их богам, и на многих других, действительно, таинственных вещах.

В самом деле, в мире хватает загадочного и необычного. Объяснить все наука пока не в состоянии. Потому спекуляций на загадках и тайнах возникает множество. Иногда довольно убедительные. Однако красиво скроенной теории, изложенной мною выше, можно, пожалуй, найти и контраргументы. Скажем, боги не гнушались в жертвоприношениях и вином, а в нем как раз много железа, им не нужного. Вообще жертвоприношения — своя очень сложная тема, в которой по существу *все* неясно.

Насколько мне известно, в мифологии большинства народов, в том числе из центров мирового земледелия, хлеб — дар не только Неба (а боги — всегда — с Неба), но и Земли-матери, их союза, брака (иерогамии). Да, хлеб везде сакрален. И нас, советских детей, тоже воспитывали в уважении к нему — в духе народных традиций. Он — не только пища. Ведь и животные потребляют пищу. А хлеб — именно *человеческая пища*, то, что отделяет человека от животного, является началом кулинарии как искусства. Сакрализуя хлеб и производящий его колос, славянин, арий, гиперборeец славили, обожествляли не Бога, зерно подарившего, а природу, растительность, зелень. Вернее, зелень вместе с солнцем, плодородящую землю совокупно с огнем (У В. Зуёнка: «З прыродай бязмежнай і адвечнай // Я крэўнасць адчуваю праз агонь»). Обожествление природы, которая, ясное дело, существовала и до антропоморфных богов, — проявление веры в ее плодоносящую силу. Кстати, от этой веры ведет начало и наука.

Кроме того, переход к земледелию мог быть обусловлен совершенно другими причинами, чем потребность пришлых богов в меди. В хлебе много таких элементов, которые нужны и человеку, скажем, глюкоза, необходимая для выработки энергии. Мясо — хорошо, оно образует белки, формирует клетки, но для постоянной подпитки энергией требуется как раз хлеб, дающий больше калорий. Мне кажется, что на каком-то этапе истории человек стал чрезвычайно активен, много двигался — вот и возникла для него потребность в глюкозе и группе витаминов В.

Можно согласиться с приверженцами теории «опасного наследия богов», что примитивные племена просто не способны были переходить от присваивающих к иным, производящим, видам хозяйства, постоянно думая, собственно, не о себе, а о будущих поколениях, ведь селекция требовала продолжительного времени и громадных усилий. Так, в 1830-х годах в Петербургской Академии наук приступили к осуществлению проекта по окультуриванию дикой пшеницы, чтобы повторить путь предков. Опыт продолжается *до сих пор*, то есть уже почти двести лет! Пока культурная пшеница с помощью тех приемов, которыми могли пользоваться предки, не получена...

Действительно, в переходе к земледелию и приручению животных — *буквально все тайна на тайне*. Я уверена, что процесс проходил в далеком-далеком прошлом, еще до Потопа, в обществе того уровня благосостояния, который позволял заниматься разными экспериментами. А во время так называемой *неолитической революции*, уже после всепланетного катаклизма, пришлось вспомнить прежние наработки, сохраненные жреческой кастой. Вот почему глобальный поворот в хозяйстве произошел так быстро и так загадочно. А в прежней працивилизации все как раз могло идти очень долгим эволюционным путем или же, после достижения определенного уровня знаний, путем искусственного *вскрытия генетических кодов* растений, чтобы, например, дикую пшеницу превратить в культурную, заложить в нее иную программу. С помощью обычной селекции вряд ли получилось бы. Хотя не исключено.

Неизбежен и вопрос о происхождении животных, тем более, об одомашнивании некоторых видов. Как произошел, например, верблюд, во внешности которого есть что-то от древнего динозавра, но гораздо более симпатичное? Впрочем, и обычная курица — от динозавра. А гепард? Могла ли природа создать существо, совмещающее в себе черты кошки и собаки? Явно ребяткигенетики из Атлантиды *позабавились*, совместив в одном живом объекте несовместимые признаки. Причем, взяв за образец леопарда, задумали животное самое быстрое из наземных млекопитающих, красивое, исключительно благородное — гепард не агрессивен, не нападает на людей, а у индийских раджей и киевских князей вообще стал домашним животным, другом и помощником на охоте. Можно множить примеры. Скажем, жираф — нечто несусветное, где промежуточные фазы его эволюции? Да, собственно, у любых видов этих фаз нет. У меня складывается впечатление, что Бог или конструкторы живого из працивилизации работали, подобно дизайнерам, создавая разные виды животных по принципу их наилучшей вписанности в тот или иной ландшафт, как мы подбираем декоративные предметы, мелкую пластику, безделушки для квартиры под цвет обоев.

Да, все здесь крайне противоречиво, очень загадочно и покрыто мраком; академическая наука переход человечества к земледелию и скотоводству толково объяснить не может, в наше время официоз (теория эволюции) в этом вопросе — совершенный детский лепет, даже при здравом размышлении, — абсурд. Но возмущает и активная, агрессивная в СМИ попытка объяснения наисложнейшей проблемы с помощью инопланетян. Как что-то таинственное и ценное, так обязательно вмешиваются инопланетяне! Это также очень вредный, унижающий людей, коварный путь, мешающий развитию науки, тормозящий поиск истины, разрушающий заложенную в человеке страсть к познанию, кроме того, в корне подрывающий основы мировых религий.

«География — это судьба»

Великобританию и Японию называют «консервами Евразии» — по той причине, что в этих странах благоговейно чтут традиции и в наибольшей степени сохранили культурные достижения предков. Но это естественно, потому что названные страны — на краях континента, через них не перемещались туда-сюда пришлые народы, как через территорию Беларуси. Конечно, и Англия с Японией подвергались завоеваниям, например, в Англию приходили римляне, норманны. Несвободны оказались обе страны и от проникновения идей, причем глобальных, скажем, протестантизма, буддизма. И все же жизнь на периферии, отделенность от материка водной преградой, пусть и неширокими проливами, безусловно, имеет свои преимущества.

В Египте эпохи президента Хосни Мубарака, окончившейся спровоцированной извне разрушительной «арабской весной» 2011 года, ежегодно проводился уникальный конкурс по поиску двойников древних египтян. Брался какой-нибудь рельеф, скульптура или фреска с изображением человека и искался двойник этого человека в современной стране. И всегда находился! Это говорит об устойчивости генотипа местного народа, об отсутствии привнесенных извне генов. В самом деле, завоевательный, из Аравии, отряд арабов в 641 году состоял всего из 20000 человек — на тогда 6-миллионный Египет. Естественно, арабы растворились в местном населении, сумев, однако, навязать свою идеологию — ведь до их нашествия Египет был христианским. Казалось бы, Египет — не периферия, а в древности — как раз политический центр Средиземноморья, культурный гегемон тогдашней Ойкумены. И тем не менее, он, подвергаясь время от времени нашествиям (семиты-гиксосы, персы, римляне, арабы), счастливо избегал этнического порабощения. Тут ясно, что сдерживало завоевателей — пустыня. С другой стороны, вся хозяйственная и культурная деятельность египетского государства от его возникновения определялась Нилом. Скажу даже точнее: благополучие, *само существование* страны обеспечивалось великой рекой, одной из самых длинных (более 6000 км) в мире. Египет часто называют «даром Нила». Однако так можно сказать, имея в виду другие природные объекты, о любом государстве. Кроме ядерного щита, доставшегося от СССР, чем сейчас обеспечивается мощь и влияние России? Не тем ли, что она обладает 40 % мировых природных ресурсов? А сегодняшняя трагедия Украины обусловлена именно ее геополитическим положением и, соответственно, историей, поскольку, после гибели Киевской Руси, наша соседка веками *должна была выбирать* между Европой и Московией.

Однажды в печати мне встретилось выражение: «География — это судьба». Не помню — кого, возможно, Николая Бердяева. Но это истинно так по отношению к любой стране. И к нашей — в особенности. Историю, нынешнее положение Беларуси в мире, благосостояние жителей необходимо рассматривать с этой точки зрения.

Совсем не случайно Беларусь оказалась в составе Российской империи, затем СССР, а ныне — объединенного государства. Русских и белорусов объединяют природа и условия жизни. Обычно забывают, что *отрицательная изотерма* января проходит по территории Польши. На запад от нее преобладают (во всяком случае, преобладали на протяжении столетий благодаря Гольфстриму) плюсовые температуры, на восток — минусовые. Это значит, что мы, белорусы, у которых зима тянется фактически четыре месяца, должны строить дома с учетом морозов, со стенами строений намного более толстыми, чем, например, в Италии, что нам необходимо отопление, одежда и пища более основательные, полноценные, чем в Европе. У нас наименьшее количество солнечных дней в году, чем в любой из европейских стран, а это, как мне кажется, влияло на темперамент народа, в целом на строй его жизни. Положение между державами, враждебно относящимися друг к другу (Россия и Польша), делало состояние страны нестабильным, зависимым от слишком большого количества факторов. Но главное, сложные

погодные условия, отсутствие значительных природных ресурсов, неурожайные почвы, и как результат — низкая производительность труда, в частности, в сельском хозяйстве, а значит — бедность населения. Что и показала белорусская классическая литература: творчество Франтишка Богушевича, Янки Купалы, Якуба Коласа, Тетки, Змитрока Бедули. Что бы ни говорили, по-настоящему хорошо белорус стал жить только в советское время, примерно с 1970-х годов.

Многие из молодых людей, зная, что Беларусь — бедная маленькая страна, стремятся покинуть ее. Но дело в том, что человек всегда тысячами нитей связан с тем местом, где родился, откуда генетически происходят его предки. Какая бы мать ни была, но она — мать! Чем станет человек, изменяя ей? Мать-Родина — главная тема белорусской литературы. Чужая страна — мачеха, хотя сначала и искушает лестью, подарками, разными побрякушками. Мудрые даосские монахи в Китае говорили, что *все необходимое — всегда рядом*; самый дальний звук, который человек должен слышать — это крик петуха в соседней деревне. И все.

Почувствовать и понять, что ближе и роднее отчизны ничего нет, мы в независимой Беларуси молодежь не научили, хотя сами в СССР прошли как раз неплохую школу. И это наш тяжкий грех. Грех чиновников от образования.

Европейские страны имели намного больше возможностей для накопления капитала, всяческого богатства. Если у нас сельскохозяйственный цикл — пять месяцев, то в Европе — в два раза больше, а урожайность, например, в Германии, в четыре раза выше. И не потому, что немцы — более трудолюбивые, чем белорусы, а потому, что там — Гольфстрим, обогреватель Европы. Сейчас он остывает и останавливается. Что это значит, европейцы *уже* начинают ощущать по аномальной погоде в последние годы, а дальше почувствуют еще острее...

Географический детерминизм — самый важный из всех факторов, влияющих на судьбу страны. Им определяется все, вплоть до особенностей языка. И в том числе — история. Главная особенность нашей истории — трагическое, сверхмерное напряжение многих поколений людей для того, чтобы перекрыть разрыв между необходимостью выживания и довольно скудными возможностями, данными природой. Притом все это — в условиях все возрастающей конкуренции государств и корпораций, борьбы за землю и ресурсы. Отсюда — две мировые горячие войны и одна холодная на протяжении всего одного столетия. Потому для нас характерна *мобилизационная экономика* — то ли в составе Российской империи, то ли в составе СССР, то ли в виде независимой державы, когда выжить оказывается все сложнее. Причем хотела бы обратить особое внимание на необходимость смотреть на положение страны не с точки зрения элиты, прежде всего бюрократии, а сегодня — и крупных собственников, у которых *всегда свои эгоистические интересы и мало заботы о населении*, а с точки зрения народной массы. Так неизменно воспринимали судьбу государства и нации лучшие представители белорусской интеллигенции.

И еще о нашей специфике. Чтобы получить полноценную копию западного уровня жизни, необходимо иметь географическую и историческую точки отсчета, отправные пункты: не только обогревающий Гольфстрим, но, по крайней мере, европейское средневековье и пройти соответственно весь последующий путь. Пятьсот лет развития Запада нельзя свести к нашим пятидесяти. Всего этого не учитывали приверженцы западного стиля жизни, представители разных радикальных партий, не только в начале XX века, но и в его конце, когда они призывали народ наконец-то (!) начать жить, как на Западе, отбросив советские предрассудки. Ведь мы — Европа! Оно-то так, Европа, да только климат не европейский... Маленькая деталь, но, пожалуй, главная.

Мне кажется, плачевное положение с изучением истории и упразднение дисциплины «Мировая художественная культура» в школах и вузах обусловлены идеологическим постулатом полноценной европейскости Беларуси, считающимся непреложной истиной. Призывать к западному образу жизни и разжигать недовольство из-за того, что так жить все равно не получается, оказывается

возможным именно потому, что люди катастрофически не знают историю и вот именно мировую культуру, в которых было немало драматических, противоречивых и прямо негативных эпизодов.

Но вернусь к географии, от которой зависит, если не все, то очень многое.

Меня давно интересовало положение Беларуси в пространстве и влияние этого местонахождения на культуру. В своих давних работах по мифологии я впервые среди теоретиков литературы применила термин *геософия*, который имеет в виду философию земли, сакральность, метафизику территории проживания народа, рассматривающего ее как свою родину.

В разработке концепции, которая совсем не претендует на истину в последней инстанции, а всего лишь ставит проблему, я ориентировалась на философию пантеизма, на теорию пассионарности историка, этнолога и географа Л. Н. Гумилева и на так называемое географическое направление в социологии, оспоренное марксистами, но сегодня все более актуальное. Причем в фокусе моего внимания — не современное, по существу глубоко антиэкологичное, а архаическое мышление, сущность которого — гармонические взаимоотношения человека и природы, религиозное, культовое отношение к земле, к растительности, ко всему живому.

Для древнего белоруса его Мать-кормилица земля была не абстрактным объектом для воздействия на него, а истоком самой жизни, принципом творчества. Человек не овладевал природой, а содействовал ее метаморфозам, руководствовался ее законами, по возможности улучшал их (разбивал, например, сады), но ни в коем случае не создавал для земли трудностей. Жизнь вместе с природой по общим с ней законам закреплялась *мифопоэтическим сознанием*.

Природа и народ — недаром слова одного корня. Крупнейший из этнологов второй половины XX века Лев Николаевич Гумилев, работы которого я читала еще в советское время и под влиянием которого нахожусь, часто повторял, что народ формируется определенным «вмещающим ландшафтом», среди которого он живет и творит свою историю. Действительно, зависимость психологии, темперамента, менталитета того или иного этноса от природы намного большая, чем принято думать. *Все просвечивает во всем*: местоположение — в народном характере, народный характер — в вере, черты верований — в быту, обрядах, повседневном поведении, наконец, в кулинарии, с чего я и начала предлагаемую здесь работу. Например, Восток, где рождается день, — это зона первопричин, поскольку сам восход солнца в сознании любого человека на Земле отождествляется со стремлением вверх, восхождением, началом пути. Вот почему народы Востока, как считал замечательный российский культуролог Георгий Гачев, более склонны к жизни духовной, и, значит, религия, философия, культура там имеют определяющее значение. Народы же Запада более связаны с низом (здесь заход солнца), у них царит культ тела, и потому они создали потребительскую цивилизацию, для природы чрезвычайно опасную. Контрастные регионы формируют контрастную психологию.

Возьмем не положение солнца, а то, что у нас непосредственно под ногами. Как известно, вся земная кора состоит из нескольких плит — континентальных и океанических. Одна из самых больших — евразийская плита, на которой местятся вся Европа и вся Азия. Она почти такая же огромная, как тихоокеанская плита. Обе плиты соседствуют и, согласно теории немецкого ученого Альфреда Вегенера, медленно перемещаются относительно друг друга, где-то соприкасаясь. Однако на движущихся по вязкой астеносфере плитах помещается еще один мощный слой — неподвижные платформы. Так, *Русская платформа* — одна из самых устойчивых, наряду с африканской. У Западной Европы нет такого прочного основания. На *краю* Русской платформы находится как раз Беларусь.

Но край платформы, видимо, крошится, покрыт трещинами, просто они нам не видны под почвой. А лучшее свидетельство наличия трещин — реки, которые текут в этих складках, этих морщинах земли. Речная сетка Беларуси — самая разветвленная среди государств Европы.

Года два назад в нашей прессе промелькнуло сообщение, что в одном из колодцев под Пуховичами вода вдруг стала горячей. Никто на эту информацию внимания не обратил. А меня она взволновала. Данный удивительный факт говорит о том, что все под землей нестабильно, зыбко, неустойчиво, там происходят какието очень сложные процессы, о которых нам практически ничего не известно.

Более понятно и близко то, что на поверхности земли. Конечно, мало кто знает, что мы — на краю платформы, а Европа просто примыкает к нам, являясь, по существу, полуостровом, сложенным из осадочных пород. Но зато все знают, что местонахождение Беларуси — истинно сакральное — в *центре Европы*, между Востоком и Западом, Севером и Югом. По новейшим точным подсчетам, центр материка находится вблизи Полоцка.

Само название страны говорит о ее сакральности. Белая Русь несет свет, значит, Святая Русь. «Свет» и «святой» с древности отождествлялись.

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые относят появление названия «Беларусь» к относительно позднему времени. На самом деле, народ сохраняет в языке мифологические комплексы, полученные, скорее всего, от очень динамичных, активных, пассионарных индоевропейцев, на протяжении тысячелетий. Название «Белая Русь», зафиксированное в XIII ст. относительно Полоцкого княжества, по-моему, существовало раньше.

В моем представлении, Беларусь издавна воспринималась как центральная, а, значит, сакральная территория, потому что здесь, среди лесов и болот, арийско-праславянские племена всегда прятались от кочевых этносов Азии, которая, будто вечный двигатель, регулярно, через каждые 300—500 лет, извергала из своего чрева все новых и новых кочевников. В таинственных труднопроходимых дремучих лесах и топких болотах степные, лесостепные народы, наши соседи, спасаясь от тюрок, могли залечивать раны и под защитой местных племен, родственных невров и дреговичей, готовится к новым битвам с очередной воинственной ордой. Болота и леса Беларуси *сохранили восточнославянский этнос*.

Да и сами тюрки здесь спасались. Мало кто знает, что в X веке у местных князей попросилось на постоянное проживание племя выходцев из Азии — так называемых «черных клобуков». Им разрешили поселиться на Полесье, и они свято сохраняли мирный договор со славянами, в конце концов, слившись с ними. Вот почему иногда среди белорусов встречаются вдруг черноволосые люди, с карими глазами. Думаю, они из «черных клобуков».

Если предыдущие мои соображения основываются на проверенных научных фактах и письменных источниках, то последующие — собственно авторская фантазия, опирающаяся на данные косвенные. Я ее позволяю себе потому, что литературовед и тем более мифолог — всегда *интерпретатор*, а в оценке разных фактов, относящихся к духовной сфере, как и в художественной литературе, без воображения не обойтись.

Я полагаю, что на сакральной территории проходили *инициации* юношей. Этот важнейший обряд древности хорошо соотносится с нашей лесистой родиной, поскольку, как доказал самый известный фольклорист XX века Владимир Пропп, инициации всегда проходили в глубине леса, в пуще. Вот почему и волшебные сказки у нас — самые богатые в Европе, поскольку сказка часто имела обряд инициации в виде схемы (Разговор о тайнах сказок — в последующих главах этой работы). Кроме того, речная сетка у нас не только самая разветвленная, но реки текут в разные стороны. И именно они позволяли юношам из окружающих регионов собираться на нашей территории.

От инициаций, *снова-таки, как мне кажется*, у нас и такая развитая курганная культура. В курганах, по народным преданиям, хоронили богатырей, по-белорусски — «волотов», можно сказать, воинов-рыцарей, которые проходили не одно, как обычные подростки, а несколько испытаний, или одно, но чрезвычайно трудное. Белорусская энциклопедия отмечает, что «на Беларуси известно более

6000 курганных могильников». И это в XX веке, после того, как по нашей земле прокатилось столько войн, и тысячи курганов уничтожались!

Я думаю, что частично обряд инициации воссоздан в «Песне о зубре» Николая Гусовского: поединок с самым большим и могучим зверем белорусских лесов, царем пущи, безусловно, сложное испытание. С другой стороны, курган — один из центральных образов, образов-мифологем дореволюционного творчества Янки Купалы. Курган-волотовка является и центром некоторого сакрального микропространства, организуя его, и одновременно земной проекцией той или иной звезды на небе, как убедительно доказал украинский академик Александр Шилов. Он полагает, что связь кургана-могилы со звездой позволяла надеяться на бессмертие богатыря, возрождение его к новой жизни.

Святая, белая, светлая страна, спасавшая от нашествий и готовившая лучшую молодежь к неизбежному противостоянию с вражеским этносом, в древности связывалась именно с нашей землей. И это глубоко укоренилось в сознании людей, как арийцев, чьи сакральные контакты сохранялись и после разрушения этнического единства, так и других автохтонных народов, которые не раз демонстрировали уникальную способность помнить на протяжении тысячелетий мифологические компоненты, полученные от более динамичных, пассионарных, боевитых индоевропейцев. Собственно, похожую гипотезу отстаивал и белорусский энциклопедист Вацлав Ластовский, о чем я писала в предыдущей главе.

Другая часть названия «Беларусь» связана с этнонимом «рус», «рос», который этимологически восходит к общеславянскому, индоевропейскому слову «рудый» в значении «красный» (нем. rot, латинск. russus, франц. rouge, англ. red, санскр. rohita). Красный цвет издавна самый яркий, броский, красивый и в то же время как никакой другой — амбивалентный: символизирует жизнь, радость, взрыв эмоций и одновременно кровь, раны, смерть (но и очищение). «Красный, — пишет известный испанский теоретик символизма Х. Э. Керлот, — цвет пульсирующей крови и огня». Все значения красного, кроме того, связаны с инициацией, предусматривающей очень серьезные испытания для молодых, но зато переводившей их в иной статус, дававшей по существу новое бытие (скажем, разрешение вступать в брак).

Таким образом, название «Беларусь» объединяло в себе понятия «Свет» (Добро) и «Красоту» (Полноту Бытия) и связано, возможно, с особым положением нашей территории в пространстве как центральной. Позволю себе высказать предположение, что наши предки чувствовали или, скорее всего, знали (из каких источников — другой вопрос) о центральном положении нашей страны в определенном ареале.

Назвать страну, как и дать имя человеку, — значит, задать программу ее (его) судьбы. А заданная программа — коллективное бессознательное — определяет менталитет народа и основную духовную тему его искусства.

Проведенный мною анализ произведений белорусских классиков (Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича) с точки зрения тропики показал, что они очень любили употреблять определение «белый» в самых разных сочетаниях, связывая чаще всего эпитеты с облаками, снегом, воздушной белью — туманом. Понятие «красный» в своих самых разных оттенках встречается у них, правда, реже и выделяет в основном не объекты, формы природы (скажем, цветы), а природную стихию — огонь. В цветовых предпочтениях наших писателей, говоря языком естественных наук, как бы соединены воздух (атмосфера) и плазма.

Таким образом, и название страны, и набор определенных тропов классической литературы (а такие тропы имеют *архетипическое значение*) являются отражением двуполярности мира, союза противоположностей — как своеобразное отражение нашего центрального, промежуточного положения.

Славяне-русы организовывали действительность, с одной стороны, под влиянием внешних обстоятельств, понимая их как реалии высшего порядка, а с другой стороны, изменяли их в рамках особенностей своего мироощущения.

Эти процессы неотделимы один от другого, представляют собой *диалектическое единство*, и рассматривать их по отдельности бессмысленно и невозможно, потому что обратная связь существует всегда. В конце концов, нельзя отрицать того факта, что предки белорусов очень рано стали земледельцами, осушив болота и распахав поля, хотя и продолжали ценить лес, считать его кормильцем и дарителем благосостояния.

Лес тянет к одиночеству (белорус отличается самым «закрытым» характером в сравнении с русскими и украинцами) — не такому возвышенному и торжественному, как, например, ощущаются горы, а к одиночеству внутри себя, в глубине. Многие писатели вспоминали, что лучше всего им думалось в лесу. У Петруся Макаля эта мысль выражена очень точно: «У бор, як у тайну, загляну я, // Каб зведаць сапраўдную глыбіню».

Лес архетипически соответствует потаенным глубинам человеческой души, как бы возвращению в чрево матери (лесная пуща — ее мифологическое соответствие). Конечно, пуща пугает, тут легко заблудиться (может леший «водить», можно попасть в трясину к болотнику, или русалки затянут к себе в лесное озеро), но в то же время лес — место спасения в случае опасности («углубиться в себя»). Он двойственный, сказочный, прячет в себе удивительные загадки. Вся литература, все искусство Беларуси связаны с культом дерева и благоговейным отношением к лесу. Николай Гусовский, Ян Борщевский, Адам Мицкевич, Якуб Колас, Кузьма Чорный, Иван Науменко, Борис Саченко, Иван Чигринов, Олесь Савицкий и многие другие творцы восславляли лес, наполненный в белорусской культуре особым философским и эстетическим смыслом.

Лес, деревья в нашей литературе встают в контексте мироведения. Кроме того, современная поэзия и сейчас видит в дереве, как и в любом объекте природы, человеческие черты, человеческую сущность: этот глубинный анимизм — исток бесчисленного множества поэтических тропов. Например: «І шэпт арэшын і травы // У сне мне чуўся імем-словам» (Михаил Стрельцов); «Пра маладосць пяюць бярозы, пра вечнасць — хмурыя лясы» (Олесь Бачило); «У бярозкі, сумнай, // Босай, // Дождж — // Ці слёзы на шчацэ?» (Владимир Мозго). Даже на карте своей конфигурацией Беларусь напоминает лист дерева с прожилками-реками. Таким образом, мой тезис: *белорус — человек глубины, подобной глубине леса.*

Воплощением чудесности всего растительного царства и одновременно символом *глубины и центра* является у белорусов сказочный цветок папоротника. Еще лет двадцать назад я высказала предположение о мифологической сути этого прекрасного образа, но фольклористы Беларуси не восприняли мою идею. По-моему, цветок папоротника — воплощение *надира,* противоположного зениту (цветок вырастал в сакральное время — на Купалье — из центра Земли), и в то же время он — «ночное солнце», так называемое «черное солнце» — то, которое движется ночью под землей с запада на восток и только раз в году способно подняться на поверхность. В белорусской культуре цветок папоротника — не только глубинный, архетипический, в том числе и геософский символ, но и воплощение неразгаданности, таинственности, забытости нашего седого прошлого.

У каждой нации не только свои символы, но и своя *система координат* во взглядах на мир, которая зависит от условий формирования того или иного народа: географического положения, климата, флоры и фауны, а также от исторических событий, которые происходили на территории, заселенной конкретным этносом. Геософский принцип прежде всего имеет в виду *пространственную культуру* народа. Национальный пейзаж — это во многом образ и форма пространственного существования. В свою очередь, пространственная сеть координат проходит, как через призму, через разум и сердце художника. Творец и познает геософию своего народа, и создает ее. Без наших классиков мы бы так полно национальный мир не представляли. Так получилось, что в Беларуси писатели первыми заметили те культурные формы, материальные и духовные, которым народ отдает предпочтение, больше всего ценит, которые закреплены традицией,

и в своем творчестве утвердили эти формы в виде важнейших *этнических образов*. Вообще-то эта естественная функция любого художника, в любой стране.

Белорусские писатели-классики черпали свои силы от Матери-Земли и вековечной народной культуры. Мир живой природы раскрывается в произведениях белорусских мастеров с позиций, прежде всего, *деревенского* человека и его хозяйственной деятельности. Разгадать «Книгу Природы», о чем часто писал Якуб Колас, значит, приблизиться к ней, вобрать в себя. Классики как бы читают «скрижали» ландшафта, всматриваются в разные его проявления, стремятся найти узловую связь между человеком и окружающей средой.

И снова не могу не покритиковать нашу систему образования. Я, мои ученики, и, конечно же, до меня многие другие авторы не раз писали о том, о чем я только что сказала. Белорусская литература, отечественное литературоведение в полной мере и очень поэтично раскрыли особенности белорусской нации, ее искусства, утвердили по существу *национальную идею*. Так почему же педагоги не могут донести все это до детей, показать им красоту своего, родного? Почему суррогатная, пошлая телевизионная, интернетовская культура оказывается сильнее в воздействии на детские умы?

Конечно, стала преобладать городская цивилизация, и от этого словно бы никуда не деться. На самом деле, обратный процесс — из города в село — тоже идет — скажем, в строительстве агрогородков, в популярности, которая приносит коммерческую выгоду, экологических усадеб. И чем сложнее жизнь в городе, а с другой стороны, чем развитее транспорт, а также связь по интернету, тем больше люди будут устремляться на природу. Так, стало быть, не архаика — наше деревенское прошлое. Наоборот, *возможное будущее*. А к нему молодое поколение нужно готовить. Внушать, например (и это давно мною выношенная идея), что занятие сельским хозяйством — самое *интеллектуальное*, потому что учитывает громадное количество факторов, и во всем разнообразное, всегда, каждый день, новое.

Нация, по существу, — большой разросшийся род, причем у рода есть тайная, неписанная обязанность — укреплять связь поколений. Но только в том случае, если народ останется на своей территории, в границах своего «вмещающего» и не испорченного экологически ландшафта. *Единство рода и природы* мне кажется, по большому счету, даже более важным, чем государственность.

Для существования *нации,* тем более в конкурентном окружении, конечно, чрезвычайно необходимо административно-государственное упорядочение. Но *этнос* в принципе не требует даже государственности (этнос и нация — понятия очень близкие, но все же не тождественные, прежде всего, исторически). Этническое единство издревле основано не на искусственно сконструированных юридических нормах, а на самобытных, стихийно сформированных обычаях и свойственных данной общине неосознанных представлениях — архетипах. Карл Густов Юнг назвал их коллективным бессознательным. Они и есть основа оригинальной этнической этики и эстетики. Право как форма общественного сознания и как институт тут не имеет особого значения — этнос в принципе легко может обойтись без судов, милиции, писаных норм, даже без местной и высшей администрации. Потому что у каждого этноса есть так называемые неписаные нормы, законы, свои особые коллективные представления о трансцендентальных ценностях, свои стереотипы поведения, моральные постулаты, важнейшие из которых касаются семьи, родителей, детей, любви. Обо всем этом, сегодня упорно разрушаемом, я писала в первой главе своей работы.

Но нельзя не отметить после этих прекраснодушных заявлений, что государственность в наше время — все же единственная опора и защита представителя любой нации. Всегда и во всем только на государство надежда. Боюсь, что мы наше не очень ценим, как до того не ценили и СССР.

Но и государство должно заботиться не только о правовых нормах и хозяйственной деятельности (что, конечно, очень важно), но и о *смыслах*. Иначе очень

скоро оно просто распадется, не имея никакой скрепляющей идеи. Смыслы, ценности, культурную традицию в широком смысле слова сохраняет и передает молодым поколениям, прежде всего, искусство. *Традиция в литературе* как *важнейшем* из искусств — это то, что лучше всего сохраняет национальный акцент. Сам же национальный акцент — исторически и географически обусловленная характерность.

Стержнем белорусского национального литературного стиля, или классической традиции, я считаю *особые гармонические отношения между человеком и природой.* Я исхожу из того, что белорусы — не государствообразующий, в отличие от русских, этнос, наша энергия всегда была направлена не на создание государственных институтов, а на *сохранение основополагающей гармонии между народом и его землей*. Вот почему первые произведения белорусских классиков, как правило, пейзажноописательные. Природа в них вступает в отношения с миром человека. Во всех случаях она является или нейтральным фоном для показанных событий, или активно участвует в них, или превращается в своеобразного собеседника лирического «я». С пейзажных красот начиналась литература ХХ века. Качественно новый этап в творчестве белорусских классиков наступил тогда, когда Родина стала главным предметом показа и выступала вместе с природой в неразрывном единстве. Это характеризует творчество классиков в период национального возрождения и в 20-е годы уже советского периода. Постепенно пейзаж становился все более выразительным: природа, оставаясь материальной и конкретной, приобретала особое качество духовности. На всех этапах развития белорусской литературы в ХХ веке природоописательный миф, или *геософия в образах*, выступает как базис образности. Это касается не только основателей традиции — Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, Тетки, М. Горецкого, М. Зарецкого, К. Чорного, В. Дубовки, но и М. Танка, И. Мележа, И. Шамякина, А. Кулешова, П. Панченко, В. Короткевича и многих других известных в республике и за ее пределами писателей.

Беларусь — своеобразное глубинно-центральное пространство, которое находится между разными цивилизациями. Это определяет национальную идею, мифологию белорусского этноса — образ ее этического и эстетического идеала, мистики ее существования, ее геософии, своеобразную аллегорическую биографию нации, в которой тело Матери-Земли — пространство этнической территории — приобретает сакральный смысл и закрепляется через чрезвычайно богатую систему образов в классической белорусской литературе.

Бермудский и другие треугольники

Мне не раз приходилось писать о связи национальной литературы с природой региона, ее взрастившего. Да и на каждого жителя Земли оказывает влияние, прежде всего, то место, где он родился и проживает, где укоренились его предки. Однако есть силы и глобальные, порождаемые всей планетой. В самом деле, состояние хозяйства любой державы и самочувствие любого землянина зависит от погоды, которая «готовится» во всемирной ее «кухне» — над Мировым Океаном, занимающим 70 % территории Земли. Например, недостаточная солнечность территории Беларуси обусловлена конкретной «розой ветров», а количество осадков во многом определено теми вихрями, которые формируются, скажем, в зоне Бермудского треугольника.

«Бермудский треугольник» — понятие, которое едва ли не первым из сферы неведомого появилось в лексиконе у нас, молодых, и явилось тем толчком, которое породило страсть к разгадыванию тайн и загадок Земли.

Вообще-то *парадигма таинственности* совсем не характеризует советский менталитет, даже открыто враждебна господствующей тогда идеологии. Ведь считалось, что наука способна все объяснить и доказать, да фактически уже и сделала

это — шла эпоха научно-технической революции. И лучшее подтверждение ее успехов — овладение ядерной энергией и освоение человеком Космоса, лидером в котором являлся как раз Советский Союз. Выработанное в то время безграничное, слепое, некритическое доверие, восторженное отношение к науке сыграло с советскими людьми недобрую шутку, заставляя верить в любую чепуху, типа полетов американцев на Луну или благоденствия *всех* при либеральной экономике.

Тем не менее, молодость немыслима без тайн, без романтики поиска, без порывов в неведомое, нередко получая импульсы от той же науки. Потому с самого начала 1960-х годов в советских молодежных и научно-популярных изданиях все чаще стали появляться материалы о таинственных событиях в зоне Бермудского треугольника.

Бермудский треугольник — район в Атлантическом океане, ограниченный Бермудскими островами, полуостровом Флорида и островом Пуэрто-Рико, с захватом Кубы. На самом деле, всякие загадочные события случались на значительно большей территории, но выше очерченная — максимально насыщена тайнами.

Они начались сразу после открытия Америки. Еще у Колумба не раз отказывал компас, и его моряки наблюдали странное свечение моря. Обосновавшись в Америке, европейские завоеватели, как известно, стали ее грабить. В 1502 году тридцать груженых золотом каравелл отправились из Сан-Доминго в Испанию. Только три из них вернулись обратно. Что стало с остальными — неизвестно до сих пор.

Гибли там суда во все века. Ясно, что большинство катастроф необходимо списать на бури и ураганы, которые тут, кстати, и зарождаются. Но с XIX в. аккуратно фиксируются случаи и необъяснимые. Скажем, стали встречаться корабли, совершенно целые, но без команды на борту. Например, в 1840 году обнаружилось французское судно «Розали» с очень ценным грузом, но без единого человека. Наиболее известен случай с «Мэри Селестой» (1872 г.), тоже покинутой людьми и вызвавшей много толков. Но на самом деле таких фактов и в XIX, и в XX веках зафиксировано множество. Приведу лишь несколько поразивших меня эпизодов.

В 1935 году брошенной оказалась яхта «Ла Дохама», хотя все на ней было в порядке, оставался большой запас продовольствия и питьевой воды. Обнаруживший ее экипаж судна «Ацтек» привез судовой журнал «Ла Дохамы» и поведал миру о дрейфующем судне. Каково же было удивление экипажа «Ацтека», когда моряки узнали, что за несколько дней до их обнаружения пустой яхты, ее команду спас другой корабль, и на глазах у всех «Ла Дохама» погрузилась в воду. То есть она утонула. Тем не менее, ее встретили целехонькой, побывали на ней. Выходит, это был корабль-призрак?

Летом 1965 году в данном районе было обнаружено пять яхт без экипажей, причем в том же месте, где когда-то нашлась без команды «Мэри Селеста», хотя море в обоих случаях оставалось спокойным. Судьба пропавших людей до сих пор неизвестна.

В 1972 году пропал танкер «В. Г. Фогг». Тут же начались его поиски. Нашелся он на дне на глубине 30 метров. Вся команда исчезла. Капитан танкера сидел в своей каюте за столом с чашкой кофе в руке. Почему радист не включил автоматический сигнал «SOS», а капитан не заметил гибели собственного судна, и куда девалась команда, непонятно.

Мистика нарастала. С увеличением воздушных перевозок над акваторией Атлантического океана стали пропадать самолеты. Собственно, зарождение легенды «Бермудского треугольника» произошло с момента необъяснимой до сих пор пропажи шести самолетов военно-морских сил США в 1945 году. Пять самолетов-торпедоносцев «Эвенджер» («Мстители») отправились в обычный рейс. Всего полетело 15 человек, а один, кому надлежало лететь, что-то почувствовал и остался на Земле. Погода была нормальная, солнечно, на небе ни облачка. Через полтора часа полета командир эскадрильи передал странное сообщение: «У нас аварийная обстановка! Очевидно, сбились с курса, Мы не видим земли, повторяю, мы не видим земли. Все смешалось. Даже море выглядит как-то необыч-

но...» Последующие сообщения тоже оказались непонятными. Летчики были охвачены паникой и не видели даже солнца. Все компасы, кажется, вышли из строя, поскольку их стрелки «плясали» и показывали разные направления. Радиосвязь затухала. О последних словах командира до сих пор спорят. Радиолюбители сумели расслышать: «Похоже, что мы вроде... Нас обволакивает белая вода. Мы заблудились...» Немедленно была объявлена тревога, вылетел поисковый гидросамолет с 13 спасателями на борту. Но и он также исчез навсегда.

Конечно, пропавшие самолеты искали не раз. Даже якобы обнаружили в 1998 году пять остовов, лежащих близко друг к другу на дне. Но бортовые номера не совпадали с теми, что пропали в 1945 году. С другой стороны, найденные под водой нигде не числились. Откуда они взялись?

Как и в любой стране, все, что связано с армией, в США не афишируется. Потому впервые о пропавшей эскадрилье написали в 1950 году. А соответствующий район стал называться «Бермудским треугольником» только через десять лет. И началась настоящая вакханалия — печатание страшилок, которыми и мы, молодые, зачитывались с замиранием сердца.

В районе пропадали не только военные, но и пассажирские самолеты. Например, в 1948 году испарился самолет, летевший из Пуэрто-Рико в Майами. Погода была отличная, все шло нормально, борт уже подлетал к аэропорту, летчик переговаривался с диспетчером, но вдруг замолчал. Все произошло мгновенно и непонятно. От самолета и 27 пассажиров не найдено никаких следов, как и от малайзийского в 2014 году. Так же бесследно пропал американский самолет с 57 пассажирами на борту в 1950 году.

Иногда самолеты не пропадали, но попадали в экстремальные ситуации. Так, в 1964 году над островом Андрос у самолета отказал автопилот, компас, все приборы и очень интенсивно светились крылья. Такое состояние продолжалось пять минут. Но опытный пилот сумел выправить машину и благополучно довести до аэропорта.

Случай с гибелью советского громадного «Антея» в 1970 году я сама хорошо помню — о нем сообщалось в СМИ, хотя это был большой удар по престижу Советского Союза, тогда — лидера в производстве самолетов. Чудо техники «Антей» летел через Атлантику в Перу, везя медицинское оборудование для пострадавших от землетрясения жителей этой страны. Что стало с гигантом, до сих пор неизвестно.

В 1978 году официозная партийная «Правда» писала: «Говорят, что в наш век не осталось тайн, кроме тайны Бермудского треугольника...» На самом деле, тайн оказалось бесчисленное количество. Но советская «Правда» признала только одну, от которой никуда не деться. Действительно, с 1840 года, когда начался отсчет, пропало около 200 летающих и плавающих средств (кроме кораблей и яхт, исчезали подводные лодки). Причем 15 судов обнаружены в прекрасном состоянии, со всем содержимым, но без экипажей. За последние четверть века в районе погибли или пропали без вести более 1000 человек.

В то же время район Бермудского треугольника — один из самых активных в смысле судоходства и воздушного сообщения. Только морских рейсов здесь проходит не менее 200000 в год. Тут подолгу работали советские научные корабли, и ничего с ними не случалось, хотя и были зафиксированы, как мне сейчас помнится, некоторые аномальные явления: необычная белизна воды, световые вертикальные сполохи, редкое оптическое явление — «зеленый луч», странные миражи (когда солнце одновременно восходит на востоке и на западе) и другие.

К тому же ради объективности следует сказать, что в СССР появлялись не только пугающие и интригующие публикации, но и высмеивающие «тайну». Переводились на русский язык даже разоблачительные книги, например, «Бермудский треугольник: мифы и реальность» Лоуренса Давида Куше, который для 90 % описанных в литературе случаев нашел рациональные объяснения. Правда, 10 % случаев все же остались необъясненными...

Упомянутый мною в предыдущих главах российский популяризатор науки А. И. Войцеховский в книге «Загадки Бермудского треугольника и аномальных зон» (2000 г.) загадок не отрицает и подходит к проблеме очень взвешенно. Он отмечает некоторые физические процессы в земных недрах, в океане и в атмосфере, которые могут породить тайны региона. Так, говорит он о «голосе моря» — колебаниях инфразвуковой частоты, возникающих на границе волн и воздуха, обычно во время бури (но проявляться они могут далеко от места бури, распространяясь со скорость 1200 км в час). Такие колебания вредны (частота в 7 Гц — смертельна) для мозга человека — ему не просто некомфортно, а возникает ощущения страха, ужаса или невыносимой головной боли, от которой люди, возможно, даже бросались в море. Об этом явлении часто писали еще в советское время. Появлялись на эту тему даже научно-фантастические произведения. Именно воздействие инфразвука могло бы объяснить покинутые экипажем суда.

Уже после развала Советского Союза, особенно после расстрела президентом РФ Б. Н. Ельциным собственного парламента в 1993 году, сообщалось об изобретенных в недрах Пентагона инфразвуковых генераторах, излучения которых успешно применялись для нагнетания агрессивного настроения в толпе, в частности в Москве 1991 и 1993 годов, или же паники на поле военных действий, например, в Ираке, когда войска иракцев оказались вдруг охвачены необъяснимым страхом и бежали. Доказывать существование и использование таких пси-генераторов никто не стал (что понятно), однако их существование вполне реально.

Тем не менее, всех загадок Бермудского треугольника «голос моря» не объясняет. Отношения Мирового Океана с атмосферой очень противоречивы и слабо изучены. Тут идут процессы невероятные по масштабам, по разнообразию и причудливости проявлений, фантастической сложности. Не случайно именно здесь ищут затонувшую Атлантиду. Здесь же находится удивительное, без берегов, Саргассово море с его гигантским водоворотом и роддомом для угрей. Здесь зарождается течение Гольфстрим, обеспечившее исторический расцвет Западной Европы. Но здесь же (чуть южнее) формируются и ураганы, которые наиболее разрушительными оказываются для США. Немало страниц своей книги А. И. Войцеховский посвящает как раз атмосферным процессам — вихрям, смерчам, бурям. Он пишет: «В этом районе смерчи случаются такие, что бывалые моряки враз седеют». Причем возникают они мгновенно и на очень небольшом «пятачке». Естественно, поэтому навигационная обстановка тут невероятно сложная.

Однако почему именно в данном регионе происходят такие неоднозначные процессы на границе воды и воздуха?

Объяснений множество. Есть и мистические — куда без них в наше время! Так, упорно проталкивается версия, изложенная «спящим пророком» Эдгаром Кейси, о некоем огромном на дне океана таинственном кристалле, оставшемся от Атлантиды, мощная энергия которого портит навигационные приборы. Вообще Атлантида фигурирует в разных гипотезах очень часто. Якобы атланты уцелели и живут на дне океана. Модной является и версия инопланетян. Их механизмы негативно воздействуют на соответствующие земные. В самом деле, приборы здесь часто выходят из строя. Но если в Бермудском треугольнике это в основном техника судов и самолетов, то в южной части Атлантического океана недавно обнаружилась магнитная аномалия, которая отрицательно воздействует на приборы спутников и прочих космических аппаратов.

Дело, как мне кажется, в самой структуре дна Атлантического океана. Здесь много необычного. Например, так называемые «синие ямы» в районе Багамских островов. Там же, кстати, якобы обнаружили мощеную дорогу, остатки порта, которым не менее восьми тысяч лет, и другие сооружения. Однако всегда находятся и скептики, которые любые находки объясняют естественными причинами. Так, дорога у Багам, о которой так много шумели, — будто бы трещины, оставшиеся после сейсмической разведки нефтеизыскателей. Говорят и об открытии вблизи Бермудских островов подводной пирамиды, и снова-таки — это зыбко,

недоказуемо, поскольку в наше время можно подделать любые фотографии, и ничему веры нет.

В конце 1970-х годов редакция журнала «Техника — молодежи», очень мною любимого, устроила дискуссию о загадках Бермудского треугольника. Было высказано немало интересных версий. Вообще творчество в среде молодежи тогда было очень распространено. А общались чрезвычайно активно и без интернета, вот именно через научно-популярные журналы. Кстати, журналы же устраивали и различные презентации, конкурсы, соревнования, например, моделистов, изобретателей разных необычных автомобилей, роботов. Очень многие наработки я узнаю сегодня, только, как правило, они приходят к нам с Запада (у нас украдены или туда проданы в конце 1980-х и в 1990-е). На самом деле, в СССР творческая мысль бурлила. В том числе в области теории (но мало кто заботился об утверждении своего приоритета).

Наиболее меня впечатлила одна гипотеза, о которой я помнила все последующие годы. Она основывалась на исследованиях американского ученого А.Т. Сандерсона, который изучил все аномальные зоны и наложил их на широтно-долготную сетку Земли. Оказалось, что аномалии происходили в определенных точках, удаленных друг от друга на 72 градуса. Всю поверхность Земли А.Т. Санлерсон разделил на 10 *треугольников*, вершины которых и оказались загадочными. Правда, американец подробно описал только два таинственных места — Бермудский треугольник и так называемое «Море дьявола», расположенное между Японией, северной частью Филиппинских островов и островом Гуам, принадлежащем США. Данный регион находится точно напротив Бермудского треугольника, только в другом океане, на противоположной стороне планеты. Тут также внезапно начинаются бури, возникают смерчи или мертвая зыбь, также пропадают суда. Но это область с ее катаклизмами более-менее объяснима. Она — в зоне мощных разломов земной коры, активности многочисленных подводных вулканов.

Позже я узнала, что советские исследователи-энтузиасты Н. Гончаров, В. Макаров и В. Морозов еще в конце 1960-х годов, то есть до А. Т. Сандерсона, выдвинули версию о силовом каркасе Земли, которая не является идеальным шаром, а представляет собой кристалл — совмещение икосаэдра из 20 треугольников и додекаэдра из 12 пятиугольников. На их ребрах и вершинах концентрируются полезные ископаемые и разные необычные области — «места силы» и негативные аномалии. Авторы версии назвали открытую ими систему икосаэдро-додекаэндрической структурой Земли (ИДСЗ). Особенно меня заинтересовала и восхитила привязка ИДСЗ к центрам цивилизаций. С того времени и я думаю над этим вопросом, о чем хотела бы в дальнейшем рассказать.

В моем очень примитивном изложении суть теории ИДСЗ такова: при формировании планеты ее энергетические связи образовали определенную структуру, но гравитация придала Земле, как это произошло и с другими объектами Солнечной системы, шарообразную форму. Может быть, силовой каркас, вписанный в шар, как-то давит на последний, и это является движущей силой в развитии планеты, сообщает ей вращение? А на каркас, в свою очередь, воздействует ядро Земли, которое растет. На самом деле, что с ним происходит, никто не знает, но, вполне может быть, что растет. Мне даже кажется, что оно в последнее время деформируется и смещается. На это указывают косвенные данные. Так, в апреле 2012 года раскололась индо-астралийская плита, и ее части начали расходиться. А магнитные полюса также сдвинулись с места. Северный магнитный полюс, который находится в Канаде, устремляется в сторону Сибири, причем все быстрее и быстрее: в начале XX века его скорость была 15 км в год, а сейчас уже более 60 км, и продолжает увеличиваться. В итоге магнитный полюс передвинулся на 1500 км. Все ученые в один голос говорят, что это — явный знак близкой переполюсовки. А она чревата непредсказуемыми последствиями. Магнитное поле становится все более неоднородным.

Участившиеся землетрясения и извержения вулканов — тоже показатель неблагополучия с Землей. Особенно опасное положение сложилось с чудовищным супервулканом под Йеллоустонским национальным парком в США. Там в 2014 году все больше прогревается почва, и район покидают животные — показатель очень характерный. Власти стараются избегать паники среди населения, умалчивают об угрозе, но расположенные вблизи подземные ракетные комплексы от греха подальше удалили. Взрыв супервулкана в Йеллоустоне будет означать ядерную зиму для всей планеты...

Возможно, ее сейсмоактивность связана именно с ядром. На него могут действовать процессы, происходящие на поверхности Земли, например, бездумное выкачивание ее «крови» — нефти и газа; либо проявляется возросшая активность солнца; либо происходит «перескакивание» нашего «шарика» на новую орбиту, что в истории случалось не раз. Но, скорее всего, как мне кажется, дело — в масштабных космических причинах.

В суете повседневности мы забываем, что Земля вместе со всей Солнечной системой движется (даже несется) в Галактике вокруг *некоторого звездного центра*, проходя полный оборот за 25920 лет (так называемая *прецессия*). Причем описывается, на самом деле, не круг, а эллипс. Потому дважды на протяжении цикла Солнечная система находится на максимальном удалении от центра. Сейчас, видимо, в наиболее удаленной точке, где космические условия самые неблагоприятные; энергии от некоего, нам неизвестного, источника, принуждающего вращаться родную нам систему, поступает меньше. Вообще мы совсем не представляем, что может происходить в дальнем космосе, потому что освоили пока только ближний. А всяческие наукообразные, «шибко умные» рассуждения о «Большом взрыве», «кротовых норах», «червоточинах», «реликтовом гравитационном излучении», «бозонах Хиггса», за что люди даже Нобелевские премии получают, по-моему, не что иное как художественная литература, а вовсе не наука, потому что вся сплошь — на фантазии. Тоже дело хорошее, только не нужно спекуляции выдавать за истину. Какая-нибудь индийская мифология к истине гораздо ближе. Или то, что заявляют романтики от науки, непризнанные и осмеянные, не претендующие на премии. Так, они отмечают повторение возможных катаклизмов через каждый 12,5—13 тысяч лет, то есть на половине цикла прецессии, именно в месте наибольшего удаления от центра. Как раз 12000 лет назад Всемирный Потоп и случился. Впрочем, его уже и официозная наука сквозь зубы признает.

В советское время о теории ИДСЗ, из которой я вывожу собственные умозаключения, писали часто, потом она забылась. А между тем воздействие внутренних сил земного ядра на другие сферы Земли очень мощное. Хотя проблема, конечно, требует многих и многих исследований всего, что происходит в недрах планеты. Но складывается впечатление, что изыскания в этом направлении, наоборот, за последние двадцать лет резко затормозились. Так, в России из-за недостатка финансирования была закрыта Кольская сверхглубокая буровая скважина, уникальная, единственная в мире, которая пробивалась в недра Земли и дошла до отметки 12 км. Приостановив проект, власти РФ 1990-х годов придумали даже какие-то мистические для этого варварства обоснования, чуть ли не наличие ада, до которого якобы добурились. А на самом деле причина очевидна: новому буржуазному режиму России знание процессов, происходящих внутри планеты, совсем не нужно: олигархи снимают вкусные пенки с природных богатств, прежде всего, с нефти и газа, и знают, что на их век хватит. А там — хоть трава ни расти...

Вечная человеческая страсть к познанию... То, что сегодня совсем не ценится. А между тем, любое знание, в конце концов, приносит практическую пользу. И правы романтики, которые уверены, что Земля — живая, и указывают на проявления ее специфического разума, на то, что она словно *взывает изучать ее*. Взять хотя бы круги на полях. Или самый последний пример. В середине июля

2014 года на полуострове Ямал обнаружили чудовищных размеров дыру в земле. Она настолько глубока и огромна, что несколько вертолетов могли бы вместе опуститься в нее. Да только никто не осмелится. Вид провала так страшен, что даже при виде его на телеэкране оторопь берет. Метеориты такую глубокую яму раньше не пробивали. Да метеорит таких размеров зафиксировали бы — хотя бы со спутников. Ямы в последнее время образовывались не раз — в Китае, Венесуэле, Польше — но все же не таких громадных размеров. На момент написания данной главы ученые около нее только-только появились. Они предполагают, что энергия провала шла изнутри.

Под поверхностью Земли — свой «космос». Разные, совсем неизвестные нам энергетические и механические процессы происходят в ядре, мантии, коре. Причем есть версия, что и ядро имеет свою структуру, состоит из внутреннего ядра и ядра внешнего, а кора располагается как поверху мантии, так и понизу ее. Ядро может вращаться иначе, чем мантия, и именно благодаря этому эффекту динамо-механизма и возникает геомагнитное поле Земли. Оно же, в свою очередь, определяет динамические процессы во всех сферах, вплоть до ионосферы и тропосферы.

Сегодня некоторые ученые считают, что и северное сияние образуется внутри коры, вырываясь на поверхность. О подобной же версии относительно Тунгусского феномена я говорила в одной из напечатанных ранее глав. В 1977 году моряки и ученые советского океанографического судна «Виктор Бугаев» в зоне Бермудского треугольника наблюдали вертикальные световые столбы, выходящие из воды и уходящие в небо. В 1996 г. в карельском лесу в одну из августовских ночей лесник шел по просеке домой. Неожиданно в небе что-то вспыхнуло, земля затряслась, загудела, и появился светящийся шар. На следующий день оказалось, что на этом месте земля оказалась как бы взорванной изнутри, деревья выворочены. При подходе к вывалу людям становилось плохо, собаки туда не шли. Таких фактов довольно много.

Сошлюсь на еще один пример, на собственную версию одной из самых интригующих загадок послевоенного советского времени — гибели экспедиции Игоря Дятлова.

Это случилось зимой 1959 года. Группа студентов-лыжников из туристического клуба Уральского политехнического института под руководством опытного инструктора Игоря Дятлова, студента того же института, отправилась в поход по Северному Уралу. Их было десять человек, но один в пути заболел и вернулся домой. Таким образом, осталось девять, из них две девушки. Группа должна была пройти на лыжах 350 километров и совершить восхождение на гору Ойко-Чакур. Пройдя часть маршрута, ребята остановились на ночлег у безымянного перевала, на открытом склоне горы Холатчахль, что в переводе с мансийского означает «Гора Мертвецов». Здесь что-то случилось. Студенты на базу не вернулись. К их поискам приступили только через две недели, и искали десять дней, пока большая поисковая экспедиция не обнаружила разрезанную изнутри палатку и трупы погибших, почему-то оказавшиеся далеко внизу по склону горы (причем не всех нашли сразу). Кроме одного, остальные были в одних носках и полураздетые, с разными видами травм. Общее впечатление: ребята чего-то страшно испугались и в панике покинули палатку в 25-градусный мороз. Все замерзли в ту же ночь, 1 февраля.

Дело было громкое, им занимались лучшие следователи, в частности, опытный Александр Иванов, и курировалось оно из самого Кремля. В заключении по делу отмечалось, что студенты погибли от воздействия неизвестной силы.

С тех пор немалая группа энтузиастов не устает перебирать самые разные варианты гибели ребят.

Я встречала рассказы о «перевале Дятлова» (так стали эту трагедию называть) на протяжении десятилетий, в разных изданиях, и для каждого времени, каждого исторического периода, была характерна своя версия происшедшего.

То есть советская пресса не замалчивала таинственное событие, но, естественно, искала рациональные объяснения. Правда, в последнее время об этом случае заговорили особенно активно. В 2013 году был снят российско-американский художественный фильм «Тайны перевала Дятлова» с совершенно несусветной версией, основанной, как и следовало ожидать, на происках жутких советских спецслужб. Синхронно на российском телевидении появился фильм документальный, постановочный, в 2-х сериях. Видимо, документальный фильм, сделанный гораздо добротнее, был сотворен специально, чтобы подогреть интерес к художественному. Но последний прошел по экранам, оплеванный зрителями, поскольку, кроме абсолютно бредового сюжета, содержал и невероятное количество ляпов — исторических и бытовых. Правда, интерес к самому факту реанимировался.

Целую зиму мы с дочерью Марией сидели на соответствующем сайте, где помещены не только многочисленные статьи, но целые книги, а в них маршрут ребят прослежен буквально по минутам, исследованы их биографии, характеры, интересы, скрупулезно описано состояние одежды, палатки, тел.

На сайте есть и форум «Перевал Дятлова», где обсуждаются разные версии случившегося. Тут я заметила такую закономерность. Форум посвящен, конечно, прежде всего, группе погибших ребят, но и другим таинственным случаям. Однако зимой и весной 2014 года, кроме пропажи малайзийского самолета, в основном обсуждали положение в Украине. Я сначала недоумевала: конечно, сама по себе гражданская война в соседней стране — великая историческая драма, но что в ней таинственного? Потом поняла, что люди взволновались не зря, мы с Машей и сами активно участвовали в дискуссии: слишком невероятно все происшедшее, словно со значительной частью нации *что-то* стряслось. А подобное поведение, конечно же, не отнесешь к ординарным событиям.

В объяснениях случившегося с группой Дятлова, в конце концов, вырисовалось несколько версий. Сход лавины. Большинство ее отвергло, причем еще в советское время. Участие народа манси оспорили тогда же, сразу (вообще к малым народам в СССР относились бережно и ни в коем случае старались их не обижать). Следов животных нет. Кстати, я задалась вопросом: а почему трупы не повреждены животными — ласками, лисами, волками? Никто мне не ответил, хотя на форуме дискутируют сотни людей, по всему видно, думающих и хороших специалистов. Сама я недоумеваю. Была и гипотеза снежного человека, также отвергнутая. Меня привлекла шпионская версия, поскольку в этом случае всегда ждешь хорошо разработанного сюжета. Однако, к моему сожалению, она оказалась мало доказательной.

Очень много публикаций посвящено таинственным шарам, которые видели до и после случившегося с экспедицией. Местные жители заметили их над той самой горой как раз в ночь трагедии. На последнем фото ребят (а у них имелись очень хорошие фотоаппараты) также видны непонятные световые шары. В те дни отмечались и помехи в эфире. Значит, явно наблюдалось какое-то электромагнитное или звуковое воздействие. Следователь Иванов, который жив до сих пор, склоняется к версии инопланетян. Ну, куда же без них! Однако я думаю, что его версия прикрывает какую-то другую, о которой следователь знает или догадывается, ясно, что он — самый осведомленный. Потому создатели упомянутого мною документального фильма и авторы некоторых публикаций полагают, что властям и тому же следователю было что скрывать: произошла авария с ракетой-носителем, запущенной с космодрома Бойконур. Основание? Странный цвет кожных покровов ребят — лиловато-оранжевый.

Это тоже *знак времени* — причиной любых трагических событий объявлять деятельность жуткого тоталитарного государства, в основном военного ведомства и спецслужб. Однако участников форума эта версия все же не удовлетворила. Мы все вместе продолжаем искать дальше.

В одном из современных журналов мне встретилось объяснение, связанное с плазмоидом. Солнце выбрасывает сгустки плазмы, они в считанные минуты достигают нашей планеты и поселяются в ионосфере, влияя на физическое состояние людей, животных и работу приборов. Плазмоиды не изучены, они, судя по всему, разные. Некоторые из них по линиям магнитного поля спускаются ниже, в атмосферу, здесь сгущаются, приобретают вид, например, шаров и крайне негативно воздействуют на все живое. Как раз «Гора Мертвецов» имеет нестабильное магнитное поле, которое является своеобразным тоннелем для плазмоидов. Возможно, потому гора так страшно и названа — народ приметлив (я вообще верю во все, что исходит от народа, вплоть до суеверий). Кроме того, именно зимой 1959 года произошли сильнейшие энергетические выбросы на Солнце и, соответственно, магнитные бури.

Это объяснение близко к правде. Но может быть и несколько иное, еще более сложное. Лет сто назад геофизики всерьез обсуждали теорию «подземной грозы». Но затем она была забыта. В начале 1970-х годов о ней вновь заговорил профессор Томского политехнического института А. А. Воробьев. Он считал, что во время «подземной грозы», как и во время обычной, генерируются определенные колебания. Они могут стать предвестниками землетрясений и других явлений на земле и в небе.

Исходя из этой теории, я решила, что «подземная гроза» обусловлена *тектоническими процессами*: блоки земной коры сходятся, наползают одна на другую, взаимодействуют. Это происходит там, где в земной коре много трещин, например, на территории Беларуси, расположенной на краю Русской платформы (вспомним горячую воду в колодце). Однако также и на Урале, где случилась трагедия со студентами. Уральские горы — очень древние, образовались 300 миллионов лет назад. Урал называют «меридианом, вставшим дыбом», то есть здесь произошло мощное столкновение плит, часть материи которых даже выпятилась наружу, образовав такого рода складчатость. Притом процессы продолжаются, поскольку, как оказалось, Уральские горы до сих пор растут. И, кстати, Ямал, где сейчас образовалась жуткая яма, там недалеко.

Это объяснение геологическое. Но есть и геофизическое. При трении блоков нарушаются молекулярные связи, «содранные» с атомов электроны образуют в пластах так называемые теллурические токи. В результате под землей сильное электрическое напряжение. И это один из полюсов гигантского конденсатора. Другой полюс — ионосфера. И если напряженность электрополя достигает критического порога, следует «пробой». Он был в случае Тунгусского чуда в 1908 году, причем странные атмосферные явления зафиксированы перед тем уникальным событием даже у нас в Беларуси. В других случаях возникают «ведьмины круги» на полях, вывалы леса, провалы, феномены, названные НЛО, и подобное.

Всю эту информацию я собирала по крупицам. Особенно поразила где-то вскользь упомянутая фраза, что после подобных случаев, «пробоев», находили трупы людей с лиловым или шоколадным оттенком кожи. Но цвет кожи — один из главных аргументов отравления группы Дятлова ядовитым горючим из потерпевшей аварию советской ракеты! Однако, как видим, может быть и иное, естественное, объяснение данного факта.

В последнее время вместо термина «подземная гроза» появилось более научное — «тороидальные смерчи», которые считаются загадочным гибридом свернувшегося в кольцо линейного вихря, шаровой молнии и исходящего из недр земли излучения. Все это совершенно не изучено. А изучать обязательно надо, потому что с нашей планетой *что-то происходит*, она все больше напрягается, словно к чему-то готовится. Стало быть, и нам не мешало бы подготовиться, а не предаваться бездумно сумасшедшей политике и всяческим удовольствиям.

Продолжение следует.

ДМИТРИЙ РАДИОНЧИК

Искусство и либеральная идея

Часть 1. Искусство

Не так давно Европа стала свидетелем одного трагического события, которое буквально повергло в шок европейскую общественность. По крайней мере, адекватную ее часть. У нас интерес к этому происшествию, если и наблюдался, то, по европейским меркам, совсем незначительный. 21 мая 2013 года французский писатель и историк Доминик Веннер застрелился у алтаря Собора Парижской Богоматери, средь бела дня, прямо на глазах сотен людей. Своим самоубийством он хотел выразить протест против легализации во Франции однополых браков, о чем говорилось в найденных при нем предсмертных посланиях. Закон, легализующий во Франции однополые браки и позволяющий гомосексуальным парам усыновлять детей, вступил в законную силу 18 мая. Кто-то может парировать: какое отношение к нашим белорусским реалиям имеет вызывающий поступок экстравагантного француза? Ведь однополые браки нам в обозримом будущем не грозят... Что поделаешь — наше информационное пространство абсолютно открыто и вмещает в себя многое, с чем порой нелегко справиться сознанию наших сограждан. Столько неясного происходит вокруг, и отгораживаться от происходящего все труднее. Глупо отгораживаться. Потому как наша с вами хата не с краю, а расположилась в самом центре европейско-евразийских перекрестков. Чтобы не прослыть изгоями или хуже того — не дай бог, не выказать свою нетерпимость к происходящему, белорусам приходится демонстрировать всю толерантность, на которую мы способны. Для верного понимания всех глобальных тенденций одной информированности сегодня уже недостаточно. Требуется вдумчивый анализ. Лично я до сих пор так и не смог объяснить моей пожилой маме, что такое «гей-парад». Ну, со словом «парад», разумеется, проблем не возникало. А вот дальше начинается темный лес...

Прежде чем объяснять что-либо другим, попробую сам подробно разобраться в некоторых особенностях совместного проживания в непредсказуемом и противоречивом современном мире. Постараюсь быть последовательным в рассуждениях. Нам выпало жить в эпоху падения запретов, открытия границ: государственных, административных, нравственных... Последние десятилетия прошлого века для постсоветского пространства можно назвать эпохой радикальных геополитических изменений. Проще говоря, эпохой бедствий. И если бы все ограничивалось сферой геополитики, я не стал бы вслух говорить об этом, чтобы не отнимать хлеб у политологов и лишний раз не будоражить умы темой, на первый взгляд, избитой. Однако, хотелось бы поразмыслить о другом — о роли искусства в контексте становления новейшего миропорядка. Все новое всегда интересно. Метаморфозы общества — это процесс продолжительный, поэтапный, и интерес к нему то и дело вспыхивает с новой силой. Нам, людям творческим, заинтересованным, жить в момент тектонических сдвигов в плоскости мироустройства и, как следствие, переворота общественного созна-

ния, можно сказать, несказанно повезло. Потому что, относя себя хоть каким-то боком к армии служителей обществу, мы испытываем живой интерес ко дню грядущему. Мой интерес направлен к той новой модели системы человеческих ценностей, которая у нас начала заявлять о себе примерно три десятилетия назад и, без сомнения, требует досконального анализа. Этот интерес можно сравнить с любопытным взглядом в перископ субмарины, с полным недоумения и дезориентации выражением на лице путешественника во времени... Но есть у моего интереса к происходящему в умах современников и чисто практические резоны.

Важнейшей функцией искусства является функция построения коммуникативного моста между народами и цивилизациями, между эпохами и поколениями. Универсальный язык искусства — эстетика. Посредством удовлетворения эстетических потребностей человек преодолевает духовный голод, обогащает свой путь земной идеалами, высокими устремлениями, неустанно совершенствует себя как биологический вид. Диалог культур уж которую сотню лет обеспечен участием образа, символа, художественного слова. У литературы всегда было много второстепенных и побочных задач. В информационном космосе литературе отводится совершенно уникальная роль — средства социальной идентификации, нравственной навигации, так сказать. Иными словами — как общество мы есть то, что есть наша литература. Мы — то, что мы пишем, тиражируем и то, что мы читаем. Ибо в триединстве литературного процесса во все времена лежит портрет, образ человека — человека-творца, человека-героя и человека-читателя, ценителя искусства слова. Инфопространство и литература. Материк и остров? Сегодня, скорее, нечто целостное, единое.

Если под эстетикой подразумевать внешнюю оболочку, фасад творения, что в таком случае олицетворяет душу искусства, вдохновленную волей творца? Если за эстетикой закреплена формальная функция произведений искусства, что же тогда играет глубинную роль их содержания? Массу вопросов ставит перед нами текущий момент. Все они синонимичны, взаимосвязаны. Потому что литература была и остается не только способом художественного отображения нашей с вами действительности, но и мощнейшим средством воздействия на действительность. Проникая в сознание, многие произведения способны повлиять на манеру человека мыслить, совершать поступки, творить собственную жизнь, обустраивать общество. Законы человеческого сосуществования получают свое преломление в замыслах произведений. И даже фантастика отнюдь не лишена связей с сегодняшним днем, с насущными проблемами и темами из разряда животрепещущих. Замысел произведений, даже априори лишенных ориентации на реализм, характеризуется условиями бытования культуры художественного слова на соответствующем отрезке истории. Культура художественного слова находится в прямой зависимости от сознания автора, от его мировоззрения. Следует также учитывать эмоциональный потенциал, которым снабжает автор свое детище. Творец делится с нами не только идеей, мыслью, но и чувством. А все это — обязательные, вечные категории, без которых немыслимы ни само искусство, ни способность человека его воспринимать. Искусство дарует нам непреходящие ценности эстетического толка, которые кладутся в конечном итоге в основу того, что принято считать духовным потенциалом народа, его иерархией ценностей. Эта иерархия ценностей колеблется в том или ином направлении в процессе нравственных исканий, самопостижения, самоопределения общества. Чрезвычайно актуальными во все времена выглядят постулаты известных фантастов братьев Стругацких из романа «Трудно быть Богом»: «Никакое государство не может развиваться без науки — его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей».

Как видим, братья Стругацкие, абсолютно точно владеют оценками *насущных* общественных реалий. В мудрости суждений, идеологической прозорливости им не откажешь. А значит, жанровое мышление никак не ограничивает социальную остроту литературы.

Искусству сегодня выпало сыграть роль не только общественной трибуны, но и роль зеркала. В момент разрушения прежних социальных устоев существует два варианта дальнейшего развития событий. Либо общество способно оправиться и воспрянуть духом, возродиться из хаоса, либо ему уготован весьма непривлекательный сценарий, известный из истории как «времена смуты». И все это — глядя на свое отражение. Когда разрушался советский уклад общественной модели с ее идеологической иерархией, нашему искусству сначала пришлось пережить смуту с густым туманом новых веяний. Затем наступила и продолжается пора некоего ренессанса, которая по всем признакам не слишком отличается от трудных времен. Я бы сказал, трудные времена нашей культуры обрели иной, более оптимистичный оттенок. И пускай это такой аутотренинг, самовнушение, а местами и попытка самооправдания. Когда я говорю «культура», я не собираюсь лукаво лавировать среди понятий. Культурный человек в моем представлении это человек, способный давать более-менее правильную оценку себе и окружающим. Невозможно отнести к культурным людям всех забывших еще сравнительно недалекое прошлое. Отсюда, национальная культура в целом может пониматься как способность объективной самооценки народа в его багаже ценностей — истории, образовании, искусстве... Путем творческого, художественного, философского переосмысления ценностям материальным также отводится роль составного звена духовного потенциала народа. Нация отличается от своего антипода, то есть от порождения хаоса смутных времен, а именно — от толпы, тем, что быть ее частью более-менее комфортно, а главное, безопасно — нет риска быть затоптанным. И здесь чрезвычайно важна воспитательная, упреждающая способность воздействовать на умы, присущая искусству словесности; искусству в целом. Понятие «искусство» также не застраховано от кривотолков. Что только им не называют... Но понятию «искусство» в первичном значении не нужны и даже мешают новые качественные определения. Если бы наша молодежь в свое время проявила искренний интерес к искусству в исконном, лишенном всяких метафорических коллизий смысле, возможно, социально-психологическиий портрет современного белоруса от этого бы только выиграл.

Для нашего совместного будущего под одной социальной крышей чрезвычайно важен нравственный облик представителя народа. Над ним принято подтрунивать («обликоморале» и т. п.); о нем говорено немало, а потому уже не всегда интересно и увлекательно. Вспоминается что-то из тех скучных нравоучительных бесед на классных часах, когда учебный день уже исчерпан, по телевизору футбол, в клубе дискотека, а тут надо выслушивать разглагольствования о нравах... Да и нравы эти принято было делить на наши и не наши, как и многое в те времена. Так и говорилось многозначительно: «их нравы»... Вся общественная формация представала в образе системы оппозиций: наш — не наш, свой — чужой, добро — зло... И сегодня последствия этой советской общественной доктрины нет-нет да и напомнят о себе, что весьма неслучайно. Последствия прошлого имеют продолжение в настоящем. Упущенные из внимания, бесконтрольно развиваясь, мутируя, они могут всем нам серьезно навредить в будущем.

Можно сколько угодно бросать камни в огород советской системы образования, пытаясь сегодня оценить ее результаты в сфере воспитания личности. Можно вспомнить такой претенциозный и потом канувший в Лету школьный предмет, как этика и психология семейной жизни. Ясно одно: мы, худо-бедно окончившие восьми- и десятилетки тогда, в советский период, сегодня представляем из себя, слава богу, народ. А не что-либо иное. Ведь тогда в восьми-

десятые годы еще совсем свежи были в памяти наших отцов и тем паче дедов самые сокровенные, героические страницы истории. Еще прочны были в сознании незыблемые идеалы. Пафос, с которым я сейчас пытаюсь говорить об этом, неизбежен. И, надеюсь, оправдан. Оправдан чувством внутреннего трепета и уважения, благодарности и, увы, ностальгии. Прошлые поколения умудрились прожить свой век в постоянной борьбе за наше будущее. Сквозь непосильный труд, все эти освоения целины, всесоюзные, комсомольские стройки, боль, кровь, пот, будущее виделось им светлым (метафора «светлое будущее» даже переросла в газетный штамп). А сколько в этих двух словах позитивной, жизнеутверждающей энергии! Чувствуете, как потускнело со временем понятие «подвиг»? «Тянет на подвиги», — с едкой иронией стали говорить мы. Может быть, оттого, что в этом слове не слышится сегодня той святости, которая была заложена в него славными страницами советской истории. Но подвиг, на который на самом деле не может тянуть, а который совершают — это священное понятие во все времена. Непреходящая ценность. Наряду с иными, подобными — правдой, честью, добротой... Совершая подвиг, люди делали это ради нас, чтобы у нас было будущее, продолжалась жизнь. Традиция подвига, как бы цинично это ни звучало, присуща натуре наших сограждан. А славные страницы отечественной истории содержат не одно тому подтверждение. Подвиг одного во имя будущего всей нации.

Какой смысл поминать старое? Что кроется за словом? Ведь сколько не говори «сахар», во рту слаще не станет. Как сказать... Показателен принцип приоритетов. Ранее в общественном сознании доминировало слово «мир». Позже на смену пришло ключевое понятие «свобода». Да, да, знаем... И ГУЛАГ, и диссидентство, и самиздат знаем. Все это мы проходили. И продолжаем воздавать почести. Потому что все это — не просто слова, имена, а судьбы людей, трагические судьбы. Все это диалектика бытия в социуме. Все это — противовес утопической идиллии, которая не имела бы ничего общего с гармонией бытия. Нынче немногие готовы *так* пострадать за идею, отдать за нее жизнь. Да и сама идея час от часу не повышается в цене. Со временем слишком многое стало разделять понятия «идея» и «идеал». Слишком большое между ними расстояние, целая пропасть. В прошлом у нас было все просто и взаимосвязано. Чем прочнее идея, тем выше идеал. У первого функция строительного материала. У второго — фундамента. Философия, как видим, весьма непритязательная. В основе ее — целая парадигма духовных ценностей, величайшие традиции искусства, богатейшая история. А главное, приоритеты: равенство, социальная справедливость, позитивизм, гуманизм, формализованные в своих христианских первоосновах. Идея справедливости в основе общественного согласия. Идея созидания первична, потребления — как получится. Прочитывая книгу, человек не на шутку задумывался над собой и своим окружением. Выраженная в тексте истина вдохновляла, была руководством к действию, инструкцией к построению не только внутреннего душевного комфорта, но и гражданского мира. И потому не нуждалась в альтернативе. Какая, спрашивается, может быть альтернатива миру и согласию? Катартический эффект от постижения литературных произведений восходил не столько к торжеству эстетики, сколько носил этический, нравственный характер. Как и подобает воспитательному фактору. Сознание читателя просвещенного, проницательного целиком подчинялось системе вечных, неизменных ценностей, где каждая идея должна была работать на идеал. Идеалистическое мировоззрение советского человека, сформированное на описаниях подвигов, подобно описанию подвигов великими эллинами в античную эпоху, способствовало укреплению нравственных основ гражданского общества. А понятие «гражданин» имело гораздо более весомую значимость, более высокую коннотацию. Ныне, кстати, совсем позабытое в обиходе слово... Да видно, и поделом. Если идеи в своей прочности не оправдывают возложенных на них надежд, то и идеалам, сомнительным, недолговечным, не достичь желаемой высоты.

Итак, империю, сначала названную «империей зла», реформаторы благополучно преобразовали в разбитое корыто. В царство несбывшихся надежд по дороге сплошь из благих намерений пришло новое время. Вместо светлого завтра, которое оказалось мирным вчера, пришло бурно кипящее сегодня. Пришло без стука. Просто случилось, произошло, разразилось... На смену одной системы координат, пусть несовершенной и допотопной, но прозрачной и вполне эффективной, пришла суперновая модель всего — как жить, кем быть. И обо всем этом — черным по белому. На экране и в газетах, в романах и лозунгах. Без купюр. С восторгом и благоговением. С запалом и харизмой. Свобода и независимость вместо тоталитаризма, авторитаризма и прочих нехороших «измов», о которых и не слышал ранее никто. Пеструю череду преобразований возглавил парад суверенитетов. И на этом параде вместе с суверенитетами миру были явлены и новые идеалы. И, подобно калейдоскопической мозаике, продолжают формироваться и формировать сознание по сей день. Но это история. А искусство?

Если искусство призвано соединять людей, обеспечивать им условия для общения, так как без оных невозможно вместе полноценно и мирно сосуществовать, ответственность роли творца возрастает. Одной из национальных ценностей стала независимость. Значение ее в современном мире фундаментально. Независимость, государственный суверенитет стали ценностями, доминирующими в политическом устройстве большинства стран. Так устроен современный мир. Независимость от чего? Да от внешних факторов. Независимость от кого? Да от всех подряд. И даже от самих себя. На страницах книг человеку стало объясняться несовершенство мира и несовершенство его самого. Недавнее прошлое было однозначно признано ущербным. Настоящее до сих пор ассоциируется с надеждой. А если есть надежда, то есть и будущее. Какое оно? У сообщества независимых субъектов может быть два пути — либо общий мир, либо его отсутствие. Третьего не дано. Существует угроза социально независимого мира. Я не ошибся — именно угроза. Это своего рода управляемый хаос. Хаос в угоду кому-то извне. Вот и работают на наше с вами размежевание все эти социальные сети с их манипуляцией сознанием как суррогат, подмена реальных контактов между людьми. Имея сотни виртуальных друзей, в реальной жизни многочисленные пользователи соцсетей остаются безнадежно одинокими. Работает незаметно для многих целый арсенал средств по разрыву привычных общественных связей, целая скрытая система подмены истинных ценностей чем-то иным, суперновым, от чего наша молодежь превращается в хорошо одетых и прекрасно пахнущих зомби с затычками в ушах.

В этой идеологии активно, как средство воздействия на сознание, участвует искусство художественного слова, образа. У всех на устах термин «современное искусство». Приходилось слышать: «концептуальное», «авангардное», «альтернативное», «актуальное»... Чем объясняется такая предвзятость? С каких это пор у искусства появился ряд сопроводительных ярлыков? К сожалению, порой это и искусством-то назвать нельзя. Идея — все. Идеал? Наличие идеала в привычном смысле необязательно. Сама идея и есть идеал. Оптимальная трактовка понятия «современный идеал», возможно, придет со временем. Сейчас же мы наслаждаемся свободой творчества, с упоением постигаем все новое, современное — все эти перфомансы, инсталляции, флешмобы. С кипением мозгов неистово вчитываемся в диковинные модернизм, экзистенциализм, постмодернизм, постпостмодернизм. Мы по-деловому, конструктивно настроены, глядя на этот причудливый и лукавый постструктурализм в искусстве. Современное литературоведение обратило внимание на день завтрашний с новаторских позиций. Эта приставка «пост-» говорит о нацеленности науки на то, что приходит на смену основополагающим понятиям «структура», «порядок», «традиция». И сама же наука пока еще несмело, вполголоса констатирует весьма тревожную тенденцию — тенденцию распада, нарушения известного порядка, тенденцию вовлече-

ния литературы в эстетический хаос. У важнейших категорий с чьей-то подачи кардинально сменился статус. Некто рушит устои. Все вокруг не торопятся воспрепятствовать этому. Окружающие ослеплены значительностью момента. А кто не ослеплен, моргает глазенками и судорожно хватает ртом свежий аромат демагогических благовоний. Из вечных непреходящих ценностей на пароходе современности упрямо делают балласт. Неудивительно, что в наших ВУЗах сокращают до абсурдного минимума набор на филфаки, расформировывают и упраздняют кафедры литературы. Гуманитарное образование переживает небывалый кризис. А ведь в самом определяющем термине нетрудно расслышать соотнесенность с человеческой природой, человеческой культурой. Иные профили образования могут сколько угодно получать приоритетные позиции, льготы, гранты. Но если на выходе утрачены ориентиры гуманитарного толка, ценность такого образования относительна. Конъюнктура рынка труда — штука переменчивая. Это сегодня страна нуждается лишь в специалистах, умеющих хорошо считать. Сегодня население рукоплещет лишь спортсменам, отстаивающим престиж страны. Не обессудь, собрат-гуманитарий. Твое время ушло. А если на секунду представить, что глобальная картина миропорядка претерпела радикальные изменения? Если представить, что рынок труда внезапно возопил об острой потребности в историках, учителях, литературоведах? В деле экстренного латания дыр в духовном потенциале нации останется уповать на экономистов и спортсменов... Гуманитарная сфера — это мастерская, где закаляют тончайшие струны человеческой души, без которых невозможно полноценное существование общества homosapiens, общества, где главенствует здравый человеческий рассудок. Из новостных сводок нам уже приходилось слышать выражение «гуманитарная катастрофа». Это бедствие возможно только там, где доминирует что-то другое. Ведь при отлаженной экономике и вполне сносном физическом здоровье граждан, но при атрофии гуманитарной сферы общество обречено на крах. Человеческое общество не может быть бесчеловечным. В языке первые тревожные симптомы этого нонсенса проявились в формуле «человеческий фактор», вернее, в ее преимущественно негативной коннотации. Все чаще мы употребляем это словосочетание, когда видим кадры с мест авиакатастроф, когда слышим о различного рода бедах, и не задумываемся, отчего так происходит. Ведь фактор человека должен по идее быть визитной карточкой нашего общества и иметь самое позитивное значение.

И необходимо, не зарываясь в песок, во всеуслышание заявить об этом. Если мы в ближайшее время не возродим из бедственного положения наше гуманитарное образование как генератор духовной зрелости человека, нам не видать внушительных побед на международных спортивных аренах, нам не стоит рассчитывать на убедительные результаты на крупных музыкальных форумах и т. д. Реальный престиж страны недостижимой целью застрянет в тумане отдаленных перспектив. Потому что моральная платформа, фундамент, волевой стержень нации как раз таки слагаются из духовных ценностей, какие по обыкновению принято черпать из добрых и умных книг, из искусства без определения «современное» либо какое-то еще, а просто из искусства. Не надо настраивать, переориентировать нас на суррогаты и извращенные представления о прекрасном. У людей образованных всегда есть способность сделать правильный выбор. Есть иммунитет. Человек образованный как правило в состоянии оценить альтернативные течения, он снимает шляпу перед авангардом, восторгается революционностью модернизма, преклоняется перед игривой универсальностью постмодернизма, с любопытством заглядывает в закулисье постпостмодернизма. Ему вовсе не обязательно полтора часа глазеть на картину Казимира Малевича «Черный квадрат», ведь, не исключено, он — еще и читатель, знакомый, к примеру, с прекрасным рассказом Татьяны Толстой «Квадрат», посвященным так называемому «современному искусству». А если образованный человек еще и достаточно любознателен, он проявляет интерес не только к верхушке айсберга. Его может заинтересовать целесообразность возникновения и существования подобных

новаторских форм искусства. И тогда он, пусть просвещенный, образованный, однако, весь такой несовременный, одержимый сомнениями, вооруженный здоровым скепсисом, что называется, зрит в корень.

Рассуждая об альтернативных формах искусства в своем рассказе о самом известном произведении Казимира Малевича, Татьяна Толстая изобличает процесс обесценивания общечеловеческих ценностей, получивший название «десакрализация»: «Десакрализация» — лозунг XX века, лозунг неучей, посредственностей и бездарностей. Это индульгенция, которую одни бездари выдают другим, убеждая третьих, что так оно все и должно быть — все должно быть бессмысленным, низменным (якобы демократичным, якобы доступным), что каждый имеет право судить о каждом, что авторитетов не может быть в принципе, что иерархия ценностей непристойна (ведь все равны), что ценность искусства определяется только спросом и деньгами». Свидетелями чему в нашей стране сегодня и являются все, кого коснулось в разных формах преступное освобождение цен на святыни. Либеральная идея может лишить нас умения отделять зерна от плевел, развить неразборчивость и эстетическую слепоту. Любитель эпатажа Сальвадор Дали по поводу современного ему искусства сделал следующее заключение: «Большинство из ценителей современного искусства — кретины». Либеральная идея открывает простор для предвзято-субъективных, дилетантских оценок чужого творчества. Освобождение от условностей угрожает лишить сакрального (священного) значения человеческое достоинство, в основе которого лежит идея созидания, а вдохновителем которой является неприкосновенный образ Творца. Десакрализацию искусства впору рассматривать как промежуточный этап на пути к девальвации важнейших ценностей разумного и гармоничного человеческого общества. Искусство деморализовано либеральной идеей. Так как моралью всегда считались дидактизм, духовное содержание произведений, их поучительно-воспитательный фактор. Предметом художественного отображения искусства всегда была жизнь человеческого общества, которое, в свою очередь, наставлялось, просвещалось искусством. А значит, образовывалось. Так в значении слова «образование» подчеркивается созидательный аспект, синонимами которому могут быть слова: «формирование», «создание», «основание», «построение», «стройка». Начиная с середины 80-х годов прошлого века, одержимое либеральными реформами советское руководство начинает нарушать эту логическую цепочку. Гуманитарное образование — это как бы повторное, земное сотворение Человека, огранка его внутреннего потенциала. Сегодня, в условиях падения престижа гуманитарных наук, на пути реализации данной сакральной цели — образования, обустройства человеческого общества — встала идея либерализма, ориентированного на эстетический хаос и духовную пустоту. Всему виной материалистическое мировоззрение. Идеалам же гуманитарного толка отведено место на социальной периферии. К примеру, посвящать сегодня жизнь литературе не только весьма опрометчиво, но порой даже комично. Представьте, что на вопрос отца будущей невесты о роде своих занятий современный молодой человек ответил, что он — поэт... Вместо родительского благословения, такой союз ожидает стандартный приговор: «Замуж за неудачника? Только через мой труп». А ведь сегодня в шкуре неудачников оказались и учителя-филологи, историки, фольклористы, преподаватели гуманитарных вузов, искусствоведы... Можно (за небольшим исключением) считать ушедшей в историю профессию «писатель». Спрашивается: какая на очереди?

Повинуясь порывам дурманящего ветра перемен, мы со всей ответственностью и самоотдачей подходим к разрушению стереотипов, развенчанию догм, которые в итоге оборачиваются крушением иллюзий, падением авторитетов, ниспровержением основ. Независимость оборачивается размежеванием, суверенитет — изоляцией, демократия — фарсом. С демократией вообще недоразумение вышло. Понимая демократию как «власть народа», мы наткнулись на искусно состряпанную подмену понятий. На самом деле словом «демос» в

Древней Греции принято было называть зажиточных граждан полиса, которым по статусу полагалось иметь рабов. Народу же в нашем изначальном понимании в Элладе дано было название «охлас», видимо, ставшее этимологической предтечей слова «охламон». Оболванивание, моральное растление наших сограждан идет полным ходом и с каждым днем принимает все более изощренные, изысканные формы. Во главе этого отлаженного процесса находится оплот демократии — либеральная идея, основной закон которой выражается в приоритете свободы над всем и вся. Свобода слова, свобода печати, свобода передвижения создали совершенно особый глобальный климат, став провозвестниками чрезвычайно привлекательной модели общественной жизни. В обществе либерального типа, в борьбе за построение которого, кстати, было пролито немало крови и отдано жизней, жить — одно удовольствие. Идея самовыражения является там непреложной ценностью. Остальные ценности, если они еще в ходу, востребованы условно, по ситуации. Утвердилась и продолжает утверждаться подобная модель общественной жизни совсем рядом, у наших соседей. Вот один пример. Очень известный эстрадный певец в одном эпизоде своей карьеры на пресс-конференции прилюдно оскорбляет последними словами женщину-журналистку. А несколько лет спустя все тот же служитель муз, также при свидетелях, позволяет себе рукоприкладство и наносит уже другой женщине побои. И в том, и в другом случае ему все сходит с рук. Мало того, он не только уходит от наказания, но даже продолжает концертную деятельность, сохраняя за собой статус звезды. Даже после второго эпизода был удостоен звания «артист года». Свобода самовыражения налицо. Фемида работает, вернее, как раз наоборот, бездействует в угоду либеральной идее. А как же быть с культурой, с элементарной культурой поведения в обществе? Кто дал право хамить и наносить побои, будь ты хоть трижды звезда?! Конечно, на то они и демократия с либерализмом, где государство в лице Закона делает шаг в сторону, великодушно предоставляя возможность обществу свободно оценить ситуацию и свободно вынести свой, независимый вердикт. В результате по средствам массовой информации проносится невнятное телячье мычание. Раздаются единичные здравые реплики, появляются несколько попыток среагировать адекватно. Но поддержки они не получают, потому что, не будем забывать, общество шагает в направлении либерализма как одного из главных завоеваний демократии. И в итоге свободное общество проявляет снисхождение, красуясь своим величием души, прощает оступившейся знаменитости его свободу от морали. При всем при том, что на месте знаменитости простой смертный едва ли смог бы рассчитывать на «свободную справедливость». Богиня правосудия Фемида, очарованная сладкоголосым пением лучезарного дебошира, словно приподняла с глаз свою повязку и применила двойные стандарты. Итак, либеральная идея не обеспечивает равенства. Потому что свобода от морали, пусть даже во имя торжества гуманизма, перестает быть свободой, а все больше напоминает практически неуправляемую, беспринципную вседозволенность. Гуманизм с аморальным привкусом — массовое увечье, химера, нечто, совершенно лишенное здравого смыла. Картина сложилась вполне выразительная: идея категоричной свободы, поправшая отсталую категорию «идеал». Таким образом, утилитарный подход к идеологии становится не только нормой, но и в качестве условий навязывается извне. Обществу, где вместо единого для всех Закона правит вольница, вдохновители либерализма отводят в новейшей истории место особое. Не стоит думать, что почетное место. Данные процессы выглядят неуправляемыми только на первый, поверхностный взгляд.

А все потому, что на волне демократических перемен, хлынувших с Запада на наши земли, многие наши люди забывают о святости идеалов, завоеванных нашими славными предками. Эти идеалы несколько десятилетий закаляли как сталь нашего человека, домом которого было общество равных возможностей, прав и свобод, абсолютно одинаковых для всех. Убедившись, что подобное социальное устройство выдержит любой натиск, и ни голодом, ни войной этот

союз не сломить, не поработить его жителей, западные политтехнологи применили либеральную идею. Как говорится, против лома нет приема. Многолетний дефицит свободы самовыражения в условиях постоянного ослабевания интереса к гуманитарной сфере, постепенного похолодания отношений с общественной моралью — все это и стало ахиллесовой пятой советской империи. В будущем по инерции все это может обернуться серьезными неприятностями и для нас. В языке это аукнулось знакомым выражением «читать морали», где эти самые «морали» сознательно преподносятся в невыгодном, непривлекательном свете.

Чем же объясняется такое неприязненное отношение к морали, которое, без всякого сомнения, было привито, навязано идеологами либерализма? Объясняется это тогдашним смещением акцентов в гуманитарной сфере. Внимание духовности уделялось все меньше с каждым годом. Все больше совсем иным достижениям: росту ВВП, надоям и т. п. Церковь была практически выведена из активной общественной жизни воинствующими атеистами. Интересный факт: именно повсеместный атеизм и был в советском обществе альтернативой, противовесом никогда не ослабевающему на Западе интересу к нематериальным аспектам бытия. Отсутствие гибких воспитательных рычагов стало предвестником слепоты, ущербности индивидуума в контексте мировых стандартов общественной культуры. Помните из анекдота: «Валь, выключай кондиционер, тут все наши!..» Слепой человек, лишенный поводыря, безнадежно сбивается с пути, каким бы верным этот путь ни был. Как теперь оказалось, капиталистам-либералам это было только на руку. Человек без Бога в душе, о душе ничего практически не знающий, если все еще и представляет из себя идейного врага, то уже на порядок слабее. Броня была крепка, и танки были быстры, но все-таки без всякой войны колосс рухнул. Хоть накануне гибели суждено было назваться империей обществу нечистых на руку чинуш, подпольных миллионеров и наивных физкультурников-энтузиастов, помешанных на улучшении показателей любым путем. С сожалением и тревогой приходится проводить параллели с новейшей историей. Единственное, что позволило устоять в течение семи десятилетий и отсрочить гибель страны в условиях духовной обструкции, это неослабное внимание к общественной нравственности. Обманутые жены бежали в партийные ячейки с жалобами на загулявших мужей. Просили помощи в проблемах частного порядка у общественных структур. И это было шагом отчаяния в направлении единственно верном. Именно в сторону нравственного совершенствования качнулся маятник гуманитарной системы координат. Качнулся чересчур сильно. Именно в этой сфере были допущены перегибы, повлекшие необратимые последствия и давшие в итоге обратный эффект. Хотели как лучше, но... Гайки советской нравственности были пережаты. Нравственное совершенствование обернулось репрессиями и колючей проволокой. Почва для прихода либеральной идеи была готова. Либеральная идея преподносилась и кое-где поныне преподносится в образе священной коровы, панацеи от всех бед, как единственно верное средство исцеления общества и выведения оного из сумрака на путь истинный. И опять есть ощущение какой-то методичной планомерности ситуации, процесса, хорошо обдуманного в стратегическом плане и подлежащего незамедлительному осуществлению. У вас не хватает демократии? Тогда мы летим к вам. Очень напоминает комиксы про супермена... Попытка соорудить на чужой территории, в чужих условиях нечто по своим лекалам, увы, приносит свои горькие плоды.

Если бы не изолировали церковь, не взрывали храмы, не переплавляли колокола, а вовремя возродили духовные традиции вкупе с нравственным воспитанием, как это получилось, скажем, в Китае, результаты могли бы быть совсем иными. Сколько критики обрушилось в свое время на китайскую Культурную революцию... Зато сейчас, глядя на это государство, можно усомниться в оправданности вчерашней критики. Если бы нам удалось избежать досадных перегибов... Но у истории, как известно, нет сослагательного наклонения. Ее не пере-

пишешь. Остается только извлекать уроки. Нынче у нас борьба за общественную нравственность все больше напоминает ситуацию из анекдота про армянское радио: когда его спросили, будет ли война, армянское радио ответило, что войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется.

Нам нельзя допустить тотальной безоглядной либерализации общества. Потому что в силу нашего этногенеза, менталитета, нашей истории, она не оставит камня на камне от наших неприкосновенных общественных устоев. Залетевшей к нам, подобно вирусу, с порывом ветра перемен либеральной идее мы должны противопоставить нашу стойкость духа, наши вечные, бесценные идеалы.

Часть 2. Либеральная идея

Наше искусство должно решительно противостоять тому, что получило название «релятивизм» — идейной основе так называемого современного искусства, комплексу демагогических догматов из серии демократических завоеваний. Среди них обращает на себя внимание «моральный релятивизм» (этический релятивизм) — принцип, согласно которому не существует абсолютного добра и зла, отрицаются обязательные нравственные нормы и объективные критерии нравственности. Моральный релятивизм является противоположностью моральному абсолютизму. По мнению же Владимира Поруса[1], моральный релятивизм легко перерождается в принцип «все дозволено», обесценивая нравственность вместо предполагаемого выбора из нескольких альтернатив. По мнению же Александра Круглова[2], одно и то же выражение «моральный релятивизм» употребляется в двух разных и даже противоположных значениях. Согласно одному из них, понятия добра и зла условны; согласно другому, моральные нормы условны относительно безусловных добра и зла. Обе позиции исходят из того, что в разное время и в разных местах понятия морали не просто различаются, но могут быть даже противоположными друг другу. При этом исходя из одной, «всякая мораль относительна, потому что относительно само добро», а исходя из другой — «всякая мораль относительна, потому что абсолютно лишь само добро». К морали же можно отнести правила всякого общежития, «коль скоро оно еще не распалось или физически не погибло». От себя хочется добавить, что жить в обществе, не застрахованном от верной гибели, где мораль относительна — вероятно, очень некомфортно. Как на вулкане. Вернуть былую, утраченную ценность гуманитарной грамоте людей необходимо для того, чтобы маятник общественного сознания, беспрерывно качаясь, снова не породил перекосов и увечий. Это надо не нам, а нашим потомкам, чтобы их не превратили в безвольное стадо, в толпу идиотов без родины и флага, без совести и человеческого достоинства. Наши люди в большинстве своем зарекомендовали себя внимательными, отзывчивыми, они отличаются порой недюжинным любопытством, и фарисеи Мирового правительства[3], создатели известной «теории золотого миллиарда»[4] могут насадить в их умы все, что им угодно. Махровый либерализм уже правит бал на наших улицах,

---

[1] Порус Владимир Натанович (род. 19.09.1943) — специалист по теории познания, философии и методологии науки, кандидат философских наук, доцент.

[2] Круглов Александр Иосифович (род. в 1950 г.) — советский и украинский ученый, кандидат философских наук, доцент.

[3] Мировое правительство — некое тайное общество, манипулирующее народами и правительствами стран с помощью детально разработанной системы.

[4] «Теория золотого миллиарда» — стратегическая концепция сокращения населения земного шара, мотивированная ограниченностью природных ресурсов. Под «золотым миллиардом» принято рассматривать население США, Канады, Западной Европы, Израиля и Японии.

спешит обаять нас с телеэкранов и страниц печатных изданий. «Халява! Только у нас! Спешите!» — громогласно вещает реклама, пытаясь сыграть на низменных инстинктах, на пороках, пробелах в воспитании, подогревая нездоровый ажиотаж и постепенно придавая всему этому статус нормы. Из нелитературного вульгаризма слово «халява» превратилось в условный код охотников за наживой и перекочевало из неофициальной сферы в источники массовой коммуникации. Технологии либералов не брезгуют ни психологическим нездоровьем, ни отсутствием воли у многих из нас. Здравому смыслу уже придуманы альтернативы; через науку и образование уже определены обходные пути к правде, заменители единой и непреложной истины. В одной газетной публикации пару лет назад я прочел тезис о том, что правды, мол, всегда, как минимум, две. Что более подходит к обстоятельствам, более выгодно, то и можно считать правдой... Как, помнится, говорили когда-то: «Если нельзя, но очень хочется, то можно; если надо, но не хочется, то не обязательно». Вот он, моральный релятивизм в действии. Под видом юмора, всевозможных шуток работает технология нравственного разложения наших сограждан. Трудно себе представить китайца или японца, ищущих обходные пути, уловки, способы увильнуть от выполнения своих обязанностей. Трудно представить себе публичного человека с восточным менталитетом, способного прилюдно обидеть женщину. Трудно представить себе общество, не только способное простить такой грех, но и сохранившее к моральному уроду прежние симпатии. Группе «PussyRiot», устроившей свой панк-молебен, скажем, в мечети, едва ли было бы суждено не только через год выйти на свободу, но и вообще вряд ли удалось бы уцелеть.

К литературе либеральная идея предъявляет свои определенные требования. Определены они тем же моральным релятивизмом да одержимостью до основания уничтожить наши идеалы, еще оставшиеся на плаву. Наша стойкость в выборе ценностей и нравственно-духовный баланс общественного сознания не устраивают апологетов нового мирового порядка. За три десятка лет бурный характер жизни стал нормой. Истина, по некоторым утверждениям, имеет не одно лицо... Маски, псевдосущности, суккубы, аферы, кривотолки. Мракобесие и упадничество, дезориентация и одурманивание, подмена понятий и демагогия. Под красивыми вывесками — преступные мотивы. Посевы хаоса и смуты под видом просвещения. Идея свободы мышления в своей многоликости устраивает идеологический карнавал. Да, духовно нас стали образовывать с размахом. Церковь функционирует бок о бок с государством. Двери храмов открыты настежь. Процесс приобщения к религии возымел массовый, всенародный характер... Только результаты пока не радуют. Добрее мы не стали. Сводки криминальной хроники изобилуют жуткими проявлениями смертных грехов. Заповеди? Возлюби ближнего... Нашей молодежи хоть бы научиться вниманию к старикам и немощным людям... Инакомыслие поощряется и повсеместно заслуживает внимания. То, что ранее было неким пугающим жупелом, крамолой, сейчас подробно исследуется с присущим нашей науке академическим апломбом. То, что раньше полуподпольно распространялось на видеокассетах, теперь свободно демонстрируется на государственных либо независимых телеканалах. Если вчера за это как за ущерб общественным нравам могли привлечь к ответственности, сегодня вам предоставляется выбор. Не хочешь — не читай, не нравится — не смотри. Свободное общество за последствия не ручается. В свободном обществе поручиться может только каждый за себя. Либерализм исповедует и поощряет независимость. А какой выбор среди этого пестрого хаоса может сделать в гуманитарном плане необразованная личность? На чем он основан?

Независимость суждений временами принимает такие формы, что лично мне трудно закрыть на это глаза. То, на что порой натыкаешься на некоторых частных литературных интернет-сайтах в сегодняшней Беларуси — это уже не просто инакомыслие. За ширмой литературного творчества скрываются совсем небезобидные материи. Получила новый виток популярности идея критики.

Критика выступает сегодня в роли изнанки позитивизма, противовеса творческой мысли. Успешные, состоявшиеся авторы не на шутку увлекаются критикой в современном ее изводе, адаптируют ее к белорусской почве. То есть в манере «фристайл», свободно и непринужденно подвергают независимой субъективной оценке плоды чужого труда. В их распоряжении, разумеется, и своя аудитория, армия единомышленников, и своя инфраструктура. Эффективные информационные технологии в виде независимых изданий, интернет-ресурсов планомерно и настойчиво будоражат умы, выступают в почетной, модной роли возмутителей общественного спокойствия. Что нам какие-то идеалы нравственности?.. Что нам покой застоявшегося болота, когда мы на службе Ее Величества Идеи?! Мы за эстетику, за качество литературы любому глотку перегрызем! Мы так самовыражаемся — констатируют соискатели оптимальной модели творческого сознания — извольте не путаться под ногами! Главное — это наша независимость, дерзость, свобода мышления, свобода слова. А что теоретической базы наша деятельность лишена, так это — веление времени. Знаниям о литературе, о ее природе сегодня грош цена. Гуманитарное образование, филология? Лженаука, чушь полная... Примерно так свою позицию формулируют литературные критики новой волны. Диву даешься, когда порой читаешь все это. А если разобраться: *во имя чего*, собственно, стоит нарушать спокойствие, посягать на человеческое достоинство авторов (пускай и далеко не «нобелевского» уровня)? Ведь нервные клетки не восстанавливаются. От стрессов, от беспокойства все болезни, все беды. Казалось бы, Бог им судья. У каждого свои увлечения. К сожалению, не всем удается оставаться невинными возмутителями интернет-спокойствия... Не все светлые, но горячие головы способны сконцентрировать свой порыв в литературно-эстетическом русле. Некоторым бойцам за очищение сознания не дает покоя наша история. Причем те ее страницы, которые до сих пор считались неприкосновенными, сакральными. Идея критической оценки не пощадила и их. По поводу наших устоявшихся, осознанных и проверенных сведений, истин, за которые обществом очень дорого заплачено, раз от раза устраивается интеллигентная промывка мозгов. Это уже меньше всего напоминает невинные дебаты о литературе.

Кощунство хорошо оплачивается только до поры. Рано или поздно за все придется ответить. Такое «творчество» тихо, неприметно выходит за рамки написания одиозных романов и поучения нас, бездарей. Простите, господа либералы, но тут вам карт-бланш не заполучить. Ведь такое, с позволения сказать, искусство править историю, может иметь губительные последствия. Чему учат нас фэнтези с фантастикой? Тому, что всякие сдвиги, перемены декораций в прошлом сулят неизбежные бедствия в будущем. Так зачем же в нашем прошлом устраивать переполох? Как бы там ни было, хранят молчание компетентные органы. Дескать, творческие натуры, — что с них взять? Пусть сами между собой разберутся... Интернет-ресурс — частная территория. Закон там бессилен. Помалкивают несведущие налогоплательщики, на средства которых содержатся архивы и оттуда выуживается весь этот новомодный общественно-политический иконостас. Под прикрытием литературной критики на частных интернет-ресурсах можно исповедовать идеи самого разного, даже экстремистского толка. Либеральная идея всем одурманила головы, связав по рукам и ногам своей пресловутой свободой. Все те же блуд и мракобесие. Меняются только лозунги. Сначала за правильную литературу. Потом за правильную историю. За что завтра возьмется белорусская альтернативная идеология искусства? Прогнозы весьма тревожны. Но необходимы, чтобы предотвратить нежелательные последствия. Вы возразите: какое брожение может быть там, где не за что зацепиться знаниям? Но, увы, брожение уже началось. И не только на литературной улице.

И уже не таким случайным выглядит вопрос: с какой целью нас ненавязчиво настраивают против собственной истории? Разумеется, от такого самовыраже-

ния под эгидой инакомыслия общество станет более раскрепощенным, демократичным, просвещенным. Общество обретает новую идею. Но станет ли оно твердым в убеждениях, морально устойчивым? Станет ли оно способным при необходимости сплотиться и за себя постоять? Разумеется, прогрессивное мышление идет на пользу, когда досконально известен вектор данного прогресса. А когда бабушка надвое сказала? В умах зародится хаос. В рядах пойдет разброд и шатание: если нас всю дорогу обманывали, значит, держат за дурачков, окружают враги, и служить им — недостойно, преступно. Раскол общества налицо. Прогрессивный порыв сознания, цель которого не всем до конца ясна, основанный на голом популизме, может поставить общество на грань катастрофы. Следует только осмотреться вокруг, мобилизовать гражданскую совесть, и цель инакомыслящих все-таки станет просматриваться: добиться как раз последнего — катастрофы. Развратить наши устои, подорвать авторитет привычных гражданских прав и свобод посредством превращения нас в «охлас», в охламонов либеральные идеологи намереваются уже давно. И вот сегодня остается только с болью в сердце отслеживать результаты этой подрывной деятельности. Молодежь мы можем проморгать в первую очередь. Воспитанная сперва на чернухе и порнухе киношного и литературного ширпотреба, наша смена дорвалась до компьютерных игр, которые быстро внушили, что жизнь человеческая фактически ничего не стоит. Всегда можно «сохраниться» или начать новый раунд игры. От этого у них наблюдается не только оскудение положительных качеств, но и психологические патологии в виде повышенной агрессивности, игромании и т. п. Идея независимости (каждый сам за себя) получила наглядное воплощение в играх-симуляторах жизни. Из ассортимента игр наибольшей популярностью пользуются игры в насилие, кровопролитие, игры, стимулирующие развитие бездуховности, цинизма, мизантропии. Беда только, что все труднее замечать грань — где жизнь, а где виртуальный мир. Посредством коммуникативной виртуализации социум разобщен под эгидой социальных сетей. Иллюзия благополучия и гармонии в примитивной виртуальной картине, отображенной в социальных сетях, отучает человека адекватно оценивать мир реальный. На первый взгляд все это — блага научно-технического прогресса, колоссальный скачок технологий коммуникации. Умы обывателей полностью порабощены величием и ценностью этих диковинок и чудес. Постепенно лишая истинных идеалов, молодому поколению всучили-таки идеал-фикцию, игрушечный мир, которым заменили реальность. Темная, зловещая сторона хай-тека при ближайшем рассмотрении преобладает. И почему технологии, пусть и прогрессивные, названы еще и высокими? Чему противопоставляется их высота? Не нашим ли попыткам спасти вечные идеалы человечества, известные задолго до появления чудес науки и техники? Из поколения мыслящего, творящего получаем поколение, уткнувшееся в дисплеи и отрешенно жмущее на сенсоры. Высотой технологий подкрепляется высота устремлений. Кто не в теме — неполноценные, низшие существа, статисты. Внимание такого общества направлено не на насущные проблемы, а в увлекательный мир виртуальных ориентиров, имеющих лишь отдаленное сходство с реальностью. Новые стандарты сознания, новые стандарты поведения: независимость и свобода нравов, независимость и свобода помыслов обеспечили разрыв человеческого «я» с окружающим миром. С позиции высоких технологий прогрессивное сознание взирает на образно мыслящих идеалистов как на уходящую натуру. Технический прогресс взирает на нас свысока. И доброты, уважения в этом взгляде все меньше.

Общество победившего либерализма пожинает горькие плоды. Западноевропейская мораль уже идет в разрез с законами природы. Неограниченная свобода уже довела Европу, ее общественную нравственность до ручки. Традиционным человеческим взаимоотношениям придумана альтернатива. По утверждению члена Общественной палаты РФ, обозревателя Максима Шевченко, тема сексуальных меньшинств завуалирована свободой нравственного выбора. Невозможно

не согласиться с тем, что «вся пропаганда гомосексуализма — это попытка глубинного изменения человеческой природы и человеческой этики. Людей хотят превратить в существ управляемых, неуверенных в себе настолько, что они даже точно не знают, кто они по своей сексуальности — мужчины или женщины... У человека нарушается способность гендерной самоидентификации неслучайно. Извращение, то, что на протяжении веков считалось отклонением от нормы, объявляется нормой; объявляется способом самовыражения. Занимайтесь, чем хотите. Но в своем доме. Когда это вытаскивают на публичное обозрение в виде парадов, демонстраций, политических акций гомосексуалистов, это становится удушающим наступлением на нас, нормальных людей... Нас хотят сделать рабами. И борьба с этим является борьбой за свободу, за человеческое сознание, за будущее, за право быть человеком, человеком, над которым не ставят экспериментов...» Однополые браки как эффективное средство сокращения численности населения. Таким стадом бесполых (двуполых, обоеполых) существ можно управлять и распоряжаться как угодно. Пускай упиваются свободой, устраивают парады и борются за свои права. Пускай постепенно утверждаются в статусе большинства... Миром тем временем станет повелевать прибравшее к рукам природные богатства золотое меньшинство. Разврат вместо бомбежек как эффективное средство порабощения целых народов. Обратим внимание на проблему СПИДа, взглянув на нее с иной стороны. Среднегодовую статистику заболеваемости в странах СНГ медики характеризуют не как пандемию, не как угрозу массовой гибели. Тем не менее, здесь в массовом порядке была запущена программа полового воспитания молодежи. Результатом этой программы стало увеличение количества абортов, половых расстройств и прочих бед. Наши дети и по сей день не могут толком объяснить, что такое «СПИД» или что такое «ВИЧ». Зато они уже в мельчайших подробностях осведомлены о таких вещах, что в их возрасте еще знать рано. Масштаб негативных последствий от такой грамотности для нашей демографической картины во многом превзошел проблему смертности от СПИДа. Хитрая целенаправленная идеологическая кампания. Или даже диверсия. И это опять-таки плоды либерализма, освобождения общества от морали, последствия распущенности нравов. В буквальном смысле, удар ниже пояса.

Нас с детства учили, что творец, человек-созидатель заслуживает уважения. Ценность и качественные характеристики результатов его труда подвластны только оценкам времени; только проверкой грядущими поколениями может определяться их эстетическая состоятельность. А главное для истинного искусства — это формирование мировоззрения, адаптация в области культуры социума, работа на его этический потенциал. Реальную модель свободы провозглашает искусство не релятивное, пропагандирующее нравственную эластичность, а реальное, ориентированное на осмысление существующих реалий с последующей рациональной рефлексией. Получив новый импульс, гуманитарное образование, поможет сориентироваться обществу, обеспечив ему иммунитет против разрушающего вируса вседозволенности. Гуманитарная сфера современного белорусского социума должна вернуть маятник общественного сознания в положение паритета духа и морали. Гуманитарные знания выступают связующим звеном между эстетикой искусства и духовно-нравственной культурой общества. Что же, если не искусство, в состоянии наглядно разъяснить, насколько равноценна важность взаимоотношений человека с Богом и человека с человеком? Что же, если не гуманитарные знания, помогут человеку досконально разобраться в искусстве, а значит, и в самом себе?

Эстетика и мораль. В этой точке пересечения берут начало истоки нашего гармоничного существования и всестороннего развития. Да, гуманитарные горизонты в образовании подернуты сегодня пеленой тумана. Да, пришла эпоха экспериментов, новых форм творчества. Век искусственного интеллекта делает искусственным многое из того, без чего жизнь человека немыслима: искусственная пища, искусственные дружба, любовь и т. д. Но пришла пора сказать всему

этому: стоп! Хватит плодить химеры, множить суррогаты и идти у них на поводу. Пора осмотреться по сторонам с точки зрения реальных перспектив. Пора воспрепятствовать идее либерализма, опустошающей арсенал наших истинных ценностей. Всем нам еще не поздно встрепенуться и вспомнить, что у искусства совсем иные задачи. Оно не может быть альтернативным, как не может быть альтернатив у мира и гармонии. А идея свободы хороша в меру, когда эта свобода комфортна и приемлема абсолютно для всех. Неограниченной свободой отравляется сознание граждан. Следы деградации проступают на уровне философии языка. Отчетливо видно, как язык отравлен, скомпрометированы значения называемых им понятий. Почему-то человеческий фактор ассоциируется с бедами и несчастьями. Всяческие блага же сулит лишь бездушная техника. Еще немного — и человеческий фактор будет расцениваться как помеха на пути бурной эволюции технологий. Крах идеалистической модели мировоззрения влечет все новые казусы. Еще пара-тройка десятилетий назад мы ни сном, ни духом, что может символизировать голубой цвет, почему он в качестве символа сейчас вызывает отторжение... Почему скомпрометированы наши природа, человеческое достоинство, наша история? За что общественное спокойствие, мир в нашем многонациональном доме часто обзывают «болотом»? Уже забыли, как пахнет его антипод. А ведь этот дух опустошения, подобно урагану, уже успел разнести полмира. Где совсем недавно развевались знамена борьбы за свободу и демократию, сегодня остаются руины, смерть, кровь и хаос.

Навязчивая страсть освобождения от традиций, как короед, точит мир людей изнутри. Глядя в корень, натыкаешься на основания для невеселых размышлений. Вместо привычной пропагандистской функции, искусству навязывается подрывная миссия идеологической диверсии. Торжество странных эстетических идей стремится взять верх над рациональным подходом к постижению жизни. То есть какая-то *идея*, дух просвещения, степень расширения кругозора есть. Вот только просвета не видно. Картина мира получает нечеткие, смазанные очертания. Уверенности в завтрашнем дне там нет и в помине. Материалистическое мировоззрение заставляет нас видеть во всем только материальную выгоду. В ущерб нашей человечности. Призрак общества без морали черной тучей нависает над человеческим достоинством. Хаос или гармония. Просвещение или мрак. Раз уж время поставило нас перед выбором, пора подчинить идею творческого отображения нашей действительности нашим истинным идеалам. Пора скорректировать сам выбор. В традициях нашего народа открывать двери настежь всем и вся. Так не пора ли нам стать разборчивее? Довольно нашему искусству состоять на службе у либеральной идеи. Все как раз наоборот: настало время развенчать силами искусства, может быть, величайший миф современности — идею свободы, которая делает из человека раба.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Ришард Май и его студия

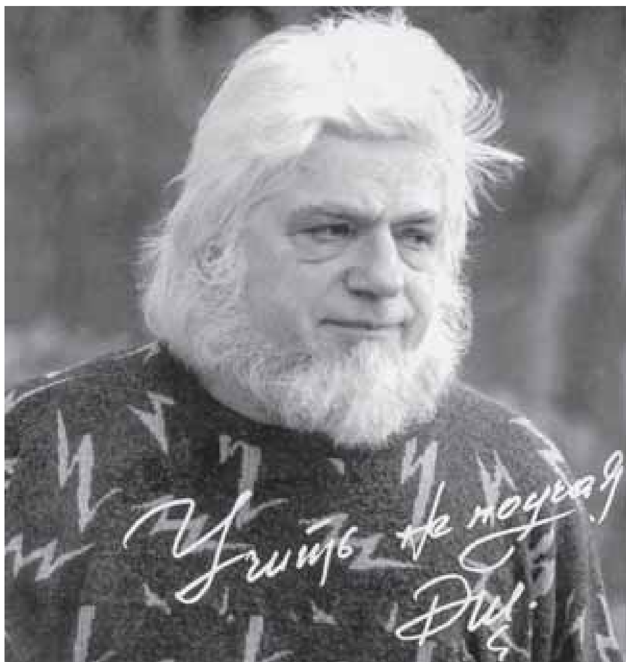
Ришард Май. Этого художника знают не только по многочисленным выставкам, персональным и групповым, но и потому, что почти сорок лет он занимается с детьми, руководит заслуженной детской художественной студией. Работы студийцев видели во многих городах Беларуси, Голландии, Германии, Польши, они были представлены и удостоены дипломов и наград на международных конкурсах детских рисунков в Париже, Москве, Люксембурге и других столицах мира. Изданы три прекрасных альбома с репродукциями детских работ, фотографиями и рассказом о студии Мая и два альбома работ самого художника.

Десять лет назад студия справила новоселье, теперь она размещается в Уручье, в Центре детского и юношеского творчества. Поднимаясь по лестнице на второй этаж Центра, попадаешь сразу в окружение картин, искрящихся радостью. Такие же яркие картины украшают холл, а длинный коридор превращен в настоящую галерею. Со временем экспозиция холла и галереи обновляется.

Как-то пришел в студию к началу занятий в самый канун Нового года, 31 декабря. Стены раздевалки и самой студии пестрят веселыми рисунками. Звучат гармоничные мелодии известного питерского чудо-доктора и композитора Сергея Коновалова. В просторной комнате за пустующими пока мольбертами вижу только девочку лет десяти, увлеченную своим рисунком. Рука с черным фломастером уверенно скользит по большому листу, где уже видны сидящие на веточках три большие птицы. Поражают не сами птицы. Гармоничная пластика линий и виртуозная мелкая штриховка оперения птиц и листочков на ветках, а также мотыльков, гусениц, превратили лист ватмана в искусное кружево. Автору, Насте Якубовской, — десять лет. Интересуюсь, почему только черный цвет. Нравится, отвечает, иногда пишу кистью многоцветно, но лучше получается просто черным, даже интереснее.

— Редкая девочка, — говорит о ней Ришард Антонович, — графику любит больше, чем цвет. Обрати внимание, какая рука, какая верная линия и буйство фантазии! Не часто встретишь такое чудо. И сама пришла к этому, без подсказки. Иногда возвращается к цвету. Получила диплом из Парижа, с международного конкурса. А это ее графика, когда ей только семь лет, родители принесли. Не поверил бы сам, переверни — там ее рукой написано. Ну, как тут не удивиться!

Разговор прерывает семилетняя Маша, она только что пришла с мамой. Маша принесла в подарок Маю отпечатанный настенный календарь на следующий год с рисунками самой девочки. Мама поясняет: выбор рисунков и размещение по месяцам делала дочка. Позже узнаю, это уже не первый такой оригинальный типографский календарь. На стенном планшете висят некоторые из них, один другого ярче. Читаю: Дукина Софья, 9 лет; Пермякова Дарья, 4 года; Табакаева Ульяна, 4 года; Силипицкая Варвара, 9 лет; Нагорная Лера, 4 — 5 лет. В студии также можно увидеть два прекрасно изданные альбома рисунков Лизы Казённовой, когда ей было 9 и 10 лет. С фотографий на обложках альбомов улыбается

Ришард Май.

сама девочка. Лиза и сейчас охотно и регулярно бывает на занятиях в студии, часто наведывается и ее мама Ольга. Такое неравнодушное, заинтересованное внимание к студии и творчеству детей в значительной мере — тоже итог постоянной большой работы Ришарда Антоновича с родителями.

— В студии дети лишь несколько часов, остальное время — в школе и дома. Очень важно отношение родителей к тому, чем занят ребенок. Я предлагаю взрослым принимать своего мальчика или девочку без скидки на малолетство, как полноценную личность, они уже сейчас достойны признания своей самобытности. Соответственно и относиться без сюсюканья и многословия, без назиданий и поучений. Родители, хорошо понимающие своих детей, становятся прекрасными помощниками, регулярно ходят с детьми на занятия, поддерживают рабочий настрой, а другого ничего ребенку не надо, в нем самом — все есть. В свободном творчестве без ограничений и подсказок он может эмоционально выплеснуться, выразить цветом, что требует душа, и чего он не сможет выразить как-то иначе.

С Ришардом Маем мы знакомы много лет. Когда-то я привел своих сыновей, четырехлетнего Платона и шестилетнего Семена, в изостудию при районном доме пионеров на тихой улочке Суворова. Дома сыновья увлеченно рисовали красками на листах ватмана под хорошую музыку, без подсказок и родительских назиданий. Студия нас удивила огромным количеством ярких рисунков большого формата, в них было столько радости и искреннего изумления. Сыновья сразу почувствовали себя здесь «своими», и мы надолго «прикипели» к этому удивительному месту.

Дети — художники начинающие, а не мастера, привыкшие находить на листе эквивалент своим эмоциям и мыслям. Каким же чутким, деликатным и мудрым должен быть их наставник, чтобы в студии, где собираются разные по возрасту и характерам дети, создать такую атмосферу, чтобы каждому дышалось и думалось легко и раскованно, чтобы каждый оставался самим собой в тесноте комнаты, рядом с двумя десятками девочек и мальчиков. Создание такого творческого настроя — в этом, как мне кажется, важнейшая заслуга руководителя студии Ришарда Мая.

Человек, впервые попавший сюда на занятия, пожалуй, поначалу удивится, насколько незаметна на первый взгляд роль руководителя. Не торопясь, переходит он от одного студийца к другому, присматривается к начатой работе, к самому автору, изредка наклоняется к кому-либо или присаживается рядом и тихо спрашивает о чем-то, внимательно выслушивает негромкий ответ, словно пытаясь проникнуть в состояние и мысли маленького человека. Если он подмечает какие-то затруднения автора в том, что рождается на листе, своими вопросами Ришард Антонович понуждает малыша обдумывать начатое, увидеть нарисован-

ное несколько со стороны. Его советы всегда неизменно деликатны, никогда не навязывает он своего, не давит авторитетом. Художник подталкивает ребенка самого искать решение, приучает его думать самостоятельно.

— Мое дело — ободрить неуверенного, похвалить робкого, разбудить зашедшего в тупик, растормошить его воображение, а уставшего — переключить на что-то иное, заставить отдохнуть. В сущности, каждый ребенок учится сам, в работе. Нужно только «подогревать» его, поддерживать в нем стремление рисовать, будить любознательность, интерес ко всему, что происходит вокруг. Этим я и занят. Но все дети разные. Важно, чтобы каждый из них чувствовал, что ты — его друг. Не так важно, станет ли он обязательно художником. Много важнее, что здесь, в студии, он привыкает трудиться, узнает радость выдумки, творчества, здесь, в работе, растет его вера в себя, он формируется как гармоничная личность... И мы постоянно учимся взаимно: они — у меня, я — у них. Как тут ни вспомнить Максимилиана Волошина: «Ребенок — непризнанный гений»! Потому и люблю начинать с малолеток — в них еще нет никакого страха, на них не давят ни авторитеты, ни опыт. Но как нелегко разгадать каждого, чтобы помочь ему идти своим путем.

Лиза Бобрикова оказалась в студии Ришарда Мая, когда ей было три с половиной года, и занимается здесь 14 лет. К семнадцати годам она окончила музыкальную школу по двум классам: флейты и фортепиано, посещала курсы дизайна, изучала актерское мастерство и театральную речь в киношколе, занималась восточной борьбой. И все же главным своим увлечением считает студию Ришарда Мая, помогавшую ей во время взросления и становления:

— Студия — второй дом в моей жизни, даже не дом, а скорее — семья. Здесь мне всегда рады, здесь все на равных: дети, взрослые, учитель. В студии всегда хорошо, в работе найдется что-то новое, неизведанное, оно ждет, пока ты на него не наткнешься. Это — постоянный поиск. Мы здесь обретаем обостренное чувство цвета и с годами учимся мыслить. Здесь тебе никогда не скажут «это плохо» или «так нельзя», тебя всегда поймут и подскажут путь. Уникальность студии для меня в том, что я могу пробовать красками все, что захочу, могу выражать свои переживания и показывать на бумаге самые разные чувства. В студии я могу быть честной сама с собой.

Ришард Май. Ладонь этого художника большая, сильная, сухая, рука настоящего кузнеца. И верно, одно из ремесел, которыми он владеет — кузнечное дело. Я видел набор из шести резцов для работы по дереву — прекрасные инструменты из вагонной рессоры, широкие, тяжелые, с красивыми удобными ручками из карельской березы. Он отковал их для себя в кузнице, которая когда-то была в парке Челюскинцев. Ручки делал под свою ладонь. Резцы пригодились, когда несколько лет делал кухонную мебель для своего дома. Ими же выполнил забавных массивных гномов, установленных на газоне у дома пионеров на улице Суворова, где много лет размещалась детская изостудия. Ремесло осваивал еще с малолетства в отцовой кузне. Оба деда по линии матери и отца тоже были славные кузнецы. Рядом с ними он приучался делать любое дело хорошо, со вкусом, чтобы и самому приятно было, и перед людьми не совестно за сработанное. Это стало хорошей закваской, чтобы в любых условиях жить достойно.

К сожалению, горечь утраты близкого человека Ришарду Маю суждено было почувствовать рано: любимый отец погиб в самом начале войны. И позже жизнь не баловала. Шестнадцатилетним подростком приехал он из села в послевоенный Минск, где не было ни родных, ни знакомых. Обрадовался, когда взяли на велозавод учеником токаря, вскоре поступил в вечернюю школу. Жил на квартире.

Армейская служба — на Северном флоте. Без отрыва от вахт окончил курсы водолазов, и это очень пригодилось позже, на «гражданке».

К кисти и карандашу пристрастился еще с малолетства, не изменял им ни на флоте, ни позже. Отслужив, вернулся в Минск, на завод. Жил опять на квартире. Безденежье, постоянное ощущение голода. Работа с чугунными деталями на

токарном станке давала повышенные ставки, но не добавляла здоровья. Медики настойчиво советовали поискать работу на свежем воздухе. Так он стал Водяным и четверть века прослужил водолазом. Не оставил эту работу даже в годы учебы в Театрально-художественном институте. Студент уникальный: будущий промышленный дизайнер и опытнейший специалист подводных работ, настоящий Водяной — бородатый крепыш с буйной шевелюрой и огромными глазами, добрыми и внимательными.

Работа под водой требует предельной собранности, осмотрительности, продуманности; надо контролировать дыхательный аппарат, свое состояние, быстро принимать верное решение, согласовывая поступки с изменением обстановки. Сотни погружений в водоемах Беларуси и Литвы, поводы самые разные, криминальные и производственные, обстоятельства сложнейшие. В водной стихии, как нигде, проявляется могущество природы.

Не обошлось без экстремальных ситуаций. И по прошествии десятков лет отчетливо вспоминает художник, как под Каунасом турбулентный поток на глубине был настолько силен, что в дыхательном аппарате прорвало мембрану. Когда Ришарда подняли с глубины, он был бездыханным и без сознания. Возвращение к жизни стоило огромных усилий и медикам, и водолазу. Наверняка, не обошлось в тот момент без вмешательства божественных сил. Но именно тогда окрепла в нем вера в мощь сил природы и не меньшее могущество неизведанных возможностей человека, которые можно познавать и развивать. Это пригодилось во всей последующей жизни художника и будущего воспитателя детских душ.

Заканчивая обучение в институте, Ришард Май выбрал необычную тему диплома. Решив облегчить работу на сборке радиоаппаратуры, будущий дизайнер кардинально улучшил набор инструментов радиомастера. Он изменил конструкцию крепления сменных отверток в ручке так, что усилия требовали только полтора-два заключительных оборота. Изменениям подверглись и другие инструменты набора: паяльник, скальпель, пинцет, пассатижи, а также их ручки. Продумана была и упаковка для удобного размещения набора. Все выполнено и на планшетах, и в материале — хромированном металле и эбоните.

Это был всего второй выпуск белорусских промышленных дизайнеров. Московская комиссия известных профессионалов отметила дипломную работу Мая высшей оценкой, единственной на весь выпуск. Любопытная деталь: сразу после защиты диплома набор инструментов таинственно исчез.

Казалось, ничто не предрекало ему в будущем стать руководителем детской изостудии. Несколько лет увлеченно разрабатывал для Торгово-промышленной палаты торговые марки фирм, более сотни их защищены патентами. Продолжал искать себя в живописи. Вместе с приятелем-художником готовил подростков к поступлению в институт, занимался с ними рисунком, обучал перспективе, пропорции, свету.

Случайно в комнату при ЖЭС, где проходили занятия с будущими абитуриентами, напросились малолетние дети. Мамаши и бабушки этих малышей просили Ришарда и его друга позволить ребятне и дальше посещать занятия, снабжая своих деток всем необходимым — бумагой, красками, кисточками. Присматриваясь, что и как рисует малышня, Май неожиданно открыл много интересного и чем дальше наблюдал он за ними, тем увлекательнее было постигать детскую душу.

В работах трех-четырехлетних человечков покоряли сбалансированные композиции, графическая пластика, цветовая гармония. Эти открытия очаровали внимательного художника, захватили его целиком и определили на десятилетия его место в жизни, как наставника детской изостудии. Дети всегда интересовали Ришарда, в нем самом до сих пор многое от ребенка — доверительная открытость, распахнутость к миру, эмоциональная утонченность и даже ранимость, в сочетании с внимательностью к каждому человеку, независимо от возраста.

Человеку свойственно выражать свои эмоции по-разному: звуком, в пении и музыке, словом, в письме и речи, движением в танце, цветом в живописи. Как рождается новая музыка? Талант композитора — из музыкального хаоса уловить свежий ручеек мелодии, последовать за ним, отдаться рождающемуся потоку, не забывая нотными знаками фиксировать на бумаге все перипетии развития мелодии. Не владеющему нотной грамотой не прочесть эти значки на листе, для него — это какие-то закорюки. Но от этого записанная музыка не исчезнет. Человечество придумало и универсальную запись звуков буквами. Не знающий языка и алфавита ничего не сможет прочитать и воспроизвести.

Для фиксации эмоций в цвете люди пока не придумали ничего универсального. Может, это и не так плохо. Человек с кистью в руке не связан канонами. Художник свободен в выборе своего цветоязыка, и это справедливо для любого возраста.

Ребенок с малолетства стремится в цвете выразить себя на чем угодно — на бумаге, картоне, стенке или асфальтовой дорожке. И не обязательно кистью или карандашом, можно и мелом, и глиной, пальцем и не одним, можно и ладошкой. Для малыша это игра, увлекательная игра. В ней он абсолютно свободен. Если ему не мешать. Не пытаться подсказать, научить, запретить. Играя цветом, он раскован, он — все может. В игре цветом душа его раскрывается, как бутон. Любое неосторожное замечание родителя, самого важного для ребенка человека, может навсегда отвратить его от этой игры, захватывающе увлекательной и плодотворной. Похвалить и тем поддержать — только этого ожидает малыш. День за днем, играя, он растет в работе, совсем не замечая, что трудится. Возникающее при этом радостное настроение само поведет его в нужном направлении.

Ришард Май доверяет детскому чутью — интуитивному, врожденному чувству гармонии. Каждый человек уникален, это проявляется в его походке, жестах, интонации и тембре голоса, темпераменте, почерке. При свободной и

спонтанной игре цветом у малыша, если ему не мешать, рано или поздно обязательно проявится на бумаге своеобразный изобразительный ход. Заметить этот момент под силу только терпеливому, внимательному педагогу-художнику, как Ришард Май. Заметить и поддержать маленького рисовальщика, похвалить, чтобы малыш почувствовал свою находку, которая со временем может с помощью опытного наставника вырасти в художественный почерк, особенный, самобытный. Умело вести его в нужном направлении — ювелирная духовная работа, посильная далеко не всякому педагогу.

В одном из интервью Ришард Антонович говорил об этом: «Дети — очень тонкий музыкальный инструмент. Немалых трудов стоит научиться прислушаться к тонюсенькому звуку жизни ребенка. Он переживает сам процесс рисования, каждое прикосновение кисточки к бумаге. Посмотрите на его руки в эти минуты, на движения ребенка, какая мощная динамика происходит в эти мгновения. Пока он доносит кисточку с краской до бумаги, столько манипуляций совершает. Он долго рассматривает цвет; он забыл уже, что должен сделать с этим цветом; случайно где-то успел прикоснуться этим цветом к листу — и вдруг обрадовался... У детей все очень быстро происходит. Последующие действия идут от возникших переживаний, почти неосознанных. Они все делают импульсивно и искренне. Важно, чтобы дети делали то, что им нравится. Когда малыш поработал, мое дело похвалить, показать на листе, где у него получилось хорошо и тем самым помочь ребенку запомнить этот момент, зафиксировать в его подсознании. От занятия к занятию у ребенка будет крепнуть понимание, что с помощью красок он может создавать волшебный мир. Это даст ему ощущение самостоятельности, власти над изображением».

Возвращаясь ко времени, когда мои малолетние сыновья появились в студии у Ришарда Мая, хочу привести эпизод одного весеннего занятия, свидетелем которого стал.

— Ребята, отвлекитесь на минутку, посмотрите, кто к нам пожаловал!

— Шмель!.. Шмелик... Какой толстый, пушистый!

— Да-да, он самый. Мы как раз о нем вспоминали недавно. Давайте послушаем его.

В студии стало тихо, слышалось басовитое гудение крылатого гостя.

— Может, он прилетел рассказать нам о чем-то своем?

— Нет, шмель захотел посмотреть, как мы рисуем.

— Он хочет напомнить нам о лете...

— Жалуется, что солнце пригрело, а цветов еще нет.

— Он увидел Катины цветы и бабочек и залетел.

Шмель поднялся к потолку и блуждал между ламп, ударяясь о кольца светильников и недовольно ворча.

— Надо выключить свет, а то он крылья сожжет.

— Пожалуй, ты прав, Андрей, — поддержал мальчика Ришард Антонович, щелкнул выключателем и, подойдя к окну, пошире раскрыл его. — Так он скорее найдет обратный путь.

Шмель улетел. А дети, возбужденные его визитом, стали вспоминать, когда услышали впервые этой весной песню жаворонка, кто первым видел бабочку, как распушилась верба и вздулись липкие почки на тополях и каштанах.

— Вот и прекрасно, видите, сколько примет весны! — резюмировал Ришард Антонович Май. — Отдохнули, послушали шмелика, а теперь вернемся к своим работам.

Студийцы готовились к большой весенней выставке в Заславле...

Выставки, сколько их было за годы работы студии! Городские и республиканские, а когда-то еще и всесоюзные, в крупнейших кинотеатрах, в домах и дворцах культуры, во Дворце искусств на Козлова. В 2007 году Национальный художественный музей Республики Беларусь показал минчанам и гостям столицы экспозицию работ художника Ришарда Мая и его студийцев. Картины студии Мая

демонстрировались в разные годы в Заславле, Борисове, Молодечно. С помощью Ларисы Черниной из Фонда помощи детям Чернобыля появились спонсоры в Голландии, которые на протяжении нескольких лет выставляют работы студийцев Мая в Амстердаме, Тилбурге, Роттердаме, Ассенделфте и других городах страны. Фонд какое-то время выплачивал небольшую стипендию двум десяткам студийцев. По приглашению других спонсоров художник вместе с несколькими детьми выезжал на пленэры в Германию и Польшу. Фирма «Хенкель» финансировала издание первого большого альбома детских работ.

Более десяти лет значительную спонсорскую помощь студии оказывает белорусско-германский таможенный терминал «Доминик»: изданы прекрасные альбомы студийных работ, большая коллекция детских картин украшает офис терминала.

Активно участвует студия в ежегодных международных конкурсах детского рисунка. Об этом свидетельствуют многочисленные почетные дипломы. Например, в 2013 году дипломы получили Амели Нестрович, Оля Кужелева, Арина Попсуй, Валерия Федоренко, Анастасия Сидяшкина, Лиза Казённова, Валерия Дрибас. В студии можно увидеть дипломы из Москвы, Люксембурга, Лидицы, польского Жешува, а также с конкурсов, проводившихся на Мадагаскаре и в Анголе, в Нидерландах и Германии, в Бельгии и Чехии. А четырехлетняя Амели была награждена поездкой вместе с родителями во Францию.

Когда в Минске на весенней Неделе джаза филармония устроила персональную выставку живописных картин Ришарда Мая, слушатели концертов искренне удивлялись, как художнику удается на своих полотнах красками найти достойный эквивалент музыкальным композициям. Живопись Мая настолько гармонична, что аналогии с музыкой напрашиваются сами.

По мере работы с детьми менялся и собственный стиль письма художника. Внимательно наблюдая за каждым ребенком в студии, он также пытливо изучал самого себя. Ему все интереснее было живописно проследить рождение, развитие и выплеск эмоции. На мольберте рождались не сухие, рассудочные построения, а живые мажорные откровения, проникнутые любовью ко всему миру. Умело выстроенные в экспозиции, картины Ришарда Мая звучали все больше, как концерты Моцарта или сюиты Баха. Родство живописи и музыки прослеживается даже в названиях полотен: «Мерцающие звуки», «Музыка ветра», «Ноктюрн», «Падение вод», «Вечерняя песня». Более того, родились циклы «В блюзовых тонах», «Джаз в живописи».

Иногда, как бы оправдывая сюжетную нескованность картины, автор названием отсылает зрителя к сновидениям («Полуденный сон», «Сон о сне», «Прерванный сон») или к своеобразным играм («Игра во время», «Игра в архитектуру», «Круговой драйв», «Игра во Фреску»).

Конечно, не обошлось в названиях без любимых художником бесчисленных вариаций цвета: «Зимняя патина», «Равновесие», «Пульсация красных», «Световой драйв», «Мираж».

Но чаще все-таки довольно точное соответствие душеному состоянию: «Созерцание», «Безмолвие», «Предчувствие», «Метаморфозы», «Весенняя грусть».

В последние годы у Ришарда Антоновича все больше картин малого формата, их несколько десятков, все в рамах, нигде не выставляет, не продает. Показывает только близким друзьям. Смеется, когда за это называю его «скупым рыцарем». Похоже, эти миниатюры — сокровенное художника, они подобны слепкам состояний музыкальной души художника, как сонаты Шопена или Рахманинова.

Четыре десятка лет, полжизни, посвятил детям художник Ришард Май.

«Помочь каждому идти своим путем...» Ришард Антонович убежден, что художественное воспитание должно быть строго индивидуальным. Об этом он говорит, беседуя с журналистами, выступая в Институте усовершенствования учителей (теперь Минский городской институт развития образования). Радуется, когда об этом же находит созвучное в книгах известного в музыкальном мире воспитателя молодых дарований Синити Судзуки. О том же самом была его убежденная речь на семинаре в одной из школ Минска, где была устроена персональная выставка студийца Платона Зиновьева, ученика «нулевого» класса. Некоторые учителя, ссылаясь на существующие программы, пытались оспаривать возможность такого индивидуального подхода. Доводы Ришарда Мая убеждают потому, что они подкреплены делом, успешной работой с детьми, горячей верой в ее необходимость и важность. Не случайно, наверное, бывшие студийцы, поступив в специализированную художественную школу, частенько по-прежнему наведываются в студию: видно, хорошо там работается.

Интересно было бы проследить дальнейшую судьбу каждого студийца. Некоторые стали художниками, теперь уже их дети и даже внуки занимаются в Центре у Ришарда Антоновича. Светлана Омельченко успешно окончила Белорусскую государственную академию искусств, Полина Кузьмина — студентка этой Академии, а Диана Приходовская, став мамой троих малышей, заканчивает там обучение. Андрей Брасс — выпускник Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, Екатерина Макаревич окончила Академию управления при Президенте РБ, Маша Рыборова учится в Институте современных знаний им. А. М. Широкого, Маша Козвун — студентка Белорусского государственного университета культуры и искусств, а Александра Поваркова, окончив этот университет, теперь ведет художественную студию. Наташа Карасёва избрала темой своего диплома в Белорусском государственном технологическом университете проектирование художественного альбома о студии Мая, а ее мама издала этот альбом.

На очередные каникулы приехал к родителям в Минск Алексей Язвинский, студент Краковского политехнического университета. Когда-то четырехлетнего Алешу привел в изостудию его папа Леонид, и вместе они оба ходили на занятия 14 лет. Когда мальчику было девять, папа купил масляные краски, и с тех пор Алексей пишет маслом. В студии бережно хранятся четыре большие работы девятилетнего Алеши, они покоряют гармоничным совершенством, цветовой музыкальностью. Невозможно поверить, что это первые работы маслом, и автору только 9 лет, что подтверждается его автографом на картинах. В этот приезд сына Леонид вместе с Алексеем и его девушкой навестили Ришарда Антоновича в студии, встретились, как давние друзья. Алексей рассказал, чему учат будущих архитекторов в Кракове, и как прошлой весной, после перерыва в три года, его неудержимо потянуло к живописи. Пишет по-прежнему маслом, на форматах поменьше, чем в студии. Получив в подарок студийные альбомы, где есть и его рисунки, обещал Маю через отца переслать фотографии нынешних своих работ. Ришарду Антоновичу это по-прежнему интересно.

С точки зрения рецензента

В погоне за сенсацией, или Опять об убийстве Вильгельма Кубе

Пожалуй, ни о чем в истории Беларуси периода Великой Отечественной войны не написано в разных странах мира столько работ, сколько о нацистском генеральном комиссаре Беларуси Вильгельме Кубе. В нашей республике в 2007 году вышла в свет книга Вячеслава Селеменева и Виктора Шимолина «Охота на палача», в 2011—2012 годах опубликовано историко-документальное эссе Анатолия Валахановича «Забойства Вільгельма Кубэ. Міфы, легенды, рэальнасць» в газете «Новы час» (2011—2012).

В 2013 году в издательстве «Харвест» вышла в свет книга Олега Усачева «Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе». Если «Охота на палача» содержит 288 страниц, то рецензируемая книга — ...368 страниц.

В аннотации этого издания отмечается, что оно предназначено для широкого круга читателей. И у этого «широкого круга» сразу возникает вопрос: «Что же нового и ценного в этой книге? Чем она отличается от предыдущих книг и работ по этой теме?»

Во-первых, в ней действительно собран и детально проанализирован обширный фактический материал о подготовке убийства и о самом убийстве Вильгельма Кубе.

Во-вторых, в книге «Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе» приведены малоизвестные факты из истории партизанского движения на территории Беларуси в 1943 году, о деятельности немецкой оккупационной администрации и нацистских спецслужб.

В-третьих, в ней дополнены биографические данные Вильгельма и Аниты Кубе, Елены Мазаник, Марии Осиповой, Надежды Троян, Карла Кляйнюнга и других участников тех драматических событий сентября 1943 года.

В-четвертых, в рецензируемом издании использованы труды ряда современных немецких историков.

В-пятых, в отличие от большинства работ по данной тематике, О. Усачев шире использовал фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

В-шестых, на стр. 293—359 автор книги приводит множество фотографий, многие из которых неизвестны или малоизвестны широкому читателю.

В-седьмых, заслуживает внимания версия автора о необходимости и целесообразности убийства В. Кубе.

Несмотря на ряд достоинств, рецензируемая книга не лишена ряда серьезных недостатков.

Во-первых, если на обложке книги написано: «Книга-сенсация!», то читатель ждет этой сенсации и, прочитав ее, задает себе вопрос: «Так в чем же сенсация?»

А ответа он не находит, потому что большинство вопросов, которые затрагивает Олег Усачев, в той или иной степени получили освещение в нашей литературе и средствах массовой информации. Поэтому читатель ждет краткого историографического обзора по этой проблеме и формулировки точной цели, которую поставил перед собой автор книги.

Во-вторых, первая часть книги носит название «Белые пятна в истории убийства генкомиссара Беларуси Кубе». Но широкий читатель, ознакомившись с ней, так и не поймет, что это за «белые пятна». В изложении О. Усачева они сводятся к описанию английской мины, от взрыва которой погиб Кубе, к фальсификации отчетов немецкого следствия о его смерти и утверждениям ряда немецких историков, что уничтожение Кубе — это «инсценировка СС, знавших о подготовке его убийства партизанами и подпольщиками, но не препятствовавших этому» (первым эту версию почти четверть века тому назад — в 1989 году — выдвинул польский историк белорусского происхождения Юрий Туронок. — **Э. И.**).

Тех, кто не читал рецензируемой книги, интересует ответ на вопрос: «А о чем еще пишет Олег Усачев в этой части?» Назову названия параграфов этой части: «Айнзатцгруппы», «Гитлер в Беларуси» «Управление начальника СС и полиции по Беларуси», «Полиция охраны правопорядка», «Немецкий гарнизон в Минске». Следует отметить, что почти все содержание этих параграфов нельзя назвать «белыми пятнами» и их ликвидацией.

Выявляется, что автор книги недостаточно хорошо знаком с литературой по вопросам, которые он освещает зыбкость его аргументов и категоричность его утверждений.

Так, на стр. 9—10 он категорически утверждает: «Э. Иоффе в своей статье (далее идет ссылка на мою статью «Гитлер в Брестской крепости», опубликованную в пятом номере журнала «Милиция Беларуси» за 2010 год. — **Э. И.**) упоминает, что 4.07.1941 г. Гитлер лишь пролетал над Минском. 3—4.08.1941 г. он находился в Старо-Борисове (....), где участвовал в совещании штаба группы армий Центр (обычно это слово исследователи пишут в кавычках. — **Э. И.**). Иоффе не упоминает, как туда добирался главный нацист, но упоминает, что осенью 1941 года Гитлер пролетал и проезжал через Беларусь, следуя в Красное под Смоленском. Это *не исключает* (курсив мой. — **Э. И.**) возможность кратковременного (несколько часов) его пребывания в Минске...»

Далее он уточняет, что 13.03.1943 г. Гитлер был не в Минске, а в пригороде Смоленска — Красный Бор, не поясняя, как он туда добрался.

«Иоффе полагает, что Гитлер не приезжал в Минск, и использует для обоснования своих утверждений малоубедительные доводы: результат просмотра газет (Minsker Zeitung и др.) и беседы с Е. Мазаник. Даже Кубе она (как и Абакумов, Берия, Меркулов, Цанава) ошибочно называла генералом.

Иоффе не отметил, что в Минске общедоступны не все номера издаваемых оккупантами печатных изданий. Часть из них хранится в закрытом фонде, а получившие туда доступ лица не имеют права публиковать в открытой печати сведения из этих материалов. В интернете недавно были опубликованы фотоснимки Гиммлера у Оперного театра и в картинной галерее. Часть немецких газет в наших архивах не сохранилась. В издаваемых немцами газетах по разным причинам отсутствуют сведения о

посещении Минска нацистами и более низкого ранга».

В-третьих, если на отдельных страницах книги прослеживается стремление к объективности рассмотрения изучаемой проблемы, то в целом красной нитью по всему изданию проходит стремление автора идеализировать личность и деятельность Вильгельма Кубе, показать его с лучшей стороны.

На основании отдельных высказываний генерального комиссара Беларуси о необходимости изменения отношения к некоторым евреям, депортированным в Минск из Германии, и факта спасения им одного немецкого еврея — Карла Левенштайна, О. Усачев пытается подвести читателя к выводу, что В. Кубе не был антисемитом.

О. Усачев утверждает: «Известно, что с подачи Л. Цанавы Кубе называют «палачом» белорусского народа. Аналогичного звания «палач Прибалтики и Беларуси» не был удостоен даже бывший помощник депутата Кубе, а затем и непосредственный начальник — рейхскомиссар Остланда гауляйтер Г. Лозе. Кубе был обязан согласовывать с Лозе свою политику и даже издаваемые приказы для гражданского населения Беларуси. Не называют палачами и генкомиссаров Эстонии, Латвии, Литвы. Об организации на них покушений историкам ничего неизвестно.

...Для обоснования необходимости убийства «палача белорусского народа» Кубе (даже более жестокого Коха никто не называл палачом украинского народа) советская пропаганда бесполезный приказ Сталина подменила решением мифического суда народа, не указывая время, место и состав суда...

Для повышения ценности головы Кубе только у нас ему умышленно присвоили:

... — назвали организатором нацистского террора в Беларуси, хотя историки не нашли ни одного соответствующего приказа Кубе» (стр. 290—291).

Автор книги сделал голословное утверждение, потому что историки нашли не один, а ряд приказов Кубе о расстрелах мирного населения, а также документальные свидетельства его деятельности, как одного из организаторов нацистского геноцида населения на территории генерального округа «Беларусь».

Приведем только несколько примеров, подтверждающих, что В. Кубе был одним из организаторов нацистского террора на территории генерального округа «Беларусь». Он приступил к своим обязанностям в Минске 1 сентября 1941 года. В тот же день появилось его обращение (и одновременно приказ. — **Э. И.**) к жителям генерального округа:

«ЖЫХАРЫ ГЕНЕРАЛЬНАГА
АБШАРУ БЕЛАРУСІ!
Мужчыны й жанчыны!

Ад 1-га верасьня 1941 году. На загад майго Правадыра АДОЛЬФА ГІТЛЕРА, я ўзяў на сябе цывільнае кіраўніцтва ў абшары Беларусі, перададзенай нямецкаю вайсковаю ўладаю пад ведама Дзяржаўнага Камісара Ўсходняга Абшару.

...Для ажыццяўленьня забясьпечанага кіраўніцтва, канечна, патрэбна яшчэ раз запратрабаваць ад жыхароў Беларусіі ў адпаведнасьці з ранейшымі загадамі нямецкай вайсковай улады здаць да 1-га кастрычніка 1941 г. усю дагэтуль знойдзеную або яшчэ прыхаваную зброю ці амуніцыю...

Хто зараз жа ня выканае майго загаду і ў яго пасьля 1-га кастрычніка будзе знойдзна якая-небудзь зброя ці амуніцыя, БУДЗЕ РАССТРАЛЯНЫ. Таксама будуць расстраляныя тыя, што ведаюць пра наяўнасьць зброі ці амуніцыі і не паведамляюць безадкладна пра гэта ў вышэйпамяненыя ўстановы...

Генеральны Камісар Беларусі
ВІЛЬГЕЛЬМ КУБЭ»

(Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. Автор-сост. Р. А. Черноглазова — Мн., 1999. С. 49).

В сентябре 1941 года Кубе подписывает текст воззвания «К жителям Белоруссии!» В нем были такие строки: «Лица гражданские, которые в ограниченное время без уважительной причины будут встречены на

улице, будут сейчас же военным судом расстреляны. Для посещающих театр и другие культурные учреждения выйдет особый приказ» (Библиотека Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). Коллекция листовок).

Бывший начальник полиции порядка в генеральном округе «Беларусь», генерал-майор полиции и бригаденфюрер СС Эбергард Герф в ходе судебного процесса над немецкими военными преступниками, проходившем в Минске в январе 1946 года, показал, что в январе 1942 года Кубе говорил ему: «Следует быть жестоким к советскому населению и не размышлять — расстреливать или не расстреливать... надо расстреливать» (НАРБ. Ф. 4. Оп. 29. Д. 112. Л. 192).

Тот же Э. Герф свидетельствовал на этом процессе: «...Кубе был старым товарищем Гитлера по борьбе за власть. Он особенно точно и упорно проводил в жизнь решение Гитлера об уничтожении евреев. Кубе вопрос уничтожения евреев все время старался провести в жизнь как можно лучше. Он считал, что в то время число уничтоженных евреев — 41000 — было совершенно недостаточно.

...Я забыл показать о расстреле евреев, который происходил следующим образом. Гаулейтер Кубе приказал мне и майору Бенцку (начальнику охранной полиции. — **Э. И.**) явиться в минское гетто. Я прошел с Кубе по лагерю. И он рассказал мне о предстоящем уничтожении этого гетто. На мой вопрос, в какой форме выразится участие полиции в уничтожении евреев, Кубе ответил, что моя задача сводится к внешней охране гетто. Он сказал, что я должен рассчитать, сколько сил необходимо для организации этой охраны. Высказывание Кубе было сделано в форме приказа в присутствии Бенцку. Когда уже началось уничтожение гетто, Бенцку спросил, что он должен делать. Я сказал ему, что нужно делать так, как приказал Кубе» (Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15—29 января 1946 года). Мн., 1947. С. 207, 211—212).

Таким образом, есть основания заключить, что сотни тысяч расстрелянных в сентябре 1941 — сентябре 1943 года мирных жителей — белорусов, евреев и представителей других этносов на территории генерального округа «Беларусь» — это результат деятельности не только руководителей управления полиции безопасности и СД по Беларуси и других ведомств Гиммлера, но и В. Кубе.

И еще. Когда мы сравниваем деятельность генерального комиссара генерального округа «Беларусь» В. Кубе с его коллегами — генеральными комиссарами Литвы, Латвии и Эстонии, не следует забывать о неизмеримых жертвах белорусского народа в 1941—1943 гг., которые в процентном и количественном отношении превосходят жертвы литовского, латышского и эстонского народов в этот период.

В конце концов О. Усачев на стр. 291—292 сам вынужден признать: «За годы немецкой оккупации в Минске и его окрестностях было уничтожено много тысяч советских граждан (около 400 тысяч человек. — **Э. И.**). В Беларуси погиб каждый третий, а в некоторых партизанских районах Беларуси — каждый второй. Сам Кубе полагал, что в любом случае часть ответственности за уничтожение жителей Беларуси лежит и на нем как на главе гражданской оккупационной власти».

В-четвертых, рецензируемая книга нередко содержит сомнительные факты, различные ошибки, не говоря уже о передергивании фактов, точнее приписывание другим исследователям того, чего у них нет. Так, на стр. 6 автор утверждает, что в Минск наведывался и «крестный отец СС» (1925—1945) Герман Геринг. Считаю этот факт сомнительным, хотя О. Усачев ссылается на сайт Ирвинга, посвященный Гиммлеру. Мои многолетние поиски пребывания Геринга на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны привели только к установлению факта, что Герман Геринг сопровождал Адольфа Гитлера во время его посещения вместе с Муссолини Брестской крепости 26 августа 1941 года. Что касательно пребывания его в Минске

возле театра, то не исключаю искусного фотомонтажа.

«По этим, хорошо известным Иоффе причинам, его утверждение об отсутствии упоминаний в немецкой прессе о посещении Гитлером Минска малоубедительны. К тому же пресса обычно освещала только конечную цель кратковременных поездок Гитлера. Можно полагать, что этот вопрос требует дальнейшего изучения».

Автор этих строк согласен только с мыслью О. Усачева о необходимости дальнейшего изучения этого вопроса.

К сожалению, Олег Усачев не знаком с книгой автора этих строк «Когда и зачем Гитлер и другие высшие чины нацистской Германии приезжали в СССР?», которая вышла в свет в том же издательстве «Харвест» в 2010 году объемом в 512 страниц. Первый раздел этой книги носит название «Адольф Гитлер» (стр. 6—114). В нем имеются параграфы «Гитлер в Борисове» (стр. 9—24), «Гитлер в Брестской крепости» (стр. 27—33). Один из параграфов этого раздела носит название «Был ли фюрер в Минске?» (стр. 33—36).

В отличие от О. Усачева я не погнался за дешевой сенсацией, хотя возможность сделать ее у меня была, причем с авторитетной ссылкой на труд немецкого военного историка, бывшего офицера вермахта Вернера Хаупта. В своей книге «Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта» (М., 2006. С. 230) он отмечает: «В тот же день (речь идет о 13 марта 1943 года. — **Э. И.**) Гитлер с новым начальником Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Цайтцлером (Цейтцлером. — **Э. И.**) прибыл в штаб группы армий («Центр» — **Э. И.**) в Минск, чтобы отдать соответствующие распоряжения. Это была последняя поездка верховного главнокомандующего на Восточный фронт».

К этому времени, точнее к 2010 году, я уже более 20 лет занимался исследованием этой темы. И я сразу же увидел две ошибки, допущенные известным немецким военным историком. Дело в том, что у меня уже были достоверные свидетельства и документы, что в этот день — 13 марта 1943 года — Гитлер побывал в пригороде Смоленска — Красном Бору, где в то время находился штаб группы армий «Центр».

В мемуарах адъютанта Гитлера Николауса фон Белова есть такие строки: «19 февраля (1943 года. — **Э. И.**) мы снова уже снова появились в обжитой ставке в Виннице, где пробыли почти четыре недели, до 15 марта...

13 марта (1943 года. — **Э. И.**) Гитлер вылетел обратно в Растенбург. Потом он посетил штаб-квартиру группы армий «Центр» под Смоленском и имел долгую беседу с ее командующим фельдмаршалом фон Клюге» (Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С. 408).

8 сентября 1943 года Гитлер прибыл в Запорожье, в штаб группы армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. По некоторым данным, осенью 1943 года Адольф Гитлер тайно приезжал в Витебск. Таким образом, пребывание фюрера в Красном Бору 13 марта 1943 года не было его последней поездкой на Восточный фронт.

Что касается автора этих строк, то он в 2010 году мог стать автором так называемой сенсации о посещении Гитлером Минска 13 марта 1943 года и сослаться на труд известного немецкого военного историка Вернера Хаупта, но он не пошел на это, так как это было бы настоящей фальсификацией истории.

На стр. 19—20 О. Усачев подчеркивает:

«После поспешного и тайного бегства в ночь с 24 на 25.6.1941 г. из Минска партийных и государственных органов Беларуси в руки СД попал партийный архив (сейчас он находится в областном архиве), архивы НКВД, военкоматов и др., что в значительной степени облегчило работу СД. Например, при проверке документов у местного населения немецкие патрули обращали внимание на серию и номер паспорта, т. к. обладали сведениями о последних законно выданных документах».

Здесь же дается ссылка на две мои статьи: «Горькая правда эваку-

ации» (Рэспубліка, 2010. 14 жніўня, с. 7) и «Невядомыя старонкі эвакуацыі» (Звязда, 2010. 15 верасня, с. 3). Во второй из этих статей есть строки, автором которых является военный историк Ирина Воронкова: «У рукі немцаў, якія ўвайшлі праз некалькі дзён у горад (Мінск. — **Э. И.**) трапілі амаль усе мабілізацыйныя справы БССР, а таксама ўсе справы, што датычыліся дзяржаўнага кіравання, у тым ліку: спісы членаў урада і іх сем'яў, кіруючых работнікаў ЦК ЛКСМБ, найважнейшых дзяржаўных структур».

Читатель может наглядно убедиться, что в этих строках нет даже упоминания о партийных архивах и архивах НКВД, подавляющее большинство которых благополучно эвакуировали.

Далее автор книги пишет: «Полковник КГБ, бывший помощник начальника штаба по диверсиям, П. Пономаренко, профессор, доктор военных наук и преподаватель учебных заведений КГБ И. Г. Старинов в одном из своих интервью (для альманаха «Вымпел» и «Арман») отмечал...» (стр. 35).

Здесь допущены сразу несколько ошибок. Во-первых, И. Г. Старинов не был полковником КГБ, а просто полковником Красной армии, а затем Советской армии (между прочим, КГБ был создан только в 1954 году. — **Э. И.**), также как он не был помощником начальника Центрального штаба партизанского движения (О. Усачев даже не указывает, какого штаба. — **Э. И.**). Во-вторых, на самом деле он являлся заместителем начальника Украинского штаба партизанского движения по диверсионной работе. В энциклопедических и справочных изданиях констатируется, что И. Г. Старинов был кандидатом технических наук, а не доктором военных наук.

На стр. 73 автор книги называет И. Старинова следующим образом: бывший начальник Высшей оперативной школы особого назначения Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), помощник начальника штаба по диверсиям (у П. Пономаренко), еще в 30-е годы ставший кандидатом технических наук, а после войны профессор, доктор военных наук, преподаватель Высшей школы КГБ в Балашихе, Академии МВД им. Фрунзе и др. учебных заведений полковник ГБ. Не буду повторять все фактические ошибки и неточности, допущенные О. Усачевым. Отмечу только, что 13 июля 1941 года нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко назначил начальника оперативно-инженерной группы Западного фронта полковника И. Г. Старинова по совместительству начальником первой фронтовой партизанской школы, которая официально называлась оперативно-учебным центром Западного фронта.

Разве может автор книги «присвоить» Академии МВД имя Фрунзе, которое носила долгие годы прославленная Военная академия — кузница командных кадров Советской армии?

На стр. 20, 131 и др. О. Усачев ссылается на работы доктора исторических наук А. Ю. Попова, написанные в 2001 и 2004 годах. В то время он был кандидатом юридических наук. Поэтому, на мой взгляд, будет более правильно указать, что их автор — кандидат юридических наук.

Автор книги подчеркивает, что архив минского СД сохранился и находится в Центральном архиве КГБ РБ, но его до сих пор полностью не успели разобрать (стр. 110). Честно говоря, я сомневаюсь в истинности этого сообщения.

На стр. 287 один из авторов книги «Охота на палача» В. Шимолин назван кандидатом педагогических наук. В действительности, он является кандидатом филологических наук.

О. Усачев дважды употребляет выражение «Праведник мира» и отмечает, что позиция Кубе «не дает морального права считать его достойным» этого почетного звания. В чем здесь ошибка? Правильное написание этого почетного звания — «Праведник народов мира» (стр. 288).

В-пятых, в рецензируемой книге допущено множество повторений. И хотя Д. А. Тарас значится редактором книги, а на титульном листе отмечено, что она вышла под его общей редакцией, у читателя складывается впечатле-

ние, что редактор книги отсутствует. Автором этих строк прочитаны сотни книг, и нигде он не встречал столько повторений.

Приведу только два примера. Это материал «Белорусские арийцы» (стр. 23—24) и материал «Арийцы в Беларуси» (стр. 165—166). Почти две страницы слово в слово. И еще. Советую читателям сверить два материала: «Мина, Троян и Калита» (стр. 89—96) и «Месть Золотаря» (стр. 229—237) и они обнаружат много повторений.

К сожалению, автор книги, кроме историко-документального эссе А. Валахановича «Забойства Вільгельма Кубэ», не использовал еще много работ белорусских историков, в том числе статью профессора БГУ, доктора исторических наук В. К. Коршука «Вильгельм Кубе и Беларусь» (Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», Мн., 2002. С. 78—83).

На отдельных страницах книги (стр. 48, 112 и др.) допущено немало опечаток.

Несмотря на все перечисленные недостатки, рецензируемая книга — нужная и полезная. Она найдет своего читателя. Это издание подталкивает исследователей к новым научным поискам.

В сентябре 2013 года редакция журнала «Беларуская думка» организовала «круглый стол», посвященный 70-летию со дня убийства В. Кубе. В нем приняло участие четыре белорусских исследователя, в том числе и автор этих строк. Материалы этого «круглого стола» были опубликованы в десятом номере данного журнала за 2013 год под названием «Прысуд Радзімы выкананы... Гісторыкі абмяркоўваюць таямніцы забойства Кубэ».

Поиск «белых пятен» по этой интересной проблеме продолжается.

Эмануил ИОФФЕ

События

И в замке музыка звучала…

Все больше приживается у нас замечательная европейская традиция проведения концертов классической музыки и театральных представлений в формате open-air — под открытым небом. Проходят они, как правило, в местах, овеянных богатой историей — в старинных городах и замках. Мировую известность получили оперный фестиваль в Аванше и Солотурне (Швейцария), фестиваль имени Джакомо Пуччини в Торре дель Лаго (Италия), Сигулдский фестиваль в Латвии и им подобные музыкальные встречи в других европейских странах, на которые съезжаются меломаны со всего мира.

Не остался в стороне от мировых тенденций и наш Национальный академический Большой театр, который уже на протяжении пяти лет проводит в Несвиже выездной фестиваль «Вечера Большого театра в замке Радзивиллов». Это совместный проект театра и музея-заповедника «Несвиж», который стартовал в 2010 году, когда в Несвижском замке завершалась реставрация.

Понятно, что для проведения этого фестиваля Несвиж был выбран не случайно. Этот город — один из древнейших культурных центров Беларуси, колыбель национального зодчества, образования и культуры, литературы и книгопечатания, художественного творчества. Как известно, здесь, в резиденции Радзивиллов, были основаны первые на территории Беларуси певчая капелла, придворный оркестр и театр. И первые профессиональные образцы оперного и балетного искусства появились именно здесь.

Особую известность в середине XVIII века получил несвижский театр Франтишки Уршули Радзивилл — жены IX ордината Несвижского Михала Казимира Радзивилла «Рыбоньки» и матери X ордината Несвижского Кароля Станислава Радзивилла «Пане Коханку», который в дальнейшем активно поддерживал деятельность придворного театра, приглашая из Европы известных капельмейстеров, хормейстеров, балетмейстеров и расширяя состав капеллы, оперной и балетной трупп.

Сама Уршуля Радзивилл была талантливым литератором — писала пьесы на польском языке, переводила французские комедии и трагедии, сочинения античных авторов, создавала либретто опер. Репертуар несвижского театра в основном состоял из ее оригинальных произведений. Она считается первой женщиной-писателем Польши и Беларуси. В Музее книги Национальной библиотеки хранится раритетное издание — сборник комедий и трагедий Уршули Радзивилл (*«Komedye y Tragedye»*, Nieśwież, 1754), отпечатанный в радзивилловской типографии.

В замке был устроен специальный театральный зал, но нередко представления давались на так называемой театральной поляне, а зрители размещались на обширном замковом балконе. Существовал и «летний театр» под открытым небом, который располагался в летней резиденции Радзивиллов в старинном парке Альба вблизи Несвижа.

«Радзивиллы зажгли на территории Беларуси огонь европейской культуры, — говорит директор Национального историко-культурного музея-запо-

ведника «Несвиж» Сергей Климов. — Сейчас в новой музейной концепции мы стремимся к возрождению функций замка того времени. И началась эта традиция с вечеров оперного театра».

Уже пять лет подряд фестивальные мероприятия в Несвиже проходят на протяжении трех дней, обычно в 20-х числах июня, начинаясь с традиционной пресс-конференции. Они включают в себя различные концертные программы, творческие вечера солистов Большого театра, наиболее популярные оперные и балетные спектакли и, разумеется, образцы национального музыкального искусства. И проходят эти мероприятия на нескольких сценических площадках: во внутреннем дворе замка, обновленном Театральном зале, Фарном костеле и городской ратуше. При этом не прекращается экскурсионное обслуживание туристов. Примечательно, что многие из них свою поездку в Несвиж приурочивают как раз ко времени проведения «Вечеров Большого театра в замке Радзивиллов». И среди приезжих отмечается все больше гостей из Польши, Литвы, России.

Если в первый год фестиваля партер во внутреннем дворе замка насчитывал 600 мест, то в последующие годы он вырос до 1200. Столько зрителей только за один вечер посещают один из выездных спектаклей театра. Закрытый со всех сторон замковый двор, выложенный брусчаткой, дает хорошую акустику, а внутренние фасады замкового комплекса являются монументальной живой декорацией. В дополнение к этому продуманная подсветка и спецэффекты компьютерной графики придают месту уникальную, чарующе-сказочную атмосферу.

Этот проект, призванный представить наше национальное искусство в мировом историко-культурном контексте, уже обрел свой неповторимый стиль. Каждый год его программа открывает публике новые грани мирового и отечественного музыкального искусства. «Ежегодно вместе с проверенными временем постановками мы везем в Несвиж премьерные спектакли, — отмечает генеральный директор театра Владимир Гридюшко. — На нынешний фестиваль наряду с самой известной и популярной оперой «Кар-

Гала-концерт во внутреннем дворе замка.

В роли Кармен на замковой сцене Оксана Якушевич.

мен» были запланированы без преувеличения «бомбы» последнего балетного сезона: «Серенада» в хореографии Джорджа Баланчина и «Шесть танцев» Иржи Килиана».

Традиционно старт пятому несвижскому фестивалю был дан в Театральном зале замка, отличающемся удивительной акустикой, где с камерной концертной программой выступила солистка Большого театра Татьяна Третьяк в сопровождении виртуозных музыкантов — струнного квинтета «Серенада». Звучали знаменитые старинные романсы и популярные музыкальные композиции разных лет.

Такая прелюдия к большому фестивалю настраивала многочисленных туристов, осматривающих замковые экспозиции, на особый, праздничный лад. И если не все, то подавляющее большинство из них занимали вечером места в партере внутреннего двора замка, где на импровизированной сцене была показана опера «Кармен» Бизе — самая популярная в мире, входящая в репертуар всех оперных трупп. Кстати, именно этой постановкой в 1933 году начал свой первый сезон Театр оперы и балета Белорусской ССР с незабвенной Ларисой Александровской — нашей первой оперной примой — в заглавной партии. За прошедшие десятилетия было осуществлено несколько постановок этого шедевра мировой классики, а в нынешней постановке под управлением маэстро Андрея Галанова в Несвиже блистали сегодняшние звезды белорусской оперы: Оксана Якушевич, Эдуард Мартынюк, заслуженная артистка Беларуси Анастасия Москвина и народный артист Беларуси Владимир Петров.

Традиционно важное место в программе фестиваля занимает национальное академическое музыкальное искусство. И здесь нужно отдать должное заслуженному артисту Беларуси Виктору Скоробогатову, создателю и неизменному руководителю уникального творческого коллектива «Беларуская Капэла», входящему в состав Большого театра. С его именем связана деятельность по разысканию, исследованию и концертно-театральному исполнению произведений белорусской музыки XII—XX веков. Открытые и введенные им в современный культурный обиход сведения и понятия освещают целые периоды из истории национального музыкального искусства и утверждают его истинное значение в общеевропейском классическом наследии. На протяжении всех пяти лет существования фестиваля вклад Виктора Скоробогатова в формирование его программы и содержательной части неоценим, так же как и его просветительская деятельность, направленная на популяризацию национального музыкального наследия.

В нынешнем году второй день фестиваля начинался с концертной программы из произведений Станислава Монюшко, 195 лет со дня рождения которого отмечалось в мае. Этот композитор по праву считается создателем национальной польской оперы, но в то же время трудно переоценить его вклад в становление белорусского музыкального искусства. Вспомним, что именно

в опере Монюшко «Ідылія», созданной на либретто Дунина-Марцинкевича и поставленной в Минске в 1852 году, впервые с оперной сцены зазвучал белорусский язык.

Значительное место в творчестве Станислава Монюшко занимала и религиозная музыка. На протяжении 18-ти лет композитор являлся органистом в костеле Святого Яна в Вильно, и в этот период им был создан сборник органных произведений: «Песні нашага касцёла». Монюшко написал также множество сольных и хоровых произведений религиозной тематики, которые и были положены в основу концертной програмы «З Ойчам адвечным», прозвучавшей в стенах несвижского Фарного костела в исполнении заслуженного артиста Владимира Громова и хора Большого театра под управлением народной артистки Нины Ломанович.

А вечернее представление второго дня фестиваля стало настоящим подарком для ценителей хореографического искусства. На сцене внутреннего двора замка был показан уникальный проект последнего сезона: Вечер балета «Из века XIX в век XXI». В завораживающих хореографических миниатюрах и одноактных балетах зритель мог проследить историю бессюжетного танца в его лучших образцах и увидеть оригинальные постановки современных мастеров, основанные на классике. В программу Вечера были включены знаменитый «Па-де-катр» на музыку Пуни в хореографии Долина, «Праздник цветов в Чинзано» композитора Хельстеда в хореографии Бурнонвиля, «Па-де-сис» из балета «Эсмеральда» Пуни в хореографии Петипа, а также те самые «бомбы» сезона, о которых упоминал генеральный директор театра: «Серенада» Чайковского в хореографии Баланчина и «Шесть танцев» Моцарта в концепции и хореографии Иржи Килиана.

В последний день фестиваля в Театральном зале замка публике было представлено творчество итальянского композитора Антонио Сальери, чье имя овеяно легендами и ассоциируется с одной из маленьких трагедий Пушкина — «Моцарт и Сальери», а также с одноименной оперой Римского-Корсакова, в которых показывается его завистливое соперничество с гениальным Моцартом. А вот собственные музыкальные достижения Сальери публике не столь известны. Восполнить этот пробел и убедиться в незаурядном даровании этого композитора зрители могли, прослушав его комическую оперу «Сначала музыка, потом слова», сюжет которой разворачивается в мире театрального закулисья.

И завершился фестиваль грандиозным гала-концертом звезд оперной и балетной трупп Большого театра, который прошел вечером того же дня на главной сцене — во внутреннем дворе замка. В его программе были представлены популярные арии и дуэты, хоровые и ансамблевые сцены из лучших оперных постановок, а также самые яркие фрагменты, па-де-де, адажио и вариации из известных и любимых публикой балетов.

Среди участников гала-концерта — ведущие солисты балета Людмила Кудрявцева и Антон Кравченко.

В Костеле Божьего Тела — концерт из произведений Станислава Монюшко.

И теперь, по прошествии пяти лет, можно с уверенностью сказать, что и формат, и место проведения этого необычного проекта были выбраны удачно. Не меняя своей сути и приобретая конкретные очертания, фестиваль становится все популярнее и интереснее, потому что его устроители сумели совместить традиции и современность и привлечь этим зрителей. И в следующем году нас ждут очередные «Вечера Большого театра в замке Радзивиллов», которые, в уже ставший традиционным формат, привнесут новые сюрпризы и обязательно новую яркую постановку.

Зоя МАТУСЕВИЧ
Фото Михаила НЕСТЕРОВА.

Память

Страницы военной истории на примере фронтовой прессы: «Красноармейская правда»

Долгие годы по крохам собираю материалы об истории газеты Западного, а затем 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» (сейчас — «Белорусская военная газета»). Как известно, издание выходило, в частности, и на туркменском языке. В Ашхабаде в середине 1980-х гг. мне довелось встречаться с заместителем главного редактора «Гызыл эсгер хакыкаты» (так называлась «Красноармейская правда» на туркменском языке) Аннакули Мамедкулиевым. Издавалась газета с ноября 1942 по июль 1945 года. Кстати, в этот же период выходили и газеты Западного, а затем 3-го Белорусского фронта на узбекском, таджикском, казахском и киргизском языках.

Многие страницы истории туркменской «Красноармейской правды» приоткрывает монография историка Карима Норматовича Норматова «Трибуна боевой дружбы (на примере фронтовой прессы республик Средней Азии и Казахстана)» (Ашхабад, «Туркменистан», 1985 год). Изданная тиражом в 3000 экземпляров, она обращает внимание на многие имена, почти или совсем неизвестные в Беларуси, забытые в контексте истории «Белорусской военной газеты» («Красноармейской правды»).

Одной из первых газет, выходящих в том числе и на национальных языках в Великую Отечественную войну, стала газета «За Родину» панфиловской дивизии (на казахском и киргизском). На туркменском языке издавалось всего пять газет: фронтовая — «Гызыл эсгер хакыкаты» («Красноармейская правда»), бригадная — «Совет ватанчысы» («Советский патриот»), дивизионные — «Туркмен атлысы» («Туркменский всадник») и «Гызыл джигит» («Красный джигит»), окружная — «Фрунзачы» («Фрунзевец»). Фронтовые газеты на языках народов СССР выходили два раза в неделю в половину стандартного формата на четырех полосах. Их тиражи вначале колебались от 5 до 8 тысяч экземпляров, потом стали устанавливаться в одних случаях из расчета одна газета на 5 солдат, в других — одна газета на 10 солдат.

И хотя по исторической хронологии считается, что газета «Гызыл эсгер хакыкаты» существовала с ноября 1942 по июль 1945 года, хотелось бы привести следующее свидетельство старшего политрука Аннамурада Аннанурова (впервые опубликовано в его книге «Из фронтовых тетрадей», Ашхабад, 1972 год): «Честь организации и издания фронтовой газеты выпала на нашу долю. Первый номер нашей газеты «Гызыл эсгер хакыкаты» вышел 31 января 1943 года, а последний — 25 мая 1944 года. Всего за это время мы и выпустили около 90 номеров газеты и 30 листовок.

До конца октября 1943 года редакция газеты состояла из двух человек: с начала организации со мной работал старший лейтенант А. Мамедкулиев... С первого ноября 1943 года прибавился еще один работник — старший лейтенант А. Д. Аннабаев. В марте 1944 года пришли еще двое: старший лейтенант Т. Курбанов и старший сержант С. Джумасахатов. Кроме Джумасахатова, работавшего корректором, все сотрудники редакции имели солидный опыт газетной работы. К сожалению, как сложились судьбы этих людей, пока что не знаю. Что касается старшего лейтенанта Т. Курбанова, то, вероятно, это — Ташли Курбанов, ставший впоследствии видным туркменским писателем...»

Конечно же, главная причина издания газет на национальных языках — политико-воспитательная работа на понятных туркменам, таджикам или киргизам языках. Потому и книги из республик посылались в воинские части, где служили земляки. Потому и некоторые художественные фильмы дублировались на языках народов СССР. Поступали в действующую армию тысячи грампластинок с записями на различных языках.

Встречаясь с фронтовыми агитаторами, работавшими среди бойцов нерусской национальности, 4 августа 1943 года Михаил Иванович Калинин заметил следующее: «Бойцы всех национальностей, представленных в Красной армии, беззаветно защищают свою Родину, дерутся замечательно, проявляют величайшее мужество. Вот этого наши враги никак не ожидали. Раньше они всех наших бойцов считали русскими, а теперь увидели, что бойцы и притом хорошие бойцы, это не только русские, но и туркмены, и казахи, и узбеки, и азербайджанцы и т. д. Война показала, что Советский Союз — единая, дружная семья народов, что у нас такая сплоченность, какой мир еще не видел».

Но вернемся к фронтовой биографии «Красноармейской правды». Вот что пишет К. Норматов: «Национальные фронтовые газеты под руководством ленинской партии воспитывали солдат и офицеров в духе дружбы и боевого сотрудничества. Так, только

в одном номере туркменской газеты «Гызыл эсгер хакыкаты» (3-й Белорусский фронт) этой теме были посвящены заметки сержанта А. Лыгалина «Радист Жариков», корреспонденция журналиста-казаха Г. Абишева о солдате-туркмене «Аймамед Егенджев». Рядовой Н. Фединов рассказал в газете о подвиге украинского парня М. Амеченко. В номере были опубликованы стихи туркменского поэта Р. Сеидова «Письмо матери». Перу капитана А. Аннанурова принадлежит статья «Дружба народов — основа силы и могущества СССР». Под рубрикой «Письма на фронт» национальные военные газеты печатали разнообразные материалы о лучших людях дружной семьи народов СССР, о выполнении производственной программы, о жизни колхозов, фабрик и заводов, о достижениях науки и техники...»

Кстати, уже знакомый нам журналист «Красноармейской правды» Аннакули Мамедкулиев в ответ на письмо-обращение туркменского народа к воинам-туркменам, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны (газета «Правда», 16 апреля 1943 года), сочинил ответ землякам. В 1946 году в переводе на русский язык он был опубликован в книге «Письма с фронта», изданной в Ашхабаде. Вот небольшой фрагмент:

Твое письмо — отцовский твой завет,
Мы на полях сражения прочли.
Прочти и ты солдатский наш ответ,
Как бьемся мы за честь родной земли...
Так мы идем сквозь пуль
смертельный град.

Храня в душе завет священный твой,
Плечом к плечу: победа — наша цель!
Туркмен, узбек и старший русский брат —
Сквозь шквал огня, смертельную метель, —
Мы шлем письмо тебе, народ родной.
В одной руке держа перо, — в другой
Мы держим автомат,
и вновь стремимся в бой!

Газета «Гызыл эсгер хакыкаты» неоднократно писала на тему обращения туркменского народа, публиковала ответы воинов-земляков. И, конечно же, рассказывала о подвигах солдат-туркменов. 18 июля 1943 года газета писала, что Герой Советского Союза, отважный воин Айдогды Тахиров убил 47 фрицев. Или другой пример. Молодой кавалерист из Марыйской области, вступивший на фронте в Коммунистическую партию, Бердымурад Довлетжанов 19 сентября 1943 года на подступах к одному селу, умело маскируясь, подполз к группе фашистских снайперов, которые своим огнем не давали нашему подразделению продвигаться вперед. Б. Довлетжанов уничтожил 11 фашистов и расчистил путь наступавшим. И при закреплении плацдарма на правом берегу Днепра он также самоотверженно действовал. После переправы через Днепр немцы не давали двигаться. Тогда Довлетжанов незаметно подполз к гитлеровцам, уничтожил 12 человек и вывел из строя фашистский миномет.

На работу журналистов редакции туркменской «Красноармейской правды» свое влияние оказывало и то, что читатели национального издания были рассредоточены по армиям, корпусам, дивизиям, полкам на разных участках фронта. Это обстоятельство затрудняло работу. Но все-таки журналисты-туркмены разыскивали земляков и писали о них. Особенно можно отметить Аннакули Мамедкулиева. Везде и во всем он проявлял исключительную старательность, находчивость. Остальные сотрудники тоже не отставали. Итог — содержательные, хорошо оформленные номера газеты.

Вот что пишет в своих воспоминаниях М. Аннануров: «Мы ежемесячно планировали работу газеты. У меня сохранился, в частности, план работы редакции за апрель 1944 года. В нем было предусмотрено выпустить 8 номеров, опубликовать в них 4 передовые статьи. Выделялись также главные тематические направления: 1. Дисциплина, порядок, организованность; 2. Хорошо знать автоматическое оружие; 3. Беседа-читка — основная форма агитационной работы среди бойцов нерусской национальности; 4. «Бить врага по-гвардейски». Кроме того, в плане имелись такие рубрики:

а) в помощь агитатору; б) письма о воинском воспитании; в) в помощь сержанту; г) оперативные материалы; д) обзоры военных действий на фронтах Отечественной войны; е) в Туркменистане; ж) за рубежом; з) вопросы быта; и) комсомол. Этот план дает пусть не полное, но достаточное представление о проблематике выступлений газеты». И далее: «С 31 января 1943 года по 20 мая 1944 года было выпущено 78 (как видите, в воспоминаниях — разночтение: две цифры приводит М. Аннануров: 78 и «около 90» номеров. — **А. К.**) газеты. В 1943 году — 57 номеров ... в 1944 — 21 номер... За это время опубликовано материалов о боевых эпизодах — 303, из них о воинах-туркменах — 69, официальных материалов — 147, пропагандистских материалов — 63, литературных материалов — 30 и др. 52 материала из них получено от бойцов-туркменов».

«Красноармейская правда» в 2011 году уже как «Белорусская военная газета» отметила свое 90-летие. Много было торжественных мероприятий, публикаций в периодике и телевизионных программ. Вспоминались имена большинства сотрудников авторитетного издания. Но вот хотелось бы, чтобы к следующему, 100-летнему, юбилею вспомнили и тот факт, что газета «Красноармейская правда», прародительница «Белорусской военной газеты», издавалась и на других языках нынешних постсоветских государств. В частности — на туркменском.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

ЖДАН (Пушкин) Олег Алексеевич. Родился в 1938 г. в Смоленске (Россия). Окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института и Литературный институт им. М. Горького. Прозаик, драматург, переводчик. Автор многих книг прозы. Живет в Минске.

САЛТУК Олег Владимирович. Родился в 1946 г. в д. Рыженьки Шумилинского района Витебской области. Окончил филологический факультет Могилевского государственного педагогического университета. Автор ряда книг. Лауреат литературной премии им. Владимира Короткевича и премии Белорусского союза журналистов «Золотое перо». Живет в Витебске.

ВАЛЬЕ Николь (Нижнева-Ксенофонтова Надежда Леонидовна). Родилась в Минске. Окончила Белорусский государственный университет им. М. Танка, Республиканский институт высшей школы. Автор сборников новелл «Коллекция», «Диета», «Что нужно для счастья?», «Мульти» и более 80 научных публикаций. Живет в Минске.

ЕВСЕЕВА Светлана Георгиевна. Родилась в 1932 г. в Ташкенте. Окончила литературный факультет Ташкентского педагогического института им. Низами и заочно — Литературный институт им. М. Горького. Автор сборников поэзии «Женщина под яблоней», «Новолуние», «Зову!», «Ищу человека», «Последнее прощание» и др. Живет в Минске.

МИЗГАЙЛО Александр Анатольевич. Родился в 1981 г. в поселке Новозаслоново Витебской области. Окончил факультет прикладной математики и информатики Белорусского государственного университета. Прозаик. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

ЕРЫШЕВА Ольга Петровна. Родилась в 1957 г. в Гурзуфе (Крым). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Печаталась в журналах «Нёман» и «Немига». Автор нескольких книг для детей. Живет в Минске.

КУКУНЯ Владимир Григорьевич. Родился в 1940 г. в Ташкенте (Узбекистан). Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета. Прозаик, публицист, переводчик. Автор сборника рассказов и повестей «Виражи белого грача». Живет в Бресте.

СПАСИБИНА Инна Николаевна. Родилась в 1972 г. в Донецке (Украина). Окончила Полоцкий лесной техникум. Автор поэтического сборника «Обереги». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Гомеле.

ДУГГАЛ Картар Сингх. Родился в 1917 г. в г. Дхамали (современный Пенджаб, Индия). Получил степень магистра искусств в области английского языка в христианском колледже Формана в г. Лахор. Автор более 20 книг. Лауреат многих литературных премий. Умер в 2012 году.

ПРЕМЧАНД Мунши (Дханпатрай Шривастав). Родился в 1880 г. в д. Ламхи, близ Бенареса (Варанаси, Индия). Окончил королевский колледж в Бенаресе. Автор 14 романов и повестей, более 300 коротких рассказов, которые включены в 40 сборников, множества публицистических работ, а также переводов. Умер в 1936 году.

АЮБ Саид (Саид Уззама Кхан). Родился в 1978 г. в г. Кушинагар (Индия). Окончил университет Джавахарлала Неру в Дели. Свободный хинди-урду эксперт, писатель и документалист. Пишет стихи и прозу на хинди и урду. Публикуется в известных литературных журналах и газетах. Живет в Индии.

ПАНДЕЙ Вималь Чандра. Родился в 1981 г. в г. Варанаси (Индия). Окончил факультет журналистики Делийского государственного университета. Поэт, прозаик, киносценарист. Автор сборника рассказов «Страх». Лауреат литературной премии «Навлекхана» («Новое письмо»). Живет в Индии.

КАПУР Анита. Родилась в 1957 г. в г. Ревари (Индия). Окончила Делийский государственный университет. Поэтесса, прозаик, переводчик, журналист. Автор сборников поэзии «Рассыпанный жемчуг», «Кадамбари», «Нетронутые голоса», «Промокшие в росе мечты». Лауреат многих литературных премий. Живет в г. Фримонт (Калифорния, США).

ТУМАНЯН Ованес Тадевосович. Родился в 1869 г. в селе Дсех (Лори, Армения). Получил начальное образование в школе Степанавана , а затем перевелся в школу Нерсесян в Тифлисе (Тбилиси). Выдающийся армянский поэт, прозаик, переводчик, общественный деятель. Автор стихотворений, поэм, легенд, баллад, сказок и др. Умер в 1923 году в Москве.